П 78

ПРОГРЕССИВНАЯ ЛИТЕРАТУРА СТРАН КАПИТАЛИЗМА В БОРЬБЕ ЗА МИР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт мировой литературы
им. А. М. Горького

ПРОГРЕССИВНАЯ ЛИТЕРАТУРА СТРАН КАПИТАЛИЗМА В БОРЬБЕ ЗА МИР

СБОРНИК СТАТЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва — 1952

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ

А. А. ЕЛИСТРАТОВА и А. И. ПУЗИКОВ

ОТ РЕДАКЦИИ

В этот сборник вошли доклады, прочитанные на научной сессии Института мировой литературы им. А. М. Горького Академии Наук СССР, состоявшейся в Москве в октябре 1951 г., и дополненные новыми данными, которые поступали за время, истекшее после сессии.

Большая и важная тема — «Прогрессивная литература стран капитализма в борьбе за мир»,— естественно, не может быть исчерпывающим образом освещена в одной книге. Это — только первый шаг, начало.

В сборнике даются сведения о произведениях, которые были удостоены премий мира на Варшавском Всемирном Конгрессе сторонников мира в 1950 г. и международной Сталинской премии мира в 1951 г., а также о произведениях зарубежных писателей, которые были отмечены, наряду с произведениями советских авторов, Сталинскими премиями в 1952 г.

И. И. Анисимов

В ЗАЩИТУ МИРА

I

Прогрессивная литература — замечательное явление современности. В то время как варварский лагерь империализма и войны умерщвляет культуру и творчество, лагерь демократии и мира стал средоточием великих духовных сил прогрессивного человечества. Перед наукой, искусством, литературой, защищающими дело мира, открываются широчайшие возможности, ибо творчество соединилось здесь с кровными интересами и чаяниями народов.

Подлинной литературой в наше время может быть только литература, защищающая мир. Честные, искренние, правдивые таланты естественно тяготеют к могучему всенародному движению сторонников мира. Мир и творчество, мир и культура стали неразделимыми. Консолидация лучших сил литературы в лагере демократии и мира убедительно свидетельствует о том, что здесь заложено будущее человечества.

Борьба за сохранение мира захватила широчайшие народные массы. Все прогрессивное человечество жизненно заинтересовано в победоносном исходе этой великой борьбы за обуздание агрессивных сил, жаждущих новой войны.

В известной беседе с корреспондентом «Правды», опубликованной 17 февраля 1951 г., И. В. Сталин дал ясную оценку создавшегося положения:

«...в Соединённых Штатах Америки, в Англии, так же как и во Франции, имеются агрессивные силы, жаждущие новой войны. Им нужна война для получения сверхприбылей, для ограбления других стран. Это — миллиардеры и миллионеры, рассматривающие войну как доходную статью, дающую колоссальные прибыли.

Они, эти агрессивные силы, держат в своих руках реакционные правительства и направляют их. Но они вместе с тем боятся своих народов, которые не хотят новой войны и стоят за сохранение мира. Поэтому они стараются использовать

реакционные правительства для того, чтобы опутать ложью свои народы, обмануть их и изобразить новую войну, как оборонную, а мирную политику миролюбивых стран, как агрессивную. Они стараются обмануть свои народы для того, чтобы навязать им свои агрессивные планы и вовлечь их в новую войну» [1].

В свете этих мудрых сталинских слов вырисовывается все огромное историческое значение всенародного и всемирного движения сторонников мира. Сплачивая народы для отпора кровавым замыслам врагов человечества, срывая маску с поджигателей новой войны, содействуя росту сознательности масс, движение сторонников мира вырастает в великую силу.

Преступная война, которую американские империалисты ведут против корейского народа, применение бактериологического оружия, на что не решалась даже гитлеровщина, кровавая расправа в лагерях для военнопленных на острове Кочжедо — вызывают возмущение широчайших масс. Все новые миллионы простых людей поднимаются на защиту великого дела мира. Происходит несокрушимая консолидация сил демократии и мира.

В авангарде борьбы за мир и безопасность народов идет великий Советский Союз — знаменосец мира во всем мире. Вместе с могучим советским народом за мир стоят свободные народы стран народной демократии, с энтузиазмом строящие новую жизнь, и среди них — великий китайский народ.

В тех странах, где еще господствует капитализм, никакие репрессии, которыми поджигатели войны пытаются подавить возмущение масс, не могут остановить ширящееся движение сторонников мира. Миллионы и миллионы простых людей твердо решили сохранить мир и дать отпор кровавым поджигателям войны.

История еще не знала такого движения, как современное движение сторонников мира, величайшей силой и особенностью которого является его подлинная всенародность. Огромные массы пришли в движение. Все честные люди на земле возмущены преступной деятельностью врагов мира.

Сотни мильонов людей на свете
Подали руки друг другу, и эти
Руки не разорвать! [2]

(Перевод Н. Разговорова)

[1] И. В. Сталин. Беседа с корреспондентом «Правды», Госполитиздат, 1951, стр. 13.

[2] Луи Арагон. Песня Орадурского каравана мира. Сб. «Поэты мира в борьбе за мир». Гослитиздат, 1951, стр. 321.

С каждым днем укрепляется и расширяется фронт мира, не имеющий географических границ и охватывающий все страны и континенты.

Массовые народные выступления в защиту мира, подобные отказу докеров во многих странах Европы выгружать американское оружие или возмущенному протесту трудящихся Франции, заставивших реакционное правительство освободить из тюрьмы Жака Дюкло и Андрэ Стиля, арестованных по приказу американских оккупантов, конгрессы и конференции в защиту мира, собирающиеся повсюду,— убедительно свидетельствуют о том, насколько широкий отклик находят лозунги мира и свободы в сердцах простых людей, насколько возросли сознательность масс и их решимость отстоять дело мира.

Огромный успех исторического Стокгольмского Воззвания, всколыхнувшего широкие массы, более шестисот миллионов подписей, поставленных под Обращением Всемирного Совета Мира о заключении Пакта Мира между пятью великими державами,— свидетельствуют о неуклонном росте и укреплении движения сторонников мира.

Вдохновляя массы на решительную борьбу за мир, укрепляя в миллионах простых людей веру в их силы, прозвучали на весь мир слова И. В. Сталина:

«Мир будет сохранён и упрочен, если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца. Война может стать неизбежной, если поджигателям войны удастся опутать ложью народные массы, обмануть их и вовлечь их в новую мировую войну» [1].

В этот решающий исторический момент особое значение приобретает вопрос, который еще двадцать лет назад задавал Горький, обращаясь к интеллигенции капиталистических стран: «С кем вы, „мастера культуры"?»

Ярким свидетельством мощи всенародного лагеря мира является то, что он привлек в свои ряды крупнейшие силы мастеров культуры. Для передовых ученых, писателей, художников защита мира стала равносильной защите культуры, защите будущего.

Лучшие писатели нашего времени активно участвуют в разоблачении обмана, прикрывающего преступные махинации поджигателей новой войны, их творчество отражает в ярких образах благородное стремление масс к миру во всем мире. Прогрессивные литературные произведения являются боевым оружием мира, свободы и справедливости.

---

[1] И. В. Сталин. Беседа с корреспондентом «Правды», стр. 14.

В странах народной демократии, где происходит великое социалистическое переустройство, где гнет империализма навсегда сброшен, литература, естественно, становится голосом свободы и мира.

Своим небывалым расцветом литература этих стран обязана именно тому, что она получила возможность развиваться в чистой атмосфере мира и творчества.

Но и там, где свирепствует империалистическая реакция, где власть Уолл-стрита или подчиняющихся ему правительств стремится подавить и задержать движение сторонников мира, миллионы простых людей, несмотря на кровавый террор, поднимаются против угрозы новой войны, и подлинная литература защищает народное дело.

Никогда еще прогрессивное литературное движение не объединяло столь широкие круги писателей, никогда еще оно не было так связано с могучим движением масс, каким является движение сторонников мира. Это подлинно всенародное движение создает благоприятнейшие условия для творческого развития писателей, которые вступили в решительную борьбу за мир, жизнь и будущее человечества.

Необходимо отметить выдающуюся роль писателей на Парижском и Варшавском Конгрессах мира, где они выступали не только как ораторы, к чьим словам было приковано внимание всех честных людей на земле, но и как выдающиеся организаторы этих грандиозных всемирных собраний, вошедших в историю.

Современная прогрессивная литература отражает в своих произведениях те глубочайшие изменения, которые происходят в сознании простых людей, поднимающихся на защиту мира и свободы.

Важнейшая задача прогрессивной литературы в странах капитализма заключается в том, чтобы усилить ненависть масс к империалистическим хищникам, отразить в ярких, правдивых образах крепнущую уверенность трудящихся в своих силах, содействовать победе человечества над его заклятыми врагами. Эти ясные, величественные задачи окрылили испытанных мастеров слова и вызвали к творческой жизни много новых талантов. В обстановке невиданного разгула реакции появляется все больше произведений, овеянных духом борьбы и самоотверженной любви к народу. Прогрессивная литература в странах капитализма неуклонно растет и крепнет, расширяя свое влияние.

В годы, когда во всем мире нарастает движение народных масс в защиту мира, исключительное значение приобретает мо-

гучее влияние на зарубежную прогрессивную литературу великого Горького и всей советской литературы, являющейся примером служения делу мира и свободы, примером глубочайшей преданности народу, примером социалистического реализма.

С новой силой проявляется плодотворное воздействие благородных традиций Барбюса, Роллана, Драйзера и других крупнейших писателей капиталистических стран, отобразивших в своем творчестве тот коренной поворот во всемирной истории человечества, который совершила Великая Октябрьская социалистическая революция. Эти прекрасные традиции живут в произведениях современных прогрессивных писателей, вдохновляя их, помогая им служить делу демократии и мира.

Бурной творческой жизнью живет прогрессивная литература, в то время как тлен и запустение царят в лагере реакции и войны. Для каждого честного человека становятся все более очевидными огромные творческие достижения прогрессивной литературы, выражающие стремление народов к миру. Что же касается того, что производят на свет под видом литературных произведений агенты Уолл-стрита во всех странах капитализма, то эти чудовищные концентраты мракобесия и человеконенавистничества ярко свидетельствуют о глубоком и безнадежном маразме, о полном распаде реакционной «литературы».

Все значительное, жизнеспособное, подлинно талантливое в литературе стран капитализма борется за предотвращение войны, за демократию и мир, обретая в этой борьбе новые творческие силы, защищая достоинство и лучшие национальные традиции своей литературы от посягательства империалистических варваров.

Многие произведения прогрессивной литературы пользуются всемирной известностью. Трудно переоценить их важнейшую роль в просвещении масс, в сплочении миллионов людей под знаменем мира. В ноябре 1950 г., на Варшавском Всемирном Конгрессе сторонников мира, лучшим произведениям прогрессивной литературы были присуждены премии и золотые медали. Это событие нашло отклик во всем мире. На почетнейшем всенародном форуме была отмечена нарастающая творческая мощь прогрессивной литературы. Присуждение премий мира воочию показало, какими огромными духовными ресурсами располагает лагерь мира, сплотивший все живые силы человечества, и каким действенным оружием мира, свободы и справедливости является передовая литература — этот подлинный голос миролюбивых народов.

Первым лауреатом премии мира по праву назван Юлиус Фучик, талантливый чехословацкий писатель, выдающийся деятель рабочего движения, патриот, отдавший свою жизнь борьбе за счастье народа, за свободу и независимость родины. Его произведение «Репортаж с петлею на шее» [1] проникнуто глубокой уверенностью в том, что народы победят своих врагов и отстоят свободу и мир.

Фучик написал эту книгу, ожидая смерти в фашистском застенке. Опасность не страшила его, и гитлеровская тюрьма стала для коммуниста «местом боя за свободу», боя, который он вел с беспредельным мужеством. Фучик уверенно вступил в свое последнее сражение и одержал победу. Со страниц его книги встает покоряющий образ человеческого величия. Ни пытки, ни сознание неизбежности смерти не сломили веры писателя-бойца в торжество правого дела, в торжество жизни.

«Жили мы для радости, за радость шли в бой, за нее умираем» [2],— эта мысль проходит через все записи Фучика. Книгу, излучающую свет, создал в свои последние часы человек, непоколебимо боровшийся за «жизнь, озаренную свободой и творчеством», за смерть фашизма.

Это произведение, насыщенное гневом и ненавистью к врагам человечества, к «разлагающемуся капитализму, который заполнил мир ужасами», обращено к будущему.

В 1943 г., когда оборвалась прекрасная жизнь Фучика, тучи еще закрывали горизонт, гитлеровские палачи еще торжествовали. Но Фучик был полон предчувствия приближающейся народной победы. Его несокрушимое мужество коренилось в сознании, что за ним стоят миллионы людей, защищающих свободу и независимость.

Юлиус Фучик обращается мыслью к бесчисленным героям народной борьбы против фашизма. В кратких проникновенных записях он стремится увековечить их имена. «Узник не одинок!» — восклицает Фучик, ощутив и в фашистской тюрьме спаянность «коллектива порабощенных». Этот подлинный народный герой ни на минуту не чувствует себя оторванным от массы, интересы которой он защищал всю свою жизнь.

Глубоко уверенный в полном и окончательном разгроме врагов человечества, Фучик не раз подчеркивает в своей книге-завещании, что «нужна безмерная сила, чтобы добиться победы».

---

[1] Русский перевод вышел под заглавием «Слово перед казнью».

[2] Юлиус Фучик. Слово перед казнью. Издательство иностранной литературы, 1951, стр. 86.

И он чувствовал себя частицей этой безмерной силы — могучего народного движения. «Будьте бдительны!» — завещал он простым людям.

Американские провокаторы войны возрождают в наше время тот самый фашизм, который убил Фучика. Рассчитывая, что им удастся опутать массы сетями обмана и лжи, они готовят преступную войну.

Этот коварный замысел американских империалистов своевременно разоблачают борцы за дело мира, которых так многому учит бессмертная книга Фучика, срывающая маску не только с германского, но и с американского фашизма.

Сегодня, когда американские захватчики свирепствуют в Корее, превзойдя своими кровавыми злодеяниями даже гитлеровских убийц, благородный образ Юлиуса Фучика и его книга с особой силой свидетельствуют о непобедимости народа, поднявшегося на защиту свободы и мира.

Золотою медалью отмечена книга румынского писателя Михаила Садовяну, являющегося одним из крупнейших современных европейских писателей. Румынская реакция замалчивала и преследовала замечательного писателя, страшась правды, которую он высказывал в своих произведениях. В новой Румынии Садовяну стал почитаемым классиком и получил всенародное признание.

Романы, повести и рассказы Садовяну дают реалистические картины прошлого. Особенно хорошо знал и особенно часто описывал Садовяну жизнь румынской деревни, находившейся во власти помещиков и кулаков. Он видел бедность и нищету, которые были уделом румынского крестьянина. Он видел жестокость помещиков-самодуров, произвол чиновников и жандармов, как пиявки, сосавших из крестьян последние соки.

«Я всегда смотрел на крестьянство с любовью, равной его глубоко трагической судьбе»,— пишет Садовяну, и это — очень точное определение характера его повестей и рассказов, посвященных деревне.

С глубоким реализмом, с искренним сочувствием описывал Садовяну безысходную долю румынского крестьянина, который был беззащитен перед лицом королевско-помещичьего произвола. Некому было пожаловаться бедному крестьянину, и не на что было ему надеяться. «В какие двери мы ни пробовали стучаться, ни одна не открывалась,— видно, нашу правду волки съели!»,— говорит крестьянин в одном из рассказов Садовяну.

Важное место в творчестве Садовяну занимают исторические произведения. Это были попытки отыскать в прошлом корни той несправедливости, которую писатель-демократ обнаруживал на

каждом шагу, и корни того народного гнева, который нарастал повсюду. В исторических произведениях Садовяну внимание всегда сосредоточивалось на судьбах народа.

И не только крестьянскую муку изображал в своих произведениях Садовяну. Он чутко улавливал повсюду назревавшую и накапливающуюся ненависть всего обездоленного народа к угнетателям и воплощал ее в ярких образах. Правда, эта ненависть часто выливалась только в стихийном возмущении, но Садовяну понимает значительность подобных вспышек народного гнева.

У Садовяну много произведений, в которых показаны сильные люди из народа, не находившие применения своим силам в старой Румынии. Сознавая тяжелый удел своего народа, писатель стремился вдохнуть надежду в простых людей. Его творчество окрылено сочувствием смелым и решительным людям, которые не мирились с враждебным народу общественным строем и яростно ненавидели угнетателей.

Прославившие Садовяну лирические картины румынской природы проникнуты преданной любовью к родной стране, которая стонала под игом насильников и раскрепощение которой всегда было горячим желанием писателя.

С первых же дней победы в Румынии народной демократии Садовяну становится активным строителем новой жизни. Его творчество переживает настоящий расцвет и отражает важные перемены, происходящие в стране.

Повесть «Митря Кокор» — яркая и поучительная история простого румынского крестьянина, на долю которого выпало счастье увидеть свою родину свободной и стать деятельным участником ее переустройства. В первых главах повести воссоздана правдивая картина типичного румынского захолустья. Здесь люди были забиты и запуганы. В деревне Малу Сурпат, как и в других румынских деревнях, господствовали жандармы, кулак-кровопийца и зверь-помещик, вооруженный плетью и двустволкой.

Митря Кокор, главный герой повести, вынужденный принять участие в грабительской войне против Советского Союза, попадает в плен под Сталинградом, получает возможность познакомиться с советским социалистическим строем и постигает своим трезвым умом, в какую пропасть завлекли его враги румынского народа. После освобождения Румынии Советской армией этот крестьянин в солдатской шинели становится строителем новой, демократической Румынии.

В Малу Сурпат ему приходится вступить в решительную борьбу с реакцией, которая цепляется за каждую возможность, чтобы

удержать старые позиции. «Вся нечисть сплачивается, чтобы помешать установлению новых порядков».

Разоблачая предательские маневры реакции в отдаленных румынских деревнях, автор превосходно рисует ту сложную обстановку, когда люто ненавидевшие народ проамериканские правительства Санатеску и Радеску пытались саботировать выполнение условий перемирия с Советским Союзом. Румынские приказчики американских миллиардеров ни за что не хотели допустить превращения Румынии в свободную и миролюбивую страну. Но румынский народ разрушил все их козни.

Митря Кокор участвует в проведении земельной реформы в родной деревне, где до сих пор царили помещик и его прихлебатели. Повесть заканчивается оставляющей глубокое впечатление картиной раздела помещичьей земли. Старое навсегда отброшено в сторону, и народ, наконец, получил возможность трудиться на освобожденной земле.

Ощущение широкого простора, открывающегося перед людьми труда, превосходно передано в заключительных страницах повести. Крестьяне Малу Сурпат начинают свой путь к новой жизни, озаренной светом социализма. Недалеко время, когда повсюду в новой Румынии, «там, где прежде стояли грязные лачуги, воздвигнутся сияющие электрическим светом дома, пролягут прекрасные дороги, в засушливые районы потечет по каналам вода, машины придут на помощь человеку, и легок будет его вольный труд» [1].

В повести Садовяну с глубочайшей симпатией представлен величественный образ Советского Союза, освободившего румынский народ из вековой кабалы и открывшего перед ним широкую перспективу будущей жизни.

Повесть Садовяну одухотворена тем новым, что происходит в жизни родины, вступившей на путь социализма. Волнующий пафос этого произведения заключается именно в том, что появление новых людей, подобных Митре Кокору, смелых строителей жизни, автор понимает и описывает как нечто типическое, естественно порождаемое новыми общественными условиями.

Его талантливое произведение рассказывает всем честным людям на земле, что все шире раздвигаются пределы того прекрасного нового мира, где совершается освобождение человека.

Повесть Садовяну написана в защиту мира. С великолепной убедительностью свидетельствует она, что «трудящимся нужен

---

[1] Михаил Садовяну. Митря Кокор. Издательство иностранной литературы. 1951, стр. 144.

только мир», что только враги человечества могут вынашивать кровавые замыслы новой войны.

Повесть проникнута ненавистью к американским и прочим империалистическим хищникам, к этим врагам человечества, мешающим людям жить и строить свое счастье.

Выделив славные имена Фучика и Садовяну, жюри международных премий мира отметило огромные достижения новой литературы в странах народной демократии.

Выражая кровные интересы трудящихся, эта литература со всею страстью, энергией и решительностью борется за мир. Рядом с именами Фучика и Садовяну по праву может быть названо большое количество других значительных имен, представляющих современную литературу в Польше, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Венгрии, Албании. Сражающаяся за свою свободу Корея выдвинула много ярких писательских дарований. С исключительной мощью поднимается литература народно-демократического Китая.

Вся эта богатая талантами и одухотворенная великими идеями литература уже в силу того, что она — литература народов, сбросивших гнет империализма, является литературой мира, свободы и созидания. Это сказывается с одинаковой силой и в тех произведениях, которые тематически непосредственно связаны с борьбой за мир, и в тех, которые отражают в живых образах совершающееся строительство нового и невиданный рост сознательности масс. Все это — произведения, которые противостоят человеконенавистнической псевдолитературе, существующей в странах капитализма, как свет противостоит тьме.

Необходимо подчеркнуть выдающиеся успехи прогрессивной литературы и в Германской Демократической Республике. Объединив все лучшие немецкие писательские силы, предоставив обширное поле деятельности молодым талантам из народа, эта литература делает большой вклад в дело защиты мира. Мужественно и настойчиво она борется за единую, независимую демократическую миролюбивую Германию.

Достаточно сопоставить эту проникнутую духом подлинного гуманизма литературу, в рядах которой стояли до последнего своего часа замечательный писатель-антифашист Генрих Манн и другой известнейший немецкий писатель Бернгард Келлерман, с тем чудовищным и бесстыдным литературным разложением, которое насаждают в Западной Германии американо-англо-французские империалисты, стремящиеся возродить германский милитаризм и фашизм, чтобы контраст лагеря мира и жизни и лагеря войны и смерти предстал перед нами со всей наглядностью.

В странах капитализма реакция злобно преследует писателей, преданных народу и посвятивших себя благородному делу защиты мира. Их деятельность часто является подвигом. Об этом напоминают нам премии мира, которые были присуждены в Варшаве выдающимся представителям прогрессивной литературы в Турции и в Латинской Америке.

По праву и достоинству премия мира присуждена известнейшему турецкому поэту-демократу Назыму Хикмету, который недавно после долгих лет заключения был вырван из тюрьмы благодаря возмущенным протестам демократических организаций всех стран.

Сквозь все испытания тюрьмы поэт пронес верность своему народу и делу мира. Смело говорил он правду о современной Турции, где народ стонет под двойным гнетом своих и чужеземных угнетателей.

Если ты вёришь
в родину, в мир, в человека,—
тебя или вешают,
или сажают в тюрьму [1].

(Перевод Т. Сикорской).

Такова судьба честного человека в порабощенной Турции, которую американские хищники стремятся превратить в плацдарм для новой войны.

«Будьте вы прокляты... Прочь отсюда, вам нечего делать в этой стране!» — гневно восклицает поэт, обращаясь к янки, которые «с каждым днем становятся наглей».

Сегодня, когда американские империалисты спешат втравить Турцию в губительную для нее войну, стихи Назыма Хикмета звучат, как призывный набат. Они зовут турецкий народ сплотиться для решительного отпора презренным американским колонизаторам и их турецким наемникам.

Сила Хикмета в том, что его стихи всегда согревал «великий пламень гнева и гордая надежда». Они проникнуты презрением к врагам народа и мира, стремящимся подавить всякую честную мысль. Поэт видел, что его враги, при всей своей наглой заносчивости, смертельно боятся «всходов праведного гнева».

Поэт никогда не терял уверенности в лучшем будущем турецкого народа: «От тяжких дней к счастливым страна моя придет».

Предвидя надвигающуюся бурю народного возмущения, поэт писал: «Большие массы движутся, земля гудит от их шагов...»

[1] Назым Хикмет. Избранное. Издательство иностранной литературы, 1951, стр. 194.

Стихи Хикмета, проникавшие сквозь стены тюрьмы, внушали уверенность в том, что наступят лучшие времена. И в каменном мешке поэт был страшен врагам мира, врагам народа, как разоблачитель их кровавых замыслов.

Как и Фучик, турецкий поэт-демократ не чувствовал себя одиноким в тюрьме. Все время он ощущал дружескую поддержку честных людей во всем мире. Обращаясь со своими стихами «к братьям в Европе, в Америке, в Азии», поэт звал их сплотиться и отстоять мир и свободу.

Долгие годы продолжался поединок Хикмета с турецкой фашистской реакцией. Великая сила международной солидарности поддержала и спасла его. На свободе поэт-трибун получил возможность высказать все, что накопилось в его сердце за подневольные годы, и со всей своей огненной энергией защищать мир от посягательств кровавых врагов человечества.

Мужественное творчество Назыма Хикмета представляет яркое отражение неуклонно возрастающей силы гнева и сопротивления угнетенных народов Востока. Оно свидетельствует, что приближается час грозной расплаты, когда империалисты будут призваны к ответу за все свои неисчислимые преступления против колониальных народов.

С каждым годом растет всемирная известность чилийского поэта Пабло Неруды. Вынужденный на несколько лет покинуть родину, где свирепствует прислуживающая американским империалистам реакция, он посвятил свою жизнь и творчество борьбе за раскрепощение народа, борьбе за мир и свободу. Широко развернулся его могучий поэтический дар. Пабло Неруда стал любимым писателем миллионов людей.

Пройдя большой и сложный путь исканий, он заговорил во весь голос. Прекрасным его достижением является поэма «Да пробудится лесоруб!», удостоенная премии мира. Поэма была закончена весной 1948 г. «где-то в Америке». Она переведена на многие языки и приобрела всемирную известность [1].

В этом произведении дана яркая картина борьбы могучего лагеря мира и демократии против империализма, несущего человечеству смерть.

Начинается поэма обширной панорамой США, в которой очень выразительно подчеркнут контраст Америки трудящихся и Америки уолл-стритовской. Автор выражает искреннюю симпатию к простым людям этой страны — «крестьянам из Орегона», «бездомным грузчикам в Старом Орлеане», рабочим, чьи

[1] На русский язык поэма переведена Ф. Кельиным. См. Пабло Неруда. Стихи. Издательство иностранной литературы, 1949.

«трудовые руки в машинном масле». С уважением говорит поэт о демократических писателях и мыслителях Америки, особо выделяя Драйзера.

Но в этой стране свирепствует фашистская реакция, угрожающая жизни и стремлениям честных людей, угрожающая миру во всем мире. Неруда обнажает «ужасные и безобразные черты» уолл-стритовского милитаризма. Многозначительным эпиграфом к поэме служит библейское изречение о том, что «Капернаум», под которым автор подразумевает хищнический американский империализм, «до ада будет низвергнут».

Во второй главе поэмы этот «Капернаум» показан во всей его чудовищности. Разгулом цинизма, кровожадности и человеконенавистничества встретила американская реакция солдат второй мировой войны, возвратившихся на родину, в частности солдат-негров, которых на фронте обманывали обещаниями всяческих благ.

Господство фашистской куклуксклановщины, принадлежащие миллиардерам и миллионерам газеты, которые изливают на американцев «берлинский яд» фашистской пропаганды, «бесчестный сброд презренных торгашей», пробравшихся к власти, клика «щеголей из Стейтс-Департмент», разжигающих новую войну,— такова империалистическая Америка, «убившая Линкольна», Америка, чье «правительство запятнано позором».

С возмущением и гневом разоблачает Пабло Неруда эту Америку, преследующую честных и независимых людей, чтобы скрыть свои кровавые преступления. Он клеймит империалистическую реакцию, которая, как «огромный, старый, кровожадный спрут», охватила своими щупальцами всю страну и является гнездом всех заговоров против мира и человечества.

Особый интерес представляют те страницы поэмы, в которых разоблачено превращение Чили, Парагвая, Никарагуа и других государств Южной Америки в сателлитов империализма США. Реакционнейшие режимы, насаждаемые и поддерживаемые в этих странах североамериканскими поджигателями войны, пригвождены к позорному столбу вместе с «чудовищем злобным» — Уолл-стритом.

Третья глава поэмы полна света. Она посвящена советской стране, откуда «забил родник живой воды, вспоившей новый мир!»

В начальных строфах описано возвращение солдат с фронта. Советские люди, победители, спасшие человечество от ужасов смерти и фашизма, «вернулись, чтобы построить вновь города и воскресить весну». Едва окончив небывалую войну, страна уже обратилась к творчеству. «Город чистой славы, блистающий

бессмертьем Сталинград» — символ победы советского народа над фашистскими полчищами — стал огромной строительной площадкой. Стремительно поднимается он из руин, «вставая этаж за этажом». Пабло Неруда с энтузиазмом описывает советскую жизнь, прекрасную увлеченность созиданием и творчеством.

Замечательным достоинством поэмы «Да пробудится лесоруб!» является проникновенно раскрытый образ Советского Союза. Это «светлая страна», это «мать людей свободных», это могучая непобедимая страна, надежный оплот мира и будущего человечества.

Пабло Неруда вдохновенно говорит о непобедимом могуществе сил мира, о сплочении всех честных людей, которые поставили себе благородную цель — не допустить осуществления преступных замыслов поджигателей войны. Во всех странах крепнет лагерь мира. Пробуждаются силы народа и в США, где находится основное гнездо поджигателей войны. «Америка народная» все более решительно возвышает свой голос.

Поэт-трибун уверен в том, что американский народ не позволит миллиардерам и миллионерам обмануть себя. Само заглавие поэмы выражает надежду на то, что лесоруб — Линкольн, в образе которого символизируются простые люди Америки, пробудившись, возьмет в свои руки дело защиты мира.

Поэт предвидит наступление того дня, когда священный «народный гнев» обрушится «на злых убийц, на стаю новых рабовладельцев», на «свирепых владельцев акций», которые сейчас господствуют в США и ради наживы готовы обречь человечество на тягчайшие жертвы в новой мировой войне.

В поэме Неруды нарисованы замечательные образы, воплощающие несокрушимость всенародного движения сторонников мира. Это «могучий, сложный узел», это — нечто более крепкое, «чем все металлы мира». Поэт сравнивает силу единства миллионов людей с «проводом, что над миром вьется». Этот провод соединяет миллионы человеческих воль в монолитное целое, заряженное грозной энергией ненависти и гнева.

Творчество Пабло Неруды является одним из самых проникновенных воплощений того народного возмущения насилиями уолл-стритовского империализма, которое проявляется во всех произведениях прогрессивной литературы латино-американских стран.

В замечательных произведениях кубинца Гильена, бразильца Жоржи Амаду, аргентинца Туньона, мексиканца Уэрты, венесуэльца Карлоса Аугусто Леона, кипящих ненавистью к врагам народа, к поджигателям войны, передовая литература латино-американских стран проявляет свою неисчерпаемую творческую

силу. Это очень важный по своему значению литературный отряд, с исключительной энергией защищающий дело мира:

Да! Мира хочет мир! И он его
Сумеет отстоять. В пустыне дикой
Погибнут поджигатели войны [1].

(Перевод Ф. Кельина)

Эти строки из написанного Карлосом Аугусто Леоном «Гимна в честь мира» выражают основное стремление всех передовых писателей Латинской Америки.

Книга французского писателя Жана-Ришара Блока «От Франции оккупированной к Франции вооруженной» также была отмечена Золотой медалью мира. Книга представляет собой посмертную публикацию выступлений писателя по московскому радио, которые регулярно происходили в течение 1941—1944 гг. Это очень сильный документ, свидетельствующий о том, какое огромное значение может иметь слово писателя, всем сердцем своим преданного народу.

В тяжелую для Франции пору, когда гитлеровский сапог попирал его родную землю, обращался к своим соотечественникам Жан-Ришар Блок. Он стремился вдохновить их на сопротивление, укрепить их волю к победе над ненавистным врагом.

Обличительный пафос является основной чертой выступлений Блока. «Выступая от имени истерзанной Франции, я срываю маски и обвиняю!» — в этих словах очень верно выражено направление радиоречей Блока.

С негодованием обличал он презренного предателя Петэна и его «банду реакционных фашистских генералов, которых всегда поддерживали, вдохновляли и направляли магнаты тяжелой промышленности, спекулянты, группирующиеся за спиной венделей, орда подкупленных политиков и ловких чинуш с подмоченной репутацией, бессовестных карьеристов, продавшихся Германии, явных и тайных агентов Гитлера во Франции» [2].

Блок учил ненавидеть эту отвратительную шайку заклятых врагов французского народа, учил мстить им на каждом шагу, расправляться с ними. С гордостью отмечал он каждое новое сообщение о мужественной борьбе французов с оккупантами. Он звал поверженную Францию к восстанию, к оружию, к борьбе за независимость, за национальное достоинство и свободу.

---

[1] Сб. «Поэты мира в борьбе за мир», стр. 507.

[2] Jean-Richard Bloch. De la France trahie à la France en armes. Paris. Editions sociales, 1949, p. 87.

С болью и горечью говорил писатель о Франции ограбленной и обесчещенной, «волочимой по грязи». Он настойчиво напоминал честным людям Франции о великих обязывающих национальных традициях, обращал их взоры к Французской революции и Парижской коммуне, к лучшим созданиям французской мысли, из которых можно в трудный час почерпнуть вдохновение и мужество.

Книга Блока полна глубочайшего уважения и признательности к Советскому Союзу, спасшему человечество и культуру от фашистов. Страница за страницей раскрывается величайшая эпопея борьбы советского народа с вооруженными до зубов гитлеровскими ордами. Блок всегда был уверен в победе, ибо он глубоко сознавал великое могущество советского государства. Он видел перед собой страну, которая «вся проникнута непоколебимой, суровой решимостью выдержать решающее сражение против врагов рода человеческого». Он видел мужество советских воинов, отстаивавших каждую пядь родной земли и наносивших врагу смертельные удары, видел грандиозный подъем в тылу, где строилась и бурно развивалась военная промышленность.

Его изумляло и восхищало великое богатство духовных сил советского народа, с особой наглядностью проявившееся в годы войны. Рассказывая о присуждении Сталинских премий за литературные и научные произведения в самый разгар боевых действий, Блок приходит к выводу, что в Советском Союзе развитие и расцвет культуры продолжались даже в условиях тяжелой войны.

На каждом шагу он убеждался в морально-политическом единстве советского народа и понимал, что народ, так крепко сцементированный,— непобедим.

«Все уверены в победе, ибо дух великого Ленина живет в этих людях, ибо знамя Ленина находится в надежных руках Сталина — этого Ленина сегодня»,— писал Блок в 1942 г. [1]

Жан-Ришар Блок глубоко понимал великую освободительную миссию советского народа и постоянно подчеркивал в своих выступлениях, что «пушки советских побед возвещают всем замученным народам час раскрепощения».

Преклоняясь перед героизмом советского народа, Блок проникновенно говорил о том, что фронты Отечественной войны были «фронтами, где сражались и умирали также за то, чтобы Франция снова стала свободной». Красной нитью проходит

[1] Jean-Richard Bloch. De la France trahie à la France en armes, p. 71.

сквозь все его выступления мысль о том, что надежды французского народа связаны с победами советских воинов над гитлеровскими ордами.

«Это наш фронт, соотечественники»,— говорил Жан-Ришар Блок, и эти слова его находили горячий отклик в сердцах французских патриотов.

Сегодня продажная реакция, усердно лижущая американский сапог, стремится вытравить из памяти французов подобные воспоминания, но народ никогда не забудет того, что в Сталинграде была спасена Франция. И французский народ не будет воевать против советского народа, сколько бы ни суетились уполномоченные американских миллиардеров, стремящихся к войне ради наживы.

Книга Блока, напоминающая о недавнем прошлом, имеет весьма актуальное значение. Во весь голос говорит она о всемирноисторическом значении, которое имела победа Советского Союза над немецким фашизмом.

В наши дни, когда Франция снова попала в лапы захватчиков, когда американские колонизаторы попирают ее не менее нагло, чем гитлеровцы, мужество и решимость особенно нужны французскому народу. Книга Блока — это живые и жгучие слова, обращенные к миллионам французов. Они напоминают о страшных годах немецкой оккупации и срывают маску с новых оккупантов — американцев.

Боевой призыв «пересоздать Францию» завершает книгу Блока. Это призыв честного французского демократа, который уверен в том, что предатели Франции будут наказаны за свои позорные преступления, что зараза предательства будет вырвана с корнем, что будет создана возможность построить новую Францию.

Эти надежды пока не осуществились, и предатели, вскормленные американскими долларами, снова оказались у власти во Франции. Но французский народ не мирится с новым насилием и унижениями. Презрением масс окружены меняющиеся проамериканские правительства, бурными демонстрациями протеста встречал Париж уолл-стритовских провокаторов войны — Эйзенхауэра и Гарримана, а совсем недавно — Риджуэя. Возмущение и гнев охватывают все более широкие слои французского народа. Книга Блока помогает честным людям понять, кто их злейшие враги, а кто — истинные друзья.

Обращаясь к народу, уверенный в том, что народ может и должен пересоздать Францию, писатель-трибун настойчиво повторяет, что свободу не получают, а завоевывают. Он зовет к самоотверженным боям в защиту мира и демократии.

Таковы имена и книги, отмеченные осенью 1950 года на Варшавском Всемирном Конгрессе сторонников мира.

3

О нарастающей мощи прогрессивной литературы, об укреплении дружественных связей между миролюбивыми народами, о том значении, какое имеет творчество лучших писателей современности в борьбе прогрессивного человечества за мир, убедительно свидетельствует присуждение в 1951 г. международных Сталинских премий мира выдающимся деятелям литературы Анне Зегерс, Жоржи Амаду и Го Мо-жо.

Творчество Анны Зегерс принадлежит к самым значительным явлениям передовой демократической литературы в Германии.

Уже ее первая повесть «Восстание рыбаков» была проявлением не только яркого таланта, но и искренней симпатии к простым людям. Едва начав свою литературную деятельность, писательница должна была бежать из Германии, которая стала нацистской, и в эмиграции создала свой шедевр — роман «Седьмой крест», с огромной силой показав людей, не склонившихся перед ужасами фашистского террора. Эта жестокая книга была книгой надежды.

После того как Советская Армия разгромила гитлеровские орды, Анна Зегерс возвращается в разрушенный Берлин и со свойственной ей энергией борется за строительство демократической и миролюбивой Германии. И если ее превосходный роман «Мертвые остаются молодыми» обращен к недавнему прошлому, то книга рассказов о мире («Aus dem Frieden Zyklus») повествует о том, что совершается в Германской Демократической Республике, о возникновении новой действительности. Перед нами жизнь простых людей сегодняшнего дня, глубоко заинтересованных в мире.

Наблюдая проницательным взглядом художника-реалиста рождение нового в демократической Германии, Анна Зегерс обращает внимание на трудности, возникающие в процессе преобразования страны. В ее рассказах о мире мы встречаем, наряду с передовыми людьми, и затаившихся озлобленных врагов народа. Она показывает реальную действительность и реальную обстановку борьбы за мир и демократию. Анна Зегерс помогает своими правдивыми произведениями сплочению всех прогрессивных сил Германии, стремящихся к национальному единству. Она разоблачает подлые намерения англо-американских империалистов превратить Западную Германию в плацдарм новой опустошительной войны, превратить немцев в «пушечное мясо».

В своей речи при получении Сталинской премии Анна Зегерс с возмущением говорила о том, что «поджигатели войны, заправилы Уолл-стрита и их марионетки из Бонна, пытаются окутать туманом лжи не только миролюбивую деятельность Советского Союза, который идет в авангарде борьбы за мир и вдохновляет все миролюбивые силы, не только деятельность демократических стран от Тихого океана до Эльбы. Они пытаются также замолчать действия тех мужчин и женщин Германии, которые борются за мир. Но мы, писатели, согласно своему долгу, разрываем паутину лжи, освещаем своим словом, как прожектором, дела этих людей» [1].

Велик авторитет Анны Зегерс как борца за мир, за единство и независимость миролюбивой, демократической Германии. Широка слава талантливой немецкой писательницы, черпающей вдохновение в чаяниях простых людей своей родины, в благородном стремлении защищать мир и будущее человечества.

Одним из крупнейших писателей нашего времени является бразильский романист и поэт Жоржи Амаду, автор широко известных произведений, борец против войны и фашизма. Он всегда резко осуждал эстетский взгляд на культуру, обособление культуры от народа. «Интеллигент вступает в борьбу за мир не только как гражданин,— писал Жоржи Амаду,— он должен участвовать в борьбе своим научным или литературным творчеством. Ничего нельзя себе представить более ложного, как раздвоение человека — на гражданина, который выполняет свой долг, участвуя в борьбе народа за мир, и на творца культуры, удаляющегося в изолированную башню из слоновой кости. Эта старая теория, годами сковывавшая некоторую часть интеллигенции, лжива и неприемлема, ибо она препятствует искусству, этой великой силе, служить делу мира, прогресса и демократии. Надо понять, что декадентское искусство во всех его видах препятствует художнику и писателю вступить в общение с народом.

Это — оружие, при помощи которого империализм готовит новую войну. Это — вид идеологической борьбы, который в действительности означает наступление против мира и народа. На это идеологическое наступление провокаторов войны, на эту литературу пессимизма и самоубийства, чем является экзистенциализм, стремящийся подорвать боеспособность масс, необходимо ответить литературой и искусством, которые были бы доступны народу, которые вдохновляли бы его на антиимпериалистическую борьбу» [2].

---

[1] «Правда», 20 марта 1952 г.
[2] «Сторонники мира», 1949, № 3.

Эту творческую программу Жоржи Амаду претворяет в жизнь. В самобытном и ярком творчестве он выражает стремление своего народа к свободе и миру. Именно за это его преследуют и травят наймиты северо-американского империализма, закабалившего Бразилию. Именно за это он был обречен на годы изгнания. В своих правдивых романах «Земля золотых плодов», «Красные всходы» и других произведениях Жоржи Амаду описывает тяжелую, полную лишений жизнь трудящихся Бразилии и их борьбу с ненавистными угнетателями. Сила произведений Жоржи Амаду в том, что они воспитывают простых людей в духе непримиримости к врагам свободы и мира. Это — книги о народе, чье мужество нельзя сломить. И как бы ни мрачны были картины действительности, здесь представленной, мы видим поднимающиеся «красные всходы» надежды.

Одним из самых значительных произведений Жоржи Амаду является его прекрасная книга о Луисе Карлосе Престесе, вожде бразильских трудящихся, которого народ называет «рыцарем надежды». Это не просто биография известного коммунистического деятеля, это образ лучшего человека страны, в котором воплотились самые ценные и привлекательные качества народного характера. С огромной силой выражен во вдохновенном образе Престеса и во всей книге пафос всенародной борьбы за мир, свободу и независимость, пафос непобедимости народа, который поднялся на защиту своих прав и благородного дела мира.

Широко известна беззаветная деятельность Жоржи Амаду как активного участника всемирного движения сторонников мира.

В одной из своих поэм Жоржи Амаду пишет:

Убийцы вновь оттачивают когти,
Готовят пушки, ружья, пулеметы;
Зловещий Трумэн атомною бомбой
Грозит стереть с лица земли свободу...[1]

(Перевод Ф. Кельина)

Во всю силу своего поэтического голоса Жоржи Амаду выражает возмущение преступными замыслами врагов человечества. Он бьет тревогу, он стремится поднять новые миллионы людей на защиту мира и социальной справедливости.

Жоржи Амаду с волнением говорит, что великую честь присуждения ему Сталинской премии мира он принимает от имени своего родного бразильского народа, от имени которого он всегда

[1] Сб. «Поэты мира в борьбе за мир», стр. 312.

говорил в своих произведениях. Освободительная борьба бразильского народа и впредь будет вдохновлять преданного борца за мир, писателя-гражданина Жоржи Амаду.

Известный китайский поэт и ученый Го Мо-жо является одним из зачинателей новой литературы, которая с такой мощью расцветает теперь в освобожденном Китае. Верный сын своего народа, Го Мо-жо посвятил всю жизнь борьбе за независимость родины. Начиная с 1921 г., когда им было основано прогрессивное литературное общество «Творчество», заботливо, настойчиво и самозабвенно прокладывает он путь литературе, близкой народу, выражающей интересы народа, говорящей языком народа.

Его литературные искания, подкрепляемые научным изучением традиций китайской культуры, оказали глубокое и плодотворное влияние на весь ход формирования новой китайской литературы. Борьба за независимость родной страны, борьба за мир и свободу народов всегда была главной движущей силой его жизни и творчества. После освобождения Китая этот писатель-трибун является одним из активнейших деятелей всемирного движения сторонников мира. В произведениях и выступлениях Го Мо-жо и других китайских писателей новая литература великого китайского народа поднимает свой голос в защиту мира.

«Китайский народ,— говорит Го Мо-жо,— прекрасно знает, что мир — это драгоценный дар, который каждый должен сам завоевать и защищать. Поэтому китайский народ охотно отдает все свои силы священному делу всеобщего мира во всем мире» [1].

«Уже более ста лет наш народ борется против агрессоров, угрожавших миру и нарушавших или пытавшихся нарушать его. История китайского народа за последнее столетие — это история борьбы за мир» [2].

Выступая в Кремле при вручении ему Сталинской премии мира, Го Мо-жо в проникновенных словах выразил чувство любви китайского народа и всех народов мира к великому Сталину.

«Сталин — это солнце всего человечества. Трудящиеся всего мира сердечно желают ему многих лет жизни и здоровья. Там, куда проникают лучи сталинского света, там тепло, там жизнь, там расцвет и мир» [3].

---

[1] «Первый Всемирный конгресс сторонников мира». Госполитиздат, 1950, стр. 242.

[2] «Второй Всемирный конгресс сторонников мира». Госполитиздат, 1951. стр. 130.

[3] «Правда», 10 апреля 1952 г.

Значительная часть речи Го Мо-жо была изложена в стихотворной форме. Поэт с возмущением заклеймил преступных поджигателей войны.

Мир
нужен людям на земле.
Но кучка алчных проходимцев готовит
бойню в черной мгле,
Плетет коварно сеть блокады и строит
каверзы и козни,
И, вмешиваясь в жизнь народов,
способствует всеобщей розни.

(Перевод П. Антокольского)

Как преданный своему народу деятель культуры, как гражданин и воин, Го Мо-жо засвидетельствовал решимость всех простых людей Китая «не пожалеть любых усилий для укрепленья мира на земле».

«Сегодня, когда американские интервенты ведут на территории Китая и Кореи бактериологическую войну,— заявил он,— наш китайский народ должен повести еще более решительную борьбу, он должен, объединившись с миролюбивыми народами всего мира, пресечь эти чудовищные преступления и таким образом защитить мир, защитить человечество, защитить себя» [1].

4

С нарастанием и расширением борьбы миролюбивых народов за сохранение мира создается благоприятная обстановка для творческого расцвета прогрессивной литературы. В ее произведениях отражается могучая сила пробудившихся масс. Знакомясь с этими произведениями, мы видим, какие глубокие перемены совершаются в сознании миллионов простых людей, которые поняли, что война, разжигаемая империалистическими выродками, угрожает самому существованию человечества и его культуры. Прогрессивная литература с каждым годом все шире развертывает свои великие творческие возможности и становится настоящей народной литературой.

Эти исторические достижения отмечены в 1952 г. присуждением Сталинских премий за выдающиеся работы в области литературы и искусства, наряду с советскими писателями, некоторым писателям Китая, Венгрии и Франции.

Это — большое культурное событие, имеющее международное значение. В свете этого события становятся особенно ощу-

[1] «Правда», 10 апреля 1952 г.

тимыми те глубокие кровные связи, которые существуют между советской литературой и прогрессивными литературами зарубежных стран. Борьба за мир, свободу и будущее вдохновляет все прогрессивное человечество. В этом основа крепнущей близости советской литературы с прогрессивными литературами всех стран.

Три произведения новой китайской литературы, достигшей после освобождения страны исключительных творческих успехов, удостоены Сталинской премии за 1951 год. Все они хорошо известны советским людям.

Роман Дин Лин «Солнце над рекой Сангань» свидетельствует о великих переменах, совершающихся в китайской деревне. Описав то, что произошло во время проведения земельной реформы в селении Теплые Воды на протяжении короткого отрезка времени, писательница как бы распахнула перед нами окно в жизнь нового Китая.

Она показывает новую действительность в самых первых ее проявлениях. После капитуляции Японии в тех районах, которые освобождала от захватчиков Народно-освободительная армия, началось бурное народное движение против исконных врагов китайского крестьянства — помещиков. Один из эпизодов этого великого разрушения устоев ненавистного феодального строя и показан в романе «Солнце над рекой Сангань».

Сила книги Дин Лин заключается в том, что она рисует избавление деревни Теплые Воды от феодально-помещичьего гнета во всей сложности этого исторического сдвига. Крестьяне, веками приученные к покорности, запуганные своими угнетателями, в короткий срок должны пройти большую школу, чтобы шагнуть в новую жизнь. И Дин Лин в живых и выразительных образах, которые она лепит с исключительным мастерством, показывает, как рождается новое в китайской деревне и как выкорчевывается старое.

Большое внимание уделяет писательница судьбе китайской женщины и тем широким возможностям, которые открыла перед нею новая жизнь.

Показывая роль китайских коммунистов, поднимающих деревню на борьбу против феодалов-помещиков, Дин Лин с большим проникновением раскрывает облик этих творцов нового, чутко прислушивающихся к голосу масс, и ядовито высмеивает схематизм, проявленный теми партийными работниками, которым нехватало и знания жизни, и знания революционной теории.

Когда читатель закрывает книгу Дин Лин, небольшую по объему, но сосредоточившую в себе огромный жизненный

материал, он чувствует, что многим обогатился. Коренные преобразования, происходящие на огромной территории нового Китая, предстали перед ним во всей своей потрясающей реальности. Книга Дин Лин, несмотря на сдержанную строгость литературной манеры автора, глубоко патетична. Она действительно показывает восход солнца не только над рекой Сангань, но и над всей великой страной, дочерью которой является эта талантливая писательница.

Роман Чжоу Ли-бо «Ураган» тоже повествует об одной китайской деревне — Юаньмаотунь.

Действие этой книги, как и у Дин Лин, сосредоточено на самом главном, что происходит в жизни китайского крестьянина. Мы видим, как рушатся устои феодального строя. Это — незабываемое время «рубки больших деревьев и выкорчевывания корней». Действительность так увлекательна и богата содержанием, а реализм обоих авторов столь глубоко освещает эту многогранную действительность, что не возникает каких-либо повторений, и две книги как бы продолжают и дополняют одна другую.

У Чжоу Ли-бо особенно интересна внутренняя тема, проходящая сквозь весь его роман,— тема пробуждения веками подавлявшихся народных талантов, пробуждения народной силы, которая, поднимаясь, становится непобедимой. Этот ураган народного гнева, сметающего все, что препятствует развитию страны на новом пути, бурный размах творчества новых форм жизни и показан в обширной хронике событий, которую развертывает автор.

Деревня Юаньмаотунь, освободившись от тирана-помещика («большое ядовитое дерево, так долго высасывавшее ненасытными корнями кровь бедняков, было, наконец, срублено»), призывает своих лучших сынов в Народную армию, которая должна завершить разгром чанкайшистских банд, снабженных американским оружием. Эта сила народа, осознавшего себя хозяином своей судьбы, раскрывается в описании Чжоу Ли-бо с подлинной патетичностью.

Как и в романе Дин Лин, в «Урагане» показана огромная работа коммунистической партии в деревне, выразительно нарисованы фигуры отдельных коммунистов и с большой силой и проникновением выражена беспредельная любовь китайского народа к его вождю и руководителю Мао Цзэ-дуну.

В книге уничтожающе разоблачено феодально-помещичье отребье, которое было опорой японских оккупантов и чанкайшистской тирании и на которое возлагала свои подлые надежды американская империя Уолл-стрита.

Третьим произведением новой китайской литературы, удостоенным Сталинской премии, является известная пьеса «Седая девушка», принадлежащая перу двух драматургов — Хэ Цзинчжи и Дин-Ни. О героине этой пьесы сложены народные сказания.

Авторы создали яркую драму о судьбе китайской девушки Си-эр из провинции Хебэй, проданной кровопийце-помещику за долги, обесчещенной и убежавшей от ненавистного деспота. Таковы события, в которых отражена полная мрака действительность старой китайской деревни. В трогательном образе девушки Си-эр авторы с большой силой воплотили типические явления.

Это драматизированное описание старого Китая проникнуто ненавистью к проклятому строю, тянувшему все соки из народа. Но сила пьесы и секрет ее поистине огромного успеха не только в том, что ненависть к угнетателям воплощена здесь исторически убедительных и ясных действиях и образах. В «Седой девушке» показано торжество народа и справедливости.

Приход 8-й армии, изгнавшей японских оккупантов, означал не только разгром врагов несчастной Си-эр, находившейся на краю гибели, но и превращение Си-эр и всех униженных и запуганных в беспощадных мстителей. Поседевшая от горя девушка выходит из мрачной пещеры, где она скрывалась со своим ребенком; народ вершит свой справедливый суд над негодяем-помещиком, над страной развевается победное знамя Мао Цзэ-дуна.

Поэтическая простота и глубокая убедительность этой народной драмы делают ее близкой не только китайскому народу, но и всем простым людям на всей земле.

Два произведения новой венгерской литературы удостоены Сталинской премии. Роман молодого писателя Тамаша Ацела «Под сенью свободы» реалистическими чертами рисует Венгрию и ее столицу в тот период, когда под ударами Советской армии рушился фашистский режим террора и угнетения. Период, непосредственно предшествующий вступлению советских войск в Венгрию, и начальный период пребывания здесь советских войск — время действия романа.

Описывая распад мерзкого «нилашистского» порядка, Тамаш Ацел рисует целую галерею представителей венгерской реакции. Это — зловонная клоака антинародного строя. Вместе с тем Ацел отмечает, как падение фашистского режима пробуждает простых людей к строительству новой жизни. Показывая, как рабочие одного из будапештских заводов, эвакуированного фашистскими бандитами в Германию, оставшись без оборудования и средств,

все же восстановили свое предприятие, Ацел рисует в высшей степени типичную картину.

Много внимания уделяет автор расслоению молодого поколения. Лучшая часть молодежи, даже та, которая принадлежит к семьям, тесно связанным с прошлым, тянется к новым формам жизни, и автор убедительно показывает, что новая Венгрия широко открывает двери всем искренним, честным людям, готовым работать для своей родины, для своего народа. Это не значит, конечно, что автор романа «Под сенью свободы» настроен беззаботно-сентиментально. Нет, он обращает внимание своего читателя на то, что враги новой Венгрии затаились во многих углах и, оплачиваемые американцами, будут наносить удары из-за угла. Но сила нового велика и неодолима, победа народного строя, поддержанного всеми честными людьми страны, несомненна. В этом пафос талантливой книги Тамаша Ацела.

И когда после этой книги, рисующей самые первые шаги новой Венгрии, мы читаем небольшой, но очень выразительный и яркий рассказ молодого писателя Шандора Надь, то видим, как быстро набирает силу демократический строй.

В рассказе идет речь о больших событиях в венгерской деревне Иллимань. Образовавшийся здесь сельскохозяйственный кооператив имени Петефи в короткий срок сумел показать всей деревне преимущества нового способа хозяйства. Крестьянин-единоличник Иштван Хайду, который был самым активным противником основания кооператива, сторонник жизни по старинке, «как деды жили», все чаще ловит себя на мысли, что, оставшись на своих позициях, он ничего не приобрел, а потерял много.

С великолепным знанием быта и крестьянской психологии Шандор Надь рассказывает историю внутренних колебаний простого венгерского крестьянина, завершившуюся тем, что он становится под надежное знамя Петефи. Полный юмора и света, этот рассказ свидетельствует о стремительном росте не только новых форм жизни в Венгрии, но и ее новой литературы.

В Китае и в Венгрии прогрессивная литература развивается на основе новой действительности. В этих странах свергнуто иго империализма и строится новая жизнь. Пафос литературы этих стран коренится в происшедших великих переменах.

Но и там, где народ остается еще под пятою империализма, все его помыслы, все его чаяния устремлены к защите мира, демократии и социальной справедливости. И как бы реакция ни стремилась задушить голос литературы, выражающей эти чаяния народа, она бессильна это сделать. Усиливающийся с каждым годом рост прогрессивной литературы в странах империализма является одним из глубоко значительных явлений современности.

Роман молодого французского писателя Андрэ Стиля «Первый удар» представляет одну из интереснейших книг современной прогрессивной литературы. Как и все, что написано Андрэ Стилем, которого продажное реакционное правительство посадило в тюрьму вскоре после присуждения ему самой почетной в мире литературной премии, роман «Первый удар» отличается глубоким знанием жизни французского рабочего класса. В романе изображены наши дни. Автор писал по горячим следам событий, вместе с тем ему удалось очень внимательно разобраться в их ходе и значении.

Андрэ Стиль изображает жизнь одного из французских портов, захваченных американцами. Таким образом, он берет острую, кровоточащую тему, ибо нет ни одного честного француза, который не переживал бы, как свое бесчестие, чудовищный факт американской оккупации.

Рассказывая, как живут трудящиеся порта, автор рисует типичную картину нужды и лишений. Докеры ютятся в сохранившихся дотах Атлантического вала, голодают, ходят оборванными. Все это стало обычным. Но Андрэ Стиль не идет на поводу у очень распространенной во Франции и всегда имевшей реакционный смысл литературы, героями которой являются скромные, примирившиеся со своей бедностью люди. Он свидетельствует о том, что трудности и лишения не деморализуют людей. Он показывает трудящихся, которые готовы на все, чтобы устранить причины, вынуждающие их бедствовать. Это люди нового склада.

Андрэ Стиль с большой яркостью изображает великую силу, которая возвышает его героев, делает их непобедимыми борцами. Эта сила — французская коммунистическая партия. О ее работе в низах, о ее ячейках, воспитывающих трудящихся Франции в духе сопротивления реакции и американской кабале автор рассказывает с глубоким проникновением, взволнованно, развертывая перед нами обширную галерею народных характеров.

Он приводит впечатляющие факты, подтверждающие, что французский народ не потерпит национального унижения, на которое его ныне обрекли. Ненависть к американским захватчикам и к французским лизоблюдам клокочет в массах. Андрэ Стиль рисует такую Францию, которая поистине страшна и для играющих в чехарду министров, и для американских режиссеров этой игры. Это непокоренная Франция.

Знакомясь с этой народной Францией, возмущенной теми, кто обрекает ее на унижение и бесчестие, понимаешь, почему так часто слетают со своего кресла французские горе-премьеры. Они пытаются усидеть на вулкане.

Роман «Первый удар» убедительно свидетельствует о том, что эта народная Франция богата силами, мужеством, энергией. Пафос ненависти к врагам народа, которым проникнуто новое произведение Андрэ Стиля, приобретает особенно грозную убедительность.

Таковы произведения зарубежной прогрессивной литературы, удостоенные Сталинских премий. Они становятся в один ряд с произведениями советской литературы, ибо воплощают в себе стремление народов к миру, свободе и независимости.

Присуждение почетных премий является значительным творческим стимулом для прогрессивной литературы во всем мире. Оно служит культурному сближению прогрессивного человечества и сплочению верных своему долгу писателей всех стран и континентов, в едином строю защищающих дело мира, свободы и будущего.

Произведения писателей-лауреатов дают наглядное представление о нарастании творческих сил всенародного лагеря мира. Что объединяет все произведения, отмеченные в качестве выдающихся достижений прогрессивной литературы? Их объединяет ненависть к врагам народа и глубокая уверенность в том, что дело мира восторжествует. Эти произведения с исключительной ясностью выразили основные характерные черты современной прогрессивной литературы — тесную связь с жизнью и чаяниями широких масс, мужественную убежденность в том, что пробудившиеся могучие силы народов предотвратят нависшую над человечеством угрозу войны.

И при всем ярчайшем своеобразии каждого писателя и каждого произведения, все они типичны для зарубежной прогрессивной литературы нашего времени и представляют ее основной творческий ориентир. Эти произведения являются оружием мира в полном и самом глубоком смысле слова.

5

В литературе капиталистических стран современной Европы происходит резкое и решительное размежевание — лагерь мира привлекает к себе живые, творческие силы, лагерь реакции охвачен маразмом человеконенавистничества и духовного разложения. Еще никогда этот контраст не достигал такой абсолютной наглядности. Ни один честный историк современной литературы не может не исходить в своих суждениях из этого важнейшего исторического обстоятельства, и если буржуазная критика судорожно от него отмахивается, закрывая глаза на то, что́ есть,— этим она только разоблачает свою циничную лживость и свое профессиональное шарлатанство.

Рост и достижения литературы, защищающей мир, неоспоримы, очевидны и внушительны; империалистическая реакция свирепо борется против этой ненавистной ей литературы при помощи замалчивания, клеветы и террора,— но разве можно скрыть от масс правду?

Отражая растущее возмущение масс преступными действиями поджигателей войны, передовая литература в странах капитализма приобретает все большее значение и вес. Это голос народа. В правдивых произведениях этой литературы воплощены надежды и чаяния миллионов простых людей, сознающих силу своей прочно сцементированной сплоченности.

Даже самый краткий обзор основных произведений прогрессивной литературы в капиталистических странах современной Европы приводит к выводу об огромном богатстве творческих сил, которыми располагает лагерь мира.

Возьмем в качестве примера маленькую европейскую страну Данию. В наше время страною большой литературы ее сделали не безвестные бумагомаратели, пресмыкающиеся перед американо-английскими оккупантами, а смелое, правдивое и подлинно народное творчество Мартина Андерсена Нексе, который по праву может быть назван крупнейшим европейским писателем, гордостью и украшением всемирной прогрессивной литературы.

Рядом с Нексе выступают его талантливые соратники, преданно отстаивающие интересы своего народа. Среди них отметим мужественных антифашистов Ганса Кирка, Ганса Шерфига. Романы Шерфига, разоблачающие античеловечность капитализма, его сокрушительная, полная сарказма публицистика, клеймящая врагов родины — американских оккупантов и их подлых прислужников,— показывают, что передовая литература Дании является крупной силой, призванной «бороться на фронте свободы, прогресса и на фронте человечества».

В Мартине Андерсене Нексе нашли свое прекрасное воплощение качества народного писателя, писателя-бойца. «Место писателя — в авангарде человечества»,— говорит Нексе, показывая всей своей жизнью пример такого понимания писательского долга.

Страстное слово Нексе раздавалось на многих вошедших в историю собраниях в защиту мира. Он говорил от лица тех, в ком «живет сила молодости». Он защищал жизнь и будущее от посягательства злейших врагов человечества. С презрением и ненавистью разоблачает он преступления «королей доллара и их гвардии гангстеров и воров», которые держатся на своих постах до тех пор, пока им «удается вводить людей в заблуждение».

Своим ярким, глубоко своеобразным, пересыпанным блестками юмора, насыщенным народной мудростью языком Нексе

умеет с исключительной силой выразить чаяния миллионов людей. Убедительно раскрывается в статьях и речах этого писателя рост сознательности масс. Нексе с удовлетворением свидетельствует, что простой человек нашего времени, это «человек, лицо и мысли которого обращены к солнечному восходу». Массы теперь уже не те, какими были когда-то, они уже не позволят империалистам обмануть себя, как это удавалось раньше.

«Мы живем в решающее время,— пишет Нексе,— в такое время, когда по всему свету раздается могучий призыв: «Мир, борьба за мир!» Но не за тот мир, который будет подарен нам по ту сторону жизни, в лоне Авраамовом.

Пусть же мир, боевой мир, как можно скорее одержит окончательную победу» [1].

Как известно, некоторое время тому назад Нексе (ему уже более 80 лет) покинул Данию и переехал на постоянное жительство в Германскую Демократическую Республику. На родине он воспитал внушительный отряд борцов за мир и независимость, в Германии он будет окружен еще более многочисленными сорагниками и друзьями.

В других скандинавских странах крупные силы литературы становятся под знамя мира. Известный шведский писатель Артур Лундквист, до недавнего времени остававшийся «в стороне от схватки», пришел к убеждению, что он неправ, и теперь искренне стремится связать свое творчество с борьбой народных масс против войны и реакции. Исландский писатель Халдор Лакснесс борется за мир и разоблачает провокаторов войны, которые проявляют жадный интерес к его далекой северной родине.

Выдающийся голландский писатель Тейн де Фриз является душою движения сторонников мира в этой стране.

Выражая возмущение миллионов простых людей, узнавших, что американские захватчики применяют бактериологическое оружие в Корее, Тейн де Фриз выступил с гневным стихотворением «В мире бацилл».

Описав, как «держава Кока-Кола» стала рассадником чумы, тифа и холеры, он показывает дальнейшее развитие событий:

Пока вся эта нечисть рассуждала
О том, что их просперити настало,
Явился Человек и гневно заявил:
«Все человечество меня сюда послало,
Чтоб варварству конец положен был,
Мы не дадим обречь себя на муки!»

[1] Мартин Андерсен Нексе. Избранное. Гослитиздат, 1949, стр. 433.

И Человек, по правилам науки,
Враз уничтожил весь микробный сброд,
Как повелел ему простой народ.
И уходя, понятными словами
Спокойно вывел надпись вдоль стены:
«Мы точно так поступим с главарями
Бактериологической войны!» [1]

(Перевод С. Михалкова)

В маленькой Бельгии много прогрессивных писателей, имена которых известны далеко за пределами их родины. Крупнейший бельгийский писатель Франс Элленс, который знал Верхарна и нашего Горького, защищает мир и культуру в одном строю с молодыми талантливыми писателями Шарлем Моисс, Шарлем-Луи Паррон. С отважным мужеством рассказал Паррон простым людям правду о Бельгийском Конго, на которое наложили свою лапу американские поджигатели войны, привлеченные туда залежами урана. Ита Гассель в поэме «Корея касается всех» с большой силой описывает то сочувствие, которое возбуждает борьба корейского народа за свободу у всех простых людей во всем мире. «От Кореи недалеко до Брюсселя!»

Повсюду разрастается литература, вдохновляемая благородной целью отстоять мир от посягательства заклятых врагов человечества.

В Англии, где массовое движение сторонников мира развертывается после продолжительного отставания и делает серьезные успехи, передовые писатели содействуют своим творчеством пробуждению масс, призывают народ к защите национального достоинства, попираемого американскими захватчиками, к защите великих ценностей национальной культуры.

Прогрессивные писатели Англии отстаивают независимость родной страны, продаваемой реакционными кликами. Руководясь интересами народа, они участвуют в борьбе за мир, за жизнь, за хлеб, за будущее.

В ее рядах до последнего дня своей жизни стоял Бернард Шоу, своими разоблачениями махинаций англо-американских империалистов оказавший большую поддержку делу мира. Произведения Шоу и сегодня клеймят поджигателей войны. Недаром реакционная печать ведет жестокую борьбу с ним и после его смерти. С глубоким уважением и симпатией относятся к этому крупнейшему английскому писателю сторонники мира, простые люди, другом которых он всегда был. Его мудрое, веское слово помогает английским демократам в борьбе за мир.

---

[1] «Литературная газета», 8 мая 1952 г.

Наряду с Шоу активнейшим борцом против новой войны является и другой маститый английский писатель Шон О'Кэйси. Свой огромный авторитет, с которым вынуждены считаться даже цепные псы реакции, он отдал движению защитников мира в Англии, оказав неоценимую поддержку благородному делу. Проза, драматические произведения О'Кэйси и его блестящая публицистика являются гордостью прогрессивной английской литературы.

Не ставя своей целью перечислить всех известных писателей прогрессивного лагеря, назовем еще лишь Джека Линдсея, автора ценных исторических романов, историка культуры, поэта и публициста, деятельного участника и организатора прогрессивного литературного движения в Англии, а также Джеймса Олдриджа, талантливого романиста, имя которого достойно быть названным в числе крупнейших прогрессивных писателей страны. Нельзя не отметить его замечательной роман «Дипломат», сорвавший маску с поджигателей войны, разоблачивший отвратительный цинизм и лживость правящего класса, готового на все, лишь бы удержать в кабале народ.

В этом романе изображен некий лорд Эссекс — матерый поджигатель войны и специалист по антисоветским провокациям, подвизающийся в дипломатических канцеляриях Лондона. Не ограничившись разоблачением Эссекса, талантливый автор нарисовал полный значения образ Макгрегора — честного человека, отказывающегося участвовать в кровавых заговорах империалистического лагеря, человека, понявшего, что нельзя молчать в такой момент.

Выступая в Москве на торжественном заседании, посвященном столетию со дня смерти Н. В. Гоголя, автор «Дипломата» сказал о преступных поджигателях новой мировой войны и противостоящей им силе народов:

«Гоголь сумел бы показать всю мерзость и низость тех, кто пытается вершить человеческие судьбы и строить свои расчеты на прибыльных сделках с мертвыми душами. Поистине нужен талант Гоголя, чтобы во всей полноте отразить весь ужас, *все безумие*, всю трагичность этого положения.

Но в наши дни, как мне кажется, Гоголю нетрудно было бы увидеть путь к лучшему будущему своего народа. И сегодня Гоголь со всей ясностью увидел бы перед собой этот надежный и безошибочный путь, и не только на примере России, но и во *всех* странах, где с каждым днем множатся ряды людей, которые отказываются превращаться в мертвые души ради выгоды акционеров войны» [1].

[1] «Новое время», 1952, № 12.

В творчестве передовых английских писателей, являющихся непримиримыми борцами за дело мира, находит отражение накапливающаяся народная ненависть к американским захватчикам и их прислужникам. Произведения эти активно содействуют расширению и укреплению народного движения защитников мира, которое еще далеко не достигло в этой стране надлежащего уровня.

В Италии высокого уровня достигает политическая сплоченность трудящихся. С исключительной мощью развернулось здесь народное движение в защиту мира. Оно охватило всю страну, сплотив в своих рядах миллионы простых людей. Передовая литература испытывает на себе благотворное воздействие этого могущественного подъема масс. В ряде ярких и значительных произведений воплощены неукротимая воля и энтузиазм народа, отстаивающего мир и демократию, дающего сокрушительный отпор реакции, служащей Уолл-стриту.

Известная итальянская писательница Сибилла Алерамо выступила недавно с книгой, которая имеет очень характерное название: «Мир молод». Это ощущение творческой силы, ощущение молодости Алерамо получила от народа, с которым она соприкоснулась и силы которого она впервые познала.

Талантливая Рената Вигано, автор романа «Аньезе идет на смерть», воссоздает образы народного мужества, с такой силой проявившегося в годы сопротивления ненавистным фашистским оккупантам. В этом произведении, очень характерном для передовой литературы нашего времени, приковывает к себе внимание полный благородства образ простой итальянской крестьянки, укрепившей своим подвигом ту «плотную стену сопротивления», которая встала перед гитлеровскими насильниками.

Всегда суровая и молчаливая Аньезе любит горячей материнской любовью каждого бойца за честь и свободу родины. Она не щадит себя, патриотический долг владеет всеми ее помыслами. Она презирает и ненавидит американо-английских «освободителей», убедившись, что они являются только новыми угнетателями и новыми врагами ее народа.

Нельзя без глубокого волнения следить за драматическим описанием судьбы этой женщины в романе Ренаты Вигано и нельзя не сопоставить этот образ, которым создавшая его литература может гордиться, с тем величественным и прекрасным гимном итальянским «гражданкам и матерям», который создал наш Горький в «Сказках об Италии».

Мы не знаем, знакома ли Рената Вигано с этим великолепным созданием Горького, в котором с глубочайшим проникновением раскрыты свободолюбие итальянского народа, его мужество

и духовная красота, но совпадение интонации явственно, и объясняется оно прежде всего тем, что и «Сказки об Италии», и образ Аньезе являются глубоко реалистическим постижением правды, в котором раскрылись глубины народной жизни.

«Прославим женщину — Мать, неиссякаемый источник всё побеждающей жизни!» [1]. Так начинает Горький свою девятую сказку об Италии, в которой рассказано о победе матери над «железным Тамерланом, кровавым бичом земли», «врагом мира», «разрушителем жизни», «человеком зла и ужаса», чья «железная стопа... давила города и государства». Крестьянка Аньезе вступила в поединок с таким же страшным врагом и одержала над ним великую победу. В этом пафос прекрасного романа Ренаты Вигано.

Сильвио Микели, автор романа «Коварный рай», Франческо Иовине, написавший роман «Проклятые земли», Либеро Биджаретти, воссоздающий живые образы людей из народа, Эцио Тадеи, показывающий мужественную борьбу за мир итальянского рабочего класса,— все это крупные, одаренные авторы, посвятившие свое творчество делу мира.

Развернутым строем талантов прогрессивная итальянская литература выступает в защиту интересов народа, в защиту мира и национальной независимости.

6

Среди всех капиталистических стран самого высокого уровня развития прогрессивная литература достигла во Франции. Конечно, в этом сказались мощные демократические традиции французской литературы, влияние Барбюса и Роллана, которое, естественно, проявилось здесь с особой глубиной. Но основа больших творческих побед прогрессивной литературы во Франции и широкой, неуклонно крепнущей консолидации ее сил коренится в том, что движение борцов за мир достигло в этой стране особого размаха и стало подлинно всенародным. Недаром во французском народе укоренились выражения — «страна Раймонды Дьен», «страна Анри Мартэна», подчеркивающие, что дело мира захватило широчайшие массы. Эти массы понимают, что независимость родины находится под угрозой, что американские империалисты хотят поработить Францию. «Нашу кровь хотят купить за доллары»,— с негодованием говорят французские патриоты.

---

[1] М. Горький. Собр. соч. Гослитиздат, 1951, т. 10, стр. 39.

Выражая готовность народа защитить мир, демократию и национальную честь, прогрессивная литература во Франции получает исключительные возможности и перспективы.

Французская реакция, рабски выполняя приказы своих американских хозяев, преследует и травит движение сторонников мира, во главе которого стоит великий ученый Жолио-Кюри. Французская реакция пытается приостановить победоносное наступление прогрессивной литературы, отстаивающей мир, но руки у нее коротки.

Ни тюрьмы, ни полицейские налеты, на которые возлагают все свои надежды мелькающие в министерской чехарде реакционные правительства, не могут заглушить голос лучших писателей страны.

В послевоенные годы эта литература выросла в крупнейшую общественную силу, в которой французский народ видит верного защитника своих жизненных интересов и свою национальную гордость. В прогрессивном лагере находятся лучшие французские писатели. Здесь мы видим, наряду с другими известными мастерами культуры, Луи Арагона, по праву являющегося главою литературного движения, и замечательного поэта Поля Элюара, а также многих талантливых авторов, начавших свой творческий путь в годы Сопротивления и в самое последнее время.

К сплоченному и внушительному отряду присоединяются все новые и новые силы, ибо здесь кипит бурная литературная жизнь, здесь создается подлинная литература — в противовес мертвечине и распаду, царящим в лагере реакции, где догнивают продавшиеся доллару мориаки.

«В переживаемый сейчас человечеством момент реальность борьбы за мир и свободу безгранично расширяет возможности писателя» [1],— говорит французский критик Жильбер Мюри. Такова эстетическая программа передовой французской литературы, борющейся за мир. Реализм и народность составляют ее исходные позиции. Эта программа, в основу которой положены заветы Горького, Барбюса, Роллана, является программой не только широчайшего объединения сил французской литературы, но и спасения ее от маразма и разложения, на которые ее обрекает империализм. В одной из своих статей Луи Арагон пишет, что писатель не может уклониться от выбора: с народом или против народа. Не существует никакого третьего пути, и не может быть нейтральных во всенародной борьбе за мир. Либо —

[1] «Аксьон» («Action»), 28 сентября 1949 г.

сторонник мира, либо — вольный или невольный пособник реакции!

Наглядное представление о масштабе творческих достижений прогрессивной французской литературы дает роман Арагона «Коммунисты», который стал событием, волнующим всю Францию. Автор показывает лучших людей нации в борьбе за независимость Франции и разоблачает кровавые дела предателей и врагов родины. Историческая по своему характеру, эпопея Арагона насыщена злободневнейшим содержанием. Она является огромным достижением передовой литературы во Франции.

Арагон ставит своей задачей показать борьбу французского народа в самые тяжелые годы исторических испытаний, в годы разгрома и оккупации, обнаружить корни той измены, которая привела Францию к катастрофе. В этой всеобъемлющей картине французской действительности впервые с такой полнотой освещается роль французских коммунистов как подлинных представителей своей нации и последовательных защитников попранного достоинства Франции.

Это обширное историческое полотно еще не закончено. Пока написана состоящая из пяти томов «первая эпоха» грандиозной эпопеи. Это произведение не имеет прямых образцов в истории французской литературы, хотя именно ей принадлежат такие многосюжетные композиции, как «Человеческая комедия» Бальзака и «Ругон-Маккары» Золя. Вместе с другими передовыми писателями Арагон совершает подлинный переворот в литературе, создавая произведения, которые стремятся рассмотреть важнейшие явления французской действительности с позиций социалистического реализма, поставив в центр внимания жизненные интересы народа. Новаторство Арагона и его соратников имеет в полном смысле слова историческое значение.

Действие романа начинается в 1939 г., накануне второй мировой войны. Четвертый том завершается событиями 10 мая 1940 г. Это был переломный момент, когда кончилась так называемая «странная» война, во время которой французская реакция, разыгрывая постыдный фарс, не вела активных боевых действий против Гитлера. Предатели Франции собирались участвовать в нападении на Советский Союз. Но 10 мая вторжением в Бельгию, Голландию и Люксембург началось генеральное наступление гитлеровских войск на Францию. Заключительный том, состоящий из двух книг, действие которых заканчивается в трагический момент, когда «преданный Париж ожидал нашествия фашистских орд»,— дает картину разгрома Франции, картину национальной катастрофы. Таков объем событий, описываемых в «первой эпохе» огромного романа.

Роман называется «Коммунисты» потому, что в нем правдиво показана историческая роль коммунистической партии Франции, показано, что только одна она способна спасти страну и дать отпор бешенствующей французской реакции, купленной американскими империалистами, победить старых врагов народа, которые снова ведут страну к гибели.

В романе Арагона представлены две, разделенные глубокой пропастью, Франции: Франция презренных «двухсот семейств», продавшихся ныне Уолл-стриту так же, как они продавались Гитлеру, и Франция героического, свободолюбивого и трудолюбивого народа. Книга Арагона насыщена гневом и ненавистью по отношению к врагам, предателям Франции, к той растленной верхушке, которая готова пойти на все, лишь бы удержать народ в кабале. Подробно описывая этот реакционный лагерь, автор разоблачает, в частности, гнусную роль продавшихся литераторов, которые содействуют своими мерзкими писаниями обману народа. Он показывает профашистских политиканов, которые служат своим империалистическим хозяевам, прикидываясь «демократами», «социалистами», «друзьями народа». Это презренное охвостье, которое однажды уже привело Францию к национальной катастрофе, сделав ее колонией Гитлера, сегодня снова управляет политикой так называемой «Четвертой республики».

Полные сарказма картины, разоблачающие лагерь реакции со всеми его подлыми провокациями, являются, собственно, историческими картинами, рисующими прошлое, но они имеют поистине жгучую актуальность и никто не рассматривает их как спокойное историческое повествование. Это — боевая книга, нацеленная в современных врагов Франции. Это книга бичующего реализма.

Главное и основное в романе Арагона — это народ. С огромной сосредоточенностью, глубиной и воодушевлением говорит писатель о надеждах и чаяниях простых людей Франции. Очень полно и вдумчиво он нарисовал в своем произведении образы людей из народа, в том числе французских коммунистов. Сквозь весь роман Арагона проходят образы французских коммунистов, ряд крупнейших деятелей партии, выступающих под собственными именами, и низовые работники, действующие в самых разнообразных условиях, в частности, в армии, где враги Франции травили и преследовали всякого, кто становился на их преступном пути.

Показав беззаветную деятельность французских коммунистов в этих труднейших условиях, их удивительную способность работать в самой тяжелой обстановке, поразительное уменье спла-

чивать вокруг себя честных людей, поддерживать тех, кто падал духом, Арагон сделал очень наглядным неоспоримый вывод: французские коммунисты являются лучшей частью нации, гордостью и славой своего народа. В то время, когда партия подвергалась невероятным преследованиям, французские коммунисты боролись за честь и достоинство Франции, за ее будущее.

Обширная галерея образов коммунистов в романе Арагона знакомит нас с новыми людьми Франции. Эти образы в высшей степени привлекательны. Коммунисты были мудры в оценке событий, в самое тяжелое время они сохраняли присутствие духа и мужество — вот почему неуклонно возрастает авторитет этих людей в народных массах.

Роман Арагона, в котором раскрываются «страдания обманутых, покинутых и проданных масс», проникнут чувством глубочайшего уважения к народу, уверенностью в его силах. Автор «передал перипетии разгрома, не впадая в отчаяние» [1]. Это — большое достоинство нового произведения Арагона. Роман «Коммунисты» вдохновляет простых людей, укрепляет их в мысли, что народ непобедим, что он могущественнее, чем реакция, хотя внешне реакция и кажется сильной.

Произведение Арагона делает из пережитой его родиной национальной катастрофы большие, обязывающие выводы и показывает путь к спасению Франции. Роман отвечает надеждам и стремлениям народа — вот почему он сразу же стал популярнейшим произведением современной французской литературы. Французские романы не часто расходятся в таких тиражах, как правдивая и честная книга Арагона. Эта книга известна широчайшим слоям французского народа, она оживленно обсуждается на народных собраниях, очень часто с участием самого автора (как это принято у нас и что необычно для буржуазной страны). Образы, созданные Арагоном, глубоко запечатлеваются в народной памяти. Выполняющая благородную воспитательную миссию книга Арагона пользуется всенародным успехом. Ее влияние исключительно велико.

Вся французская прогрессивная печать самым положительным образом отзывается об этом произведении Арагона. Приведем суждение Марселя Кашена: «Наш товарищ Арагон внес новый выдающийся вклад в дело борьбы французского народа и борьбы за историческую правду. Его социалистический реализм, естественно, обращен к зрелости и разуму нации» [2].

Кашен воздает должное крупнейшему произведению прогрессивной литературы во Франции, подчеркивая, что патриотиче-

[1] «Юманите» («l'Humanité»), 5 мая 1951 г.
[2] «Юманите», 21 марта 1950 г.

ский роман Арагона представляет явление социалистического реализма, пробивающего себе путь и во Франции. Как известно, Арагон, опираясь на свои давние и глубокие связи с советской литературой, неоднократно выступал с серьезным теоретическим обоснованием новой эстетики. Он исходил из того, что прогрессивный писатель, будучи активным участником борьбы французского народа за демократию и мир, может и в современных французских условиях создавать произведения в духе социалистического реализма. «Коммунисты» убедительно доказывают этот тезис Арагона. То убедительное новаторство, которое проявляется здесь в покоряющей силе, исключительной полноте и глубине исторического повествования, изображающего новых людей Франции, есть новаторство социалистического реализма. И Жан Фревиль с полным основанием видит особое достоинство «поразительного повествования» в том, что «оно вливает в нас новые силы для продолжения нашей борьбы против смерти» [1].

Имя Поля Элюара, который является одним из лидеров прогрессивного литературного движения во Франции, известно во всем мире. Еще в годы Сопротивления он слил свою поэзию с борьбой народа и переживает сейчас настоящий расцвет своего творчества. В стихах, которые он сейчас пишет, вдохновляясь найденной, наконец, прекрасной возможностью писать для народа, для миллионов людей, он дает такие ясные, четкие, глубокие образы, находит такие прямые и весомые слова для выражения стремлений лучших людей своей родины, что поэт для немногих в недавнем еще прошлом, он стал широко популярен, стал настоящим народным поэтом. Теперь Элюар — поэт нового склада, трибун, уверенно чувствующий себя на больших народных собраниях, черпающий вдохновение в живительном соприкосновении с народными массами. Читая его новые стихи, нельзя не пережить глубокого волнения. С большой силой выражено в них прекрасное ощущение прилива творческих сил, ощущение того, что необъятны возможности, открывающиеся перед писателем, которого вдохновляет могучее народное движение. «Мы верим в себя, мы творим свою жизнь»,— говорит Элюар.

«Цель поэзии — полезная правда»,— называется одно из его стихотворений, в котором пафос действительности и борьбы за «переделку мира» провозглашается основой поэтического творчества.

Это — многообещающее направление во французской поэзии, реалистическое и вместе с тем патетическое. Элюар стремится к

[1] «Юманите», 5 мая 1951 г.

искренней простоте, к доступности своих произведений каждому простому человеку. За это массы так любят замечательного французского поэта, который уверенно перешел, по его прекрасному выражению, «от горизонта одного к горизонту всех» и воспел людей, которые «видят свою цель в жизни других».

Арагон и Элюар — крупнейшие писатели современной Франции, лидеры прогрессивного литературного движения — часто выступают как публицисты. Арагон является автором многочисленных и обычно получающих большой резонанс статей на актуальные темы литературы и жизни. Эта публицистическая жилка в передовом французском писателе нашего времени не случайна. Она свидетельствует не только о всесторонней талантливости этих людей, но и о том, что это — писатели нового типа, не прячущиеся по жалким и покосившимся «башням из слоновой кости», а смело выходящие на открытое поле боя, чтобы сражаться за правое дело. Это — писатели-бойцы, и неудивительно, что они так хорошо владеют оружием публицистики.

Нельзя не обратить внимания на то, что прогрессивное литературное движение во Франции располагает рядом первоклассных публицистов. Их деятельность имеет очень большое значение для борьбы за мир, демократию и независимость. Клод Морган, редактор журнала «В защиту мира», автор блестящих литературных и политических статей и талантливый романист; Андрэ Вюрмсер, автор известных романов и публицист, выступающий со статьями по злободневным политическим вопросам, много сделавший для того, чтобы познакомить французского читателя с советской литературой, хороший знаток ее и образованный теоретик, умеющий донести до французского читателя своеобразие советской литературы, убедительно пропагандирующий метод социалистического реализма; Пьер Декс, молодой литератор, выступивший с сокрушительным разоблачением реакции во время пресловутого процесса Кравченко, когда оба «обвиняемые» — Декс и Клод Морган, которых «американская партия» во Франции пыталась запугать судебной репрессией, стали грозными обвинителями тех, кто предал и продал Францию, и одержали блестящую победу над провокаторами войны, затеявшими этот провалившийся с треском авантюристический процесс; Андрэ Стиль, Пьер Куртад, Жан Канапа — замечательные французские публицисты, со страстью, увлеченно и талантливо делающие свое важнейшее дело. Боевой дух прогрессивных французских литературных изданий, среди которых особое значение имеет превосходная еженедельная газета «Летр франсэз», находит свое наиболее последовательное выражение в их выступлениях. Это настоящие оруженосцы французского слова.

Прогрессивный лагерь французской литературы отличается богатством сил, большим разнообразием талантов, богатством тем и образов, которые создают художники, идущие с народом. Большим достижением является то, что жизнь французского рабочего класса находит свое отображение в целом ряде произведений современной литературы. В этой связи значительный интерес представляет творчество молодого писателя Андрэ Стиля, голос которого озверевшая реакция пыталась заглушить стенами тюрьмы «Санте». Уроженец северной Франции, хорошо знакомый с шахтерской средою, он рисует живые образы французских рабочих, картины жизни и быта трудящихся и, что самое главное, показывает, как воспитываются и закаляются новые герои и бойцы за народное дело, как зреет будущее Франции.

Мы уже говорили о его романе «Первый удар». Привлекла к себе внимание и книга рассказов ««Сена» вышла в море», которая предшествовала этому роману. Автор ввел читателя в круг интересов и стремлений простых людей своей родины. Действие происходит в наше время, когда борьба трудящихся за мир, свободу и демократию достигла во Франции высокого подъема. Жизненная правда, раскрывающаяся в рассказах молодого автора, увлекательна и значительна. Описывая северный промышленный район Франции, Андрэ Стиль заставляет нас вникнуть в судьбы всей страны. Здесь идет ожесточенный бой за права трудящихся, за демократию и мир, бой, ареной которого является вся страна — от севера до юга — и в исходе которого заинтересованы все честные люди Франции. Шахтеры, докеры, кораблестроители, токари, рабочие консервных фабрик, с которыми мы знакомимся в рассказах Стиля,— не слепая масса, как любит представлять народ буржуазная литература.

Автор свидетельствует о том, что простые люди Денена, Френа и других городов, городков и селений промышленного севера начали прекрасно разбираться, где друзья и где враги их, и с непреклонной решимостью стремятся предотвратить новую мировую войну. Он показывает, как неуклонно растет сознательность масс. Не случайно большинство его рассказов полно воспоминаний о годах Сопротивления, когда народ ощутил себя силой, способной дать отпор ненавистным захватчикам.

Смертельно боится французская реакция и ее американские вдохновители живых традиций народного Сопротивления, но как ни стараются враги народа вытравить из памяти французов эти прекрасные традиции, они живы и зовут сегодня на бой за демократию и мир. Рассказы Андрэ Стиля дают наглядное представление о том, как растет сплоченность французских тру-

дящихся, крепнет их решимость предотвратить войну и уверенность в своих силах.

Описывая важные события, происходящие в одном из северных портов Франции, автор не указывает точно место действия, как бы подчеркивая этим типичность картины. Возможно, что это Дюнкерк. Реакционное проамериканское правительство тщетно пытается подавить сопротивление своим предательским действиям, оказываемое докерами, рабочими судоремонтных мастерских и верфей,— всеми трудящимися портового города. Не достигают своей цели ни многочисленные отряды «жюльмоковских охранников», ни войска, ни танки. Чем дальше развертывается действие увлекательного рассказа, тем больше мы узнаем о том глубоком единстве, которое связывает трудящихся портового города. Ни свирепый полицейский террор, ни раскольнические попытки профсоюзных провокаторов из «Форс увриер», никакие ухищрения омерзительной империалистической пропаганды, стремящейся отравить сознание честных людей,— ничто не может поколебать этого единства и сплоченности. Вот в чем непреоборимая сила народного движения, которое с таким превосходным пониманием действительности описал Андрэ Стиль.

Политика реакционного правительства, предавшего Францию американским захватчикам, встречает решительный отпор со стороны народа. Ненависть к предателям охватывает честных патриотов. В портах Франции докеры отказываются грузить оружие и боеприпасы, массовые антивоенные демонстрации трудящихся заканчиваются тем, что смертоносный груз войны летит на дно моря. Такой взрыв народного возмущения очень ярко передан в рассказе ««Сена» вышла в море». Самым главным и впечатляющим в этом произведении является то, что в нем с полной ясностью показано, кто является настоящим хозяином французского порта, в котором происходят описываемые события, как и настоящим хозяином всей страны. Это — не продажное правительство Кея или Плевена, а простые люди Франции, ее народ, берущий в свои руки защиту своих интересов и дела мира. Американским захватчикам и их презренным пособникам никогда не удастся поработить свободолюбивый французский народ.

Повествующая о мужестве непокоренной Франции, книга Андрэ Стиля, которую он сам называет «книгою рассказов в защиту мира», проникнута чувством веры в силу простых людей, сплоченных стремлением к великой цели — защищать мир и независимость своей родины.

Замысел «Первого удара» разросся в трилогию, и в начале 1952 года Андрэ Стиль опубликовал вторую часть ее под назва-

нием «Пушечный выстрел». Действие этого романа начинается в тот самый момент, когда оно закончилось в «Первом ударе», и происходит в том же самом портовом городе. Мы видим, как неудержимо разрастается лавина народного возмущения американскими оккупантами. Зреют гроздья гнева. Заключительная часть трилогии будет называться «Париж с нами».

Пьер Декс, о котором мы уже упоминали как о замечательном публицисте, является автором ряда романов выдающегося значения. В «Последней крепости» описывается один из фашистских лагерей смерти; эту правдивую, честную книгу нельзя не противопоставить тому отвратительному стремлению реакции оклеветать и унизить человека, которое проявилось в чудовищных произведениях предателей, настойчиво доказывающих, что в фашистском лагере смерти никто не способен сохранить свое человеческое достоинство, что животный страх перед неизбежным уничтожением все превращает в грязь и слякоть. Такие подлые книги наруку «американской партии» во Франции, которая всеми способами старается подорвать дух народного сопротивления. Нельзя переоценить значение гуманистического романа Декса, направленного против мерзкой реакционной клеветы на человека, романа, призывающего к борьбе против врагов человечества.

В романе Декса убедительно показано, что никакие лишения, муки, угрозы не могут сломить настоящего человека. В действительно страшных условиях людям удается сохранить надежный контакт, ощутить животворную силу сплоченности коллектива. Таких людей фашистские палачи не могут ни запугать, ни победить. В романе описан побег из концентрационного лагеря. Для того чтобы помочь осуществлению вызывающе смелого плана, заключенные уделяют часть своего голодного лагерного пайка, чтобы товарищи, которые должны бежать, могли накопить хоть немного сил для предстоящей им борьбы. Роман Декса обращен к богатствам человеческой души, к мужеству и достоинству человека. Это книга чистая и возвышенная. Она получила широкую известность во Франции, ее хорошо принял народ.

Герои книги Декса, будучи совершенно лишены какого бы то ни было общения с внешним миром, все-таки находили возможность добывать правдивую информацию и узнавали о блестящих победах Советской армии. Это была их великая радость и непоколебимая надежда, придававшая им силы и стойкость. С глубокой симпатией показаны в романе советские военнопленные, находящиеся в концентрационном лагере. Это мужественные, неустрашимые люди, преданные своей родине. Они послужили для всех заключенных примером, вдохновившим их на сопротивление убийцам.

Необходимо отметить еще одну сторону романа «Последняя крепость». В нем не только разоблачается реакционная французская нечисть, сотрудничавшая с гитлеровцами, но и показано, как нацисты, чувствуя приближение конца, возлагают все свои упования на американцев. Они видят в них своих преемников. Подчеркивая эту позорную взаимосвязь, писатель еще раз показывает глубину реализма, отличающую его первый роман.

В романе Декса «Призыв 42-го года», открывающем задуманную им трилогию, описана национальная катастрофа Франции, ее разгром гитлеровскими ордами и оккупация. Перед нами предатели родины, обрекшие ее на кабалу, и народные массы, убиваемые, обреченные на голод и страдания, перед нами — студенты Ренна и рабочие Парижа, готовящие отпор ненавистному врагу. Этот роман, полный скорби и гнева, в какой-то мере соприкасается с эпопеей Луи Арагона, он ставит перед народом те же неотстранимые вопросы, будит те же обжигающие воспоминания.

Защищая демократию и независимость Франции, прогрессивная литература сделала много для того, чтобы сохранить для последующих поколений боевые традиции народного сопротивления немецко-фашистским захватчикам, вооружить этими традициями современное движение французских патриотов.

В трех правдивых романах Жана Лаффита — «Живые борются», «Мы вернемся за подснежниками», «Роз Франс» — описаны годы Сопротивления. Эти произведения, весьма своевременно напоминающие о недавнем прошлом, знакомящие с драгоценным опытом народной борьбы, показывающие простых людей как мужественных, непоколебимых, смелых героев, получают особое значение в то время, когда подлая реакционная печать, купленная американскими оккупантами, изо дня в день пытается облить грязью эти священные для каждого честного француза воспоминания, стремясь вытравить их из народной памяти. Книги Жана Лаффита — книги простые, ясные и убедительные. Они наполняют надеждой сердце человека, убеждают его в том, что силы народа, силы демократии неисчислимы и непобедимы.

Большую тему Сопротивления освещают произведения Эльзы Триоле, Жана Фревиля, Леона Муссинака и других авторов. Прошлое перекликается с сегодняшним днем. Роман Поля Тийара «Бойцы ночи» рассказывает о замечательных деятелях партизанского движения, смельчаках, которые держали в страхе немецких оккупантов. Но после освобождения Франции эти герои Сопротивления подверглись издевательствам и преследованиям со стороны обнаглевшей реакции. В романе «Розы возвращения» описан именно такой факт, весьма характерный для политических

нравов «Четвертой республики». Новый роман Поля Тийара «Секрет господина Поля» разоблачает предательство французской буржуазии, ее продажность и отвратительное подобострастие перед угнетателями.

Защищая национальное достоинство Франции против новой унизительной кабалы, прогрессивная литература срывает маску с предателей, служащих американским оккупантам. Она стремится открыть глаза каждому честному человеку на то, что происходит в стране. Она ведет настоящий бой за демократию и независимость, будит сознание масс, сплачивает ряды защитников свободы и мира. Внимательно, с глубокой заинтересованностью всматривается она в близкую ей жизнь простых людей.

Прогрессивная литература богата произведениями, в которых с невиданной полнотой и проникновением изображается жизнь французского народа. Молодой писатель Пьер Гамарра в своих романах «Дети черного хлеба» и «Сирень Сен-Лазара», а также в своих новеллах рассказывает о тревоге простых людей, которые видят, что «в мире все идет не так, как нужно». В рабочем квартале Тулузы, который так живо описан в романе «Дети черного хлеба», назревает эта тревога; люди, терпящие лишения и бедность, видят, как реакция выползает изо всех щелей и все больше наглеет. У них сжимаются кулаки.

В романе «Сирень Сен-Лазара» мы встречаем рабочий люд Парижа, жизнь которого показана на протяжении одного года — года борьбы за мир. Действие заканчивается в 1951 г., и, таким образом, автору удается ввести своего читателя буквально в сегодняшний день. Решимость народа сохранить мир, употребив для этого любые усилия, запечатлелась в простом, искреннем и, хочется сказать, пластичном повествовании Пьера Гамарра очень ярко и выразительно.

Клод Руа написал роман «Ночь — покрывало бедных», в котором показаны парижские предместья, столь не похожие на увешанные крикливыми рекламами центральные улицы города. Элен Пармелен написала роман «Восхождение к стене», в котором обрисовала деятельность небольшой коммунистической ячейки в Париже. Для французской литературы это подлинно новаторское произведение. У автора есть дар проникновенной простоты, и она описывает собрание рядовой организации французских коммунистов так, что мы чувствуем живые связи этой группы идейно спаянных людей с чем-то более широким — с улицей, кварталом, всем Парижем. Подойдя к французской действительности с новой стороны, молодой автор раскрыл в своем произведении большие перемены, совершающиеся в жизни народа.

Отметим широкий диапазон передовой литературы, простира-

ющийся от увлекательных образов народного героизма, от картин французского Сопротивления до гневных, полных сарказма разоблачений предательства буржуазии. Затрагивая самые животрепещущие вопросы в своих реалистических произведениях, стремясь возможно шире охватить современную действительность, передовые писатели содействуют своим творчеством росту сознательности масс. Это — большая литература, сплачивающая простых людей, литература народная, являющаяся оружием мира. Ее яркими успехами гордятся все честные люди Франции.

Стремясь обобщить опыт передовых писателей, прогрессивный критик Жильбер Мюри с полным основанием назвал творчество этих писателей «литературой миллионных масс». Справедливо считая основоположником и зачинателем этой новой литературы во Франции Анри Барбюса, Мюри говорит о полном крахе буржуазного индивидуализма и о новых плодотворных отношениях между личностью и обществом, устанавливающихся в процессе всенародной борьбы за свободу, демократию и мир.

«Мы уже не верим больше в чудовище социального рока, бороться против которого нельзя и победить которое невозможно. Мы знаем, что скорбь и бессилие — удел одиночки, что человеческая личность не может проявить своего достоинства в индивидуалистическом «спасайся, кто может», что действия одного в согласии со всеми, так же, как и действия всех ради одного, составляют единственно приемлемый всеобщий закон, и что миллионы людей — единственный творец нашей сокровеннейшей свободы» [1].

Эти строки убедительно свидетельствуют о том, что прогрессивное литературное движение оказывает глубокое воздействие на писателей, заставляя их по-новому взглянуть на мир, освобождая их от гибельного буржуазного индивидуализма. Соприкоснувшись с народом, писатель чувствует себя духовно возрожденным, его привлекают смелые, большие замыслы, которые так характерны для новой французской литературы.

Нельзя даже сравнивать эту живую жизнь подлинного творчества с маразмом, царящим в реакционном лагере, где «мертвые души» продолжают делать вид, что они живут. Широкие горизонты раскрыла борьба за мир перед литераторами. В боевом духе, в подлинной народности — корни того глубокого оптимизма, которым проникнуты произведения передовых демократических писателей Франции, представляющие грозный контраст гниющей псевдолитературе реакции и предательства.

Связь с историческими традициями прогрессивной литера-

[1] «Аксьон», 28 сентября 1949 г.

туры, на которую указывает Жильбер Мюри, плодотворно сказывается на творчестве писателей, защищающих мир. Она помогает передовой литературе расти, идти правильным путем.

Молодой поэт и критик Жан Марсенак очень верно определяет то, что, как он говорит, «составляет величие Барбюса».

«Намного опередив нас, он осознал, каким путем нам предстояло идти, и осветил дорогу, которая отныне стала нашей. Он был тем, кем отныне становятся самые честные и самые сознательные из нас. Он был писателем общественным, человеком, который говорит отнюдь не от своего имени, чей голос является анонимным голосом множества людей, он был человеком, который выражает их мысли, формулирует истину» [1].

Традиция Барбюса — действительно богатая и прекрасная традиция. Современный французский писатель сознательно продолжает путь, начатый Барбюсом, идет вперед, вооружившись его богатым творческим опытом, и это наполняет его сознанием силы и уверенностью.

Французские писатели, борцы за мир и свободу, опираются и на благородные традиции Ромена Роллана, чьи пламенные призывы к борьбе против фашизма, против поджигателей войны сохраняют и поныне всю свою силу. В обращении французских деятелей культуры в связи с пятилетней годовщиной со дня смерти Роллана говорилось: «Герой мира Ромен Роллан знал, что мир не дается просто и что, в противовес блеющему пацифизму тех, кто смирился перед Гитлером и примирился с поражением, мир добывается только в борьбе» [2].

С такой интерпретацией антивоенных взглядов Роллана можно целиком согласиться. Став подлинным «солдатом действия», крупнейший французский писатель завещал французскому народу организованно, активно, сплоченно бороться за защиту мира.

В журнале «Сторонники мира» было опубликовано обращение Ромена Роллана к конгрессу «Мир и свобода», который состоялся в 1938 г. в Париже, в зале Плейель, вскоре после подписания предательского мюнхенского соглашения. В те грозные дни, когда опасность войны была уже ощутимой, Ромен Роллан видел единственную надежду мира в организованности народов. Со всею решительностью он заявил в своем обращении, что нельзя ни при каких условиях отделять борьбу за мир от борьбы за свободу. Как известно, «блеющие пацифисты» занимались именно обособлением борьбы за мир от всякой другой борьбы народов

[1] «Леттр франсэз» («Les Lettres Françaises»), 15 сентября 1949 г.
[2] Там же, 29 декабря 1949 г.

и, таким образом, открывали войне ворота. Заклеймив этих провокаторов, прикидывавшихся сентиментальными мечтателями, Ромен Роллан напомнил тогда, что борьба потребует напряжения всех сил и великого мужества: «Мужество! — Никогда еще мы в нем так не нуждались; никогда еще враги человеческого прогресса, прочного мира и свободы так не стремились вероломно искоренить мужество в сердцах людей при помощи страха» [1].

Мудрые слова Роллана кажутся сказанными сегодня. И правдивые, ясные образы прогрессивной французской литературы, образы мужества, человеческого достоинства, стойкости — естественно восходят к творческой программе Роллана и Барбюса. Сегодня во Франции в широких масштабах осуществляются те эстетические лозунги, которые были выдвинуты этими великанами и которые приобрели предельную актуальность, стали насущными для современного литературного движения, ибо самой главной задачей стала защита мира и собирание всех живых сил для этого великого дела. Передовая литература во Франции уверенно идет путем, который был проложен ее зачинателями.

Движение в защиту мира привлекает в свои ряды писателей различных политических, религиозных и философских убеждений. Во Франции существует широкий фронт писателей, художников, ученых и других деятелей культуры, единодушно участвующих в борьбе за мир. Среди них есть писатели-коммунисты, молодые, как Декс или Гамарра, и маститые, как Арагон и Элюар, представители других партий и не состоящие ни в каких партиях, но все это люди, связавшие свое творчество с народом.

Известный французский писатель Ренэ Жугле, активный участник движения сторонников мира, написал правдивый роман «Гроза». Прогрессивная критика называет это произведение самой «резкой книгой о послевоенном периоде, который принял облик измены Освобождению» [2]. Резко и прямо говорит Жугле о том, что реакция, совершая новое иудино предательство, стремится вытравить из памяти французского народа священные традиции национального Сопротивления и расправиться с его участниками. «Это книга о Франции, в которой голодно и холодно, где иссякает вдохновляющая жизнь надежда». Как действительно правдивый писатель, Жугле не может пройти мимо того, что реакции удается сбить с толку какое-то количество людей, внушить им чувство безнадежности и страх перед будущим. Он выводит на сцену ряд таких надломившихся, «анестезированных», как он их называет, людей, которые сдаются перед трудностями и отступают.

[1] «Сторонники мира», 1949, № 5.

[2] Статья Пьера Декса в «Леттр франсэз», 16 марта 1950 г.

Если бы он со всей откровенностью написал только это, и тогда его роман имел бы немалое значение. Но Жугле идет дальше и противопоставляет надломившимся людям других людей, которые, подобно коммунисту Дюмонтье, идут вперед и борются. Писатель думает о том, как поднять дух отчаявшихся, и показывает в своем романе, как из «смятения нашего времени поднимаются мужественные и смелые люди, не теряющие надежды, люди, идущие вперед, люди будущего».

Поставив перед собой такую задачу, честный писатель не может не придти к выводу, что подобными людьми, лучшими людьми Франции, являются коммунисты. Правдиво отражая то, что совершается в действительности, литература неопровержимо утверждает это. Образ коммуниста начинает занимать в ней подобающее место. Не только Арагон, Стиль, Пармелен, Декс раскрывают этот образ, но и писатели, не разделяющие, подобно Ренэ Жугле, коммунистических убеждений. Правдивый писатель не может не говорить о том, что так глубоко вошло в действительность. Литература свидетельствует, что коммунисты — это передовые, смелые, непоколебимые борцы за процветание и независимость Франции.

Некоторые писатели пришли в прогрессивный лагерь издалека, преодолев прежние ошибки и заблуждения. В этом отношении интересен первый роман Жиллеты Зиглер «Я была в ПСФ». ПСФ — это «французская социальная партия», известная деголлевская фашистская организация, которая была создана еще до второй мировой войны. Жиллета Зиглер рассказывает в своих очень искренних и документально точных воспоминаниях, как она попала в 1934 г. в ловушку этой партии. Когда началась война, она убедилась, что обманувшие ее демагоги стали усерднейшими агентами Гитлера, и поняла, что место честной француженки в рядах Сопротивления. Она нашла свой путь к простым людям и заслужила их доверие. С возмущением разоблачает Жиллета Зиглер в своей откровенной, честной книге коварную демагогию, при помощи которой реакция ловит людей шатких и отсталых. Эта полезная книга наглядно и беспощадно разоблачает подлые маневры врагов мира.

Андрэ Вюрмсер метко назвал современность «эрой пробуждающегося сознания». Во многих произведениях прогрессивной литературы мы встречаем людей, нащупывающих новый путь. Клод Морган рассказывает нам о них в содержательном романе «Путешественник без компаса», Пьер Куртад, избирая главным действующим лицом своего романа «Джимми» американца, оказавшегося во Франции,— разрабатывает ту же важную тему. И у Клода Моргана, и у Куртада с большой силой разоблачения

описывается реакционный лагерь — царство запустения и смерти.

Многие пришли в прогрессивный лагерь с противоположного берега. Многие рассказывают о том, как это совершилось. Французская критика не случайно пользуется термином «роман перехода».

По мере того как совершается дальнейшее расширение прогрессивного лагеря, возникают все новые и новые «романы перехода», самые разнообразные по своему содержанию, по описанным в них переживаниям человека, который порывает с прошлым. Подобные произведения стали типичными. Типичным «романом перехода» является и прекрасная книга Луи де Вильфоса «Эллена Мор». Судьба автора ее крайне интересна и поучительна. Луи де Вильфос, морской офицер, служил на корабле, принадлежавшем к той части флота, которая попала в Александрию. Честный молодой республиканец не примирился с властью Петена, в то время уже воцарившегося во Франции. Он бежал в Лондон к де Голлю, преодолев много препятствий на своем пути. Довольно быстро он понял, что де Голль тоже предатель, отличающийся от Петена тем, что он маскируется под сторонника народного сопротивления. Тогда блестящий офицер нашел путь к народу.

В романе «Эллена Мор» в своеобразном художественном преломлении воссозданы обстоятельства глубокого внутреннего кризиса, который пришлось пережить автору, прежде чем он ступил на новый берег.

В этой книге, привлекающей своей искренностью и взволнованностью, рассказана история молодого английского морского офицера, который охвачен мучительными сомнениями и колебаниями и в решающую минуту, когда ему приходится выполнять невыносимую для него роль карателя индусов, отказывается стрелять в толпу демонстрантов. Пусть редким явлением будет подобный английский или французский офицер, который приходит к такому выводу и оказывается достаточно смелым для того, чтобы порвать со своими старыми связями и перейти в другой лагерь, но важно, что уже есть и такие, о чем свидетельствуют талантливый роман Луи де Вильфоса и его собственная биография. Это произведение пользуется большой известностью во Франции, оно получило высокую оценку прогрессивной критики, как выдающееся явление современной литературы.

Пользуется известностью книга Жанины Буиссунуз «Десять за одного», в которой дана яркая картина народного сопротивления фашизму и немецким оккупантам в Италии. Действие происходит в Риме и его окрестностях весною и осенью 1944 г., т. е. в тот период, когда на юге Италии с черепашьей медленностью продвигались англо-американские войска, а население ос-

тальной Италии подвергалось насилиям немецко-фашистских банд. Автору удалось показать, как простые люди Италии сплотились под влиянием охватившего их возмущения и стали внушительной силой, о которую разбивались все усилия фашистов. «Мирный и совсем не воинственный народ, хотя из него и пытались сделать захватчика, показал способность к решительному подъему, когда его независимость оказалась под угрозой» [1]. Италия жила в этот период в обстановке кровавого террора — «повсюду мертвецы — на деревьях, на мостовой, в речках», но именно в таких испытаниях и обнаруживается мужество безымянных народных героев, которые сражались и умирали, чтобы здравствовала Италия.

Книга Жанины Буиссунуз является наглядным свидетельством близости прогрессивной литературы Италии и Франции, рожденной единством цели массового движения против войны и фашизма. Нельзя не сопоставить эту книгу с повестью Ренаты Вигано «Аньезе идет на смерть». Оба произведения стремятся раскрыть образы людей из народа, поднявшихся до высокого мужества, преданных своему патриотическому долгу.

В лагере прогрессивной французской литературы мы видим талантливого романиста Роже Вайяна, автора «Странной игры», «Смелой поступью», «Романа одинокого молодого человека» и ряда других произведений, имевших большой успех. Буржуазная критика долгое время превозносила Роже Вайяна, называя его «новым Стендалем» и рассыпаясь перед ним в самых горячих признаниях. Этим реакция пыталась привлечь писателя на сторону продажной «американской партии». Но после того как Роже Вайян выступил с пьесой-памфлетом «Полковник Фостер признает себя виновным», в которой он пригвоздил к позорному столбу американских убийц, терзающих Корею, реакционная печать начала поносить Роже Вайяна, забыв обо всем, что она раньше, захлебываясь от восторга, говорила по его адресу.

В дни, когда правительство Пинэ держало за решеткой Жака Дюкло, мужественный борец за мир, демократию и справедливость Роже Вайян подал заявление о вступлении в коммунистическую партию, партию Дюкло и Тореза.

Многозначительным фактом, свидетельствующим о том, что современное прогрессивное литературное движение во Франции стало широким объединением разнообразных писательских групп, является сотрудничество в нем писателей-католиков. И хотя убеждения Арагона, Элюара и известного католического писателя Луи Мартен-Шоффье во многом противоположны, их

[1] Janine Bouissounouse. Dix pour un. Paris. Les éditeurs français réunis, 1950, p. 51.

сближает и объединяет великое дело мира. Это самая широкая платформа, на которой объединяются все честные люди различных политических и религиозных убеждений.

«Американская партия» во Франции неистовствует при виде столь широко развернувшегося фронта писателей, которые сплотились, чтобы защитить мир, свободу и независимость родины. Агенты империалистической реакции предпринимают самые грязные провокации, чтобы отколоть писателей от лагеря мира. От времени до времени им удается обмануть или купить кого-либо, но это означает лишь возвращение в реакционное болото какого-нибудь мелкотравчатого ренегата вроде Жана Кассу. А литература, борющаяся за мир, продолжает крепнуть и развиваться потому, что она непобедима, сколько бы ни лезли из кожи реакционные заправилы.

В одной из своих статей Пьер Дебрей, молодой католический писатель, автор очень интересной книги о Советском Союзе, объясняет, что католик, защищающий идею мира, социальной справедливости и свободы, не может оставаться в стороне от всенародного движения сторонников мира, ибо религиозные убеждения не могут служить препятствием к сотрудничеству с прогрессивными силами Франции, когда речь идет о жизни и смерти родины и всего человечества.

«Я лично занял четкую позицию,— пишет Дебрей.— Я принял руку, протянутую мне коммунистами... никакие декреты и инквизиции не смогут заставить меня отказаться от деятельности, которая одна только, на мой взгляд, может спасти страну. Во имя Христа от меня можно потребовать всего, но только не предательства Франции» [1].

Это писалось уже после того, как Ватикан начал расправляться с католиками, борющимися за мир.

Луи Мартен-Шоффье, являющийся председателем Национального комитета писателей,— организации, которая объединяет прогрессивные силы французской литературы,— неоднократно выступал с заявлениями в защиту мира и с призывами ко всем честным людям сплотиться для защиты мира.

Не будет преувеличением сказать, что все лучшее в современной французской литературе защищает мир и свободу. И только в порядке циничного издевательства можно называть литературой нечистоплотную и бездарную продукцию последователей экзистенсиализма или евро-африканские манипуляции ренегата Мальро, поступившего в лакеи к де Голлю и распространяющего бредни о предстоящем объединении Европы с Африкой с целью

[1] «Леттр франсэз», 7 июля 1949 г.

обеспечить искоренение коммунизма. Это бесстыдный маразм, не заботящийся даже о том, чтобы прикрыть свое отвратительное безобразие.

Прогрессивная литература — это и есть подлинная литература современной Франции. По сравнению с нею все остальное недостойно этого названия. Мориак или Дюамель или Мальро — это уже не литература, а мерзость запустения. И хотя реакционная печать стремится всеми способами подорвать значение литературы, защищающей мир, она не может заглушить мощный голос честных французских писателей и не может скрыть того, что эта литература пользуется огромным влиянием в стране.

Творческие достижения и неуклонный рост сил прогрессивного лагеря литературы связаны с тем, что борьба за мир и национальную независимость стала подлинно всенародной во Франции. Она охватывает всю страну от края до края, от Парижа до самых глухих уголков, всегда считавшихся безнадежным захолустьем.

Лагерь мира придает писателям сознание уверенности, они чувствуют под ногами твердую почву, перед ними открывается возможность настоящего творчества. Народная жизнь и борьба за мир и независимость родины дают писателям богатейший материал для творчества. Идейное богатство прогрессивного лагеря способствует их творческим достижениям. Вот почему здесь концентрируется, сплачивается все значительное. Здесь — будущее, здесь — жизнь и необъятные горизонты, раскрывающиеся перед взором тех, кто борется.

7

В Соединенных Штатах Америки народные массы еще не развернули борьбы за мир в том объеме, который соответствовал бы их огромной реальной силе. Можно сказать, что в этой стране, являющейся цитаделью современной реакции, еще не сформировалось широкое организованное движение сторонников мира и что в этом отношении Америка отстает от большинства других стран. Поджигателям войны до сих пор еще удается обманом, провокацией и кровавым террором удерживать миллионы простых людей в стороне от той великой борьбы за мир, которую ведет все прогрессивное человечество.

Но американский народ пробуждается. Сквозь все преграды движение сторонников мира в США прокладывает себе путь, заставляя всколыхнуться глубины народные. Ни рев растленного радио, ни потоки газетной отравы, низвергающейся на жителя Америки, ни угроза голода, тюрьмы и линчевания — не могут остановить борцов за мир, объединяющихся во имя великого

дела. Крепнет уверенность простых людей в их силах. Ряды их растут.

На состоявшийся в конце июня 1951 г. в Чикаго Народный конгресс в защиту мира собрались 5 000 делегатов со всей страны. В этой внушительной демонстрации наглядно проявились воля американского народа к миру и те серьезные сдвиги, которые происходят в сознании масс, начинающих понимать, что современные заправилы Америки ведут страну к катастрофе.

Прогрессивная литература США отражает, как в зеркале, своеобразие создавшейся обстановки. Она не получила еще такого размаха, как во Франции или в Италии, у нее еще нет такой плодоносной почвы, как всенародное движение защитников мира, охватывающее всю страну, но она с большим успехом, стойкостью, уверенностью ведет авангардные бои, содействуя духовному раскрепощению народа, пробуждая его сознание.

В этом — пафос современной прогрессивной литературы в Америке. Она неуклонно растет и с твердой уверенностью идет к своей цели, преодолевая все препятствия, при помощи которых пытается остановить ее наступление свирепствующий в стране фашистский террор.

Поджигатели новой мировой войны установили в Америке режим разнузданного террора. Жесточайшими преследованиями, каторжными приговорами, угрозой смерти озверевшая реакция стремится подавить ширящееся в стране возмущение преступными действиями олигархии Уолл-стрита. Профашистские законы Маккаррена и Смита, целая армия агентов американской охранки, руководимая пресловутым Эдгаром Гувером, огромный штат полиции всех видов, фашистские банды «Американского легиона» и многочисленных подобных организаций — все в Америке брошено против честных людей.

В таких условиях от прогрессивного американца, от писателя, который смело, во весь голос говорит правду, требуется немало мужества. Такие люди находятся. В них воплощены честь и достоинство народа. Это — подлинные бойцы, которых испытания закаляют. Писатель нового типа формируется в Америке в обстановке террора. Внушительное доказательство тому было дано еще осенью 1947 г., когда черносотенная комиссия по расследованию антиамериканской деятельности попыталась запугать прогрессивных писателей, работавших в Голливуде.

Во весь рост поднялись тогда Альберт Мальц, Джон Говард Лоусон, Далтон Трамбо и другие писатели — борцы за мир. Гордон Кан в своей книге «Прогрессивные деятели Голливуда перед судом» показал, каким издевательствам и преследованиям подвергла реакция многих талантливых деятелей литературы и

искусства. Мракобесы бесчинствовали, стремясь заставить честных писателей замолчать, стремясь изолировать их, оторвать от народа. Но цепным псам Уолл-стрита не удалось запугать смелых и убежденных в своей правоте людей.

Выступления многих литераторов, привлекавшихся по этому «делу», прозвучали как обвинительный приговор заправилам реакции. Лоусон, впоследствии брошенный в тюрьму, заявил, разоблачая преступников, захвативших власть в Америке: «Они хотят заглушить великий голос демократии... и вовлечь нас в катастрофическую и бессмысленную войну» [1].

Альберт Мальц заявил с гневом и возмущением: «Я предпочитаю умереть, чем быть плохим американцем, пресмыкающимся перед людьми, ...которые действуют в Америке так же, как орудовали в Германии Геббельс и Гиммлер» [2].

Голливудское «дело» показало воочию, что поджигатели войны являются злейшими врагами культуры. Оно имело большой резонанс в стране и привлекло к защите демократии и мира многих американцев, остававшихся ранее пассивными.

Какое большое влияние имеют лозунги свободы и мира на прогрессивную интеллигенцию США, показала конференция деятелей науки и культуры в защиту мира в Нью-Йорке (весной 1949 г.), в подготовке которой участвовали многие выдающиеся деятели культуры.

В обстановке начавшегося размежевания интеллигенции, когда сплочение всех прогрессивных деятелей стало важнейшей задачей, была написана брошюра Говарда Фаста «Интеллигенция в борьбе за мир». В ней ясно поставлен вопрос о том, что борьба за мир должна стать платформой, объединяющей всех честных и жизнеспособных писателей в стране. Фаст обращается ко всем американским писателям, художникам, ученым, которые «молчат сегодня», не принимая участия в развертывающейся борьбе. Считая с полным основанием, что «человечество, и теперь и в грядущие времена, не простит многим американским интеллигентам роли молчаливых соучастников преступления», Фаст призывает всех честных мастеров культуры принять активное участие в «великой коалиции всех миролюбиво настроенных граждан из всех слоев общества». Он призывает тех, кто, «будучи запуганы, сбиты с толку, растеряны, укрылись в надежных убежищах»,— очнуться от сковывающей их «летаргии умов» и действовать в защиту мира [3].

---

[1] Гордон Кан. Прогрессивные деятели Голливуда перед судом. Издательство иностранной литературы, 1949, стр. 89.

[2] Там же, стр. 102.

[3] Howard Fast. Intellectuals in the Fight for Peace, 1949.

Фаст доказывает, что антисоветская истерия, раздуваемая американскими империалистами, травля коммунистов и всех прогрессивно настроенных деятелей в США являются важнейшими составными частями злодейского замысла разжечь новую мировую войну.

В период кризиса 30-х годов реакция приложила бешеные усилия, чтобы подорвать намечавшийся значительный подъем народной литературы в США, и, действуя провокацией, запугиванием, подкупом, добилась молчания или открытой измены некоторых писателей. Своевременно напоминая об этих провокационных маневрах империалистической реакции. Фаст подчеркивает, что отрыв писателя от народа автоматически означает его творческую смерть. Только живая связь с народом может породить подлинное творчество.

Клеймя презрением ренегатов и предателей, сделавшихся подпевалами империализма, Говард Фаст призывает к самому широкому объединению всех честных писателей в защиту мира, свободы творчества и культуры. Фаст приводит заявление одного американского литератора: «Я не вижу причины, почему я не должен объединиться с коммунистами, если их цели в данное время справедливы и совпадают с моими»,— как свидетельство того, что, несмотря на разницу политических взглядов, честные писатели могут и должны быть едины в борьбе за мир.

В брошюре Фаста изложена творческая программа прогрессивной литературы и обрисована та трудная обстановка, в которой действуют честные американские писатели, защищающие честь и достоинство своей родины от произвола империалистических воротил. Автор показал, что те преследования, которым подвергаются писатели, связанные с народом, вызваны страхом перед правдой, перед массами.

Озверевшая американская реакция стремится всеми способами подавить нарастающее сопротивление войне, но она бессильна это сделать. Все прогрессивное в стране вынуждено существовать в самых тяжких условиях, но оно существует и укрепляется. Честная мысль подвергается жесточайшим преследованиям, писателей сажают в тюрьму только за то, что они говорят правду, но и в этих условиях появляется все больше произведений, служащих делу мира.

Инсценируя провокационные процессы, приговаривая прогрессивных литераторов к тюремному заключению, американская реакция пытается запугать их. Но подлинного борца за мир нельзя запугать, как нельзя задушить нарастающее возмущение масс. Это означает только, что каждому американскому писателю, защищающему дело мира, приходится проверять свои силы

в суровых испытаниях, закаляющих подлинно мужественных и смелых людей.

Озверелые поджигатели войны травят и преследуют Говарда Фаста, они посадили его за решетку, что было подлой местью за творчество, овеянное духом борьбы во имя свободы и мира.

Правдивые исторические романы Фаста «Последняя граница», «Дорога свободы» и другие развенчивают реакционные легенды о прошлом Америки. Фаст рисует яркие образы мужественных негров и индейцев, чьи потомки и поныне подвергаются в современной Америке гонениям и террору. Он показывает, что облик американских демократов прошлого грубо искажается злостными фальсификаторами в угоду империалистам и по их заказу.

В романе «Кларктон», написанном на современную тему, Фаст показывает на примере одной из многочисленных забастовок 1945 г. в США рост сплоченности рабочего класса, создает живые и убедительные образы американских рабочих, коммунистов, образы новых людей Америки, людей будущего.

Значительным явлением прогрессивной литературы в США является роман Александра Сакстона «Большая Среднезападная», также изображающий жизнь простого народа. В этом романе, охватывающем большой исторический период (1912—1941 гг.), описаны жизнь и борьба железнодорожников США. Слесарь Дейв Спаас — главный герой «Большой Среднезападной» — впитал социальный опыт нескольких поколений рабочего класса. Спаас — непримиримый борец, коммунист, человек особого склада. Появление на исторической арене таких выходцев из народа — очень важная для американской действительности черта, проницательно подмеченная писателем. Такие люди помогают американскому народу понять преступные махинации Уолл-стрита и сорвать кровавые происки поджигателей войны.

И в этом романе Сакстона, и в романе Фаста «Кларктон» с большой силой поставлена столь жгучая для Америки проблема расового неравенства, проникновенно, с глубоким сочувствием обрисованы образы негров-рабочих. И Фаст, и Сакстон далеки от сентиментального гуманизма в манере Бичер-Стоу. Ценность таких произведений, как «Кларктон» и «Большая Среднезападная», заключается в том, что в них показано глубочайшее единство интересов трудящихся независимо от цвета кожи. Негры, с которыми мы здесь знакомимся,— это борцы, сражающиеся плечом к плечу с белыми против империализма.

Сама действительность в США воспитывает все новых и новых бесстрашных и неукротимых борцов против империалистической реакции. Такие идейно закаленные борцы и организаторы

являются героями и романа Альберта Мальца «Глубинный источник», и романа Б. Мак-Генри и Фредерика Н. Майерса «Моряк на родине», где описана полная лишений жизнь американских моряков и портовых рабочих во время кризиса 30-х годов. Немногими, но очень яркими чертами отметили авторы «Моряка на родине» глубокую симпатию трудящихся Америки к Советскому Союзу. Когда Билли Фэррелу, американскому матросу, являющемуся главным действующим лицом романа, приходится встречать людей, побывавших в Советской стране, он засыпает их бесчисленными вопросам о социализме, о том, как вековечная мечта трудящихся о свободной и счастливой жизни претворена в действительность в России.

Уверенностью в том, что американский народ начинает пробуждаться, проникнуты все произведения передовых писателей США. Конечно, в этих книгах, обращенных к судьбам народа и стремящихся подметить начало великих перемен, не все достаточно убедительно, не все ясно осознано. Порой на талантливых новаторских произведениях лежит еще пыль того старого, загрязненного мира, в условиях которого они рождаются. Но все это не может поколебать серьезного значения подобных произведений. Подчеркивая «монументальные достоинства» романа Сакстона, называя автора одним из выдающихся американских писателей нашего времени, Говард Фаст писал: «Я горжусь этой книгой и силами, которые ее создали, а также великой традицией американской литературы, традицией Твена и Мелвиля, Уитмена, Лондона и Драйзера, из которой она выросла» [1].

Такие книги, принадлежащие перу лучших писателей, помогают бороться за мир, ибо они служат сплочению народа и проясняют его сознание, ибо они разоблачают диктатуру «желтого дьявола», обрекающую массы на нищету и разжигающую пожар новой войны.

Трудно переоценить значение подобных воинствующих произведений, срывающих маску с разбойничьего империализма, пробуждающих дух борьбы в простых людях Америки.

И как бы ни старалась лживая империалистическая пресса скрыть от народа эти произведения, они доходят до него, стучатся в его сердце, открывают ему глаза. Эта благородная литература борется за будущее, за раскрепощение своего народа, за избавление от ужасов новой войны, в которую хотят ввергнуть Америку ее преступные хозяева сегодняшнего дня.

Большое значение имеет правдивый роман Стефана Гейма «Крестоносцы», показавший американскую армию как армию,

[1] «Мэссес энд Мейнстрим» («Masses and Mainstream»), ноябрь 1948 г.

в которой укоренилось мошенничество. Честный демократ с возмущением обличает чудовищное уродство проникнутой духом фашизма американской военщины.

В основу романа легли наблюдения и факты. Это — убедительное свидетельское показание, разоблачающее империалистическую реакцию. Автор внимательно проанализировал роль, которую играла американская армия во второй мировой войне, трезво и глубоко разобрался в событиях и сделал важные выводы.

«Крестоносцы» Гейма вышли в свет в 1948 г. и даже если это не входило в намерения автора, то фактически его роман явился развернутым, обильно аргументированным контрвыступлением, направленным против появившейся в том же году книги Дуайта Эйзенхауэра «Крестовый поход в Европу». Сочинение генерала Эйзенхауэра, нагло извращающее исторические факты и фальсифицирующее действительность с первой до последней строчки, свидетельствует о намерении автора создать миф об американской армии, а заодно и об его собственных заслугах. Книга Гейма уже в силу одного того, что она правдива, решительно противостоит фальшивке Эйзенхауэра и всем тем многочисленным фальшивкам, которые плодят американские поджигатели войны.

Гейм описывает многие проявления трусости, отвратительного эгоизма, разврата, дикого пьянства, ибо такова действительность. Моральное состояние воинских частей, пораженных такими серьезными и опасными для их боеспособности пороками, не может не быть крайне низким, что сказывается и на боевых операциях, которые в той или иной мере показаны в романе.

Гейм не раз показывает бессмысленную гибель американских солдат, падающих жертвами невежества, предельной глупости и заносчивости начальства.

Чем больше мы знакомимся с теми важными, широко распространенными и поучительными фактами, которые подробно описываются в романе, тем яснее становится, что американская армия глубоко поражена язвой наживы и спекуляции. Становясь солдатом, американский обыватель очень часто продолжает считать своим высшим и неотъемлемым правом, своей главнейшей целью «делать деньги», это и приводит к весьма уродливым явлениям. Разъедаемая такой ржавчиной армия, естественно, не может быть на высоком уровне боеспособности. Торгашество, спекуляция, мародерство — это даже не болезнь, не порок американской армии, а самое последовательное выражение ее хищнической сущности. Поэтому все это неустранимо и неистребимо.

Полная смычка с остатками германского фашизма, полная

поддержка германских монополий, всемерное поощрение самых реакционных сил — вот чем занимаются представители американской армии в оккупированной Германии. Они поддерживают всяческую реакционную нечисть. В романе показано, как американцы старательно выискивают эту нечисть и как она тянется к ним, выползая из всех щелей. И, напротив, все прогрессивное, подлинно демократическое попирается представителями американской армии, которая становится рассадником реакции, силой препятствующей демократическому обновлению страны, оплотом мракобесия, выполнителем воли американских монополий.

Даже беглое изложение содержания романа дает представление о том, насколько ценен он своей встревоженностью, правдивостью описаний, смелостью свидетельств. Вскрытые им серьезные, глубокие и неустранимые чудовищные уродства армии коренятся в одной основной причине — это армия американского империализма, которую поджигатели войны цинично приспосабливают для достижения разбойничьих целей.

Полно глубокой иронии название романа, показывающего, что американские «крестоносцы» в Европе были орудием уолл-стритовского империализма.

Разоблачив с такой убедительностью и прямотой американскую реакцию, хозяйничающую в армии, Гейм ставит вопрос о том, как труден и сложен путь честного американца в подобных условиях. Сочувственными чертами рисует он целый ряд демократически настроенных, честных людей, попавших в затхлую, реакционную атмосферу армии. Некоторых из них просто напросто «ликвидируют», чтобы они не мешали. Другие пытаются идти против течения, рискуя многим.

Честные люди в американской армии видят, куда гнет империалистическая реакция. Уже в 1945 г. они предвидели возможность установления фашистского режима в США, понимая, что «если только фашизм восторжествует в Америке, то по сравнению с ним его германская разновидность окажется просто идиллией».

Ненависть к врагам американского народа, переполняющая автора и показанных им честных людей, зовет всеми силами защищать мир от фашистской заразы, от мерзких провокаторов новой войны.

О том, что против «злодеев, устраивающих в Америке пляску смерти» (слова Фаста), поднимается все больше честных и смелых людей, что возмущение провокаторами войны нарастает в США, свидетельствует каждая правдивая книга, которой удается проникнуть к читателю через рогатки, расставленные

фашиствующей реакцией. Такова действительность, настойчиво заявляющая о себе.

Большие, важные и неотвратимые вопросы поднял Митчел Уилсон в своем первом романе «Живи среди молний» [1]. Он приоткрыл завесу над мало исследованной литературой областью американской жизни. Благодаря этому роману, мы имеем возможность познакомиться с бытом, работой и настроениями американских физиков и с характерными представителями этой среды. А так как область физики, интересующая автора, и большинство ученых, выступающих в романе, непосредственно соприкасаются с проблемами атомной энергии, то эта сторона американской жизни, освещенная Уилсоном, приобретает особый интерес.

В романе показано незавидное положение ученого в США, все равно — работает ли он в знаменитом Колумбийском или малоизвестном Кемберлендском, или всяком другом университете. Здесь стараются заглушить творческую мысль и превратить ученого в чинушу, какими полны американские университеты. Серьезный исследователь по рукам и по ногам связан в своих научных исканиях рутиной мракобесия, господствующей в этих «храмах науки».

Стремясь вырваться из душной и бесплодной обстановки университета, герой романа Эрик Горин пытается найти выход в том, что начинает работать в промышленности. Он рассчитывает, что здесь его большие замыслы будут эффективно претворены в жизнь. Но он очень скоро убеждается, что предприниматели рассматривают его как нужную им наемную силу и совершенно не склонны интересоваться его творческими замыслами. Здесь царствует звериный закон наживы, и Эрик Горин вынужден порвать с промышленностью и продолжать поиски в другом направлении.

Действие романа охватывает большой и важный отрезок времени. Начинаясь в 1931 г., когда Америка была во власти тяжелого экономического кризиса, оно доходит до современных событий. Поджигатели войны стремятся превратить американских ученых-физиков в свое слепое орудие, сделать их убийцами человечества. Находятся ученые, которые продают свою честь и совесть и становятся соучастниками подготовки новой мировой войны.

Но есть в Америке и настоящие мастера культуры. В тот самый момент, когда разгул мракобесия достигает своей высшей

[1] Mitchell Wilson. Live With Lightning. Русский перевод вышел под заглавием «Жизнь во мгле».

точки, прорывается давно уже накапливавшееся в ученом возмущение условиями, мешающими честному человеку предаться научному творчеству. Его терпение иссякло. Он отказывается от всех благ, которыми хотят его подкупить поджигатели войны, и бросает им вызов.

Роман Митчела Уилсона, с такой наглядностью свидетельствующий о зависимости американского ученого от произвола гангстеров Уолл-стрита, приобретает особое значение потому, что в нем показано, как честный ученый-атомник, понимая, что его вовлекают в преступление против человечества, отказывается подчинить свое творчество кровавым целям империалистов.

В заключительной части романа описывается посещение несколькими учеными-физиками вашингтонского Капитолия. Эрик Горин и его друзья слышат в палате представителей речь некоего Сэйлса, типичного поджигателя войны. Показ того, как честные американские интеллигенты реагируют на речь этого «безумного человека с обезьяньим ртом», исступленно призывающего «уничтожать, окропить бомбами» мирные города далеких мирных стран, одну из тысячи речей, которыми пытаются сегодня развратить американский народ,— представляет очень убедительное сопоставление двух Америк. Мы узнаем, что Эрик Горин слушал эту речь «с окаменевшим суровым лицом, еле сдерживая гнев». В этом привлекательном образе мужественного человека, которого уже нельзя сбить с толку, автор романа «Живи среди молний» рисует фигуру, становящуюся все более типичной для современной Америки.

«Эрик смотрел вниз на пышущего злобой маленького человека и видел перед собой врага...» [1]. В этой короткой многозначительной фразе, как в капле воды, отражено то глубокое размежевание, которое происходит в современной Америке. Все больше становится людей, которые порывают с состоянием «безвольной покорности или тупой невозмутимости». Все больше поднимается людей, способных оказать сопротивление.

Правдивая, искренняя книга Митчела Уилсона, повествующая о честных американских интеллигентах, которые не хотят вступать в сделку с врагами человечества, с «зачинщиками кровавых схваток», и не позволят продать себя и надругаться над тем, что для них свято,— является реальным изображением тех глубоко значительных процессов, которые совершаются в настоящее время в США, и показывает, как кристаллизуются те силы, которые преградят путь войне и сорвут преступные замыслы американских империалистов.

[1] Митчел Уилсон. Жизнь во мгле. Издательство иностранной литературы. 1951, стр. 561.

Все чаще появляются в США произведения честных авторов, которые не могут скрыть чудовищного безобразия «американского образа жизни» и свидетельствуют о нем. Таков привлекающий к себе внимание роман Дэвида Олмена «Мир полон незнакомцев» [1], в котором показано, как олигархия Уолл-стрита стремится запугать массы с помощью полицейских банд, состоящих из самых отвратительных подонков.

В этом романе Америка реалистически представлена как полицейское государство. Аппарат преступного угнетения простых людей достиг здесь поистине чудовищных размеров. Как известно, литература, находящаяся на службе монополий, восхваляет американских полицейских, видя в них опору террористического режима, установившегося в Америке. Растленность буржуазной литературы особенно наглядно проявляется в этом пресмыкательстве перед «блюстителями порядка».

В романе Олмена полицейский Джон Гас выступает на первый план, и мы имеем возможность рассмотреть эту фигуру во всех подробностях. В США имеется полиция трех разрядов: частная, полиция штатов и полиция, так сказать, общегосударственная. Джон Гас принадлежит к последней категории. В романе описан «вступительный экзамен», которому подвергаются в департаменте полиции лица, завербованные этим ведомством, бдительно охраняющим интересы «желтого дьявола». Джон Гас отменно выдержал испытания, уверенно ответив на предложенный ему вопрос, что надлежит делать в том случае, если «разразился бунт рабочих... и можно опасаться, что пострадает частная собственность?» «Стрелять в толпу» — без запинки ответил мерзавец. Проявив такую сообразительность и успешно справившись со второй частью экзамена, состоявшей в избиении каучуковой фигуры рабочего, Джон Гас немедленно получил полицейский мундир, кокарду, резиновую дубинку для укрощения непокорных и пистолет. В каналах американской полиции скапливаются самые отвратительные отбросы общества, из морально разложившихся людей здесь формируются банды головорезов, готовые использовать первый попавшийся предлог, чтобы «стрелять в толпу». Джон Гас — один из таких специально подготавливаемых убийц, с помощью которых поджигатели войны хотят подавить возмущение простых людей в Америке.

Полицейскую карьеру Джон Гас делает при помощи множества подлостей; насильник, шантажист и вымогатель, он широко пользуется своей безнаказанностью. Честные люди относятся к нему с презрением и ненавистью, как и к другим полицейским.

---

[1] David Alman. World full of strangers. 1949.

Подлый трус по натуре, Гас ждет случая, чтобы выместить на ком-нибудь переполняющую его злобу.

Важнейшим эпизодом в романе является стачка судоремонтных рабочих и докеров, стремящихся воспрепятствовать отправке американского оружия и таким образом сорвать преступные планы поджигателей войны. Полиция готовится к кровавой расправе с «нарушителями спокойствия». «Если кто-нибудь из вас поколеблется применить огнестрельное оружие из страха перед забастовщиками или потому,что в его башке еще залежался филантропический хлам..., он будет уволен»,— такими напутствиями провожает Джона Гаса и других полицейских их начальник.

Нашпигованные подобными инструкциями полицейские наводняют район порта, где происходит стачка. На поддержку им прибывают специальные отряды сыщиков. Но и при этом явном перевесе сил в рядах охранников царят страх и неуверенность. Опасаясь взрыва народного гнева, бандиты трясутся за свою шкуру. Правдиво описывая моральное состояние полицейских отрядов, специально натренированных для расправы с трудящимися, автор показывает, что в рядах убийц все чаще возникает паника. Сила сплотившегося народа наводит на них ужас. Недаром Гас, отправляясь на очередное дежурство, утешает себя только одним доводом: «Мы вооружены, а они не имеют оружия». Но все равно он смертельно боится простых людей, поднявшихся на защиту своих интересов.

Будучи верен действительности, роман «Мир полон незнакомцев» свидетельствует о том, что вооруженные до зубов джоны гасы пребывают в состоянии неизменного страха перед массами, что они бессильны остановить подлинное народное движение. В романе показано, что ни полицейские, которым приказано «стрелять в толпу», ни профсоюзные провокаторы, кричащие, что они «подписали клятвенное обещание о непринадлежности к красным» и старающиеся расстроить единство трудящихся, не смогли предотвратить стачку, вспыхнувшую в одном из американских портов.

Народ начинает пробуждаться и в Америке, хотя он здесь особенно нагло обманут, сбит с толку и подавлен,— таков вывод из книги Дэвида Олмена, в которой дано выразительное сопоставление этой, еще только начинающей осознавать свое значение великой силы, с полицейской машиной уолл-стритовской реакции, обслуживаемой тысячами свирепых головорезов, подобных Джону Гасу.

Как бы ни злобствовала фашистская реакция, какие бы зверства она ни учиняла, ей никогда не удастся задушить сопротивление миллионов людей, поднимающихся на защиту свободы и

мира. И если уже сегодня Соединенные Штаты Америки представляют собой «мир, переполненный незнакомцами», т. е. полицейскими и сыщиками всех мастей и калибров, следящими за каждым шагом простого человека в «демократической» стране, то это свидетельствует только о том, что горит почва под ногами преступных заправил американского империализма, что они пребывают в панике, отражающейся и на мерзкой физиономии трусливо хватающегося за свой пистолет Джона Гаса.

Появление таких книг, как приведенные произведения Гейма, Уилсона, Олмена, многозначительно. Правда пробивает себе путь на поверхность сквозь все преграды, хотя реакция и хотела бы ее запрятать куда-нибудь поглубже. Самыми разнообразными способами проявляется накапливающееся в массах возмущение преступными махинациями поджигателей войны.

Прогрессивный американский писатель Альберт Кан заканчивает обширное исследование «Измена родине» следующими словами: «Каждому читателю этой книги должно быть ясно, что враги народа весьма могущественны, иначе они не представляли бы для нас особой опасности. Но их нынешнее могущество не должно нас пугать. Их влияние в нашей стране, как и во всем мире, так же непрочно, как обман и иллюзии, на которых оно держится. Их ярость — это ярость отчаяния, потому что их реальные силы уменьшаются с каждым днем. Они — колоссы на глиняных ногах» [1]. Это — правда, и верные действительности художественные произведения отражают ее, прорываясь сквозь все запреты.

Передовые писатели США, вынужденные работать в тяжелых материальных условиях и под постоянной угрозой расправы, находятся в состоянии творческого подъема. Они много и с большим успехом пишут, они обсуждают вопросы теории и, в частности, вопросы об исторических традициях той новой литературы, которую они создают в Америке.

Внимательно прислушиваются они к голосу Горького, и в их произведениях чувствуется его плодотворное влияние.

Учась у Горького, молодые американские писатели в то же время учатся и у Драйзера, который был непримиримым борцом за интересы народа. Произведения Драйзера помогают сегодня защищать мир и разоблачать кровавые замыслы Уолл-стрита. Еще в 30-х годах Драйзер выступил с защитой Гарри Бриджеса, которого и тогда травила реакция. В своих очерках, посвященных Бриджесу, Драйзер вдохновенными словами описал американ-

[1] Альберт К а н. Измена родине. Издательство иностранной литературы, 1951, стр. 396—397.

ского рабочего, мужественно вступившего в схватку с властью монополий. В этом образе борца за дело рабочего класса Драйзер увидел нечто глубоко значительное. Сегодня, когда передового деятеля рабочего движения Бриджеса снова бешено преследует реакция, эти очерки Драйзера, ни в чем не утратившие своего животрепещущего интереса, напоминают о том, что залог сохранения мира — в сплоченности и решимости трудящихся.

Как известно, лучшие из американских писателей побывали в тюрьме, куда озверевшая реакция стремится запрятать честную американскую мысль, но это не поколебало их решимости защищать мир и демократию, не ослабило их творческой активности. Это мужественные люди, чувствующие себя бойцами передовой линии, и народная Америка гордится ими.

Богатство идей, широкие горизонты, смелые обобщения характеризуют деятелей прогрессивной литературы. Говард Фаст, являющийся признанным лидером прогрессивной литературы в США, и такие выдающиеся ее представители, как Альберт Мальц и Джон Говард Лоусон, выступили за последнее время с очень интересными теоретическими работами, в которых поставили важнейшие вопросы современного литературного движения.

В сборнике статей «Писатель-гражданин» А. Мальц защищает демократическую американскую культуру от стремящегося поглотить ее варварства и показывает, что только писатель, связанный с народом, мог в прошлом достигнуть величия, что только принадлежа к лагерю мира, он в наше время может стать настоящим писателем.

В книге Д. Лоусона «Утаенное наследие» показано, что корни американской культуры уходят в народ, что только писатели, идущие с народом, являются достойными представителями и защитниками великой культурной традиции.

Обе книги свидетельствуют, что прогрессивный лагерь американской литературы выступает как большая историческая сила, сознающая все свое значение.

Книга Фаста «Литература и действительность» с большой убедительностью доказывает, что только прогрессивный лагерь может дать современному американскому писателю перспективу творчества. Только в этом лагере, одухотворенном великими и благородными идеями, могут возникнуть подлинно художественные произведения. Только здесь сосредоточены живые силы современной литературы.

Этот эстетический трактат нельзя отделить от получившей широкую известность книги Фаста «Пикскилл, США», в которой ярко показано начинающееся пробуждение американского

народа, рождение «новой Америки», собирающей силы для отпора фашизму и войне.

События, происшедшие в 1949 г. в окрестностях Пикскилла, еще раз подтвердили, что фашиствующая реакция в США не знает границ в своей вражде к трудящимся, к простым людям Америки. Эти события сделали очевидным для каждого, что в стране господствует разбойничий террор, направляемый преступной шайкой Уолл-стрита. Это был сигнал, заставивший миллионы американцев понять, что угроза фашизма свинцовой тучей надвинулась на Америку. События в Пикскилле призывали всех честных людей страны встать на борьбу против реакции.

«Мы почувствовали всю сладость наступления»,— пишет Фаст, и эта мысль о наступлении пронизывает его книгу, представляющую рассказ о том, как в условиях жесточайших испытаний растут и закаляются в Америке бойцы за мир, свободу и демократию, как вызревают в гуще американского народа силы, способные дать отпор озверевшей реакции. Разрушив тот «план массового линчевания», который был очень старательно подготовлен поджигателями войны, защитники свободы доказали полную возможность дать отпор наглым вылазкам реакции. Их мужественный подвиг внушил веру в свои силы миллионам людей в Америке.

Напрасно думают современные правители Америки, что им удастся без конца обманывать народ и запугивать его, прибегая к услугам всяких отбросов человеческого общества. Нет, в Америке начинается пробуждение народа!

Таков вывод, к которому приходит Фаст, подводя итог пикскиллским событиям.

Как известно, события в Пикскилле совпали по времени с процессом одиннадцати лидеров компартии США и явились частью организованного преступного похода на честных, прогрессивных людей Америки. Выступление фашистов в Пикскилле и позорное судилище на Фоли-сквер вызвали возмущение во всей стране; преследуемые реакцией прогрессивные элементы встретили сочувствие и поддержку со стороны всех честных американцев.

Как справедливо подчеркивает один из видных деятелей коммунистического движения в Америке В. Дж. Джером, «Пикскилл предстает перед нами, как одна из боевых вех. Пикскилл ввел в борьбу народ, рабочие и негритянские массы, художников и интеллигентов, людей умственного труда. Именно там рабочий класс и мужественный негритянский народ встали на защиту передовой культуры и ее созидателей от нацистских налетов, продиктованных поджигателями войны. Именно там отважный

народный артист Поль Робсон во всеоружии своего искусства, рискуя жизнью, встал на защиту культурных прав своего народа и всего рабочего класса Америки. Именно там Говард Фаст своей смелостью и стойкостью показал, какую важную роль могут сыграть представители демократической интеллигенции — сторонники мира во всенародной борьбе против сил фашизма и войны» [1].

В дни пикскиллского столкновения Фаст работал над исследованием на тему «Литература и действительность». С горечью и иронией он рассказывает о том, в каких условиях ему приходится заниматься творческим трудом.

«Моим теоретическим рассуждениям об отношении литературы к действительности... сильно мешала то и дело всплывавшая в памяти картина: человеческие существа с диким ревом пляшут вокруг костра из горящих стульев, швыряя в огонь вредоносные предметы, именуемые книгами» [2].

Прогрессивный писатель в сегодняшней Америке вынужден создавать свои произведения, отбиваясь от наседающего врага. Но эти произведения все же создаются и приобретают внушительную силу орудий борьбы.

Была написана Фастом, наперекор всем препятствиям, и теоретическая работа, представляющая последовательное развитие той творческой программы, которая была намечена в предшествующих выступлениях писателя по вопросам эстетики. Свидетельствуя, что только в лагере защитников мира и демократии может найти свое место подлинный писатель, Фаст показал на ряде примеров чудовищное вырождение буржуазной литературы, которая, подобно стихам некоего Плуцика, приводимого им в качестве типичного примера, распространяет вокруг себя «запах тухлой макрели».

Фаст подчеркивает великое преимущество прогрессивной литературы: в ее руках «правда, это важнейшее оружие писателя». Эта «правда находится в сегодняшней Америке под запретом», ибо она представляет «угрозу для тирании и реакции». Современная буржуазная литература, как огня, боится реализма именно потому, что «в реализме кроется угроза для правящего класса» [3].

Знаменитое признание мистера Гувера, что «правда безобразна», было высказано позже, но о нем уместно вспомнить здесь, ибо оно превосходно иллюстрирует развиваемое в эстетическом

[1] «Политикел афферс» («Political affairs»), февраль 1951.
[2] Говард Фаст. «Пикскилл, США». Издательство иностранной литературы, 1951, стр. 60.
[3] «Новый мир», 1950, № 12.

трактате Фаста заключение, что реакция трепещет перед неумолимой правдой, видя в ней свою гибель.

Выдвигая программу реализма, Фаст имеет в виду реализм, связанный с борьбой за мир; он показывает, что верность правде обязательно толкает писателя к активному участию в схватке двух лагерей. «Становится все яснее и яснее, что сегодня нельзя постигнуть действительность, не став открыто в ряды антифашистских сил».

Преданный друг страны социализма, Говард Фаст свидетельствует о том, что наша родина, вливая в сердца всех простых людей уверенность в могуществе сил мира, помогает росту народной литературы в царстве капитализма.

Он говорит о том, что сегодня прогрессивная реалистическая литература в США и других странах капитализма вдохновляется примером социалистического реализма, который бурно расцветает в Советском Союзе. Ростки социалистического реализма возникают повсюду, где есть литература, защищающая интересы народа, социальной справедливости и мира. Эти ростки есть и в Америке, что открывает перед прогрессивной литературой большие творческие возможности. Новая американская литература рождается в борьбе народа за мир и свободу, и сила этой литературы не может быть подавлена никакими зверствами реакции.

Глубокое впечатление оставляет эта теоретическая работа Говарда Фаста. Она создана писателем-бойцом в обстановке боя. Изложенные в ней мысли являются не плодом кабинетного раздумья, а выводами, сделанными на поле сражения, что придает им особую целостность, ясность, четкость.

Все творчество Говарда Фаста проникнуто стремлением отстоять мир и демократию. Писатель видит, что народ Америки «полон решимости не допустить новой войны». Мужественный оптимизм его коренится в сознании, что «могучие, но еще не развернувшиеся силы рабочего класса внушают страх обезумевшим и рвущимся к войне правителям» Америки.

Твердой уверенностью в победе мира проникнуто творчество и других прогрессивных американских писателей, понимающих, что их «сила — это сила миллионов американцев, жаждущих мира».

В связи с заявлением президента США о производстве водородной бомбы, Фаст писал в 1950 г:

«Не существует вопроса о том, хочет ли американский народ мира. Он страстно его желает, он мечтает о мире и борется за мир. И это-то как раз мистер Трумэн хотел скрыть, когда он сообщил о планах изготовления своей атомной игрушки. Но

стремление американского народа к миру в связи с его заявлением обнаружилось с большей силой, чем когда-либо раньше.

Вопрос теперь в том, чтобы многочисленные и разнообразные силы, в равной мере жаждущие мира и ненавидящие войну, объединились для защиты мира. К этой цели стремятся все сознательные и полные доброй воли американцы» [1].

В произведениях прогрессивной литературы США все более ярко и убедительно отображается нарастающее возмущение масс преступной деятельностью поджигателей войны. Накапливающиеся силы народного сопротивления действительно «многочисленны и многообразны» и действительно страшат реакцию.

Важным документом, убедительно характеризующим подлинные настроения американского народа и его растущую волю к миру, является книга молодого публициста Артура Д. Кана «Выскажись! Америка хочет мира» [2]. Это — правда действительности. В течение полугода, с марта по ноябрь 1951 г., А. Кан, как представитель прогрессивной организации «Поход американцев за мир», объездил 25 штатов. Его книга возникла на основе путевых заметок. Но, как пишет сам автор, это — «не личный дневник; это дневник американцев, с которыми я встречался по всей стране, это история их стремлений, их борьбы, их опасений и — что самое главное — их надежд».

Артур Кан выступал на собраниях рабочих профсоюзов и фермеров, в жилых домах, в студенческих клубах и в церковных общинах, принимал участие в работе местных комитетов в защиту мира и летом 1951 года присутствовал на Чикагском Конгрессе сторонников мира.

Мир — вот с чем связывают все свои надежды миллионы простых людей Америки, вопреки усилиям реакционной пропаганды поджигателей войны. Таков основной вывод книги Кана, подкрепленный множеством фактов, документов, живым общением автора с людьми различных взглядов, верований и убеждений. Все его собеседники охвачены стремлением к миру. Автор показывает, как сама жизнь приводит рядовых американцев к выводу о том, что политика империалистической агрессии, проводимая реакцией, враждебна их насущным интересам. «Я обнаружил,— пишет он,— что, как выразился один фермер из Северной Дакоты, «американский народ несчастлив». Все являются жертвами «холодной войны»... Рабочие встревожены наступлением на профсоюзы, на отвоеванные в тяжелой борьбе права труда и усилением потогонной системы на производстве. Фермеры

[1] «Новое время», 1950, № 10.

[2] Speak Out! America Wants Peace. A Diary by Arthur D. Kahn. New York, Independence Publishers, 1951.

обеспокоены растущей угрозой существованию небольших «семейных» ферм. Негритянский народ, мексиканцы, порториканцы и индейцы протестуют против усиливающегося наступления на их гражданские свободы. Молодежь... озабочена бесперспективностью своего будущего. Перед ростом цен на припасы, при мобилизации их сыновей, американские женщины становятся самым громогласным противником войны. Все американцы потрясены атмосферой страха, окутывающей страну».

Книга Кана не преуменьшает тех трудностей, которые стоят перед движением в защиту мира в США — цитадели международной империалистической реакции. Но эта книга прорывает тот «бумажный занавес», за которым, по выражению автора, реакционная пресса пытается скрыть правду об американском народе, и показывает, какими гигантскими и растущими резервами и возможностями обладает в Америке лагерь сторонников мира. По словам Кана, за время своего путешествия по Соединенным Штатам он сделал «важнейшее из всех открытий,— что движение за мир нарастает в Америке, как огромная волна». Этому действительно важному открытию обязана своей значительностью его талантливая, остро злободневная книга.

Особым достижением литературы, защищающей демократию и мир, является создание произведений, в которых во весь голос говорится, что среди негритянского народа зреет чувство гневного протеста. Испытывая на себе всю тяжесть железной пяты разбойничьего строя, американские негры сплачиваются, наконец, для отпора своему вековому врагу. Недавно появившийся и за короткое время получивший широчайший отклик роман Ллойда Брауна «Железный город» [1] представляет в этом отношении глубоко интересное и глубоко значительное произведение.

Уже немолодой автор впервые выступает с крупным произведением. Он пользуется словом писателя, чтобы выразить наболевшее, выстраданное. Ему удалось создать книгу исключительной силы. В Америке еще не было произведения, которое с такой грозной и впечатляющей убедительностью свидетельствовало бы о том, что негритянский народ поднимается на борьбу, что ни террор, ни все приемы духовного растления, которыми до сих пор пользовались угнетатели негров, больше не могут удержать в оковах самых порабощенных, самых униженных и оскорбленных людей современной Америки.

Ллойд Браун описывает четырех негров, отбывающих наказание в одной из американских тюрем. Самый молодой среди них — смертник. Трое других — коммунисты, брошенные в

[1] Lloyd Brown. Iron City. Published by «Masses and Mainstream», New York, 1951.

тюрьму как жертвы политического процесса,— посвящают всю свою энергию и используют все возможности, какими они располагают, чтобы спасти молодого Лонни от «законного линчевания». Кровно связанные с широкими массами народа, они сохраняют эту связь и в тюрьме; из-за решетки «железного города» им удается наладить сношения с товарищами, оставшимися на воле, и, наперекор полиции, суду и реакционной прессе, организовать широкое, массовое движение в защиту Лонни.

Роман построен многопланово, и мы знакомимся не только с четырьмя представителями негритянского народа, привлекающими симпатии читателя своим мужеством, своей душевной красотой, но и со всей Америкой, которая как бы входит в тюрьму вместе с четырьмя человеческими судьбами.

Нарастание гнева и ненависти к угнетателям, противопоставление человеческого величия и той мерзости, которую представляет собой господствующая в стране реакция, даны в романе Ллойда Брауна с такой убедительностью, с такой сокрушительной силой протеста, что эта книга — одно из новейших произведений прогрессивной литературы в США — сразу обратила на себя внимание. Действие книги развертывается в 1941 г., но всем существом своим она обращена к нашему времени.

Она свидетельствует о том, что миновало время, когда американский народ безмолвствовал, оставаясь в неведении, и наступает время, когда он поднимается, чтобы обуздать распоясавшихся негодяев, задумавших превратить цивилизованный мир в атомную пустыню.

От имени этой литературы, достойной больших традиций Уитмена, Марка Твена и Драйзера, выдающийся ее представитель Говард Фаст, ожидавший тогда тюремного заключения, имел полное основание сказать: «В современной Америке, где все добродетели продаются с молотка и где самых аморальных людей выставляют перед нашей молодежью в качестве примера, достойного подражания, мы можем по праву гордиться нашим поведением. И мы испытываем чувство гордости и хотим, чтобы другие его испытывали. Никакие действия со стороны правительства Трумэна — Ачесона не заставят нас прекратить нашу борьбу. По мере того как растут силы сторонников мира во всем мире, дни этих перепуганных апостолов фашизма становятся все короче и короче» [1].

Прогрессивная литература в США развивается и набирает силы. И как бы ни свирепствовали обезумевшие поджигатели войны, какими бы ужасами террора они ни стремились запугать честных американских писателей, подлинная литература, литера-

[1] «Литературная газета», 16 декабря 1950 г.

тура гражданского мужества, здравствует и уверенно идет к своей благородной цели — защитить мир и демократию.

Американские «апостолы фашизма» мобилизуют все темные силы. Смрадом морального разложения несет от так называемых «произведений искусства» послушных слуг Уолл-стрита, проповедующих человеконенавистничество, фашизм, восхваляющих убийство и уничтожение. Только опустившиеся подонки, только люди без чести и совести могут обретаться в клоаке военной истерии.

В то время как в лагере империализма распад литературы, используемой для отравления и обмана масс, достиг своей последней черты, прогрессивные писатели Америки находят в борьбе за мир великое творческое вдохновение.

8

Движение сторонников мира притягивает к себе, как магнит, все живые силы современной мысли, литературы и искусства.

Широкий фронт прогрессивной литературы и искусства в странах капитализма, вобравший в себя все живое и творчески жизнеспособное, дал возможность передовым писателям и художникам раскрыть свои дарования, спас их от свирепствующей чумы декадентства, направил их на верный путь.

В самые напряженные годы борьбы за мир передовыми писателями и художниками созданы яркие и значительные произведения. Эти произведения, овеянные духом борьбы, убедительно выражают стремление миллионов людей спасти человечество, сохранить мир, обуздать новоявленных претендентов на мировое господство, обезумевших американских авантюристов, готовых на все для получения сверхприбылей, для ограбления других стран и народов.

Лучшие писатели в капиталистических странах понимают, что дело их чести и совести — быть в первых рядах народного движения в защиту мира, свободы и демократии.

Участие в могучем народном движении за мир творчески обогащает писателей. Об этом хорошо сказал кубинский писатель Хуан Маринелло: «Самая высокая обязанность современного мыслителя — красноречиво и ясно рассказывать о том, как должны объединиться и организоваться человеческие силы для того, чтобы предотвратить войну... Искусство и наука должны прежде всего служить жизни, это значит, что они прежде всего должны служить делу мира» [1].

---

[1] «Сторонники мира», 1950, № 7.

Как говорит австралийская писательница Катарина Причард, помнящие о своем долге «писатели, артисты, композиторы и ученые, вместе с представителями профсоюзных и демократических организаций, дали торжественную клятву использовать свое влияние для сохранения мира во всем мире». На этой платформе осуществляется невиданно широкое объединение интеллигенции без различия политических и религиозных убеждений. Спасение мира сегодня означает спасение культуры и самого существования человечества.

«Все, кто любит жизнь, кто ценит ее красоту, все, кто преклоняется перед великой силой человеческого разума и его творениями — искусством, литературой, музыкой и научными достижениями, все те, кто внес существенный вклад в развитие гармоничных взаимоотношений между народами,— все они ненавидят войну» [1].

Тяготение писателей к лагерю мира заложено в самой природе творчества, и если отрава империализма не уничтожила в писателе все живое, если он не утратил способность внимать голосу народа, он становится защитником мира.

И как ни бешенствует империалистическая реакция, объявляющая преступлением защиту мира, как ни щедра она на доллары для оплаты своей агентуры, как ни изощряется она в самых грязных провокациях,— ей не удается и никогда не удастся остановить прилив литературных сил в лагерь мира и жизни.

С сознанием своей исторической ответственности делают правое дело передовые писатели капиталистических стран, борющиеся за мир и свободу. Они знают, что самым прочным оплотом мира, знаменосцем его во всем мире является Советский Союз. Чувства миллионов простых людей, сплотившихся в организованный фронт мира, выразил Жоржи Амаду в своей «Песне Советской земле»:

В тревожный час угроз и клеветы
Прими привет от имени народов,
Вступивших в смертный бой с врагами жизни.

От имени народов Южной Америки поэт обращается к социалистическому отечеству трудящихся всего мира:

О, наша мать, Советская земля,
Надежда мира и оплот вселенной! [2]

(Перевод Ф. Кельина)

---

[1] «Литературная газета», 8 апреля 1950 г.
[2] Сб. «Поэты мира в борьбе за мир», стр. 315.

Передовые писатели капиталистических стран с огромным волнением говорят о чувствах любви и признательности прогрессивного человечества к первому из первых в защите мира, к другу и учителю всех трудящихся — Сталину. Бернард Шоу высказал эти чувства в ясных и точных, афористически отчеканенных словах: «Сталин — величайший защитник мира. Ему Советский Союз обязан своей силой и единством. Эта сила является гарантией мира во всем мире... Я — за Сталина» [1].

В этих простых, глубоко прочувствованных словах выражены надежда и уверенность всех честных людей на земле в победе сторонников мира.

Сталин — наше сегодня, наш
завтрашний день.
Сталин — нас направляющий,
знающий нас,
Глубочайший провидец. Прозренье
его —
Плод великого разума, мудрости плод [2].

(Перевод Веры Инбер)

Так пишет Поль Элюар, один из крупнейших поэтов современности, всем сердцем своим преданный великому делу мира.

Лагерь мира и демократии располагает поистине неисчислимыми ресурсами. В этом лагере сосредоточены все силы литературы Советского Союза и стран народной демократии, а также все, что есть лучшего в растущей прогрессивной литературе капиталистических стран. Еще никогда в истории не было такого сплочения духовных сил, направленных к благородной цели — обеспечить мир, свободу, счастливое будущее людей.

Народы выиграют великую битву за жизнь и свободу, за мир и демократию!

---

[1] «Одродзене» («Odrodzenie»), 21 декабря 1949 г.
[2] «Знамя», 1950, № 12, стр. 126.

А. И. Пузиков

ЛУИ АРАГОН

I

Имя Луи Арагона, выдающегося французского писателя, борца за мир, знакомо всем людям доброй воли, объединившим сегодня свои усилия в борьбе против поджигателей новой войны — американских империалистов и их западноевропейских лакеев.

Двадцать лет назад Арагон впервые посетил Советский Союз. Он увидел здесь мир строящегося социализма, славные дела первой сталинской пятилетки. Сборник «Ура, Урал!» — живое поэтическое свидетельство того огромного впечатления, которое вынес талантливый поэт из поучительной поездки по нашей стране. В поэме «Красный фронт», написанной в те годы, Арагон славит СССР и выражает свою непреклонную веру в революционные силы Западной Европы.

С тех пор произошли великие исторические события. Советские люди, руководимые гением Сталина, построили в своей стране социализм и приступили к строительству коммунизма, в решительный исторический час они спасли человечество от фашистского порабощения, на политической карте мира появились страны народной демократии, соотношение между силами социализма и капитализма коренным образом изменилось в пользу социализма.

Все эти годы Арагон отдавал свои силы борьбе с реакцией. На антифашистских собраниях, митингах и конгрессах Арагон мужественно выступал против поджигателей второй мировой войны, против фашизма. Редактируя в 1939 г. прогрессивную газету «Се суар», он смело разоблачал происки американских, английских и французских империалистов, толкавших Гитлера и Муссолини к войне против Страны Советов.

В годы второй мировой войны, в годы сопротивления французского народа фашистским захватчикам Арагон — в первых рядах борющейся Франции. Он — активный организатор французской подпольной печати, автор замечательных патриотиче-

ских стихотворений, звавших к борьбе, внушавших веру в победу над гитлеровской Германией. «Поэтом родины» назвал его Морис Торез в 1945 г., вскоре после окончания войны.

Подлинно патриотическая поэзия Арагона военных лет выражала истинные чувства французского народа.

В августе 1941 г. Арагон создает стихотворение «Радио Москва», в котором он говорит о неизбежном поражении фашистов и призывает учиться мужеству у героического советского народа:

Просыпайся, кто спит. Не сгибайся, кто тужит.
Пусть нас горе не гложет, веселье не кружит.
Пусть примером нам русское мужество служит [1].

(*Перевод П. Антокольского*)

В стихотворении «Прелюдия французской зари», написанном после разгрома гитлеровских полчищ под Сталинградом, Луи Арагон, обращаясь к французским патриотам, писал:

На востоке означалась ясно
Тень победы из белой пурги.
Волга в красной заре, помоги!
Пусть боятся зари этой красной,
Сбиты с толку, теснятся враги [2].

(*Перевод П. Антокольского*)

Стихи Арагона военных лет, полные ненависти к оккупантам, глубоко злободневны и сейчас, когда новые претенденты на мировое господство — американские империалисты — пытаются лишить Францию национального суверенитета, превратить ее в свою колонию.

Многообразна деятельность Арагона, как борца за мир, в послевоенные годы. Как и до войны, Арагон редактирует прогрессивную газету «Се суар». Он ведет большую работу по сплочению французской интеллигенции в единый фронт мира и является членом правления Национального комитета французских писателей. Многие молодые талантливые писатели Франции, чьи произведения появились за последнее время, обязаны своим творческим рождением Арагону.

---

[1] Л. Арагон. Избранные стихи. Гослитиздат, 1946, стр. 12.
[2] Л. Арагон. Избранные стихи, стр. 62.

Значительна работа Арагона в международном лагере мира. Арагон — участник Парижского Конгресса сторонников мира, секретарь Международного бюро связи работников умственного труда, член Всемирного Совета Мира, член Комитета по присуждению международных Сталинских премий мира.

На XII съезде Французской коммунистической партии Арагон избран кандидатом в члены ее Центрального Комитета.

Французская реакция преследует Арагона за его плодотворную деятельность в защиту мира. Парижский суд в начале 1949 г. приговорил его к штрафу в 10 000 франков. Осенью того же года французские власти лишили Арагона гражданских прав. На парламентских выборах 1950 г. Арагон не был допущен к избирательной урне. Реакционная французская критика всячески старается умалить значение Арагона как крупнейшего писателя Франции. Она обвиняет его... в реализме, сама не понимая, что одно это обвинение показывает, насколько Арагон-писатель неизмеримо выше пустых, оторванных от народа декадентствующих буржуазных писак. Отвечая этим критикам, редактор газеты «Леттр франсэз» Клод Морган писал: «Арагон, талант которого не уменьшился ни на иоту, начал писать стихи, доступные пониманию каждого. И в трагический период бедствия 1940 года, во время французского Сопротивления, поэзия Арагона не только была в авангарде борьбы, но и стала знаменем всей передовой поэзии» [1].

Вскоре после освобождения Франции стало ясно, что французская буржуазия, поощряемая империалистами Соединенных Штатов Америки, намерена продолжать политический курс, приведший в свое время страну к катастрофе. Оправившись от испуга, бывшие мюнхенцы, замаскированные петэновцы, возглавляемые де Голлем политические авантюристы, верные слуги империализма — правые социалисты возобновили свою подлую подрывную работу, всячески мешая французскому народу идти по пути демократических преобразований. Самая крупная парламентская группа — группа коммунистов — была отстранена от участия в правительстве. Выполняя волю заокеанских хозяев, предатели французского народа отказались от национального суверенитета, втянули страну в преступный Северо-Атлантический пакт, повели наступление на жизненные интересы трудящихся Франции.

«Сегодня, как и вчера,— говорит Морис Торез,— реакционеры, побуждаемые классовыми интересами, ненавистью к народу и к демократии, приносят в жертву нашу националь-

[1] «Литературная газета», 5 марта 1949 г.

ную независимость; они ищут защиты у американских капиталистов» [1].

Выражая чувства и настроения французского народа, Арагон смело разоблачает преступную политику нынешних правителей Франции.

В стихотворении «1946 год» он клеймит представителей так называемой «американской партии» — презренных предателей родины.

. . . . . Ужель
Все то, о чем мечталось нам досель,
Должно погибнуть в грязных этих лапах?
Авантюристы, севшие на мель,
Грозят чумой, пол-Франции захапав.

Давно ль, давно ль закончилась война!
Но подлецам, кто потерпел крушенье,
Еще одно осталось утешенье:
Им из-за моря музыка слышна,
Чтоб заглушить народа возмущенье,
Когда в кровавых сумерках страна! [2]

(Перевод Н. Заболоцкого)

«Мы теперь знаем,— говорит Арагон в одной из своих речей,— что опять, как в 1830, как в 1848 году, народ Франции обворован, у него украли его победу...» «Торговцы людьми продали за тридцать серебреников «плана Маршалла» французскую родину. Мы — американская колония» [3].

Со страстью, присущей писателю-коммунисту, Арагон разоблачает подлую политику французского правительства в отношении колониальных народов:

«Мы думали, что освобождение Франции ее народом будет сигналом освобождения народов французских колоний», но... «на Мадагаскаре страшной пародией на правосудие пробуют обесчестить имя Франции... во Вьетнаме идет война — война, которую наш народ называет «грязная война»» [4].

Лишая свободы и национальной независимости малые народы, французские империалисты готовы вместе с тем отказаться от национального суверенитета в угоду уолл-стритовской клике. Арагон клеймит презренных французских космополитов, которые хотят вычеркнуть из французского языка слово

[1] Морис Торез. Сын народа. Издательство иностранной литературы, 1950, стр. 180.
[2] «Новый мир», 1949, № 7, стр. 42—43.
[3] «Правда», 24 сентября 1949 г.
[4] Там же.

«Родина». «Только что успели мы освободиться от гитлеровской оккупации, как они завели разговор на все лады о том, что родина — это устаревшее понятие, которое следует убрать в музей вместе со знаменами и допотопными пушками» [1].

2

Политические выступления Арагона против реакционных кругов Франции непосредственно связаны с его мужественной борьбой за мир.

Прогрессивные французские писатели, как и прогрессивные писатели других стран, решительно примкнули к защитникам мира. После Вроцлавского Конгресса самые широкие круги интеллигенции западных стран поняли неразрывную связь между культурой и миром. Но в каждой капиталистической стране было еще много колеблющихся и неверующих. Требовалась большая разъяснительная работа, чтобы донести до каждого честного труженика науки и искусства смысл и значение вроцлавских решений. Луи Арагон был неутомимым пропагандистом этих решений. «Огромное значение Вроцлавского Конгресса защитников мира,— заявил Арагон в одном из своих выступлений,— заключается главным образом в том, что он подтвердил нерасторжимость связи между культурой и миром». Идея мира является связующим звеном между людьми различных стран. Арагон призывает «обеспечить дружбу и братство писателей всего земного шара в их совместной работе по действенному сохранению мира» [2].

2 февраля 1949 г. Международный Комитет связи деятелей культуры в защиту мира опубликовал манифест с призывом созвать Всемирный Конгресс сторонников мира в Париже. Первым под этим манифестом поставил свою подпись Луи Арагон. Началась деятельная подготовка к конгрессу. В течение двух месяцев, отделявших опубликование манифеста от первого слета сторонников мира, Арагон принимает активное участие в подготовительных работах к конгрессу. В открытом письме к английским деятелям культуры Арагон разоблачает тех писателей, которые, подобно Джону Пристли, прикрываясь заявлениями о поддержке мира, отказались от участия в конгрессе, от участия в движении борцов за мир.

«Что должен означать такой отказ?— спрашивал Арагон.— Только то, что этот человек — против объединения усилий огромного большинства в борьбе за сохранение мира... Вы спрашиваете, почему я, как писатель, участвую в этом конгрессе?

[1] «Правда», 24 сентября 1949 г.
[2] «Леттр франсэз» («Lettres françaises»), 5 мая 1949 г.

Как человек и как писатель я участвую в нем, чтобы показать, что я — не соучастник зачинщиков войны, даже если они и принадлежат к моему правительству. Для меня это не только личный вопрос, но и вопрос чести, вопрос национального достоинства; я не забыл о молчании германских деятелей культуры, когда Гитлер угрожал миру и нарушил его; я не могу допустить, чтобы на этот раз перед фактом преступления молчали французы».

Арагон закончил письмо к английским писателям пламенным призывом присоединиться к конгрессу: «Настал час выбора. Пробил час и для вас. Отметьте его, присоединившись к мировому конгрессу борцов за мир» [1].

На конгрессе Арагону было поручено огласить текст Манифеста Мира. Под бурные аплодисменты участников конгресса Арагон закончил свое выступление словами: «Мы сумеем сплотиться и понять друг друга. Мы сумеем выиграть сражение за мир, сражение за жизнь» [2].

Речь Арагона на заседании Национального комитета писателей 28 апреля 1949 г. выражала тот энтузиазм, которым были охвачены все участники Парижского Конгресса.

«Сейчас великий исторический факт — огромная тяга к миру — должен расширить наши легкие, освежить наши уста, вызвать у нас решительный крик, внушающий страх тиранам и заставляющий колебаться поджигателей войны; из нашего национального опыта возникает великий интернациональный долг писателя: создать совместно с теми, кто верит и кто колеблется, кто медлит и кто еще противится, новую эпопею о человеке, необъятную песнь мира, восхваляющую жизнь, свет, красоту, отвергающую атомное убийство, песнь о завтрашней судьбе человечества... поднять в угрожающем нам мраке такой высокий и чистый человеческий голос, чтобы оружие выпало из рук убийц и чтобы сотни миллионов слушателей на всех континентах и морях со всей силой своего миролюбия произнесли вместе с нами идущую из глубины души клятву остановить убийства и наказать убийц» [3].

Первый Всемирный Конгресс сторонников мира вызвал исключительный подъем у трудящихся Франции. На многолюдных митингах собирались подписи под приветствиями конгрессу. По всей стране организовались «караваны мира», которые нескончаемой чередой тянулись к Парижу. Город славных революционных традиций — Париж в эти дни приводил в трепет

[1] «Леттр франсэз», 17 марта 1949 г.
[2] «Правда», 26 апреля 1949 г.
[3] «Леттр франсэз», 5 мая 1949 г.

врагов мира и вселял в сердца сторонников мира уверенность в победе. В дни конгресса Арагон пишет стихотворение «Караваны мира», в котором передает настроения широких кругов трудящихся Франции, демонстрирующих свою волю в борьбе за мир.

Дороги Франции к Парижу
Струятся, полные людьми,
И тысячи плакатов нижут
В одну гирлянду слово: «Мир».
. . . . . .
И кажется, что это снится,
Когда навстречу вновь и вновь
К нам белые слетают птицы
С полос афиш, со стен домов [1].

(Перевод Е. Полонской)

Поэт вспоминает о том, как совсем недавно по дорогам Франции он наблюдал «другое шествие» — толпы беженцев с «тележкой бедствий». То было время войны, тяжелых испытаний. И в том, что ныне по дорогам Франции идут «караваны мира», поэт видит свидетельство непреодолимого стремления народа предотвратить новую войну.

После Парижского Конгресса «караваны мира» становятся своеобразной формой движения сторонников мира во Франции. «Караваны мира,— говорит Арагон,— постоянная мобилизация народа в защиту мира». Потоки людей устремляются в города, когда-то дотла разрушенные гитлеровцами. Не допустить новых разрушений, не дать врагам мира ввергнуть Францию в пучину бедствий, в новую войну,— таковы лозунги, с которыми французский народ шагает к пепелищам старинного городка Орадура, уничтоженного фашистами. «Песня Орадурского каравана мира», написанная в 1949 г., посвящена Арагоном борьбе за мир. Когда-то толпы богомольцев ходили в далекий Рим, Сант-Яго. Сегодня святыней для каждого француза стали сожженные оккупантами города. Здесь погибли смелые борцы за освобождение Франции. Их предали те, кто и поныне управляет страной. Тщетно матери погибших патриотов взывают к небу об отмщении. «Нет, не дождаться от неба отмщения». Путь войне преградят сотни миллионов тружеников всего земного шара. Их солидарность несет возмездие палачам и является гарантией мира во всем мире.

[1] «Звезда», 1950, № 10, стр. 119—120.

Чтобы война не вернулась, чтоб смерти
Вновь колыбели в огонь не швырять,
Сотни мильонов людей на свете
Подали руки друг другу, и эти
Руки не разорвать!

Мир, распахни свои крылья над нами!
Слово народов, звучи как закон!
Мы к Орадуру идем не с крестами —
Гордо и смело парят над рядами
Голуби Мира на шелке знамен! [1]

(Перевод Н. Разговорова)

Стихотворение «Молодежь, постой, куда ты?» Арагон посвящает французским юношам и девушкам, едущим на Всемирный фестиваль молодежи в Будапеште. Идея мира и дружбы между народами определяет содержание этого стихотворения. Французская молодежь протягивает руку дружбы юношам Англии, Бельгии. Они вместе совершают путь в Будапешт, где ждут их молодые борцы за мир из других стран. Мир объединяет людей.

Тепло приветствуют молодых вестников мира жители городов и селений, через которые проходит дорога в Будапешт. Радостны лица молодых людей, но вот

На шоссе у Лилля вдруг
Замер смех и смолкли песни.

Перед юношами и девушками возникают города, разрушенные гитлеровцами. В памяти поэта возникают образы двух детей, которые искали спасения среди развалин разрушенного дома.

Девять лет прошло с тех пор,
Дети те вперед шагают,
Чтобы дать войне отпор.

Пусть же знают палачи,
Что народ ответит мщеньем,—
Наши подняты мечи [2].

(Перевод И. Жуховицкой)

Творчество Арагона неразрывно связано с международной борьбой за мир, оно целиком подчинено ее интересам. Почти

[1] Сб. «Поэты мира в борьбе за мир». Гослитиздат, 1951, стр. 321.
[2] Там же, стр. 325.

каждое выступление Арагона в последние годы, будь это стихи или художественная проза, будь это речи или статьи, так или иначе затрагивает тему мира.

В 1949 г. Арагон публикует серию статей о Ромене Роллане [1]. Обращаясь к своим читателям, он говорит: «В тот самый час, когда народы всей вселенной посылают гонцов мира, в час, когда оттачивается неведомое дотоле оружие, я перечитываю для вас «Жана Кристофа»». Великий французский писатель Ромен Роллан всю жизнь страстно отстаивал социальную справедливость и мир. «Поразительно,— говорит Арагон,— что теоретики современного пацифизма, когда они пишут историю пацифизма, остерегаются даже мельком упомянуть Ромена Роллана, чье имя в течение стольких лет было неотделимо от самой идеи мира». Это потому, что Роллан боролся за действенный мир, потому, что мир и демократия в представлении Роллана были неотделимы. «Сквозь лучшее, что есть в нас самих, проник кристальный взгляд голубых глаз Роллана, далеко опередившего нас в понимании окружающего мира своим посвящением, обращенным к «свободным душам, которые страдают, которые борются и которые победят»».

В творчестве Ромена Роллана Арагон видит воплощение национальных традиций французского народа. Писатели, следующие заветам Роллана, отстаивают французскую национальную культуру вопреки насильственно распространяемой во Франции «американской моде».

В одном из номеров газеты «Леттр франсэз» за 1950 г. Арагон помещает статью о романе Луи де Вильфоса «Эллена Мор». Озаглавлена статья: «Французский роман и Стокгольмское Воззвание» [2]. Роман Вильфоса внешне никак не связан с движением борьбы за мир и Стокгольмским Воззванием. В нем идет речь о переломе в мировоззрении английского морского офицера Линдсея, который начинает задумываться над справедливостью догм, внушенных ему с детства. Имеет ли он право стрелять в восставших индусов, отстаивающих свою родину? Посланный на подавление одного из восстаний, Линдсей приходит к выводу, что он защищает лишь интересы Английского коммерческого банка, а вовсе не интересы британского народа. Колеблясь между ложно понятым чувством долга и новыми взглядами на жизнь, Линдсей в конце концов отказывается стрелять в повстанцев. Для него начинается новая жизнь в поисках той истины, которая должна объединить все народы.

[1] «Леттр франсэз», 14 и 21 апреля, 12 и 19 мая, 2 и 9 июня 1949 г.
[2] «Леттр франсэз», 29 июня 1950 г.

«Старое и новое,— говорит Арагон,— ныне существует не только в окружающем мире, но и в одном человеке». В романе Вильфоса Арагон усматривает знаменательные перемены в сознании людей, вчера еще далеких от понимания происходящих исторических событий.

В дни, когда миллионы людей различных национальностей и разных верований, разных политических убеждений и разных профессий подписывали Стокгольмское Воззвание, Арагон на примере судьбы Линдсея показал, как даже носители самых консервативных взглядов, если они честны и справедливы, под влиянием идеи мира и социальной справедливости вынуждены отказываться от привычного им образа мыслей, ибо, говорит Арагон, мы живем «в эпоху Стокгольмского Воззвания».

В защиту оскорбленной национальной гордости французского народа, в защиту его великих освободительных традиций выступает Арагон в своих статьях в «Леттр франсэз», посвященных Виктору Гюго. Французские фашисты-деголлевцы, засевшие в Парижском муниципалитете, довершили дело, начатое гитлеровскими оккупантами. Те в 1941 г. сняли с пьедестала статую Гюго, возвышавшуюся на площади его имени; эти в 1951 г. уничтожили и пьедестал, водрузив на месте памятника великому писателю, патриоту Франции, американский рекламный автомобиль — символ раболепного преклонения перед «цивилизацией доллара». С великолепным мастерством публициста и критика Арагон показывает, что заслужил эту ненависть реакции Гюго — поэт бессмертного Парижа баррикад и революций, создатель живых образов простых людей Франции, пламенный борец за мир. Наследие Гюго живет и будет жить вопреки всем усилиям реакции; оно служит французскому народу как боевое оружие в его борьбе с американскими империалистами и их французскими лакеями.

В 1949—1951 гг. Арагон опубликовал первые книги своего романа «Коммунисты». Это новое многотомное произведение продолжает его довоенные романы, входившие в серию «Реальный мир» («Базельские колокола», «Фешенебельные кварталы», «Путешественник на империале», «Орельен»). Однако замысел «Коммунистов» гораздо шире, чем тематика предыдущих романов. Произведение Арагона, охватывающее целую историческую эпоху в жизни Франции — период 1939—1945 гг., является подлинной национальной эпопеей, посвященной борьбе французского народа и его авангарда — коммунистической партии Франции — за национальную независимость, свободу, демократию и мир.

Внимание Арагона-художника уже давно приковано к образу «человека-коммуниста» — носителя самых передовых, самых

возвышенных идеалов человечества. В замечательном стихотворении «Поэт — своей партии», написанном в годы войны, Арагон говорит о чувстве бесконечной благодарности партии, которая помогла ему занять достойное место в борьбе французского народа.

Вернула партия мне Франции цвета.
О, партия моя, спасибо за науку!
Любовь и ненависть, счастливый час и муку
Я в пенье воплощу отныне навсегда! [1]

(Перевод С. Кирсанова)

В 1946 г. он публикует книгу «Человек-коммунист», посвященную героической борьбе французских коммунистов в годы сопротивления гитлеровским оккупантам. В предисловии к ней Арагон рассказал о том, как была создана эта книга. В 1942 г. он получил связку бумаг. Это были документы о расстрелянных коммунистах. «С бумагами была короткая записка. Несколько слов для меня. Приказ. Я узнал почерк: Фредерик. Фредерик — это был наш руководитель. Тот, кто работал где-то в глубине Франции и на чьи плечи с первой минуты легла самая большая ответственность, тот, кто направлял всех Жанов, всех Андрэ. Тот, чьего имени никогда не называли даже под пытками. Тот, кто первый приказал стрелять первому, кто выстрелил в боша. Жак Дюкло». Дюкло просил Арагона создать книгу о павших товарищах. «Сделай из этого памятник»,— писал Дюкло в записке, приложенной к документам. «В тот день я, как никогда, ощутил, что значит нести ответственность перед партией»,— пишет Арагон [2].

Очерки Арагона о коммунистах, расстрелянных оккупантами, построены на исторических фактах. Автор лишь скупо комментирует эти документы потрясающей силы. Коммунисты, мужественные борцы за счастье своей родины, шли на смерть с пением «Интернационала» и «Марсельезы». Их последние слова обращены к родной Франции, к воспитавшей их коммунистической партии, к испытанному другу всех угнетенных народов — великому Советскому Союзу, к вождю всего передового человечества — товарищу Сталину.

Имена борцов, погибших за освобождение Франции от гнета фашистов, стали известны всему миру. О Габриэле Пери,

---

[1] Сб. «Поэты мира в борьбе за мир», стр. 322.
[2] L. Aragon. «L'homme-communiste». Paris, 1946, Préface.

о Жаке Декуре, о многих деятелях коммунистической партии слагались и слагаются песни. «В величии, благородстве, мужестве павших,— писал Арагон,— для нас непревзойденный пример».

О книге Арагона «Человек-коммунист», о романе «Коммунисты» Марсель Кашен писал: «Последние произведения Луи Арагона носят названия, полные глубокого смысла и значения» [1]. Действительно, уже в самых названиях этих книг сказалась боевая устремленность Арагона к самым острым и самым насущным вопросам общественной жизни современной Франции. Эти книги свидетельствуют не только о бесспорном идейном росте самого писателя, но и о все возрастающем значении борьбы коммунистов, об их авангардной роли в борьбе французского народа за свою национальную независимость.

Роман «Коммунисты», над которым Арагон продолжает работать в настоящее время, развертывается в многотомную эпопею; размеры ее соответствуют масштабам исторических событий, освещаемых писателем. Это — канун второй мировой войны, период «странной войны» 1939—1940 гг., трагедия военного поражения Франции летом 1940 г., оккупация, сопротивление французских патриотов фашистским захватчикам, освобождение и послевоенные годы во Франции.

На этом огромном историческом материале Арагон воссоздает картину жизни всего французского общества. В его романе фигурирует очень большое число действующих лиц — рабочих, служащих, представителей интеллигенции, политических деятелей, промышленников, банкиров, военных. В перипетиях личных судеб всех этих героев, в совокупности этих индивидуальных жизней отражается ход исторических событий, судьба всего французского народа. Арагон показывает, как французский народ был предан буржуазными политиканами, правительством пораженцев, которые боялись силы коммунистических идей, боялись народа и вовсе не хотели бороться против фашизма. Военное поражение Франции явилось неизбежным следствием политики французских мюнхенцев, равнодушных к национальной независимости и стремившихся только к тому, чтобы любой ценой сохранить «существующий порядок».

Рисуя простых людей Франции, Арагон показывает, что французский народ не покорился врагу и никогда не утрачивал любви к свободе. Лучшие представители народа — коммунисты — всегда оставались стойкими антифашистами и своей

[1] «Литературная газета», 10 мая 1950 г.

упорной и последовательной борьбой в самые тяжкие для Франции дни привлекали на свою сторону всех честных людей. Коммунисты, которые ни при каких обстоятельствах не утрачивают мужества, не теряют веры в победу, остаются оптимистами, противостоят в романе Арагона всему лагерю реакционеров, которые в страхе перед вооруженным народом предали страну гитлеровским оккупантам. И книга Арагона звучит как грозный обвинительный приговор нынешним правителям Франции, которые в наши дни призвали на родную землю иностранных оккупантов. Поэтому роман Арагона всем своим содержанием обращен к современности и самым непосредственным образом связан с борьбой французского народа за мир и демократию. Воспроизводя события последнего десятилетия, Арагон восстанавливает правду, которая так устрашает реакцию, показывает историческую справедливость борьбы коммунистов, их политическую проницательность, наносит сокрушительные удары по лжи и клевете американских империалистов и их французских сообщников.

«Они, эти агрессивные силы,— указывает товарищ Сталин,— держат в своих руках реакционные правительства и направляют их. Но они вместе с тем боятся своих народов, которые не хотят новой войны и стоят за сохранение мира. Поэтому они стараются использовать реакционные правительства для того, чтобы опутать ложью свои народы, обмануть их и изобразить новую войну, как оборонную, а мирную политику миролюбивых стран, как агрессивную. Они стараются обмануть свои народы для того, чтобы навязать им свои агрессивные планы и вовлечь их в новую войну» [1].

Благородная задача передовых деятелей культуры — неустанно рассказывать народам правду о политике миролюбивых демократических стран, рассеивать туман гнусной лжи и клеветы, при помощи которых пытаются опутать народы поджигатели новой войны. Но рассказывать правду о борьбе сил мира и сил войны — значит рассказывать правду о передовых и самых активных защитниках мира — коммунистах. Нанося удары по клеветникам, которые в своих интересах извращают известные исторические факты, Арагон тем самым лишает их возможности лгать. «Эта смелая книга,— говорил Марсель Кашен,— является ответом на гнусную кампанию лжи и клеветы, которая уже давно и яростно ведется против французской компартии» [2].

---

[1] И. В. Сталин. Беседа с корреспондентом «Правды». Госполитиздат, 1951, стр. 13.

[2] «Литературная газета», 10 мая 1950 г.

Первые книги романа посвящены кануну и началу второй мировой войны. Арагон точно воспроизводит все важнейшие события общественной жизни Франции этого времени. Он вводит в ткань своего романа подлинные исторические документы. Среди его персонажей мы встречаем известных исторических деятелей. Все это делает роман «Коммунисты» своеобразной летописью. Но Арагон не ограничивается скупой передачей фактов. Обширная портретная галлерея, нарисованная им, показывает расстановку классовых сил во Франции, два непримиримых лагеря: лагерь войны и лагерь мира, лагерь реакционной буржуазии и лагерь рабочего класса.

Показывая врагов мира, Арагон предоставляет им возможность до конца высказать свои антинародные, реакционные взгляды. И писатель делает это не ради ложно понятой объективности. История подвела итог суждениям и преступлениям врагов французского народа. Читатели «Коммунистов», напряженно следя за событиями лета 1939 г., изложенными в романе, знают, что случилось позднее, к чему привела политика поджигателей войны. Могильщики Франции разоблачают самих себя, с головой выдавая и нынешних представителей французской реакции, которые, ничему не научившись, идут по стопам своих бесславных предшественников.

О чем думали, о чем мечтали, о чем говорили в те годы всевозможные реакционные политиканы, промышленники, журналисты, все эти виснеры, эгрефейли, висконти, бенедетти, бреа, так мастерски изображенные Арагоном в его романе? До последней минуты они уповали на возможность сговора с Гитлером, до последней минуты они надеялись, что нацистская Германия обрушится войной на Советский Союз, минуя Францию. Один из героев романа, коммунист Пьер Кормейсль так характеризует двуличную, предательскую политику французского правительства: «Вся политика наших правителей... основана на идее неизбежности, фатальной неизбежности войны между немцами и русскими... Они спят и видят, как бы развязать в подходящий момент руки Гитлеру на Востоке».

Прикидываясь пацифистами, они измыслили теорию, согласно которой единственная опасность заключалась в том, «чтобы не вызвать у Гитлера подозрения, что он окружен... тогда уж. конечно, войны не миновать». В яркой сцене Арагон показал, как разлетелась в прах эта «теория» после того, как советское правительство разгадало двойную игру правителей Англии и Франции, сорвавших переговоры о коллективной безопасности.

Задолго до сентября 1939 г. французская реакция уже подробно разработала тактику «странной войны», смысл которой

сводился к тому, чтобы основной удар обрушить не против Гитлера, а против французского народа. Война с Гитлером была наруку французским капиталистам. Их не пугало поражение Франции. Один из персонажей романа, автомобильный король Виснер в интимной беседе признается, что его вовсе не страшит военная катастрофа: «Вот если и дальше все пойдет так, как оно пошло с тридцать шестого года,— тогда жди катастрофы. А тут какая же катастрофа? Для кого катастрофа?» Виснер через своих агентов знал, что «Гитлер разрешит экспортировать моторы, даже если будет война с Германией».

Такова цена «патриотизма» представителей «двухсот семейств» Франции. Все их усилия направлены на борьбу с французскими трудящимися, на борьбу с коммунистами. Чтобы слово правды не достигло народа, они закрыли органы прогрессивной печати, запретили коммунистическую партию, предали суду депутатов-коммунистов. «Отложить выборы, запретить митинги, расправиться с коммунистами — вот первоочередные планы правительства... Вот потому война и необходима. Пора покончить с политиканством и как следует почистить свой дом»,— говорит Виснер. Видный реакционный депутат Висконти мечтал в это время о том, чтобы иностранному фашизму «противопоставить французский фашизм». Майор Мюллер убеждал своих собеседников: «Раз заговорят пушки, все станет на свое место... Все грехи отпустятся, все между собою помирятся в дружной борьбе против коммунистов». Зная, что чудовищная политика предательства национальных интересов вызовет негодование широких масс французского народа, эти грязные политиканы злобно и неутомимо клеветали на коммунистов. Они искали средство, которое позволило бы им вновь выступить в качестве единственных патриотов. И в поисках этого средства они пытались извратить смысл советско-немецкого пакта, использовав его как предлог для антисоветской пропаганды и травли французских коммунистов. Ничего не предпринимая на немецко-французском фронте, они затевали интриги, направленные против Советского Союза, и разрабатывали планы нападения на Баку.

В одном из эпизодов четвертой книги романа Арагон описывает беседу некоего французского министра с видным адвокатом Ватреном. Разговор происходит весной 1940 г., накануне падения кабинета Даладье и прихода к власти Рейно. Министр с беспримерным цинизмом клевещет на мирную политику Советского Союза и тут же выбалтывает тайну об агрессивных намерениях французского правительства. Импе-

риалистические круги Франции и Англии «кругом сеют войну»,— приходит к выводу адвокат Ватрен.

Единственной партией во Франции, боровшейся за мир, за обуздание фашистской агрессии, была коммунистическая партия. Арагон подробно рассказывает о героической борьбе французских коммунистов за мир и демократические свободы. В трудных условиях подполья продолжала выходить «Юманите». В подпольных типографиях печатались листовки. Слово правды доходило до французского народа. В подпольном номере «Юманите» было опубликовано письмо парламентской коммунистической группы к Эррио, письмо, которое послужило предлогом для расправы с депутатами-коммунистами. Арагон цитирует выдержки из этого замечательного документа: «Каждый француз хочет мира, сознавая, что длительная война была бы величайшим несчастьем для нашей страны, что она поставила бы под угрозу и ее будущее и ее демократические свободы... Мы всеми силами стремимся к справедливому и прочному миру и мы полагаем, что добиться его можно в кратчайший срок, ибо поджигателям империалистической войны и германским фашистам противостоит могучий Советский Союз, у которого достанет сил претворить в жизнь политику коллективной безопасности, обеспечить мир и оградить независимость Франции...» [1].

В третьей книге романа Арагон нарисовал незабываемую, волнующую сцену выступления в палате депутатов коммуниста Этьена Фажона. К этому времени французская реакция уже расправилась с большею частью депутатов-коммунистов, незаконно лишив их депутатской неприкосновенности и бросив избранников народа в тюрьму. Перед Этьеном Фажоном стояла трудная задача — в последний раз перед неминуемым арестом использовать парламентскую трибуну, чтобы заклеймить позором предателей Франции и еще раз доказать непреклонную волю коммунистов отстоять мир. «Вы прекрасно знаете,— обращался Фажон к депутатам-предателям,— что народ осуждает вашу политику, и именно поэтому вы распускаете его организации и преследуете лучших его защитников. Вы можете преследовать нас, сажать некоторых из нас в тюрьмы, изгонять из парламентов, но вам не удастся сломить волю к миру, которую несет в себе французский народ» [2].

16 января 1940 г. палата депутатов утвердила позорный

---

[1] L. Aragon. Les communistes. Paris, «La bibliothèque française», 1950, vol. II, p. 244.

[2] L. Aragon. Les communistes, vol. III, p. 314.

закон о лишении коммунистов депутатских мандатов. Против этого закона голосовали лишь коммунисты, еще остававшиеся на свободе,— Фажон и Мутон.

Французская коммунистическая партия, закаленная в боях с внутренней реакцией и фашизмом, продолжает и сейчас упорную борьбу за мир и свободу французского народа. И вновь, как в те годы, реакционное большинство французского парламента пытается устранить из палаты депутатов-коммунистов, лишить их депутатской неприкосновенности, с помощью бесчестных подтасовок нарушить жалкие права, провозглашенные французской конституцией. Напоминая своим читателям о преступлениях французской буржуазии в 1939 и в 1940 гг., Арагон разоблачает нынешних врагов мира и демократии.

Своих героев-коммунистов Арагон рисует как мужественных, неподкупных борцов, беззаветно преданных народу. Среди них — видные партийные деятели, руководители районных организаций и низовых ячеек, рядовые члены партии. Какую бы работу ни поручала им партия, они всегда верны своему коммунистическому долгу. Фажон и Сезброн выполняли этот долг в палате депутатов, Барбентан — в газете «Юманите», Рауль Бланшар, Гийом Валье — на заводе и в армии, Лебек и Корвизар — в подполье. Кровными нитями связанные с народом, они живут его интересами и бесконечно ему близки. У каждого из них своя судьба, свои пути, приведшие их в партию. Это накладывает отпечаток на их характеры, но все они — носители великих идей, которым принадлежит будущее.

В своем романе Арагон много места уделяет тому, как и почему люди приходят в партию. У человека из народа этот путь проще. Он «чувствует, что прокладывает дорогу для всего своего класса». Молодой рабочий Гийом вступил в партию потому, что «партия была логикой его класса». Сложнее путь учителя Устрика, вышедшего из крестьянской среды. Сын мэра и богача Арман Барбентан пришел в партию после долгих лет раздумья, Корвизар стала коммунисткой, пройдя тяжелые жизненные испытания. И Арагон устами своего героя, рабочего Валье, говорит, что «и в самом деле все дороги, как говорится, ведут в Рим», т. е. в партию коммунистов.

Арагон показывает самые широкие и разносторонние связи коммунистов с народом. Дело партии — дело народа. Он рисует портреты тех, кто еще не связал себя с партией, но кто с каждым днем становится все ближе и ближе к ней. Таков Робер Гайяр, уже давно выполняющий партийные поручения; такова Мартина, жена Лебека, упрекающая своего мужа за то, что он не доверяет беспартийным товарищам: «Что бы твоя партия

без остальных, без непартийных делала?»; таков скульптор Жан Блез, идущий к партии под впечатлением мужественного поведения депутатов-коммунистов, таковы академик Беранже, адвокат Ватрен и юные Жан де Монсе и дочь банкира Эгрефейля — Сесиль, которые ощупью находят свой путь к народу.

Коммунистическая партия — притягательная сила для всех благородных, честных людей, для всех, в ком пробуждается сознание, кто обращает свои взгляды в будущее. Так, по-новому, решает Арагон проблему положительного героя, утверждая принципы социалистического искусства.

«Чего мы ждем сейчас от романиста? — писал Арагон в статье «Французский роман и Стокгольмское Воззвание»,— разве не должен писатель, если уж он показывает внутреннюю жизнь человеческого существа, показать нам то неясное и озаряющее, что происходит с докером из Ларошели или из Марселя, не желающим быть соучастником далекой войны и жертвующим, вместе со своими близкими, средствами своего жалкого существования ради защиты дела мира? Разве не требуем мы от писателя раскрытия внутренних тайн прекрасных людей, бросающихся на рельсы, чтобы помешать отходу поезда с вооружением и попадающих за это в тюрьму? Разве не хотим мы познать новых героев, простых людей, как их называют, но в душе и сердце которых зреют исключительные по своей силе и напряженности решения и мечты? Разве не бледнеют всякие романы по сравнению с письмом Раймонды Дьен, написанным ею из тюрьмы на следующий день после ареста?» [1]. И эти требования к современным прогрессивным писателям Франции Арагон пытается осуществить в своем новом романе.

Роман Арагона «Коммунисты» вполне заслуженно занял выдающееся место во французской литературе: все, о чем в нем рассказывается, неотделимо от великой борьбы за мир и за прогресс.

Луи Арагон — подлинный выразитель надежд и устремлений французского народа. От имени миллионов французов он заявил еще в 1933 г.:

Никогда в рабочих Союза
Никому не позволим стрелять [2].

---

[1] «Леттр франсэз», 29 июня 1950 г.

[2] Стихотворение «Солдаты идут».— «Интернациональная литература», 1933, № 4, стр. 53.

В наши дни, выражая волю трудящихся Франции, он произносит слова, полные глубокого значения:

«Народ, взявший Бастилию, поднявший знамя Коммуны, говорит теперь вслед за Морисом Торезом: Нет, никогда, никогда народ Франции не будет воевать против Советского Союза, против защитников Сталинграда, ...против Свободного Союза народов, положивших конец эксплуатации человека человеком и готовящихся овладеть природой и создать человека, который не будет знать врага в образе человека» [1].

[1] «Правда», 24 сентября 1949 г.

М. А. Яхонтова

ПОЛЬ ЭЛЮАР

I

Поэт и общественный деятель Поль Элюар принадлежит к славному отряду тех французских писателей, которые героически боролись за свободу своей родины в годы гитлеровской оккупации и в настоящее время продолжают борьбу против новых поработителей Франции, против поджигателей новой войны.

Поль Элюар родился в 1895 г. Юность его поколения совпала с империалистической войной 1914—1918 гг.; эта война была для него школой жизни. Попав на фронт девятнадцатилетним юношей, он глубоко возненавидел войну.

Ранние стихотворные сборники Элюара, посвященные темам войны и мира, дают яркое представление о стихийном протесте поэта против кровавой империалистической бойни.

От имени мирной спокойной природы, от имени смеющихся детей, плачущих женщин, потерявших на войне любимых людей, молодой поэт требовал мира. В разрушительном хаосе войны он мечтал о радости созидательного, мирного труда.

... Работа,
Работа десяти моих пальцев и работа моей головы,
Работа божественная, работа зверская,
Моя жизнь и наша общая насущная надежда,
Пища нашей любви
Работа... [1]

В стихотворении «Рабочий» Элюар с восхищением рисует труженика, умеющего творчески преобразовывать природу, умеющего

Видеть доски в деревьях
И дороги в горах...
Ткать железо и месить камень,
Украшать природу [2].

[1] P. Eluard. Premiers poèmes. Lausanne, p. 60. В тех случаях, где не указан переводчик стихотворения, цитаты даны в подстрочном переводе автора статьи.

[2] Там же, p. 110.

Элюар ненавидел войну за то, что она убивает и душит молодость, радость, жизнь, любовь, но не понимал империалистического характера войны, ее причин и не видел путей к ее прекращению. Поэтому антивоенная тема в его произведениях раскрывалась чаще всего в образах абстрактных и расплывчатых. Поэтому тема мира приобретала у молодого Элюара характер отвлеченной мечты, пути к осуществлению которой поэт не знал. В те годы Элюар был еще далек от той позиции, которую заняли по отношению к империалистической войне Анри Барбюс и Вайян-Кутюрье. Он был ближе к буржуазным пацифистам, которые отрицали войну «вообще» и которым «мирная» буржуазная действительность казалась вполне приемлемой.

После первой мировой войны Элюар на некоторое время попадает под влияние буржуазно-декадентского искусства и примыкает вначале к группе писателей-дадаистов, а позднее к так называемым «сюрреалистам».

Стихи Элюара этих лет окрашены пессимистическими настроениями, крайне субъективны и формалистичны.

Впрочем, иногда и в них был слышен голос человека, возмущенного социальной несправедливостью. В стихотворении «Критика поэзии», завершающем сборник «Непосредственная жизнь» (1932 г.), поэт восклицает:

...Я ненавижу власть буржуазии,
Власть полицейских и попов,
А еще сильнее я ненавижу человека,
который не ненавидит их,
Как я,—
Всеми силами души [1].

Но чаще эти взрывы стихийной ненависти к буржуазному обществу выливались в анархическую жажду всеобщего разрушения:

Прогони это темное небо!
Вдребезги стекла!
Брось их камням на съеденье [2].

Начало перелома в творчестве Элюара относится к 1936 г., когда над человечеством нависла угроза новой мировой войны,

[1] P. Eluard. La vie immédiate. Paris, 1932, p. 161.
[2] Там же, стр. 118.

которую стремились развязать немецкие фашисты с помощью своих американо-английских и французских покровителей.

Под знаменем Народного фронта трудящиеся Франции объединились для борьбы с фашистской реакцией. Во время нападения международного фашизма на Испанскую республику передовые французские писатели словом и делом помогали народу Испании в его борьбе.

Создание Народного фронта и испанские события 1936—1938 гг. заставили и Элюара выйти из тупика его субъективистской поэзии.

В эти решающие годы Элюар стал на путь непримиримой борьбы против фашистской агрессии. Как и многие другие прогрессивные писатели мира, он отправился в Испанию; там он сблизился с испанскими антифашистами. В это время Элюар перевел на французский язык стихи замечательного испанского поэта Федерико Гарсиа Лорки. На его гибель от рук фашистских убийц Элюар откликнулся стихотворением, полным гнева и скорби.

Элюар славил народ Испании, «который сражался за солнце», и с ненавистью говорил о фашистских самолетах, бомбивших мирные испанские города и деревни.

...Можно привыкнуть ко всему,
Только не к этим свинцовым птицам,
Только не к их ненависти к свету,
Только не к тому, чтобы уступать им место [1].

Стихотворение «Победа Герники», где Элюар с ненавистью говорит о поработителях и с болью — о страданиях испанского народа, он заканчивает оптимистическим утверждением: нельзя согнуть народ, который борется, нельзя уничтожить на земле жизнь. Понимая, что судьба не только Испании, но и Франции решалась тогда на окровавленной испанской земле, Элюар писал в 1936 г.: «Пришло время, когда право и долг всех поэтов — утверждать свою глубокую связь с жизнью других людей, общественной жизнью» [2].

Активное участие Элюара в антифашистском движении благотворно сказалось и на его поэзии. Отныне Элюар стремится к реалистическому изображению действительности и простоте формы.

---

[1] P. Eluard. Au rendez-vous allemand. Paris, 1946, p. 83.
[2] «Литературная газета», 23 марта 1949 г.

2

Стихи о борющейся Испании знаменовали собою лишь начало глубокого перелома в творчестве Элюара. Коренной перелом в его мировоззрении и творчестве связан с антифашистским движением Сопротивления, развернувшимся в порабощенной Франции. Передовые писатели Франции были активными участниками этого народного движения; видное место среди них принадлежало Элюару, который создал в годы войны и оккупации боевые патриотические стихи.

В 1942 г., в особенно тяжелый для французского народа период, Элюар стал коммунистом, осознав, что коммунистическая партия является организатором и вдохновителем всенародного сопротивления фашистским захватчикам.

Вместе с Арагоном Элюар активно участвовал в организации подпольной печати Сопротивления, сплотив вокруг нее передовую литературную молодежь. Он выступал в печати легально и нелегально, с книгами стихов и подпольными листовками. Он был постоянным и активным сотрудником подпольной газеты «Леттр франсэз».

Боевая общественная деятельность Элюара помогла ему преодолеть настроения пессимизма и растерянности, еще проявлявшиеся в его стихах 1940—1941 гг. Теперь он видит в фашистах-поработителях лишь «испуганные пугала» [1]. Такими он рисует их в стихотворениях «Песня нацистов», «Заря разгоняет чудовищ», «Этот мирок убийц», «Об одной победе» и др. Ни на минуту не забывая о страданиях своей родины, поэт гневно требовал беспощадной расправы над ее палачами. В стихотворении «Последняя ночь» он приветствует партизан, расстрелявших в глухую полночь тех, которые отнимали хлеб у простых людей Франции, жгли их дома, оскорбляли и уничтожали их.

В стихотворении «Тебе угрожают» Элюар говорит, что праздновать победу можно будет лишь тогда, когда будет сметен с лица земли последний фашист, когда можно будет сказать:

...Это последний преступник.—
Праздник наш, наконец, наступил! [2]

Мрачным фигурам убийц и предателей Элюар противопоставляет героические и светлые образы борцов Сопротивления, несокрушимая сила которых вдохновляет поэта. Он говорит о

---

[1] P. Eluard. Au rendez-vous allemand, p. 12.
[2] Там же, p. 33.

том, что взоры его прикованы к прекрасным, честным лицам патриотов, восставших против угнетателей; видя перед собою эти лица, он «не обращает внимания на голоса чудовищ» (стихотворение «Скоро») [1].

Вместе с лучшими французскими писателями Элюар взял на себя благородную задачу раскрыть в художественных образах величие и красоту народных героев. В стихотворении «Предупреждение» Элюар рисует борца, который в застенках гестапо бестрепетно встречает смерть, зная, что дело его будет жить.

Был у него товарищ не один,
Но миллионы шли и миллионы,
Чтоб отомстить за одного, он это знал,
Он перед смертью видел дня начало [2].

(Перевод В. Азарова)

Та же тема — тема бессмертия героев, дело которых продолжают их товарищи, проходит в стихотворении «Братья, будем мужественны», где есть замечательные строки:

Лучшие из нашей среды погибли за нас,
Но кровь их влилась в наше сердце [3].

Элюар пишет стихотворение «Габриэль Пери», посвященное героической гибели одного из вождей коммунистической партии Франции, редактора «Юманите».

Пери погиб за то, чтобы мы жили.
Он — брат наш. Грудь его пробита пулей.
Благодаря ему мы стали ближе.
Мы братья. В нас живет его надежда [4].

(Перевод П. Антокольского)

Стихотворение «На человеческой лестнице» Элюар посвящает памяти павшего в бою героя Сопротивления полковника Фабиена.

В стихотворении «Поэт — своей партии» Арагон говорит о том, что коммунистическая партия научила его по-настоящему

---

[1] P. Eluard. Le livre ouvert. Paris, 1947, p. 171.
[2] «Звезда», 1950, № 10, стр. 120.
[3] P. Eluard. Au rendez-vous allemand, p. 10.
[4] «Знамя», 1950, № 12, стр. 127.

любить и ценить свою родину, ее историю, ее легенды, ее национальных героев. То же самое мог бы сказать о себе Элюар. Стихи Элюара-коммуниста — это стихи человека, для которого нет слова более священного, чем слово «Родина». Его голос становится особенно взволнованным, интонации особенно теплыми и задушевными, когда он говорит о том, как спустилась глухая ночь «над добрым старым сердцем Парижа» [1]. Он называет этот город своей матерью и своим ребенком, от которого его сердце нельзя оторвать, как нельзя отнять у Парижа воды Сены. Любовью к родному городу и непоколебимой верой в силу и величие французского народа дышит стихотворение «Мужество»:

Верни же себе свободу, Париж,
Париж трепещущий, словно звезда,
В тебе всегда надежда живет.
Усталость стряхни, смой грязь, мой Париж [2].

(Перевод В. Азарова)

Таким образом, активное участие Элюара в борьбе французского народа против гитлеровских захватчиков решительно изменило содержание его поэзии. В статье «Поэзия — оружие мира» (1950 г.) Элюар писал, что прогрессивная французская поэзия «значительно выросла после испытаний, которые пришлось пережить Франции во время войны и оккупации. В ней окрепло чувство патриотизма, она приблизилась к людскому горю, она вела борьбу против угнетения и войны, она сумела найти коллективный голос» [3]. Эти слова Элюара могут быть полностью отнесены и к его собственному творчеству.

Элюар писал, что в годы оккупации «было необходимо, чтобы поэзия скрылась в партизанском подполье». Поэту приходилось распространять свои самые боевые стихи нелегальным способом, скрываясь под псевдонимами Жана Дюо, Мориса Эрвана, И. Л. З. и др. В то же время он широко использовал и легальную печать, где, выступая под собственным именем, был вынужден маскировать свои мысли. Элюар широко использовал в своих стихах, написанных эзоповским языком, привычные символы, но наполнял их конкретным социальным содержанием.

---

[1] P. Eluard. Au rendez-vous allemand, p. 28.
[2] «Звезда», 1950, № 10, стр. 120.
[3] Там же, стр. 117.

Особенно значительны стихи Элюара, написанные для подпольной печати. В них Элюар открыто призывает французский народ к борьбе

Во имя плодов, что сменяют цветы
На прекрасной и доброй земле,
Во имя мужчин, что томятся в тюрьме,
Во имя женщин-рабынь,
Во имя товарищей наших,
Которых замучил враг... [1]

В стихотворении «Бойни» рассказывается, как против фашистских захватчиков поднимаются люди Франции.

... Бледные от гнева,
Сильные своей непобедимой правдой,
Сильные мощью своей непорочной земли [2].

В этих стихах Элюара слышны интонации народной песни, характерные для нее параллелизмы. Скорбя о том, что холод тоски охватил французскую землю, поэт восклицает:

Есть у каждого дерева место в пространстве,
У каждой скалы место есть на земле,
В каждом ручье есть вода живая.—
Мы, мы лишены огня! [3]

3

Политическая обстановка, сложившаяся во Франции после второй мировой войны, характеризовалась ростом боеспособности трудящихся масс, укреплением их воли к единству в освободительной борьбе, усилением авторитета коммунистической партии Франции — партии национального спасения. В ответ на предательскую политику французской реакции, которая, попирая суверенитет своей страны в угоду американским империалистам, вовлекла ее в преступный заговор поджигателей войны, народные массы Франции, руководимые коммунистической партией, активно включились в движение борцов за мир, национальную свободу и демократию.

Выражая в своих послевоенных стихах настроения самых широких кругов французского народа, поэт протестует против

[1] P. Eluard. Au rendez-vous allemand, p. 18.
[2] Там же, стр. 42.
[3] P. Eluard. Souvenirs de la maison des fous, Paris, 1945, p. 131.

нового порабощения Франции. Он ясно понимает, кто виноват в этом. Он отчетливо видит врагов французского народа и на родной земле и за океаном. Он говорит, что слово «Америка» начинает звучать, «как похоронный звон над разбитыми надеждами» [1].

Борьба свободолюбивого французского народа против реакции внушает поэту уверенность в конечной победе свободы и демократии. «Придет день — и надежда сверкнет, как молния...» [2]

В своих поэтических сборниках «Политические стихи» (1948 г.), «Урок нравственности» (1949 г.) и др. Элюар, как и в годы Сопротивления, воспевает величие и героизм лучших сынов французского народа — борцов за свободу, демократию и независимость. В условиях, когда наглеющая французская реакция бесстыдно клевещет на коммунистов, эта тема в современной французской литературе приобретает особый боевой политический смысл.

В стихотворении «Дни среди дней, люди среди людей» Элюар говорит, что недостаточно класть цветы на могилы героев,— нужно, чтобы поднялись новые герои, продолжатели их дела.

Принесите на их могилы все, что жизнью полно,
Не только живые цветы, но и вашу живую надежду,
Все то, что живет светом этой надежды,—
Ваши руки, ваше тело и ваши мысли [3].

Произведения Элюара вновь зовут к борьбе. Он посвящает стихи «товарищам-печатникам», бастующим горнякам:

Под землей они столпились,
Тревожно бьются их сердца,
Добытчики тепла и тока,
Бастующие горняки.
Сгустилась их обида
В глухую глыбу мглы,
В раскат негодованья
И в ярости раскат...
Но есть предел терпенью.
Довольно голодать,
Когда другие сыты [4].

(Перевод П. Антокольского)

[1] «Литературная газета», 1 мая 1949 г.
[2] P. Eluard. Poésie interrompue. Paris, 1946, p. 87.
[3] P. Eluard. Poèmes politiques. Paris, 1948, p. 34.
[4] «Огонек», 1949, № 3, стр. 22.

Элюар горячо откликается на освободительную борьбу всех народов мира, раскрывая международное значение этой борьбы. В стихотворении «Слово о силе любви» он говорит:

Партизаны в Испании — цвета крови их край.
Партизаны и в Греции — цвета неба их край...
Свет! Всегда его можно навек погасить.
Жизнь! Всегда ее можно
оборвать,
прекратить,
Но и там, где, казалось, ничто не цвело,
Глянет почка, и станет светло и тепло [1].

(Перевод И. Френкеля)

В 1949 г. Элюар посетил Грецию, народ которой восстал против реакционного режима, навязанного ему заокеанскими «хозяевами», и под впечатлением этой поездки создал сборник стихов «Греция, роза моего разума». Он прославляет героических и свободолюбивых греческих партизан, не пожелавших «поить крыс водою своих ручьев» [2].

В стихотворении «Молитва вдов и матерей» поэт создает героический образ осиротевших греческих женщин, чье горе не надломило их силы, а, напротив, укрепило в них волю к борьбе.

В статьях и выступлениях последних лет Элюар утверждает, что реалистическая правда и лирическая глубина поэзии неотделимы от нравственной задачи служения народу: «Что касается меня, то я — поэт, поскольку я солидарен с угнетенными, поскольку я воздаю должное людям страждущим, надеющимся и борющимся, людям, которые все перенесли и могут в борьбе потерять только свои цепи. Я не отрываюсь от мира, в котором живу...» [3]

В программной статье «За правду, за мир!» Элюар заявляет: «Мы говорим только правду. Правда, что в СССР народ — хозяин своей судьбы; правда, что хозяева Америки хотят войны; правда, что режим Тито — самый опасный пособник поджигателей войны. Правда то, что за последние тридцать лет широкие массы трудящихся всего мира на великом примере Советского Союза поняли, что они сами могут стать хозяевами своей жизни. Правда, что страны народной демократии и свободный Китай стоят бок о бок с Советским Союзом в борьбе

[1] «За мир». Изд. Библиотеки журн. «Огонек», 1949, № 32—33, стр. 58.
[2] P. Eluard. Poèmes politiques, p. 46.
[3] «Литературная газета», 1 мая 1949 г.

за мир и будущее. Правда, что во многих странах, число которых все растет,— и Франция стоит среди них не в последних рядах,— сторонники мира организуются и через границы протягивают друг другу руки» [1].

В своих взглядах на задачи искусства Элюар обращается к лучшим национальным традициям французской реалистической эстетики, к традициям Дидро, Стендаля и Бальзака.

Большое внимание Элюар уделяет также взглядам М. Горького и Маяковского. «Горький учил нас: ничто в мире не заслуживает большего внимания, чем человек» [2]. Элюар пишет о ведущем, всемирном значении советской литературы, указывающей путь всем национальным литературам мира; он призывает поэтов Запада следовать примеру советской поэзии с ее «изумительной силой действенности» [3].

Влияние эстетики социалистического реализма звучит в следующем определении поэзии, данном Элюаром: «Поэзия — это речь, которая поет. Но в то же время это речь, которая умеет защищаться и защищать. Она помогает человеку отстоять свое мышление, свои традиции, свое будущее» [4].

4

Поль Элюар — активный деятель движения сторонников мира. По его убеждению «борьба за мир — это сегодня самое неотложное, самое необходимое, то, что в конечном счете определяет всю нашу жизнь» [5].

Элюар — один из руководителей Национального комитета писателей Франции, член правления Национального союза интеллигенции (объединяющего в борьбе за мир прогрессивных деятелей культуры независимо от их политических и религиозных убеждений), активный участник конгрессов мира. В феврале 1949 г., по поручению Международного комитета связи работников культуры, он организовал и провел в Париже антивоенный митинг. В 1950 г. под председательством Элюара состоялся организованный прогрессивными деятелями культуры многолюдный митинг мира в Орадуре, злодейски разрушенном фашистскими оккупантами.

«Мы не просим мира, мы его требуем... Здесь, в Орадуре, в этих местах преступлений гитлеровской войны, поклянемся

---

[1] «Правда», 1 мая 1950 г.
[2] «Звезда», 1950, № 10, стр. 117.
[3] Там же, стр. 118.
[4] «Правда», 1 мая 1950 г.
[5] Там же.

стать бойцами Мира!» [1] — сказал на этом митинге Поль Элюар.

Когда весной 1949 г. ему не разрешили въезд в США для участия в Нью-Йоркском Конгрессе в защиту мира, он опубликовал статью под заглавием «То, что мне запретили сказать в Нью-Йорке», в которой гневно обличал американских агрессоров, желавших сорвать работу конгресса. В заключение Элюар писал: «Мы не беззубые мечтатели, и у нас свои средства, сила, которая своего добьется... Люди хотят сами распоряжаться своей судьбой и не хотят подчиняться силам зла. Там, где они повинуются только голосу своей совести,— зло уже отступает перед добром. Так будем же бороться!» [2].

Элюар обращается к женщинам, участвующим в движении сторонников мира:

Сестры надежды, о, смелые женщины,
Вы сплотились против смерти
Во имя сокровищ любви.
О, мои бессмертные сестры,
Вы жизни своей не щадите
Во имя победы жизни.
Близок день, дорогие сестры,
Когда будут забыты слова —
«нищета» и «война» [3].

С гордостью и воодушевлением Элюар говорит, что авангардом борьбы за мир является во Франции партия, воплощающая стремления всех честных людей страны, коммунистическая партия, партия Мориса Тореза:

Торез о дружбе говорит
С такою силой слов прямых,
С такою правдой доброты,
С такою твердостью, что нам,
Как на ладони, виден мир —
Мир счастья и единства сил.

Торез французам говорит
О справедливости борьбы
За справедливость и за мир [4].

(Перевод К. Симонова)

[1] «Леттр франсэз», 15 июня 1950 г.
[2] «Литературная газета», 1 мая 1949 г.
[3] P. Eluard. Poèmes politiques, p. 54.
[4] Сб. «Поэты мира в борьбе за мир», стр. 704.

Стихотворение «Счет к оплате», которое Элюар читал с трибуны Вроцлавского Конгресса деятелей культуры, гневно обличает поджигателей войны, которым поэт предъявляет счет за смерть многих тысяч погибших. Оно заканчивается призывом сплотиться во имя борьбы за мир. Этим же призывом заканчивается стихотворение «Товарищам-печатникам»:

Надо верить, верить и знать,
Что в твоей, человечьей, власти
Быть свободным и лучше стать,
Чем сулила судьба или счастье.

Будет скоро большая весна.
Будет жизнь в небывалом расцвете.
А для этого сила живая должна
Одолеть мертвечину на свете [1].

(Перевод С. Маршака)

Элюар призывает всех людей доброй воли: «Давайте — сплотимся ради воли к жизни!» (стихотворение «Диалог»).

Обращаясь к своему другу Пабло Неруде, Элюар говорит о братской интернациональной солидарности поэтов, отдающих свое творчество великому общему делу — делу мира.

Он призывает всех честных литераторов неразрывно связать свое творчество с борьбой за мир. «Современные поэты знают,— говорит Элюар,— они не сохранят о себе достойной памяти в сердцах человечества, если они не будут вести повсюду огромную работу за мир и справедливость, работу, в авангарде которой идут прекрасные, великодушные народы Советского Союза, имеющие счастье называть своим руководителем последователя Ленина — Иосифа Сталина» [2].

В стихотворении «Иосиф Сталин» Элюар с безграничной любовью и уважением называет имя великого знаменосца мира, имя человека, к которому обращены взоры всех простых людей, отстаивающих дело мира во всем мире:

Это Сталин избавил нас
от осенних невзгод,
По-весеннему светел купол неба
над ним.
Даже если нам трудно, мы верим
в себя,

[1] Сб. «Поэты мира в борьбе за мир», стр. 705.
[2] «Звезда», 1950, № 10, стр. 118.

Мы творим свою жизнь. Созидаем ее.
Мы в грядущем уверены.
. . . . . .
Ибо Сталин живущими избран людьми
Воплотить в бытие океан их надежд [1].

(Перевод Веры Инбер)

Элюар с восхищением говорит о советских людях, «которые вчера спасли мир от гитлеровского фашизма, а сегодня являются лучшим оплотом мира на свете» [2].

Все народы, говорит Элюар, видят в великом советском государстве воплощение своих самых смелых мечтаний, свое светлое будущее:

Братья! Есть в мире страна,
Словно в зеркале чистом,
Каждый в ней видит себя,
И нет силы, способной
Зеркало это разбить,
загрязнить,
затуманить...
. . . . . .
Братья! Советский Союз
Для себя и для нас хочет мира.
Братья! Советский Союз
Нас ведет по широкой дороге [3].

(Перевод Н. Разговорова)

В мае 1950 г. Элюар гостил в СССР. Он побывал в Москве и Ленинграде, в Сталинграде, Тбилиси и Гори. Он говорил о глубоком волнении, с которым вступил «на священную землю Сталинграда», о том, как первомайская демонстрация на Красной площади представилась ему «весной человечества» [4].

Покидая Советский Союз, Элюар сказал: «Вдохновенный труд вашего народа — неоценимый вклад в дело мира. Я возвращаюсь в свою страну, где все время чувствую угрозу войны... Я уезжаю из страны, где люди заняты мирным, созидательным трудом. Ваша страна вселяет во французский народ веру в то, что народы мира отстоят мир и обуздают поджигателей новой войны» [5].

---

[1] «Знамя», 1950, № 12, стр. 126.
[2] «Правда», 1 мая 1950 г.
[3] Сб. «Поэты мира в борьбе за мир», стр. 702—703.
[4] «Московская правда», 20 мая 1950 г.
[5] Там же.

По возвращении на родину Поль Элюар выступил перед многолюдной аудиторией с речью, посвященной успехам мирного строительства Советского Союза.

«Я знал, что народы Советского Союза наслаждаются благами социалистического строя, но я не знал той мирной атмосферы, которая господствует как в городах, так и в колхозах, которая связывает узами солидарности всех трудящихся СССР...

Я знал, что СССР хочет мира, но я не видел до сих пор, как война перекрывается радостью созиданья, радостью новых посевов и ученья молодежи, я не видел светлого взгляда каменщиков Сталинграда, крестьян Грузии, московских студентов, когда они произносят слово «Мир!»...» [1]

В феврале и марте 1952 года Поль Элюар принял участие в проводимых в Москве юбилейных торжествах, посвященных великому писателю Франции Гюго и великому русскому писателю Гоголю. Элюар подчеркнул мировое значение Гоголя. Сила этого замечательного сатирика,— сказал он,— в его народности. «Гоголь — это человек, который понял правду людскую» [2].

Один из крупных представителей современной французской поэзии, продолжающий ее лучшие традиции, Поль Элюар является подлинным поэтом-гражданином. Его вдохновенная поэзия неотделима от его общественной деятельности активного участника движения сторонников мира. И в его художественных произведениях, и в публицистических выступлениях уверенно звучит голос человека, выражающего лучшие чаяния своего народа — его устремление к миру и свободе.

---

[1] «Леттр франсэз», 1 июня 1950 г.
[2] «Правда», 4 марта 1952 г.

Е. М. Евнина

«ЛЕТТР ФРАНСЭЗ»

I

«Леттр франсэз» («Французская литература») — боевая газета прогрессивных французских писателей — родилась в подполье, в обстановке террора, когда в стране хозяйничали гитлеровские оккупанты. В то время когда реакционная французская пресса, по указке предательского правительства Виши, послушно стала на службу гитлеровскому режиму, газета «Леттр франсэз» в первом же номере (20 сентября 1942 г.) в Манифесте французских писателей объявила о своем включении «в смертельную битву, начатую французской нацией за освобождение от поработителей», и призвала писателей защищать попранную предателями честь французской литературы.

Подпольная «Леттр франсэз» выполнила эту задачу. Организаторы газеты сумели объединить в борьбе против фашистских захватчиков лучших представителей французской интеллигенции. Газета с честью продолжала демократические традиции французской литературы.

И теперь, в обстановке нового, не менее жестокого закабаления Франции американским империализмом, в обстановке нового, не менее наглого разгула реакции и подготовки агентами Уолл-стрита новой мировой войны, «Леттр франсэз» отстаивает кровные интересы родины и деятельно участвует в борьбе за мир.

Историческое заявление Мориса Тореза, что французский народ никогда не будет воевать против Страны Советов, выражает мнение широких слоев французской нации.

«Надо, чтобы огромные массы нашего народа пришли в движение и выступили против гнусного предательства, которое творят наши правители. Мы можем и обязаны обречь на провал преступные мероприятия поджигателей войны»,— говорил Жак Дюкло на торжественном собрании в Париже, посвященном 30-летию коммунистической партии Франции [1].

[1] «Правда», 29 декабря 1950 г.

Огромные массы французского народа, все честные люди Франции, участвуют в движении сторонников мира. Французский народ повседневно показывает примеры самоотверженной борьбы: французские докеры отказываются грузить военные грузы; бастуют металлисты, шахтеры, служащие, студенты; французский народ мужественно борется в защиту героя мира Анри Мартена; 10 миллионов голосов собрано под воззванием, требующим заключения Пакта Мира между пятью великими державами,— все это является ярким выражением массового размаха движения сторонников мира.

Все более активный характер принимает и та борьба против поджигателей войны, которую ведет на своих страницах прогрессивная печать Франции, в том числе и газета «Леттр франсэз».

Эта еженедельная газета объединяет передовых литераторов страны для совместной защиты мира. На страницах ее выступают коммунисты, католики, социалисты, беспартийные французские интеллигенты. Программа борьбы за мир объединяет этих патриотов Франции.

Среди постоянных сотрудников газеты мы видим участников героического Сопротивления французского народа фашистским захватчикам. Это — Клод Морган, ответственный редактор газеты, который после убитого немецкими фашистами Жака Декура был неутомимым организатором и руководителем подпольной «Леттр франсэз»; молодой французский публицист и писатель Пьер Декс, который прошел школу подпольной организации в фашистском лагере уничтожения и затем несколько лет также был редактором «Леттр франсэз»; лучшие писатели современной Франции — Луи Арагон, Поль Элюар, Андрэ Стиль; Андрэ Вюрмсер, который ведет отдел критики в газете; Жорж Садуль — ее бессменный кинообозреватель; писатели, критики и художники: Клод Руа, Жан Марсенак, Эльза Триоле, Пьер Абрагам, Жан-Морис Эрман, Жиллета Зиглер, Симона Тери, Жан Эффель, Жан Гандрей-Рети и др.

2

Уже Всемирный Конгресс деятелей культуры в защиту мира и свободы, состоявшийся во Вроцлаве в 1948 г., всколыхнул широкие круги французской интеллигенции.

В период подготовки к Первому Всемирному Конгрессу сторонников мира, который состоялся в апреле 1949 г. в Париже, в «Леттр франсэз» публиковались многочисленные воззвания и обращения национальных съездов французской интеллигенции,

французских женщин, французских писателей, студенческих и других организаций. Арагон, Элюар и другие писатели выступали на митингах и собраниях, обращались через свою газету к деятелям культуры не только Франции, но и других стран.

В дни Первого Всемирного Конгресса сторонников мира газета поместила многочисленные репортажи и очерки, рисующие воодушевление, охватившее всех честных людей Франции.

Когда французское правительство пыталось препятствовать въезду в Париж участников Всемирного Конгресса и отказало в визах сорока китайским делегатам, ехавшим из Пекина, на страницах «Леттр франсэз» был напечатан неизданный текст Ромена Роллана «Жан Кристоф своим братьям из Китая»: «Я не знаю ни Европы, ни Азии. Я знаю только две расы в мире: души возвышенные и души низменные... Я — с первыми. Откуда бы они ни происходили, они мои друзья, мои союзники и мои братья...»,— писал Ромен Роллан в январе 1925 г.[1]

Номер «Леттр франсэз» от 28 апреля 1949 г. вышел под заголовком: «Защита мира становится отныне делом всех народов». Здесь и в других номерах газеты были напечатаны речи Жолио-Кюри, Ива Фаржа, Пьетро Ненни, выступления делегатов Советского Союза — Фадеева, Эренбурга, Шостаковича, Мересьева, матери Зои Космодемьянской, говоривших о том, что мир не дается без боя, что мир надо не просить, а завоевать, предписать его сторонникам войны. Поль Элюар в стихотворении «Тот, кто взывал издалека, услышал ответ вблизи» воссоздал образ старого, враждебного мира, несущего человечеству развалины, пожарища, голод, ненависть и смерть, и противопоставил ему мир будущего, мир надежды, молодости, радости, жизни и любви.

В эти же дни в «Леттр франсэз» сообщалось, с каким огромным энтузиазмом французские строители, скульпторы, архитекторы и художники организовали в Париже к открытию конгресса «Выставку мира». Газета сообщала о «караванах мира», идущих со всех концов французской земли приветствовать Парижский Конгресс, и о грандиозной демонстрации на стадионе Буффало. Интеллигенция Франции вышла на демонстрацию с портретами Анри Барбюса, Анатоля Франса, Ромена Роллана и Поля Ланжевена, связывая борьбу за мир с лучшими гуманистическими традициями французской культуры.

После Парижского Конгресса перед французской интеллигенцией и, в частности, перед прогрессивными писателями

[1] «Леттр франсэз», 21 апреля 1949 г., № 256.

Франции встали большие задачи. Национальный комитет французских писателей объявил борьбу за мир своим кровным делом. «Для нас, писателей, защита мира является нашим делом»,— сказал в своем выступлении председатель Национального комитета, католический писатель Луи Мартен-Шоффье [1]. О роли писателя в борьбе за мир говорил на собрании Национального комитета писателей Луи Арагон, который подчеркнул, что международная организация борьбы за мир объединила интеллигенцию с широкими массами народа. Он отметил заслуги в борьбе за мир поэтов Пабло Неруды, Поля Элюара, Назыма Хикмета и др. «Сегодня... величайшим фактором истории является колоссальная устремленность народов к миру»,— сказал он.

После Парижского Конгресса во Франции поднимается новая волна митингов, национальных съездов французской интеллигенции, французских женщин. В их организации самое горячее участие принимает «Леттр франсэз». Многие видные деятели французской культуры, принадлежащие к разным политическим партиям и группировкам, выступают на ее страницах с решительной поддержкой коммунистической партии Франции в ее борьбе за мир и национальную независимость страны.

«Я принял руку, протянутую мне коммунистами, потому что при теперешней обстановке во Франции я не мог поступить иначе... План Маршалла является планом колонизации нашей страны и всех других стран, «облагодетельствованных» США... Атлантический пакт ведет нас к войне... Никакие декреты папского престола не смогут заставить меня отказаться от деятельности в защиту мира, которая одна только может спасти страну»,— заявил молодой католический писатель Пьер Дебрей, участник Парижского Конгресса сторонников мира [2].

Сплочение единого фронта мира, привлечение к движению широчайших кругов французской интеллигенции, любящих свою родину и озабоченных ее судьбою,— такие задачи поставила перед собою газета после Первого Всемирного Конгресса сторонников мира.

Но мир не дается без боя; его надо завоевать, «предписать мир сторонникам войны»,— провозгласил Первый Всемирный Конгресс сторонников мира. И газета «Леттр франсэз», вместе со своим широким активом, изо дня в день настойчиво, горячо

---

[1] «Леттр франсэз», 12 мая 1949 г., № 259.
[2] «Леттр франсэз», 28 июля 1949 г., № 270.

и последовательно отстаивает дело мира, разоблачает американских заправил империалистического лагеря войны и их французских пособников.

3

«Сегодня уже не найдется таких писак, которые осмелились бы утверждать, что план Маршалла создан для улучшения французской экономики, напротив, многие цинично признают, что это инструмент войны»,— сказал Ив Фарж на Первом Всемирном Конгрессе сторонников мира, показывая, что экономика Франции закабалена Америкой и по указке Вашингтона французские правители продолжают вести подлую и разорительную для Франции войну в Индокитае. «Нас превратили в сторожевых псов американского империализма»,— заявил Ив Фарж [1].

Раскрытие подлинной сущности американского хозяйничанья в Европе, естественно, связывается в газете с разоблачением лакеев Уолл-стрита — французских правителей, насильно навязывающих стране политику войны и реакции. Нетрудно представить, какое негодование вызывает эта политика в сердцах истинных французских патриотов. Цитируя реакционную газету «Монд», Клод Морган указывает, что французская армия беззастенчиво сравнивается там с «варварским ополчением» (milices barbares), которое Римская империя создавала некогда из своих рабов для охраны новых имперских границ. «Ничто не изобличает более красноречиво людей, которые продали нашу родину новой империи и которые согласны продавать за доллары французскую кровь, как стремление превратить французскую армию в «варварские войска» для обслуживания Атлантического блока»,— с горечью и возмущением восклицает писатель [2].

Нарастающее возмущение всех честных людей Франции наглым поведением американских монополистов и купленных ими французских предателей ярко выразил державшийся прежде в стороне от политической жизни драматург Поль Рейналь. «Декларация независимости старого света» — так называется опубликованный в «Леттр франсэз» памфлет Поля Рейналя [3]. «Наступил день... сказать соотечественникам Монроэ: ««Янки, в Америку!»» — пишет Рейналь, перефразируя пресловутую формулу одного из президентов США, Монроэ,— «Америка для американцев». Ибо «янки, фашисты бизнеса, устремляются сегодня по

[1] «Леттр франсэз», 28 апреля 1949 г., № 257.
[2] «Леттр франсэз», 18 августа 1949 г., № 273.
[3] Напечатан в сокращенном виде в «Литературной газете» 14 сентября 1950 г. под названием «Янки, в Америку!»

пути, протоптанному гитлеровцами». На этот путь их толкают те же побуждения, что и их предшественников-фашистов: «громогласно провозглашаемая миссия уничтожения коммунизма» и «стыдливо умалчиваемое стремление к мировому господству».

Со всей силой возмущения, которое вызывают у французского писателя «разжиревшие янки», оскверняющие его родину своими долларами, своими отупляющими радиопередачами и кинофильмами, Поль Рейналь говорит новым «завоевателям», что каковы бы ни были мучения, переносимые из-за них народами Европы, «придет конец нашествию янки» и «последний акт трагедии может разыграться в самих Соединенных Штатах».

С неменьшим возмущением пишет Поль Рейналь о «вопиющей бездарности» большинства современных правителей Франции: «Вы сочли себя достойными управлять государством и вы привели нас к войне, к голоду, к рабству. Расплачивайтесь, кто бы вы ни были — кровожадные звери или самовлюбленные идиоты!» Рисуя портреты-биографии таких «вершителей» народных судеб, как Шуман во Франции и Трумэн в США, Поль Рейналь констатирует, что именно «подобного рода фигляры... толкают нас к третьей мировой войне». Это они «с беспримерной наглостью, уверенной и дерзкой рукой, в своих собственных интересах, не имеющих к нам никакого отношения, ведут нас к катастрофе грязными путями продажи нашей независимости и насаждения нищеты, именуя эти пути «военными приготовлениями»» [1].

Этот бичующий памфлет, написанный талантливым писателем, жестоко уязвленным в своей национальной гордости, отозвался в сердцах тысяч французских читателей. Об этом свидетельствуют многочисленные отклики и письма, полученные «Леттр франсэз» после опубликования памфлета Поля Рейналя.

В стихотворении «Моему американскому другу» прогрессивный французский поэт Пьер Сегерс обращается к рядовому американскому солдату Джону Броуну. Сегерс напоминает ему, как французский народ приветствовал в нем собрата по оружию, как они вместе переживали радость победы над фашизмом, и спрашивает его, что́ он думает теперь о своей стране. Поэт говорит о выдающихся деятелях лагеря мира — французском художнике Пикассо, настоятеле Кентерберийского собора Хьюлете Джонсоне и других. Все они «хотят мира, великого мира людей»

[1] «Леттр франсэз», 27 июля 1950 г., № 322.

и они хотели бы пожать руку Джона Броуна, но правительство США закрывает ворота перед посланцами мира.

Скажи мне, почему
Америка захлопывает двери
Перед людьми великими Европы,
Оружие которых — воля к миру?
Твоя ли это родина, Джон Броун,
И должен ли я думать, что враги,
Стремящиеся нас разъединить,
Достигнут цели, если мы с тобой
В борьбе за мир друг другу не изменим
И ей все силы отдадим, Джон Броун? [1]

(Перевод А. Чепурова)

В сатирическом стихотворении молодого поэта Жана Лансельма — «История, которая проясняется к концу» — речь идет о «добром» американском дядюшке Маршалле, который пришел якобы для того, чтобы «одеть всех бедняков», а затем нагло завладел их жилищем [2]. В этом же номере газеты французский писатель Познер обращается к некоторым известным писателям США, упрекая их в том, что они молчат, когда лучших людей их страны бросают в тюрьму. «Я знаю, что в нашей стране становится опасным говорить громко»,— говорит Познер. Он отмечает знаменательные «совпадения» в политике США с политикой гитлеровской Германии: через несколько дней после того как были брошены в тюрьму прогрессивные писатели Америки, началась американская агрессия в Корее. «Гитлер также заставлял жечь книги перед тем, как он заставил жечь людей»,— говорит писатель [3].

Разбойничья война американцев в Корее вызвала глубочайшее негодование всех честных людей мира. И французская интеллигенция через «Леттр франсэз» статьями, заявлениями протеста, воззваниями ко всем противникам войны выразила свое возмущение против американской агрессии в Корее. Газета освещает героическую борьбу Народной корейской армии. Она печатает статью Аркадия Первенцева, рассказывающую о необычайном расцвете искусства и литературы в свободной Корее, которая сбросила с себя долголетний гнет японской оккупации. В сатирическом отделе газеты международный обозреватель

[1] «Звезда», 1950, № 10, стр. 124.
[2] «Леттр франсэз», 31 августа 1950 г., № 326.
[3] Там же.

«Леттр франсэз» Жан-Морис Эрман остро и зло высмеивает отвратительные попытки французского министра Плевена изобразить кровавые злодеяния американских войск в Корее как «победу человечности над насилием» [1].

В другой статье Жан-Морис Эрман на примере небезизвестного бельгийского «социалиста» Спаака весьма наглядно показывает, до какого позора дошли социалистические лидеры, состоящие на службе у американских империалистов. Торопясь подобострастно засвидетельствовать свою «благонамеренность», Спаак поместил в газете «Монд» статью о корейских событиях, объявляя, что он «восхищен спокойным героизмом Трумэна» (!) [2].

Подлинно разбойничий характер войны, которую империалисты ведут в Корее, ясен прогрессивной французской интеллигенции, несмотря на все усилия правительственной пропаганды представить ее в ином виде. Тридцать французских кинооператоров отказались от правительственного предложения производить съемки военных действий французских наемных войск в Корее: «...мы ответили отказом на предложение создать фильм о войне в Корее, как отказались сделать фильм о маршале Роммеле, как ответим отказом на всякие предложения об открытой или замаскированной военной пропаганде»,— твердо заявили французские кинооператоры 9 марта 1952 г. Гнев и возмущение вызвала в массах французского народа злодейская бактериологическая война, затеянная империалистическими варварами США. «Как и атомная бомба, бактериологическое оружие должно быть поставлено вне закона»,— требует Э. Обель, профессор Сорбонны [3]. В этом же номере газеты группа медиков и биологов Медицинской академии обращается к президенту Национального объединения французских интеллигентов с призывом поддержать решительный протест против применения бактериологического оружия, как и всякого оружия массового истребления людей. С возмущением говорят медики и биологи Франции о том, что научные изыскания, цель которых — спасение человеческой жизни, применяются современными варварами для распространения болезни и смерти.

4

«Леттр франсэз» безжалостно разоблачает тех современных реакционных писателей, которые еще пытаются спрятаться под маской «чистой» эстетики и якобы «аполитичного» искусства.

[1] «Леттр франсэз», 7 сентября 1950 г., № 327.
[2] «Леттр франсэз», 3 августа 1950 г., № 329.
[3] «Леттр франсэз», 18 апреля 1952 г., № 410.

В статье «Журнал «Искусство» и политика» Пьер Декс показывает, что искусство не может быть аполитичным; недаром в названном эстетствующем журнале травят крупнейших художников-коммунистов Фужерона и Пикассо и настойчиво защищают коллаборационистов [1]. Газета разоблачает тех жалких писак, на которых опирается во Франции американская партия войны. Это — предатели, коллаборационисты, шпионы.

Жан-Морис Эрман и Пьер Декс разоблачили эсэсовца Скорцени, для «мемуаров» которого французская реакционная газета «Фигаро» услужливо предоставила свои страницы. Гитлеровский агент призван теперь на службу американской разведкой и поставлен под покровительство французской полиции, которая разгоняла демонстрантов, собравшихся возле редакции «Фигаро», чтобы выразить протест против опубликования гнусных «мемуаров» Скорцени [2].

Активный сторонник мира писатель Луи де Вильфос также разоблачает на страницах «Леттр франсэз» позорную и предательскую роль нынешних правителей Франции, которые раболепствуют перед такими фашистскими зубрами, как генерал Гудериан и др., призванными американскими империалистами в штаб так называемой «атлантической армии»: «Все петэновцы и коллаборационисты, которых еще немало во Франции, несомненно радуются, видя, как широко раскрываются у нас двери перед фашистом, как почтительно упоминаются его чин и военные заслуги... — с горечью говорит писатель.— Но я думаю о простых французах, видящих в фашистском генерале убийцу, даже если он готовится натянуть белые перчатки, чтобы принять щелкающих каблуками французских генералов... убийцу, заслуживающего в качестве военных почестей пары наручников и веревки... Расчищая дорогу новому триумфу германского милитаризма, правящий класс Франции окончательно позорит и дискредитирует себя. Загнивают все его способы господства — его кадры, его государство — все это в целом отдает врагу ключи от собственного дома и уходит из истории» [3].

В статье «Господин Мориак и капо [4] площади Согласия» Пьер Декс убедительно доказывает, что нет разницы между полицейским, охраняющим парижскую площадь Согласия от защитников мира, и реакционным писателем Франсуа Мориаком, который больше не пишет романов, а активно сотрудничает в самой реакционной газете — «Фигаро». Мориак жалуется, что не

[1] «Леттр франсэз», 19 января 1950 г., № 295.
[2] «Леттр франсэз», 6 апреля, 1950 г., № 306.
[3] «Леттр франсэз», 13 сентября 1951 г.
[4] Капо́ — прозвище французских полицейских.

верит больше ни в культуру, ни в цивилизацию, он цинично проповедует отречение от родины и от своего народа: «Меня больше не трогает эта толпа, виновная в собственной гибели»,— говорит он. Пьер Декс показывает, что «толпа», о которой так презрительно говорит Мориак,— это народные массы Франции, демонстрирующие на стадионе Буффало свою волю к миру. Отныне они — не зрители на ступеньках стадиона, они действуют на самой арене борьбы. Мориак хотел бы, чтобы арена была пуста, но «сегодня это уже невозможно»,— говорит в заключение Пьер Декс, напоминая, что существует в мире почти миллиард сторонников мира, которые твердо решили защищать человечество и культуру от варварства войны [1].

В обращении «Леттр франсэз» — своим друзьям» газета раскрывает роль нынешней реакционной прессы:

«Есть пресса, которая лжет, потому что она — в руках защитников умирающего мира, желающего спастись с помощью войны...

Чтобы поработить народы и бросить их в войну, надо их обмануть — эту роль выполняет пресса, купленная на американские доллары.

Эта пресса агитирует за войну и за репрессии против борцов мира.

Эта пресса стремится скомпрометировать честных людей и предоставить трибуну предателям и нацистам.

Чтобы спасти мир, бойкотируйте прессу лжи и войны. Ни одного су для прессы, которая лжет и убивает... Только демократическая пресса правдиво отражает жизнь народа, его интересы, его законные требования...

Рабочие, бойцы мира, не покупайте, не читайте прессу, которая поддерживает грязную войну во Вьетнаме!..

Матери, не покупайте, не читайте прессы, которая зовет к убийству ваших детей!..

Патриоты, не покупайте, не читайте прессы, которая на деньги американских миллиардеров призывает к войне против Советского Союза, благодаря которому Франция была освобождена от гитлеровского ига!..

Против прессы предательства и войны! За свободную, честную прессу, за прессу Мира, за прессу Франции!» [2]

Разоблачая происки врагов мира во Франции и на международной арене, газета «Леттр франсэз» становится рупором широкой французской общественности, высказывающей на ее

[1] «Леттр франсэз», 11 августа 1949 г., № 272.
[2] «Леттр франсэз», 13 апреля 1950 г., № 307.

страницах горячий протест и возмущение против преследования борцов за мир.

«Говорить о мире, защищать мир, быть сторонником мира стало для правителей Франции равнозначно провокации,— говорит председатель Международной демократической федерации женщин Эжени Коттон по поводу отстранения от должности профессора университета Жоржа Тессье.— Официальные циркуляры запрещают преподавателю голосовать за мир... Учащимся высшей школы запрещают требовать мира для Вьетнама. Запрещают студентам политические дискуссии в университетской столовой. Неужели думают... что эти запрещения могут помешать французской молодежи мыслить?» [1].

Судебное преследование художника Фужерона за плакат, посвященный борьбе за мир (по статье закона «За соучастие в деморализации армии и нации с целью подрыва национальной обороны»), лишение гражданских прав Арагона, отстранение от должности всемирно известного ученого и пламенного борца за мир Жолио-Кюри — вызвали бурю заявлений и протестов со стороны французских интеллигентов.

«Решение, достойное Виши,— писал по поводу лишения Арагона гражданских прав католический литератор Пьер де Буадеффр.— Христианская и коммунистическая молодежь готова сейчас совместно протестовать против литературы могильщиков, которую нам навязывают, и требовать произведений, достойных человеческого величия и братства. Автор «Человека-коммуниста» и «Французской зари» заслуживает всяческого уважения» [2].

Выражая чувства французского народа к Анри Мартену и Раймонде Дьен, которые были брошены в тюрьму за мужественную борьбу против позорной войны во Вьетнаме, «Леттр франсэз» печатала художественные произведения об этих героях. Газета опубликовала песню Франсуа Моно под названием «Песнь 26 августа», посвященную Анри Мартену и Раймонде Дьен.

Вот жаркое летнее солнце,
Которого не видит Анри Мартен.
Вот живительный воздух свободы,
Которого лишена Раймонда Дьен.
Под напором наших объединенных сил
Рухнут стены Тулонской тюрьмы.
Наш голос заставит снять печать
С черных камней крепости в Га [3].

[1] «Леттр франсэз», 2 февраля 1950 г., № 297.
[2] «Леттр франсэз», 29 сентября 1949 г., № 279.
[3] «Леттр франсэз», 31 августа 1950 г., № 326.

Благодаря объединенным усилиям французского народа Раймонда Дьен была освобождена из заключения и снова встала в ряды борцов за мир.

Прогрессивные французские писатели и деятели французской культуры выступили на страницах «Юманите», «Леттр франсэз» и других органов демократической печати с рядом протестов против заключения Анри Мартена. 5 июля 1951 г. «Леттр франсэз» сообщила о выходе сборника стихов молодого поэта Раймона Лавинь, посвятившего свои стихи героическому борцу за мир Анри Мартену.

«Леттр франсэз» широко освещает деятельность борцов за мир и в других странах. Добиваясь освобождения из многолетнего заточения турецкого поэта Назыма Хикмета, протестуя против преследования оголтелой реакцией писателей Говарда Фаста и Пабло Неруды, газета выражала горячую симпатию широких кругов французской интеллигенции к передовым борцам в других странах [1].

«Леттр франсэз» повседневно разоблачает гнуснейшую антисоветскую клевету, в которой по заказу Уолл-стрита упражняются на страницах реакционной прессы разные международные проходимцы. Обличая антисоветского клеветника Давида Руссе, Пьер Декс называет имена тех, кто оплачивает его клеветническую стряпню.

Андрэ Вюрмсер в предисловии к обличительной книге Рене Жувенеля «Интернационал предателей» обвиняет реакционный французский суд и газеты «Фигаро», «Монд», «Франтирер» в фабрикации самой гнусной клеветы на СССР. «Я обвиняю партию войны (идет ли дело о Кравченко или Интернационале предателей или о Давиде Руссе на его американском посту) в том, что эта партия систематически делает из наших судебных трибуналов арену для иностранных интриг... Я обвиняю правительство нашей республики в том, что оно разрешает эмиссарам войны оскорблять дружественные нации..., предоставляя трибуну для антисоветской клеветы»,— говорит писатель [2].

5

Выступая против оголтелой клеветы на СССР, «Леттр франсэз» повседневно рассказывает французскому народу правду о Советском Союзе — оплоте лагеря мира.

---

[1] См. «Леттр франсэз», 20 декабря 1950 г., № 321 и др.

[2] «Леттр франсэз», 16 февраля 1950 г., № 299.

Мирной политике СССР посвящены многочисленные статьи и очерки очевидцев, посетивших нашу страну и собственными глазами видевших вдохновенный, созидательный труд граждан Советского государства. Об этом рассказывает художник Фужерон, побывавший в Москве на Первой Всесоюзной конференции сторонников мира [1]. С энтузиазмом вспоминают о своей поездке по СССР редактор газеты Клод Морган и известный французский карикатурист Жан Эффель [2]. Журналист Жорж Сориа, также посетивший СССР, рассказывает, как он создал свою книгу «Как живут русские», пользующуюся во Франции большим успехом [3]. Поль Элюар выступает с речью — «Мы заставим принять мир», посвященной успехам мирного строительства Советского Союза, который он посетил в составе французской делегации весной 1950 г. Элюар говорит о том, что он и его товарищи, проезжая по городам и колхозам Советского Союза, совершали путешествие не только в пространстве, но и во времени: они посетили эпоху социализма [4]. Он рассказывает о грандиозной демонстрации, которую наблюдал на Красной площади в день 1 Мая, о восторженных приветствиях, которыми советский народ встречает своих вождей. Он пишет о гигантском строительстве, которое идет во всех уголках Советского Союза, о новых заводах, школах и дворцах Сталинграда.

Рассказывать правду о Советском Союзе, о примере русских рабочих и крестьян, которые вчера спасли мир от фашизма, а сегодня показывают образцы вдохновенного, творческого труда,— это значит защищать мир, заявляет Поль Элюар.

Правда о Советском Союзе действительно стала боевым оружием в борьбе за мир, которую ведет газета «Леттр франсэз». Стремясь удовлетворить громадный интерес, который французский народ проявляет ко всем сторонам жизни Советского Союза, «Леттр франсэз» уделяет на своих страницах все большее место освещению жизни СССР. Так, например, новогодний номер 1950 г. открывается статьей М. Горького о трудовом воспитании в Советском Союзе; здесь же — взволнованное письмо греческой писательницы Мельпо Аксиоти к советской писательнице Ванде Василевской, статья Пьера Дебрей, где говорится о мирной политике Советского Союза, новогодний рассказ В. Катаева. В разделе науки — сообщение о работах советских ученых Богомольца и Филатова.

Особую роль отводит «Леттр франсэз» пропаганде советской

[1] См. «Леттр франсэз», 8 сентября 1949 г., № 276.
[2] См. «Леттр франсэз», 24 ноября 1949 г., № 287.
[3] См. «Леттр франсэз», 5 января 1950 г., № 293.
[4] См. «Леттр франсэз», 1 июня 1950 г., № 314.

литературы, которая несет в народные массы Франции правду о Советском Союзе.

В статье «Французская общественность может, наконец, познакомиться с советским романом» Клод Морган писал, что «наиболее замечательным событием в литературной жизни последнего времени является массовая публикация советских романов», которые выходят во Франции под общим заголовком «В стране Сталина». В этой серии вышли: «Звезда» Казакевича, «Разгром» Фадеева, «Одиночество» Вирты, «Весна в Сакене» Гулия, «Повесть о настоящем человеке» Полевого, «Спутники» и «Кружилиха» Пановой, «Подпольный обком действует» А. Федорова и др. Отдельно напечатаны: собрание сочинений Максима Горького, «Как закалялась сталь» Николая Островского, «Тихий Дон» Шолохова, «Молодая гвардия» Фадеева, «Буря» Эренбурга, «Первые радости» и «Необыкновенное лето» Федина и «Далеко от Москвы» Ажаева — роман, который в течение 1950 и 1951 гг. «Леттр франсэз» публиковала на своих страницах. Эти книги вызывают самые восторженные отзывы французских читателей. Их привлекает жизнь страны социализма, правдиво отраженная в произведениях советской литературы, мастерство изображения нового и прекрасного мира, который творят советские люди, высокие моральные качества этих людей и тот пафос творческого, созидательного труда, который объединяет все народы Советского Союза.

«Нельзя закрывать глаза на то неопровержимое свидетельство о советской действительности, каким является советская литература»,— пишет Клод Морган [1].

«Советская литература — это отчет о социалистической культуре, о советском строе и о советских гражданах» [2],— говорит Андре Вюрмсер.

«Фабричные гудки «Кружилихи» зовут нас к новой жизни»,— пишет о романе Веры Пановой молодая французская писательница Мартина Моно [3].

«Леттр франсэз» знакомит французского зрителя с советскими кинофильмами, демонстрация которых под разными предлогами систематически запрещается правительством.

«Вот фильмы, которые вы не можете увидеть во Франции» — под таким заголовком появилась в «Леттр франсэз» страничка, посвященная 30-летию советского кино. Газета воспроизводит кадры из советских фильмов «Сталинградская бит-

---

[1] «Леттр франсэз», 2 февраля 1950 г., № 297.
[2] «Леттр франсэз», 29 декабря 1949 г. № 292.
[3] «Леттр франсэз», 25 января 1951 г., № 347.

ва», «Молодая гвардия», «Встреча на Эльбе» и др.[1]. Газета поместила кадр, изображающий Мичурина в его лаборатории, сопроводив снимок надписью: «Кадр из замечательного цветного фильма «Мичурин», демонстрация которого запрещена во Франции»[2]. Когда во Франции был запрещен кинофильм «Повесть о настоящем человеке», газета рассказала читателю об Алексее Мересьеве — герое повести Полевого.

Почему французское правительство запрещает советские фильмы и как это связано с подготовкой войны — об этом пишет на страницах «Леттр франсэз» прогрессивный французский кинорежиссер Луи Дакен, получивший Золотую медаль Мира за фильм «Битва за жизнь» (о Первом Всемирном Конгрессе сторонников мира в Париже). «Кино играет громадную роль в деле защиты мира и взаимопонимания народов,— пишет Луи Дакен.— Французское правительство запрещает советские фильмы потому, что они заставляют нас полюбить тех самых «настоящих людей», против которых нас попытаются послать воевать»[3].

Наряду с советским искусством «Леттр франсэз» широко пропагандирует на своих страницах передовое искусство народно-демократических республик и искусство прогрессивного лагеря капиталистических стран. Газета публикует в переводах на французский язык стихи великого вождя китайского народа Мао Цзэ-дуна, рассказы польских писателей, отрывки из произведений болгарского писателя-классика Христо Ботева и румынского писателя Михаила Садовяну. Много страниц отводит газета характеристике творчества Назыма Хикмета, Пабло Неруды, Говарда Фаста и Жоржи Амаду. В нескольких номерах «Леттр франсэз» печатались чудесные песни народного певца Аргентины Атаюалпы Юпанки, брошенного в тюрьму и подвергнутого пыткам за горячее слово правды, которое он несет своему угнетенному народу. Богатейшее творчество народов земного шара, отражающее мощь демократического лагеря, постоянно предстает перед читателями французской газеты.

6

Образ великого Сталина, первого друга и вождя народов всего мира, вдохновляет весь французский народ.

«Празднование 70-летия товарища Сталина превратилось в движение, охватившее широкие народные массы»,— говорит

[1] См. «Леттр франсэз», 22 декабря 1949 г., № 291.
[2] «Леттр франсэз», 10 ноября 1949 г., № 285.
[3] «Леттр франсэз», 8 февраля 1951 г., № 349.

Пьер Декс в статье «70-летие Сталина и литература» [1], в которой он рассказывает о выставке подарков товарищу Сталину в Париже, как о «материальном выражении того, что́ таится в глубинах души французского народа». Пьер Декс показывает, какое идейное богатство прогрессивные деятели французской культуры черпают в гениальных трудах И. В. Сталина.

Усилением борьбы за мир, выдающимися произведениями искусства, задушевными письмами и приветствиями отметил французский народ 70-летие великого вождя народов товарища Сталина.

Известный писатель Андрэ Стиль, редактор «Юманите», в 1952 г. удостоенный Сталинской премии за роман «Первый удар», написал новеллу «Подарок Сталину». В ней рассказывается, как приходят к правде, провозглашенной коммунистической партией, честные французские люди [2].

Поэт Гильевик, впервые выступивший со своими антифашистскими стихами в 1942 г., активный участник движения сторонников мира, в стихотворении «Здесь, товарищ Сталин!» рассказал о борьбе французского народа, который «хочет мира еще больше, чем любит свой хлеб», и отказывается воевать против Советского Союза.

В одном из номеров «Леттр франсэз» сообщала о запрещенном цензурой французском фильме «Человек, которого мы больше всех любим», посвященном празднованию народной Францией 70-летия И. В. Сталина.

Знаменитый французский художник Пикассо, удостоенный международной премии мира за изображение «Голубя», поместил в «Леттр франсэз» рисунок: рука, поднимающая бокал с надписью: «За твое здоровье, Сталин!» [3].

7

Поднять миллионы людей на борьбу против поджигателей новой войны, сделать их активными борцами за мир — такова задача, которую с новой силой выдвинули Второй Всемирный Конгресс сторонников мира в Варшаве и Первая сессия Всемирного Совета Мира в Берлине.

Такие этапы в развитии движения за мир, как борьба за подписание Стокгольмского Воззвания о запрещении атомного оружия, протест против ремилитаризации Германии, требование о заключении Пакта Мира между пятью великими державами,—

[1] «Леттр франсэз», 22 декабря 1949 г., № 291.
[2] «Леттр франсэз», 15 и 22 декабря 1949 г., № 290 и 291.
[3] «Леттр франсэз», 9 февраля 1950 г., № 298.

определили упорную повседневную деятельность французских борцов за мир. Они нашли свое самое непосредственное выражение в публицистическом и в художественном материале, помещаемом в газете. Из номера в номер «Леттр франсэз» публиковала списки известных французских деятелей культуры, подписавших Стокгольмское Воззвание и Обращение французских деятелей культуры о заключении Пакта Мира между пятью великими державами. Газета помещала выступления на тему «Почему я подписал Пакт Мира» и др. Расширение движения сторонников мира, естественно влекло за собой все большее увеличение актива газеты.

В дни сбора подписей «Леттр франсэз» публиковала открытые письма к писателям, которые еще не нашли в себе достаточно мужества, еще колебались поставить свою подпись под воззванием мира или же, тяготея к лагерю войны, старались прикрыться фразами о «нейтральности» или «независимости мысли». Разоблачая бешеную подготовку войны империалистами, газета отстаивала необходимость решительного выбора между лагерем мира и лагерем войны.

О сборе подписей под Стокгольмским Воззванием во французской деревне рассказал молодой писатель Пьер Гамарра в новелле «Руки людей». Герой новеллы, старый одинокий крестьянин, потерявший на войне единственного сына, сломленный горем, отказывается подписать воззвание; он не хочет и слышать о движении за мир. Он говорит, что уже «внес свою долю» страданий и не верит ни в жизнь, ни в помощь людей. Его домик, расположенный высоко в горах, был засыпан во время горного обвала. Он не может справиться с катастрофой, теряет силы и, казалось, обречен на гибель. Но снизу приходят люди и общими усилиями спасают старика и его дом. Тогда-то старый крестьянин познает, какую силу представляет воля людей, организованных в едином стремлении предотвратить катастрофу. Тогда-то вспоминает он о словах юноши, который приходил к нему за подписью под воззванием в защиту мира.

Широкое движение французских трудящихся против войны во Вьетнаме, которую по указке Уолл-стрита продолжают вести правители Франции, также находит свое отражение в художественном разделе газеты. В номере «Леттр франсэз» от 10 августа 1950 г. (№ 324) помещен большой отрывок из романа Пьера Абрагама «Держись, товарищ!» [1] Рабочая масса — докеры, железнодорожники, шоферы, фабричные рабочие и женщины портового города изображены здесь в тот момент, когда они

[1] Не совсем точный перевод, принятый «Литературной газетой»; название романа: «Tiens bon la rampe».— *Е. Е.*

собираются на пристани, чтобы помешать отправке военных грузов. Писатель показывает рабочего Мариуса Молино, который первый сказал, что он «не прикоснется к изготовлению военных материалов», и другого рабочего — Антуана Миньото, который во время столкновения с войсками выступил вперед и крикнул: «Стреляйте во французского рабочего, борца за мир!», после чего солдаты опустили винтовки и ушли с площади.

Подготовка ко Второму Всемирному Конгрессу сторонников мира вызвала во Франции новый подъем массового всенародного движения. «Леттр франсэз» печатает воззвания и наказы французской интеллигенции своим делегатам, среди них — письмо, которое Национальный комитет французских писателей адресовал французским и иностранным литераторам, напоминая об особой ответственности писателя перед народом в момент, когда усиливается опасность войны [1]. Накануне конгресса, 16 ноября 1950 г., газета поместила стихотворение Гильевика под названием «Это неотложно», где поэт говорит, что кругом слишком много крови, слишком много нищеты, слишком много голода, и что «большая война, которая может придти, будет больше самой смерти». «Мы не хотим!» — восклицает в заключение Гильевик, выражая решимость народа помешать новой империалистической войне.

Другое стихотворение, помещенное в этом же номере газеты, характеризует настроение передовой студенческой молодежи Парижа. Студенты Нормальной школы — будущие педагоги — написали это стихотворение на стенах здания своего учебного заведения. Стихотворение называется «Дорога Шеффилда» и посвящено защите мира. В заключительных строках, приписанных после получения известия о том, что английское правительство запретило конгресс в Шеффилде и он соберется в Варшаве, говорится: «Понятно, что они боятся,— мир может прекрасно обойтись без их разрешения, и народы, независимо от них, сумеют предписать мир правительствам, которые лопаются от зависти при воспоминании о блаженных гитлеровских счастливцах. Их лаврам, т. е. веревкам и виселицам, завидуют эти господа, крупные промышленники. Но все равно: пройдет ли она через Шеффилд или Варшаву, дорога — Нюрнберг — Стокгольм — Париж — Прага напомнит им роковую судьбу всех палачей народов» [2].

По окончании работ Второго Всемирного Конгресса сторонников мира «Леттр франсэз» развернула пропаганду его исторических решений.

[1] См. «Леттр франсэз», 2 ноября 1950 г., № 335.
[2] «Леттр франсэз», 16 ноября 1950 г., № 337.

Со статьей «Правда о Варшаве» впервые выступил в газете «Леттр франсэз» Жозеф Кессель. Писатель рассказывал, что еще неделю тому назад, находясь в Париже, он верил газетам, которые обычно читал, и думал о конгрессе мира, как о «маневре» коммунистов. Он принял предложение одного из своих друзей поехать на Варшавский Конгресс в качестве простого зрителя — гостя. «И вот,— говорит писатель,— не осталось больше ничего от моей индифферентности, моего недоброжелательства, моей иронии и предубежденности». Жозеф Кессель рассказывает, с каким энтузиазмом и доверием польский народ принимал своих гостей — делегатов конгресса. Вопреки лжи продажной прессы о народно-демократических странах он видел на улицах Варшавы веселых, здоровых, хорошо одетых людей. Целые кварталы новых зданий возникли на месте пожарищ. Жозеф Кессель подчеркивает, что в конгрессе принимали участие люди различных политических взглядов, съехавшиеся со всех пяти континентов, чтобы предотвратить войну. Он осуждает те правительства, которые пытаются отмахнуться от всенародного движения в защиту мира. «Неужели лучше заткнуть уши, закрыть глаза и отрицать, отрицать бесплодно, не пробуя ответить иначе, как вооруженным столкновением, на самую существенную задачу, на самую большую тревогу нашего времени?» [1] — с возмущением спрашивает Жозеф Кессель.

Эта статья не предназначалась для газеты «Леттр франсэз». Кессель пишет, что собирался опубликовать ее в той же газете, в которой он печатался постоянно. Но, если обычно его статьи принимались там без всяких затруднений, то на этот раз, когда он захотел рассказать «правду о Варшаве», ему было отказано — «любезным, но совершенно категорическим тоном». Вот почему он пришел со словом правды в «Леттр франсэз».

После Варшавского Конгресса, Первой сессии Всемирного Совета Мира в Берлине и в особенности после беседы товарища Сталина с корреспондентом «Правды», опубликованной 17 февраля 1951 г., движение мира приняло во Франции еще более широкий размах.

Тысячи бойцов мира — французские рабочие, служащие, интеллигенты, юноши и девушки ведут среди населения Франции беседы о пагубной, антинародной политике французского правительства и об исторических решениях Всемирного Совета Мира. «Леттр франсэз» из номера в номер помещает сообщения об этих единодушных усилиях многомиллионной армии борцов мира.

[1] «Леттр франсэз», 7 декабря 1950 г., № 340.

8

Все более расширяя круг читателей, которых газета привлекает к активному участию в борьбе за прочный мир, «Леттр франсэз» находит новые, массовые методы работы. Такова, например, организация кружков друзей «Леттр франсэз», повсеместно проводимая газетой. Плодотворно работает группа молодых поэтов, созданная при газете.

Молодые поэты, привлеченные к сотрудничеству в газете Полем Элюаром и Эльзой Триоле, издают сборники «Песен Мира», в которых главным героем является народ Франции, сомкнутым строем выступающий в битве за мир и свободу родины.

В марте 1952 г. «Леттр франсэз» отмечала двухлетие с момента организации «битвы за книгу», успешно проводимой прогрессивными французскими писателями. Одним из инициаторов и активнейших деятелей этой кампании по распространению передовой литературы в народных массах была Эльза Триоле — вице-президент Национального комитета писателей, первая и единственная во Франции женщина-романистка, получившая Гонкуровскую премию.

В условиях полной деградации и маразма буржуазной «культуры», в условиях, когда поджигатели войны пытаются фальсифицировать историю, произведения прогрессивных писателей Франции, такие, как «Коммунисты» Арагона, «Первый удар» Андрэ Стиля, книга Жана Ришара Блока «От Франции преданной к Франции вооруженной», книги Жана Лаффита, Клода Моргана, Пьера Декса и другие,— выполняют огромной важности дело, ибо они восстанавливают историческую истину, указывают подлинных виновников войны, которая снова грозит французскому народу, намечают единственно возможные пути спасения родины и национальной французской культуры. Французские деятели культуры во главе со своей газетой «Леттр франсэз» начали борьбу за то, чтобы довести эти книги до тех, кому они предназначены,— до широких масс французского народа. В этом и состоит идея «битвы за книгу», которая, естественно, тесно смыкается с борьбой за мир.

«Битва за книгу... происходит на линии битв, в которых сражаются и будут сражаться бойцы мира» [1],— говорит писатель Пьер Абрагам в статье «Книга и Мир». Он называет книгу «оружием борцов мира».

«Надо понять, что мир и культура неделимы... начинающаяся общая битва за культуру, прологом которой является

[1] «Леттр франсэз», 13 апреля 1950 г., № 307.

битва за книгу, есть по существу, битва за мир»,— говорит Арагон [1].

По всей стране — сначала в Марселе, по инициативе коммунистической федерации «Буш дю Рон», потом в Париже, Лиможе, Орадуре, Ницце и других городах Франции начали проводиться невиданные до сих пор массовые кампании — «Недели книги и Мира». Бригады французских писателей выезжают в самые отдаленные уголки страны и при помощи местных демократических организаций проводят конференции, беседы, творческие отчеты, организуют выставки и продажу книг. Французские деятели культуры провели уже сотни таких бесед с рабочими, служащими, крестьянами самых различных французских провинций, распространили сотни книг на самые животрепещущие темы, собрали после своих бесед сотни тысяч подписей под Стокгольмским Воззванием, под протестом против ремилитаризации Германии и требованием о заключении Пакта Мира между пятью великими державами. С самого начала эти «недели книги» проходили под лозунгом, заимствованным у Маяковского: «Понятность книги надо уметь организовывать». «Массовость — это итог нашей борьбы, а не рубашка, в которой родятся счастливые книги какого-нибудь литературного гения»,— говорил Маяковский [2]. «Сегодня, через двадцать лет после смерти, Маяковский принимает участие в нашей борьбе за книгу»,— пишет газета. Имя Маяковского, «поэта русской революции», стало родным и близким читателям «Леттр франсэз» [3]. Величайший из советских поэтов становится ныне учителем воинствующего прогрессивного искусства Франции.

Борьба за прогрессивную книгу часто выливается в мощную демонстрацию в защиту мира и французской культуры. «Хроника битвы за книгу» (регулярно помещаемая в «Леттр франсэз») сообщила о «караване мира», организованном французскими деятелями культуры в городе Орадур, во время гитлеровской оккупации зверски разгромленном фашистскими варварами. На фотографии, помещенной в газете, запечатлен многотысячный митинг в Орадуре под председательством Поля Элюара.

Одним из мероприятий «битвы за книгу» явился также слет в Ницце молодых французских и итальянских борцов за мир, организованный в августе 1950 г. «Леттр франсэз» приняла са-

---

[1] «Леттр франсэз», 19 мая 1950 г., № 312.

[2] Вл. Маяковский. Полное собр. соч. Гослитиздат, 1941, т. 10, стр. 293.

[3] См. статьи Эльзы Триоле и других французских критиков в «Леттр франсэз», №№ 302, 307, 313, 338 от 9 марта, 13 апреля, 25 мая, 23 ноября 1950 г.

мое деятельное участие в подготовке к этому слету. По инициативе газеты прогрессивная французская интеллигенция откликнулась на него и пером, и кистью, и пламенным словом.

Номер «Леттр франсэз» от 22 июня 1950 г. открывается плакатом Пикассо. Под плакатом, изображающим юношу и девушку, которые держат «голубя мира», стоит подпись: «По всем дорогам Франции этот плакат Пикассо будет отмечать вехи на дороге к Ницце и к Миру», и другая: «Мир — в руках молодых».

Газета популяризировала «Песни Мира», написанные для слета молодыми поэтами и композиторами Франции.

Борьба за мир порождает новые массовые формы искусства. Движение молодежи, организованной в «караваны мира», возродило такие демократические жанры искусства, как плакат и песня. «Поэты забыли урок Руже де Лилля — автора Марсельезы.., и песня стала запретной зоной для поэтов,— писала газета «Леттр франсэз».— Но вот теперь, на необычайном собрании писателей, происходит необычайное представление: исполняются «Песни Мира», созданные для лета 1950 г. молодыми поэтами и композиторами Франции».

На страницах «Леттр франсэз» к молодежи обращаются многие писатели Франции. Публицист и критик Клод Руа советует французской молодежи, идущей в Ниццу в «караванах мира», присмотреться к людям, когда они будут проходить через его родную провинцию — Шаранту: «Вы увидите людей, для которых мир есть физическая необходимость, которые нуждаются в мире, как в хлебе, вине, дожде, солнце и земле... Люди Шаранты должны знать, что на будущий год и еще через год они будут работать в своих виноградниках и на своих полях, а не воевать за короля Пруссии или американского президента... Труд требует мира. Скажите это людям моей родной страны — они вас поймут, потому что они хорошо это знают» [1].

Арагон выступает со статьей, в которой он ставит вопрос: о чем мечтает современная молодежь Франции и кто является ее подлинным героем.

«Растиньяк Бальзака и Жюльен Сорель Стендаля были честолюбцами,— говорит он. — Нынешняя молодежь непохожа больше на тех, кто в детстве мечтал подражать Наполеону... Каковы же новые герои, которые заставляют биться сердца тех, кому было 10 лет, когда погиб Габриэль Пери, и 13 лет, когда погиб полковник Фабиен?.. Разве не горячую любовь к миру и национальной независимости несут в своих мыслях наши пилигримы мира на дорогах Франции?» Арагон говорит, что

[1] «Леттр франсэз», 20 июля 1950 г., № 332.

современная молодежь зачитывается книгами Клода Руа о Мао Цзэ-дуне, Жоржа Сориа «Как живут русские», Жана Марсенака о выдающемся французском ученом, борце за мир — Жолио-Кюри. Таковы те новые герои, о которых мечтает современная молодежь Франции [1].

Таким образом, газета «Леттр франсэз» постоянно расширяет свою аудиторию. Она выходит с пропагандой культуры и мира в рабочую и крестьянскую массу, обращает свое слово к французской молодежи.

«По инициативе великой политической партии — партии рабочих — писатели, романисты, поэты, эссеисты, беспартийные и коммунисты предпринимают длительные путешествия... переходят из зала в зал, из города в город, как распространители французской культуры, чтобы заставить полюбить книгу, культуру, мир,— говорит Андрэ Вюрмсер, подводя итоги «битвы за книгу».— Почему именно э т а партия, а не другая, э т и писатели, а не другие, ведут битву за культуру? Почему не Мориак и не Мальро? Почему не министр Плевен? Хотя было бы так естественно, что французское правительство защищает французские фильмы, театр, поэзию, французский роман? Потому, что именно эта партия и эти рабочие массы призваны к тому, чтобы реабилитировать Францию». Таков смысл «битвы за книгу» [2].

Прогрессивные писатели ясно сознают, что вместе со всеми бойцами мира они представляют единый фронт мира и культуры, что они призваны защищать от варварства войны и американского засилия величие национальной французской культуры; поэтому в своей «битве за книгу» они несут народу не только современные книги, но и произведения Ромена Роллана, Анатоля Франса, Анри Барбюса, книги крупнейших представителей французского гения.

В 1950 и 1951 гг. «Леттр франсэз» в специальном разделе «Антология мира» помещала произведения французских писателей прошлого, поднимавших свой голос в защиту мира. Здесь в простых и убедительных стихах средневекового французского поэта Пьера Гренгуара, в гневных строфах Агриппы д'Обинье, в язвительных насмешках энциклопедистов Дидро и Вольтера, наконец, в произведениях Гюго, Мопассана, Франса, Роллана и Барбюса дано самое решительное разоблачение и осуждение войны.

В связи с 25-летием со дня смерти Анатоля Франса газета напоминает слова великого французского гуманиста. «Считали,

[1] «Леттр франсэз», 27 июня 1950 г., № 322.
[2] «Леттр франсэз», 24 августа 1950 г., № 325.

что умирают за родину,— умирали за банкиров и промышленников»,— говорил Анатоль Франс, разоблачая сущность империалистической войны. Эти слова были поставлены эпиграфом к первому подпольному номеру газеты «Юманите», вышедшему 26 октября 1939 г. «Леттр франсэз» цитирует также письмо Франса, направленное им «Юманите» 30 ноября 1922 г., когда он добивался освобождения из заключения Андрэ Марти, который не пожелал участвовать в войне против народов молодой Советской республики и возглавил восстание во французском флоте на Черном море. «В чем состоит преступление Марти? — писал Франс.— Офицер флота Марти поступил правильно, отказавшись сражаться с народом, с которым его народ не находился в состоянии войны» [1].

В статье «Ромен Роллан и мир» генеральный секретарь Постоянного Комитета Мира Жан Лаффит рассказывает, что великий писатель в 1930 г. осуждал бездеятельный пацифизм, опровергал иллюзии, будто война может остановиться «перед скрещенными руками»: «Она остановится, да! Но после того, как пройдет по телам преграждающих ей путь. Она остановится только перед восставшим общественным мнением»,— говорил Ромен Роллан. Лаффит цитирует призыв, с которым Роллан обратился к мировому общественному мнению 1 июня 1932 г., накануне Международного Конгресса защиты мира, созванного в Амстердаме. «Тревога! Вставайте все! Мы призываем все народы, все партии, всех мужчин и женщин доброй воли. Дело идет не об интересах одного народа, одного класса, одной партии. Все замешаны в игре, спасение может притти только в том случае, если все будут действовать! Прекратим раздоры, которые нас разделяют. Объединимся все против общего врага. Поднимемся против войны! Остановим ее!..» [2].

Особенно широко популяризируется газетой деятельность Барбюса — неутомимого разоблачителя империалистической войны, инициатора и организатора Амстердамского Конгресса защиты мира, собирателя международных сил в борьбе за мир. Прогрессивная французская интеллигенция справедливо видит в Барбюсе своего учителя, родоначальника нового боевого искусства и живого участника сегодняшней борьбы [3].

Следуя этим славным традициям французской литературы, следуя примерам Барбюса и Роллана, современные французские

---

[1] «Леттр франсэз», 28 апреля 1949 г., № 257.

[2] «Леттр франсэз», 12 января 1950 г., № 294.

[3] См. специальные номера «Леттр франсэз» (326 и 327 от 14 и 21 сентября 1950 г.), посвященные 15-летию со дня смерти Анри Барбюса.

писатели стремятся к созданию новых произведений искусства, которые явились бы действенным орудием борьбы за мир. «Для дела защиты мира особенно важно, чтобы деятели культуры, художники, писатели, ученые не ограничивались декларацией своих принципов, а содействовали миру, создавая произведения о мире, как делал Ромен Роллан, создавая «Жана Кристофа», «Бетховена», «Толстого»,— говорил Арагон на митинге в защиту мира, организованном Международным комитетом связи деятелей культуры 11 февраля 1949 г. в Париже.

Ряд выдающихся произведений французских художников и писателей удостоен международных премий мира: «Голубь» Пикассо, фильм «Битва за жизнь» режиссера Луи Дакена, книга «От Франции преданной к Франции вооруженной» Жана Ришара Блока. Чествуя французских лауреатов, «Леттр франсэз» воспроизвела на своих страницах «Голубя» Пикассо и поместила интервью Луи Дакена, который рассказал о том, как создавался фильм «Битва за жизнь», посвященный Парижскому Конгрессу мира. Газета опубликовала также отрывок из книги Жана Ришара Блока.

«Слушайте, парижане! — писал Жан Ришар Блок в самый разгар Сталинградской битвы.— Трех первых дивизий, которые проникли в Париж в июне 1940 г., трех дивизий, которые по приглашению французского генерала Денца осквернили нашу столицу, этих трех дивизий — 100-й, 113-й, 295-й не существует больше! Они уничтожены под Сталинградом» [1].

9

Передовую французскую литературу сегодняшнего дня питает широкое движение в защиту мира. Произведения писателей, современников Парижского и Варшавского Конгрессов, создаются в ту пору, когда защита мира становится делом самих народов. Эта новая политическая ситуация и определяет собой новую проблематику и нового героя прогрессивной французской литературы, в центре которой становятся простые люди Франции, борющиеся за свою независимость и свободу, против американских оккупантов.

Деятели французского кино, музыканты, композиторы, художники Франции также приходят к новым темам, ищут путей активного служения миру и французскому народу. Пикассо создает плакаты, изображающие французскую молодежь в борьбе

[1] «Леттр франсэз», 11 февраля 1951 г. № 349.

за мир; известный французский художник Борис Таслицкий написал картину, изображающую гибель в фашистском лагере уничтожения героини французского народа Даниэль Казанова; художник Фужерон выставил новые картины, посвященные жизни и борьбе французских шахтеров; рисунки Жана Эффеля «Американцы в Америку!» выражают настроение французского народа.

«Леттр франсэз» горячо поддерживает прогрессивных деятелей французской литературы и искусства, отбивая яростные атаки, которыми встречает их произведения реакционная пресса. Так было с выставкой картин Фужерона. На злобные выпады газеты «Фигаро» против нового, реалистического искусства «Леттр франсэз» ответила статьями Андрэ Стиля «С Фужероном в стране шахт» и Гастона Монмуссо «Талант Фужерона» [1].

Когда парижский префект полиции распорядился убрать с осенней художественной выставки 1951 г. семь картин прогрессивных художников, «Леттр франсэз» организовала собрание протеста против этого произвола. На собрании по предложению Арагона был создан Комитет защиты искусства, который поставил своей целью «восставать в каждом необходимом случае против всякого правительственного или полицейского произвола во всех областях искусства и литературы». В своем новогоднем обращении к писателям Франции, председатель Национального комитета писателей — католический писатель Луи Мартен-Шофье заявил, что Национальный комитет постановил присоединиться к комитету защиты искусства всем своим составом [2].

В настоящее время газета «Леттр франсэз» значительно расширилась благодаря слиянию с двумя другими прогрессивными газетами: «Французский экран» и «Искусство», для более тесного объединения сил французской интеллигенции в ее активной борьбе за мир во всем мире и подлинную демократию во Франции.

Новые произведения французской литературы и французского искусства реалистически отражают действительность сегодняшней Франции, зовут к активной защите мира и демократии.

10

В борьбе за мир демократический лагерь французских писателей и его газета «Леттр франсэз» выполняют большое и важное дело.

---

[1] См. «Леттр франсэз», 11 и 25 января 1951 г., № 345 и 347.
[2] См. «Леттр франсэз», 29 ноября и 27 декабря 1951 г.

Живое общение «Леттр франсэз» с широкими массами читателей помогает сплочению лагеря мира.

«Мы пойдем все вместе» — так называется статья Клода Моргана, которую он обращает к многочисленным друзьям — читателям газеты.

«Традиция французских интеллигентов всегда заставляла их вмешиваться в общественную жизнь, как только назревала в этом настоятельная необходимость,— говорит Морган, напоминая примеры Золя, Барбюса, Роллана, Вайяна-Кутюрье, Арагона, Элюара и других писателей Франции.— Демократическая печать следует этой славной традиции в борьбе за истину». Показывая, что́ представляют собой в данный момент реакционные французские газеты и журналы, продающие национальный суверенитет, достоинство и честь Франции, Морган говорит, что демократическая пресса смело отвечает ударом на каждый удар «этой своры, этих постоянных коллаборационистов». «Помогите же нам лучше атаковать врага! В жестокой схватке мы взываем к вашим сердцам, к вашему разуму, к духу солидарности, который нас объединяет. Наш голос звучит громче, чем причитания трусов и предателей. Но нужно, чтобы он звучал еще громче. Нужно, чтобы каждый слушал его, потому что он верен заветам Жака Декура. И, как во времена Сопротивления, он защищает честь, истину и борьбу за счастье нашего народа». Говоря о демократических органах печати, которые «противостоят засилию янки, перевооружению Германии, гнусной пропаганде войны», рассказывая о трудностях, которые приходится преодолевать газете «Леттр франсэз», существующей лишь на средства своих читателей, Морган призывает всех честных людей Франции оказать активную поддержку газете: «Мы тесно связаны. Только все вместе мы можем двигаться вперед» [1].

И действительно, как показывает сама жизнь, несмотря на все материальные затруднения, несмотря на политические преследования, которым подвергаются деятели демократической печати со стороны международных поджигателей войны и реакционного правительства Франции,— активная поддержка народного читателя обеспечивает газете «Леттр франсэз» ее успешную боевую деятельность в защиту мира и независимости родной страны.

Ожесточенные попытки реакции подорвать единство деятелей французской культуры в борьбе за мир свидетельствуют о том, как страшат международных агрессоров передовая мысль и пере-

---

[1] «Леттр франсэз», 25 января 1951 г., № 347.

довое искусство Франции, отстаивающие жизненные интересы народа.

Позорным провалом кончился шарлатанский «Фестиваль XX века», затеянный в Париже кучкой литераторов-космополитов по указке американских поджигателей войны.

На террор, клевету и шантаж со стороны реакции передовые писатели и художники Франции отвечают новым творческим подъемом, создавая произведения, несущие правду народу, служащие делу мира, демократии и национальной независимости страны.

Под заголовком «Истинная защита свободы в искусстве. Саландр отвечает вандалам своей работой» «Леттр франсэз» публикует фотографию новой скульптуры, изображающей героического борца за мир — Анри Мартена. «Несколько месяцев тому назад лионские фашисты сломали бюст Анри Мартена, созданный скульптором Саландром,— рассказывает газета.— В ответ на это скульптор снова воспроизвел статую, еще более точную, более оформленную, более реалистическую» [1].

Разбивая подлую клевету французских реакционеров на советское искусство — искусство правды и мира,— Луи Арагон выступил на страницах «Леттр франсэз» с серией статей, посвященных советской живописи, в которых он рассказал о лучших достижениях советского изобразительного искусства за последние годы, показал его высокую идейность, мастерство, принципы правдивого отображения действительности и связь с народной жизнью, которые являются его основой [2].

Как и вся передовая печать Франции, «Леттр франсэз» выразила возмущение и негодование, которыми ответил французский народ на арест Андрэ Стиля и Жака Дюкло — передовых борцов за мир, брошенных в тюрьму французской реакцией по указке американских оккупантов и освобожденных благодаря единодушным усилиям народных масс.

«Есть ли свобода слова во Франции?»,— этими словами открывается 416-й номер «Леттр франсэз» — первый номер газеты, вышедший после ареста Андрэ Стиля.

Зачем понадобился арест Андрэ Стиля — передового писателя, главного редактора газеты «Юманите»? В передовой статье «Леттр франсэз» Луи Арагон раскрывает смысл и значение этого ареста. Вспоминая славное прошлое французского народа, разрушившего Бастилию, создавшего Парижскую Коммуну, дав-

---

[1] «Леттр франсэз» от 2 мая 1952 г., № 412.

[2] См. Луи Арагон. «Размышления о советском искусстве». «Леттр франсэз», февраль — май 1952 г.

шего стольких героев во время героического Сопротивления гитлеровским оккупантам, Арагон доказывает: «Не было, начиная с 1944 года, ни одного шага американской политики, который не преследовал бы цели загасить этот очаг пожара — народ Франции, задушить его пламенный разум, заковать в цепи эту нацию, претендующую всегда и во всем свободно высказывать свое слово».

Перечисляя акты полицейского произвола, которыми ознаменовалась за последние месяцы политика французского правительства: снятие с осенней выставки 1951 г. картин прогрессивных художников, запрещение пьесы Роже Вайяна, запрет чествования памяти героев Сопротивления Жака Декура и Жоржа Полицера, расстрелянных немецкими фашистами в мае 1942 года, Арагон пишет, что сегодня полиция явилась за Андрэ Стилем так же, как 10 лет тому назад за Декуром и Полицером.

Смертельная, паническая ненависть к народу Франции руководит действиями французских реакционеров и их американских хозяев. Но «нация — живое трепещущее тело, это плоть, которую нельзя разъединить бескровно...» — говорит писатель, показывая, как предают и продают французскую нацию ее правители по приказам американских заправил. Вот почему понадобилось, чтобы был арестован Андрэ Стиль: «Андрэ Стиль арестован потому, что он написал «Первый удар» — предельно ясную книгу об американской оккупации во Франции»,— говорит Арагон.

«Миллионам французов, коммунистам и некоммунистам ясно, что оккупация Франции американской армией, которой будет командовать генерал Риджуэй, имеет целью ускоренную подготовку агрессии против Советского Союза — страны социализма, примера для всех народов, нашего великого союзника, чьи несравненные усилия сыграли решающую роль в освобождении нашей страны от гитлеровского оккупанта...»,— писал Андрэ Стиль из тюрьмы «Сантэ» в письме, приводимом в статье Арагона.

«...Думаете ли вы запретить этим миллионам французов осуждать агрессивную антисоветскую войну, которая принесет разрушение Франции и превратит ее в пустыню? перевооружение реваншистской Германии и внутреннюю войну, которую ведет у нас та же самая американская армия, что и в Корее!? Не хотите ли вы запретить французам думать о том, о чем предупреждал сам генерал Риджуэй, что он идет во Францию продолжать дело, начатое в Корее? Напалмовые поджоги, бомбардировка микробами, массовое истребление военнопленных являются грозными предупреждениями для нашего народа. Они укрепляют его твердую волю добиваться полного изменения поли-

тики, добиваться правительства демократии, национальной независимости и мира, в котором рабочие увидят решительный этап в их борьбе за социализм, за окончание режима эксплуатации человека человеком».

Цитируя этот замечательный документ, написанный в тюрьме, Арагон сопоставляет его с завещанием борца французского Сопротивления Жака Декура, основателя газеты «Леттр франсэз» в антигитлеровском подполье, который перед смертью напомнил своим ученикам о героическом образе трагедии Гете, Эгмонте, восставшем против чужеземных захватчиков, за свободу и независимость своей страны. «Сегодняшние Эгмонты поднимаются из народа, и они готовы взять в свои руки судьбы мира. Сегодня Эгмонт зовется Андрэ Стилем»,— заявляет Луи Арагон [1].

В ответ на провокации поджигателей войны французский народ теснее сплачивает свои ряды в борьбе за мир, свободу и национальную независимость Франции. Газета «Леттр франсэз» с честью несет знамя передового демократического искусства Франции в авангарде этой борьбы.

---

[1] «Леттр франсэз», 30 мая 1952 г., № 416.

З. М. Потапова

ПРОГРЕССИВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ИТАЛИИ

I

«Реакционные силы Италии боятся сегодня нежного голубя мира больше, чем черной оспы. Мир внушает страх тем, кто знает, что могут сделать народы с помощью мира... Вот почему боятся образов, которыми пользуется искусство для изображения ужасов бездны и смерти, вот почему отвергают надежду, которую несет людям искусство, чтобы приобщить их к жизни, разуму, миру и цивилизации... Демократические художники и интеллигенция Италии сделали искусство боевым оружием. Они находятся на передовых позициях борьбы за мир» [1]. Так говорил на берлинской сессии Всемирного Совета Мира в феврале 1951 г. итальянский писатель Леóнида Репачи, выражая настроение прогрессивных деятелей культуры Италии, активно участвующих в борьбе своего народа за мир и демократию.

Десятки миллионов подписей, собранных в Италии под Стокгольмским Воззванием, тысячи комитетов мира, созданных в связи с этой кампанией, мощные демонстрации протеста против приезда в Рим Эйзенхауэра, 16 миллионов подписей, собранных к концу 1951 г. за заключение Пакта Мира,— все это говорит о том, какую огромную всенародную поддержку получила борьба за мир в самых широких массах итальянского народа. Сенатор Эмилио Серени, выступая на совещании итальянского национального комитета сторонников мира в декабре 1950 г., справедливо заявил, что «движение за мир является самым мощным движением в истории нашей страны» [2].

Великая победа Советской Армии над ордами Гитлера принесла освобождение от фашизма простым людям Италии. Однако вскоре надежды народа на лучшее будущее были обмануты: реакционная христианско-демократическая партия, пришедшая к власти при помощи обмана, демагогии и открытого террора, при

[1] «Правда», 2 марта 1951 г.
[2] «Правда», 20 декабря 1950 г.

грубом вмешательстве американо-английского блока во внутренние дела страны, толкает Италию на путь новых военных авантюр. Расширение сети американских воздушных баз в Италии, американская оккупация Ливорно, провокации на итало-албанской границе, наконец, попытки сепаратного «пересмотра» итальянского мирного договора ясно говорят о том, какова «агрессивная поджигательская позиция клерикального правительства Италии, покорного приказам американского империализма» [1].

Послушно выполняя волю Уолл-стрита, итальянское правительство подчиняет экономику страны интересам американских монополистов, свертывает национальную промышленность, разжигает военную истерию. Массовая безработица, обнищание трудящихся, дороговизна, инфляция, жилищный кризис, рост заболеваний и смертности, огромный процент неграмотных, и, наконец, реальная опасность новой войны — вот итог хозяйничанья правительства де Гаспери. Ни одна послевоенная социальная проблема не разрешена в Италии: реакция ведет наступление на жизненный уровень рабочего класса, снижая заработную плату, проводя массовые увольнения; крестьянство так и не получило пустующих помещичьих земель, разрушения, произведенные войной, не ликвидированы. Итальянский народ, стремившийся к прогрессивным социальным преобразованиям, стоит теперь перед фактом утраты национального суверенитета и остатков республиканских свобод, перед угрозой третьей мировой войны.

Поэтому-то борьба за мир в Италии так тесно и неразрывно связана с борьбой за хлеб и свободу, за право на труд, за национальную независимость и демократические социальные реформы.

Во имя этих целей, близких и понятных простым людям Италии, в единый лагерь сторонников мира сплачиваются самые широкие круги трудящихся, вне зависимости от партийной принадлежности, политических и религиозных взглядов. Член Всемирного Совета Мира, итальянский священник Гаджеро говорил на Варшавском Конгрессе: «Я выражаю чаяния миллионов итальянских католиков... Никто из нас не сомневается в своей вере... но вместе с тем никто из нас не хочет больше благословлять оружие... Мы хотим показать, что католики не только говорят о мире и молятся за мир, но хотят строить мир» [2].

Огромную роль в создании такого единого демократического фронта играет соглашение о единстве действий между коммуни-

[1] Из выступления Пальмиро Тольятти на пленуме ЦК коммунистической партии Италии.— «Правда», 9 января 1952 г.

[2] «Сторонники мира», 1950, № 21.

стической партией Италии и итальянской социалистической партией, руководитель которой Пьетро Ненни, лауреат международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами», является мужественным и стойким борцом за мир, неустанно разоблачает и с парламентской трибуны, и в печати агрессивную политику итальянского правительства и его американских хозяев. Именно благодаря этому мощному единому фронту итальянским защитникам мира удалось добиться столь значительных успехов на муниципальных выборах в Италии весной 1952 г., нанеся серьезное поражение силам реакции и в первую голову христианско-демократической партии.

Подводя первые итоги кампании по сбору подписей в Италии за заключение Пакта Мира между пятью великими державами, Пьетро Ненни писал: «Движение итальянского народа за мир стало в последние месяцы еще более массовым, широким и боевым. Мы твердо верим, что это движение будет непрерывно расти и расширяться, так как растет и ширится среди народных масс сознание, что мир можно отвоевать лишь в борьбе против войны» [1].

В лагере борьбы за мир находятся в настоящее время лучшие силы итальянских деятелей культуры. Видный литературовед профессор Луиджи Руссо, член либеральной партии, является активным сотрудником журнала «В защиту мира». Член организации «Христианское социальное движение» профессор Марио Монтези заявил: «Я не марксист, но я хочу защищать правду, Если против этой правды хотят выставить оружие, то пусть знают — правду оружием не остановишь» [2]. Известный писатель старшего поколения Альберто Моравиа, до последнего времени уклонявшийся от участия в общественной борьбе, в 1951 г. также выступил на страницах журнала «В защиту мира» (№ 1), заявив о своей уверенности в том, что война отнюдь не является неизбежностью и что человечество может сохранить мир.

Известный романист Васко Пратолини — один из организаторов Неаполитанской конференции против атомной бомбы, состоявшейся летом 1950 г., члены Всемирного Совета Мира прозаик Репачи и поэт Сальваторе Квазимодо, выдающийся драматург Эдуардо Де Филиппо, лауреат крупнейшей итальянской литературной премии «Виареджо» Рената Вигано, удостоенный Золотой медали мира художник Ренато Гуттузо, талантливый сценарист Дзаваттини, известные кинорежиссеры де Сика, Сантис и многие другие писатели, поэты, художники,

[1] Пьетро Ненни. Борьба за мир.— «Правда», 3 июля 1951 г.
[2] «Правда», 10 мая 1951 г.

артисты, деятели культуры активно включились в это всенародное движение. Их произведения, проникнутые любовью к народу, защищают его права, попранные реакционной правящей кликой, разоблачают американо-английских поджигателей войны. Романы и картины, пьесы и кинофильмы прогрессивных мастеров искусства Италии — это подлинная национальная культура, которая по-настоящему гуманистична, активна, идейна, которая противостоит упадочному буржуазному искусству современной Италии.

В современной буржуазной итальянской литературе немало произведений, проповедующих философию отчаянья, аморализм и духовную опустошенность, как высшее достижение цивилизации. Авторы этих бездарных подражательных сочинений всячески стараются попасть в тон американской декадентской литературе, мутным потоком хлынувшей в Италию и навязываемой итальянскому читателю, как «последнее слово американской культуры». Прогрессивному итальянскому искусству приходится вести борьбу и с другим врагом, не менее опасным: клерикальной, обскурантской литературой католицизма, проповедующей самые реакционные идеи под маской христианского смирения и невмешательства в политику. «Довольно с нас политических манифестов литературных деятелей»,— злобно писала недавно газета «Пополо», орган христианско-демократической партии. Разумеется, де Гаспери и его хозяевам в Ватикане и Вашингтоне не по душе деятельность прогрессивных писателей. Недаром правительственные органы всячески преследуют прогрессивную итальянскую культуру, травят левые литературные и общественно-политические журналы.

В июле 1950 г. в римском суде разбиралось дело заместителя главного редактора журнала «Вие нуове» («Vie nuove») Пелликани. Его обвиняли в том, что в журнале был помещен рисунок художника Майорани, который якобы «оскорбил государственную религию». Хотя на суде было ясно доказано, что поскольку в Италии, по конституции, не существует «государственной религии», то публикация сатирического рисунка не может рассматриваться как преступление, однако суд вынес и редактору и художнику обвинительный приговор. Вскоре Пелликани вновь был привлечен к суду за то, что журнал опубликовал карикатуру, обличающую полицейский произвол. С 1951 г. журналу урезали лимит бумаги, пытаясь этим уменьшить действенность прогрессивного органа печати, заглушить голос правды.

Правительство де Гаспери прибегает к прямым актам террора против передовой культуры. В январе 1951 г. итальянское правительство не допустило открытия в Риме художественной выставки «Искусство против варварства», в подготовке которой

активно участвовали даже такие далекие от политики деятели культуры, как, например, Альберто Моравиа. На выставку были присланы произведения 70 художников и скульпторов самых различных политических взглядов и направлений. В своих картинах и скульптурах они разоблачали поджигателей новой войны.

«Этот акт свидетельствует о страхе правительственной клики перед итальянской интеллигенцией, о ненависти к культуре,— писал журнал «Вие нуове» в связи с запрещением выставки.— Этим запретом правительство разоблачило свою собственную реакционность» [1].

Однако никакие гонения на прогрессивную культуру не могут задержать ее развития. «Борьба против итальянской интеллигенции, которая часто платится голодом за свою духовную независимость, не дала правящей партии и реакционным силам тех плодов, на которые они рассчитывали,— говорил Репачи на Первой сессии Всемирного Совета Мира.— Интеллигенция остается на позициях свободы и достоинства культуры, на позиции сохранения мира» [2].

Весной 1951 г. журналы «Ринашита» («Возрождение») и «Вие нуове» объявили конкурс произведений живописи и скульптуры на тему «Мир». Конкурс имел большой успех. В нем приняли участие 240 авторов, как известных мастеров, так и начинающих. Всего было прислано около 400 произведений. Из лучших экспонатов была организована выставка, показанная в ряде крупных городов Италии. «Наша выставка еще раз демонстрирует стремление нашего народа, рабочих, крестьян, интеллигенции к миру, их непреклонную решимость защищать это великое достояние»,— писал член жюри конкурса профессор Бьянки Бандинелли [3].

Первую премию по живописи получил художник Пурификато за картину, изображающую детей безработных из предместья Рима — Тормаранчо, где люди ютятся в лачугах из фанеры и жести. Эти изможденные худые мальчики — живой символ страданий, которые несет детям трудящихся гибельная политика гонки вооружений. Первую премию по скульптуре получил Марио Мадзакурати за скульптурную группу «Мир», изображающую мать с ребенком на руках. «Вдова» Гуттузо, «Батрак» Мирабелла, «Мир Вьетнаму» Пиццинато и многие другие произведения показывают простых людей всего мира, не желающих

[1] «Вие нуове» («Новые пути»), 1951, № 4.
[2] «Правда», 2 марта 1951 г.
[3] «Вие нуове», 1951, № 15.

более переживать ужасы войны и во имя счастья своих детей преграждающих путь новой бойне.

«В мире становится все больше людей, которые борются за лучшее будущее. Они требуют, чтобы искусство и культура были не обманом, а зеркалом жизни, моральной поддержкой людей своего времени. В успехе нашего конкурса мы видим результат все более активного участия прогрессивных художников в общественной жизни. Более двухсот художников и скульпторов развили в своих произведениях тему мира, показав тем самым, что искусство всегда способно выразить чувства народа» [1],— писал журнал «Вие нуове», подводя итоги конкурса.

2

Небывалый размах народного движения в защиту мира и демократии в Италии является могучим стимулом для развития передовой, реалистической литературы. Демократические устремления, живой интерес к судьбам народа, желание своим творчеством помочь разрешению социальных проблем — вот что движет вперед прогрессивную итальянскую литературу, подсказывает ей правильную оценку действительности и верную перспективу будущего. Сильные и слабые стороны этой передовой литературы непосредственно обусловлены теми конкретными историческими условиями, в которых она развивается, теми общественными противоречиями, которые она в той или иной форме отражает.

Новая, прогрессивная литература Италии складывается в острой борьбе против реакционных пережитков «черного двадцатилетия» диктатуры Муссолини. В долгие годы фашизма в Италии искусство было оторвано от народа. Многие писатели, которые были настроены к фашизму оппозиционно и не желали служить ему своим пером, тем не менее уклонялись от антифашистской деятельности и предпочитали уходить в формалистическое, эстетское «чистое искусство», создавая стихи и прозу, доступные лишь «избранным». В 30-е годы сложилось так называемое направление «герметизма» («movimento ermetico»), представители которого замыкались в узкую область «творческой игры», отрицали какие бы то ни было общественные устремления в искусстве. Нелегко было прогрессивной культуре преодолеть эти тенденции; они подчас еще оказывают свое отрицательное воздействие на творчество прогрессивных итальянских писателей, которые, обращаясь к реальным жизненным проблемам сегодняшней Италии, еще не всегда умеют воплотить

[1] «Вие нуове», 1951, № 16.

свои замыслы в четкой и ясной реалистической форме. Поэтому-то борьба за идейное содержание произведения, за его социальное звучание теснейшим образом связана с проблемой овладения реализмом, с задачей создания искусства, доступного народу.

В долгие годы фашизма реалистические традиции итальянской литературы сохранялись и развивались в творчестве итальянских антифашистов, лучших людей Италии, которые боролись в подполье и в эмиграции, томились в тюрьмах, гибли на фашистской каторге. Рабочий-коммунист Марио Монтаньяна, прошедший славный путь борьбы, выдержавший фашистские застенки и спасшийся от смерти, перейдя швейцарскую границу, счел своим боевым долгом написать в эмиграции историю итальянского рабочего движения. Для него творчество было продолжением той борьбы, которую он вел вдали от родины. Книга Монтаньяна «Воспоминания туринского рабочего» написана в 1943—1944 гг. в Мексике, откуда его не выпускали американские власти, не разрешавшие ему выехать на родину, чтобы принять участие в освободительной борьбе итальянского народа. Эта книга является волнующим документом 20-летней борьбы против фашистской диктатуры Муссолини; она свидетельствует о том, что итальянский народ в самые страшные годы фашистского террора не был покорен. В предисловии Монтаньяна пишет: «Надеюсь, что чтение этих воспоминаний может принести известную пользу, в особенности молодежи, которая узнает из них о том, как в самые мрачные периоды, когда борьба не могла дать немедленных успехов, тысячи итальянцев продолжали упорно, героически сражаться за свободу и спасение Италии» [1].

Написанные в эмиграции «Записки цирюльника» и «Травальо» Джованни Джерманетто рассказывали о революционных традициях итальянского рабочего движения, о непрекращающейся борьбе против диктатуры Муссолини.

Тереза Ноче, одна из руководительниц Итальянской Всеобщей Конфедерации Труда, является автором книги «Молодежь, лишенная солнца», также созданной в эмиграции. Эта книга, написанная с большим художественным мастерством, в живой и увлекательной форме рассказывает о тяжелой жизни и борьбе молодежи и всего рабочего класса Италии против капиталистического гнета в период первой мировой войны. Героиня повести, молодая работница Маддалена становится стойким, сознательным

---

[1] М. Монтаньяна. Воспоминания туринского рабочего. Издательство иностранной литературы, 1951, стр. 20.

борцом против империалистической бойни, она твердо верит в грядущую победу народа Италии.

Все эти произведения антифашистской литературы, как небо от земли, далеки от унылых книг итальянских декадентских писателей. В них говорится о трудной жизни и об опасной борьбе, они проникнуты твердой верой в силы народа, в победу над фашизмом.

Подлинным жизненным подвигом, свидетельствующим о великой силе коммунистических идей, является литературная деятельность основателя и вождя итальянской коммунистической партии Антонио Грамши. В 1926 г. Грамши был брошен фашистами в тюрьму. Фашистские застенки в конце концов подорвали здоровье Грамши, и он скончался в 1937 г., просидев в тюрьме 11 лет. Все эти годы Грамши неустанно и напряженно работал, создав ряд выдающихся политических сочинений, экономических исследований, статей на исторические и литературные темы. Сейчас издательство Эйнауди выпускает полное собрание сочинений Грамши, и выход каждого тома является событием огромной важности для развития прогрессивной культуры Италии. Социально-экономические работы Антонио Грамши, являющиеся образцом глубокого марксистского анализа общественных явлений, посвящены самым острым проблемам жизни страны: рабочему движению, положению крестьянства юга Италии и др. В замечательных «Письмах из тюрьмы» (сборник писем Грамши к жене и родным) вождь итальянских коммунистов предстает как человек высокой души, который беззаветно предан своему делу, горячо любит жизнь, верит в победу народа, продолжает борьбу в самых тяжелых условиях, отдавая ей все свои силы. «Письма из тюрьмы», которые в 1948 г. были посмертно награждены премией «Виареджо», присуждаемой итальянской прогрессивной литературной общественностью, вошли в золотой фонд итальянской культуры как произведение жизнеутверждающее и оптимистическое, проникнутое подлинным гуманизмом — гуманизмом борьбы.

В ряде литературно-критических работ, собранных в шестом томе собрания сочинений Грамши под общим названием «Литература и национальная жизнь», вышедшем в свет в 1951 г., писатель-коммунист разоблачил реакционную идеалистическую сущность философии Бенедетто Кроче, которая пользовалась успехом в среде итальянской буржуазной интеллигенции, и сформулировал основные положения материалистической эстетики, рассмотрев историю итальянской культуры с позиций марксизма. В статьях и критических заметках, разбирая творчество отдельных писателей, Грамши на конкретном анализе их произ-

ведений показал влияние социально-исторических условий на формирование художника и раскрыл роль искусства в жизни общества.

Грамши неопровержимо доказал, что причиной оскудения итальянской культуры в конце XIX в. было половинчатое, компромиссное завершение национально-освободительного движения за воссоединение Италии. Итальянская буржуазия предала революционно-освободительное движение широких масс народа и пошла на сговор с католической реакцией. Новый взлет, дальнейшее развитие итальянской культуры, указывал Грамши, может произойти лишь на базе широкого общенародного демократического движения, которое будет преследовать прогрессивные политические цели. Без этой народной почвы, без связи интеллигенции с чаяниями и устремлениями широких масс, невозможен дальнейший прогресс литературы и искусства.

История подтвердила правоту предвидения Грамши. Именно народное сопротивление фашизму в период второй мировой войны обогатило новым содержанием прогрессивную итальянскую культуру. Движение Сопротивления, всенародное восстание против диктатуры Муссолини и гитлеровских оккупантов поставило перед деятелями культуры Италии необходимость решительного выбора: с народом или против народа. В этой борьбе лучшие силы итальянской интеллигенции обрели смысл и содержание и своей жизни и своей творческой деятельности. Писатели Либеро Биджаретти, Итало Кальвино, Рената Вигано, поэт Диего Валери, художник Ренато Гуттузо и многие другие деятели культуры активно боролись против угнетателей своей страны, зачастую с оружием в руках. Многие из них, как журналист Пинтор, архитектор Джорджо Лабо и другие, погибли смертью храбрых.

Уже в период Сопротивления было создано много патриотических стихотворений, очерков, боевых статей, прославлявших героическую борьбу партизан и призывавших освободить родину от захватчиков. Таковы статьи Пинтора «Кровь Европы», сборник стихотворений Квазимодо «Пята чужеземца на сердце», стихи поэта Либеро де Либеро, посвященные памяти павших партизан. После окончания войны эпопея Сопротивления явилась темой многих произведений, авторы которых показали, что освобождение Италии от гитлеризма и фашизма было завоевано самим народом при решающей поддержке могучего наступления Советской Армии, а отнюдь не явилось «подарком» англо-американских «союзников». Именно в книгах о Сопротивлении, о партизанской борьбе прежде всего родились характерные черты новой итальянской прогрессивной литературы.

Книги о Сопротивлении — это произведения о судьбах народа, в них поднимаются исторические и социальные проблемы жизни всей страны. Герой их — простой человек из народа, который проявляет свои лучшие душевные качества, участвуя в движении Сопротивления, который несет в себе лучшие, благороднейшие черты своей нации. Именно в этой борьбе происходит становление характера героя, который осознает, что выполняет великое историческое дело, строит мирное будущее своей страны, уничтожая фашизм с оружием в руках. Эти произведения проникнуты светлым оптимизмом, пафосом освободительной борьбы, они убеждают в том, что народ не допустит более торжества сил реакции.

Особое место среди книг о Сопротивлении занимает книга Луиджи Лонго «Народ Италии в борьбе», представляющая собой наиболее полную и достоверную историю итальянского Сопротивления. «Народ Италии в борьбе» в то же время является выдающимся литературным произведением.

Луиджи Лонго, который в период Сопротивления командовал партизанским «корпусом добровольцев свободы», неопровержимыми фактами доказывает, что основную тяжесть борьбы против гитлеровских полчищ и войск Муссолини в Италии вынесли на своих плечах итальянские партизаны, итальянский народ. Лонго приводит документы, свидетельствующие, что англо-американские войска намеренно затягивали итальянскую кампанию, рассчитывая оказаться полными хозяевами положения в Италии после того как партизанские силы будут измотаны в боях с гитлеровцами. Лонго рассказывает о подлом предательстве англо-американского командования зимой 1944/45 г., когда союзники, отказавшись от зимней кампании, предложили итальянским партизанам прекратить сопротивление и разойтись по домам, что означало для патриотов верную гибель. Итальянские патриоты с возмущением отвергли это изменническое предложение. Партизаны продолжали зимнюю кампанию в небывало трудных условиях, без всякой поддержки со стороны англо-американцев. Весной 1945 г. Италия была освобождена в результате всеобщего восстания итальянского народа, вдохновленного на борьбу победоносным продвижением Советской Армии. Почти все крупные города Италии — Милан, Турин, Неаполь, Венеция и другие были освобождены самими патриотами,— рассказывает Лонго. Англо-американские войска вступали туда через несколько часов, а то и дней после того, как немецкое сопротивление было сломлено.

Луиджи Лонго рассказывает о подвигах тысяч безымянных героев — рабочих, крестьян, служащих, ремесленников, которые

становились во главе партизанских отрядов и вынуждали к капитуляции «непобедимых» немецких генералов. Лонго показывает в своей книге, что залогом успеха партизанской войны была всенародная помощь населения, трудящихся Италии, которые боролись против ненавистной им войны, за мир, за свободу своей страны. Книга Лонго «Народ Италии в борьбе» — волнующая эпопея освободительной борьбы народа, который никогда не откажется от завоеванного им права на свободу, на национальную независимость, на мирную жизнь.

Бесспорно, лучшим романом о Сопротивлении, романом, в котором идейная насыщенность сочетается с большим реалистическим художественным мастерством, явилась книга Ренаты Вигано «Аньезе идет на смерть», вышедшая в 1949 г.[1] Эта талантливая книга, правдиво рассказывающая о том, как лучшие сыны и дочери итальянского народа сражались против фашистов и немецких оккупантов за мир и свободу своей страны, принадлежит к числу лучших произведений современной итальянской прозы.

Рената Вигано родилась в 1900 г. В течение многих лет будущая писательница работала медицинской сестрой в больницах. С детства Рената Вигано писала и даже печатала стихи, которые, по ее собственному признанию, были слабыми, подражательными.

Решающим событием ее жизни была встреча, еще во времена фашизма, с писателем-коммунистом Мелуски, только что вышедшим тогда на свободу после фашистской каторги. С его помощью Вигано нашла свое место в рядах борцов против фашизма. «Идеи коммунизма стали моими идеями. Все то, что со мной происходило потом, было результатом тех лет подготовки и учебы: подпольная борьба во время войны, Сопротивление, борьба в рядах партизанской бригады с 8 сентября 1943 года вплоть до освобождения»,— писала Вигано в автобиографической статье, напечатанной в газете «Унита» («Unita») 7 сентября 1949 г.

Вместе с мужем, командиром гарибальдийской бригады, Рената Вигано участвовала в партизанской войне, руководя санитарной службой в партизанском крае — озерном районе Валле ди Комаккио.

«После окончания войны я увидела, что мой долг — поведать о пережитом, о тех людях, с которыми я встречалась во время партизанской войны»,— писала Вигано. Так родился роман

[1] Книга вышла в русском переводе под заглавием «Товарищ Аньезе». Издательство иностранной литературы, 1951.

«Аньезе идет на смерть»,— первый роман Вигано, который сразу поставил ее в ряды выдающихся писателей Италии, борющихся за свободу и независимость своего народа, за мир и демократию.

«Нет, нам не придет конец. Нас слишком много. Чем больше погибает наших, тем больше к нам приходит людей. И мужества прибывает... После будет все по-другому. Вы вернетесь домой, вы расскажете,— и тогда все хорошенько подумают, прежде чем затевать новую войну» [1]. Так говорит о борьбе народа, о его непреклонной воле к свободе и к миру партизанка Аньезе, героиня романа.

«Аньезе идет на смерть»— история старой крестьянки, которая отдает все свои силы, всю энергию и, наконец, жизнь делу борьбы против гитлеровских захватчиков и итальянских фашистов, угнетателей народа. Действие романа развертывается в 1943—1944 гг. в тех самых краях, где воевала сама писательница.

Фашисты выдают немцам мужа Аньезе, старого Палита, который спрятал у себя в доме солдата, не желающего служить в армии Муссолини. Палита отправляют в Германию вместе с другими антифашистами, и вскоре бежавший с фашистской каторги односельчанин рассказывает Аньезе о страшной гибели ее мужа. В душе Аньезе зреет великий гнев против тех, кто убил Палита, кто угнетает и грабит родную страну. И когда друзья Палита, подпольщики-коммунисты просят Аньезе помочь им, старая крестьянка без колебаний вступает на путь трудной и опасной борьбы. Ее дом становится базой партизанского движения, отсюда идут подпольные радиопередачи, Аньезе разносит в своей кошелке взрывчатку, от которой летят на воздух фашистские казармы, немецкие грузовики. Каждый день, каждый час Аньезе рискует жизнью, но она не знает страха, не знает колебаний.

Пьяный немецкий солдат врывается в дом Аньезе, издевается над ней, и тогда старая крестьянка мстит за мужа, за себя, за свой народ, убивая захватчика прикладом его автомата. Покинув дом, Аньезе уходит в отряд к партизанам и делит с ними все трудности, все невзгоды, постоянно оставаясь спокойной и бодрой. По словам Вигано, образ Аньезе взят из жизни, прототипом ее была одна из крестьянок — бойцов партизанской бригады в низине Комаккио.

Пафосом народной борьбы пронизан простой безыскусственный рассказ Ренаты Вигано о том, как в течение почти двух

[1] Viganò R. L'Agnese va a morire, 1949, p. 328.

лет небольшой отряд партизан вел борьбу против гитлеровских дивизий и фашистских карателей. Автор воссоздает на страницах романа ту подлинную историю освобождения Италии, о которой рассказывает в своей книге Луиджи Лонго. Сохраняя историческую правду, роман Вигано показывает в ярких художественных образах, кто же на самом деле бил немецких и итальянских фашистов в Эмилии и Тоскане, кто вынес на своих плечах всю тяжесть войны в Италии, кого страшились гитлеровцы и чернорубашечники, боясь ночью показаться на деревенской улице, открывая беспорядочную стрельбу, прежде чем подойти к прибрежным камышам, к зарослям кустарника. Как и книга Лонго, роман Вигано разоблачает предательскую политику англо-американского командования в Италии. В то время как партизаны вели непрестанную беспощадную войну, англо-американские войска в течение почти двух лет отсиживались в Италии на удобных зимних квартирах, варварски бомбя мирные города и села и трубя по радио о «победах» после ничтожных стычек. С гневной иронией рассказывает писательница о том, как целую зиму англо-американские самолеты бомбили маленький мост, превратив в пустыню целый район, но так и не поразили цели.

С наступлением зимы 1944/45 г. гитлеровцы, пользуясь бездействием войск «союзников», усилили борьбу против партизан. И в этот самый момент генерал Александер, который в трудные для англо-американцев времена призывал партизан вести войну любыми средствами и сулил им всяческую помощь, обратился к итальянским патриотам с требованием... распустить отряды, разойтись на зиму по домам. Взрывом возмущения встретил отряд, где воюет старая Аньезе, это подлое предложение союзного командования. «Эта листовка,— говорит командир отряда,— показывает только, чего стоят наши союзники. Они еще раз доказали, что им наплевать на нас».— «Они ничуть не лучше немцев,— гневно восклицает партизан Клинто.— Обойдемся и без них, мы от них видели только бомбы. Что ты скажешь, мама Аньезе?» И та, не отрываясь от своей работы, спокойно отвечает: «Что нужно будет сделать — мы сделаем» [1]. В этом решительном ответе отразился характер героини романа, все хладнокровное мужество народа, понимающего, что дело освобождения — в его собственных руках.

В этих тяжелых условиях с особой силой проявляются у бойцов, у самой Аньезе высокие душевные качества, непреклонная воля к борьбе. В самые суровые зимние месяцы партизаны непрестанно совершают дерзкие налеты на врага, беспощадно

[1] Viganò R. L'Agnese va a morire, p. 201—202.

расправляются с фашистами — предателями своего народа, все, как один, бросаются на выручку товарищей, попавших в руки палачей-чернорубашечников. С большой теплотой рисует Вигано картины партизанской жизни: свадьбу в партизанском лагере, тесную дружбу между итальянскими юношами и советскими бойцами, бежавшими из фашистского плена и сражающимися бок о бок с молодыми патриотами. Надолго остаются в памяти нарисованные немногими выразительными штрихами русский богатырь Владимир и веселый казак Коля, отважный в бою, лихо пляшущий вприсядку в минуты отдыха.

При попытке перейти линию фронта отряд погибает под огнем английской артиллерии, которая обстреливает партизан, ведущих рукопашный бой с гитлеровцами.

Вигано рассказывает, как Владимир под жестоким огнем пытался переплыть замерзающую реку. Поддерживая двух товарищей, русский боец борется с течением. «Англичане смотрели на него в бинокли. Зрелище их развлекало. Англичане — спортсмены, они любят состязания в силе. Они дали, наконец, приказание прекратить обстрел мертвых на берегу» [1].

Нельзя без волнения, без глубокого негодования читать эти скупые строчки, полные боли и гнева. Итальянский народ не простит американо-английским империалистам крови своих лучших сыновей.

Весть о гибели отряда — тяжелое горе для Аньезе, но она с неослабевающей энергией продолжает свое дело. На место погибших партизан приходят другие, и Аньезе снова доставляет им оружие и продовольствие, снова не спит ночи, перевозя донесения. В одну из таких поездок, после того как она не раз благополучно уходила от гитлеровцев, ее узнает товарищ убитого ею солдата. Он убивает Аньезе четырьмя выстрелами в упор. Старая крестьянка умирает так же мужественно, как и жила. Перед смертью она спокойно говорит: «Скоро наступит расплата... немцам и фашистам ничего больше не остается. Нет, я ошиблась. Им остается страх» [2]. Аньезе идет на смерть, но самая ее гибель есть торжество над врагами, в ужасе дрожащими перед народными мстителями.

Образ Аньезе — большое достижение прогрессивной литературы Италии.

Шаг за шагом показывает Вигано формирование характера, духовный рост старой Аньезе, которая постепенно превращается в подлинного борца, осознавшего цели великой битвы.

---

[1] Viganò R. L'Agnese va a morire, p. 304.
[2] Там же, p. 341.

Аньезе, прожившая долгую и трудную жизнь в узком мирке домашних интересов, теперь, включившись в патриотическую борьбу, становится способной на подвиги, на самопожертвование во имя общенародного дела. Она умеет принять быстрое и правильное решение, взять на себя серьезную ответственность; по собственной инициативе Аньезе спасает имущество отряда в опаснейший момент, когда гитлеровцы с минуты на минуту должны напасть на партизанский лагерь. Аньезе идет на этот подвиг, не задумываясь над тем, что рискует жизнью.

Именно в трудных буднях партизанской войны все яснее становится для Аньезе величие и справедливость дела, за которое борются она и ее товарищи. И эта мужественная женщина большого сердца, олицетворяющая лучшие черты своего народа, простая крестьянка, итальянская партизанка, которую все партизаны любовно зовут «мама Аньезе», приходит к пониманию политического смысла того, что́ происходит, осознает, что́ такое коммунистическая партия. «Теперь она понимала, что́ такое партия и любовь к партии, понимала, что можно пойти на смерть за великую идею. Теперь она знала: богатые наживаются на войне, а бедняки платятся жизнью. Партия, товарищи всегда говорили, что так больше не может продолжаться, что нужно переделать мир, что настал час положить конец войне и дать каждому не только хлеб, но и многое другое. Фашисты не хотели этого — и партия боролась против них, не страшась ни тюрьмы, ни казни. Фашисты призвали в Италию немцев — и партия борется также и против немцев. Партия это такие люди, как Магон, как командир, которые всем хотят добра, ничего не требуют для себя и работают для других...» [1]

Путь, который прошла в романе Вигано старая Аньезе, был путем многих тысяч итальянских рабочих и крестьян, для которых партизанская борьба явилась школой политического сознания и которые хотят взять теперь свою судьбу в собственные руки. Такие же крестьянки, как Аньезе, занимают сейчас пустующие помещичьи земли в Италии, такие же простые люди сбрасывают в море ящики с американским вооружением, бастуют в ответ на провокации правительства де Гаспери, послушно выполняющего приказы заокеанских оккупантов. В этом — подтверждение жизненной правдивости книги.

Роман Ренаты Вигано пользуется огромным успехом у читателей. Он вышел уже третьим изданием. В 1949 г. книга получила высшую литературную премию в Италии — премию «Виареджо».

---

[1] Viganò R. L'Agnese va a morire, p. 235—236.

Журнал «Вие нуове» сообщал, что в редакцию поступило много писем о книге Вигано. Женщины Италии, такие же простые крестьянки, как Аньезе, пишут, что этот роман привел их в ряды борцов за мир и свободу. Это самое высокое, самое прекрасное признание, которое может получить художественное произведение в наши дни. Рената Вигано — член Итальянского Комитета защиты мира, участница делегации вручавшей Верховному Совету СССР Стокгольмское Воззвание,— борется за мир словом и делом.

3

Народное движение за сохранение мира неразрывно связано с борьбой против реакции во всех ее видах и формах. Сопротивление передало свою эстафету движению борьбы за мир. Недаром реакция всеми силами стремится опорочить партизанское движение в Италии, свести на нет заслуги Сопротивления, заставить забыть эти героические страницы жизни народа.

Идея преемственности Сопротивления прекрасно выражена в стихотворении молодого поэта Ренцо Нанни «Сопротивление»:

Сопротивление — это свобода,
Распахнувшая двери темницы.
Сопротивление — это фабрика,
Спасенная для труда,
Поля, очищенные от мин...
Сопротивление было написано на стенах
Вопреки запретам.
Оно проникало в газеты
Также вопреки запретам,
Гремело на всех площадях
Также вопреки запретам.
Человек писал на стене — и умирал;
Другой свистел в кино — и умирал;
Третий пел — и также умирал.
И сегодня Сопротивление — все те же люди,
Которые подают друг другу руки.
Они хотят спасти фабрики для труда,
Хотят земли для крестьянина,
Хотят очистить поля от мин
Раз и навсегда.
Распахнуть двери темниц
Раз и навсегда.
Чтобы не было больше запрета

Читать, писать и петь
И работать в мире [1].

В конце апреля 1950 г., когда демократическая Италия праздновала пятилетие всеобщего восстания против гитлеровцев и итальянских фашистов, по инициативе группы прогрессивных деятелей культуры во главе с писателем Леонида Репачи, в Венеции был созван конгресс «Итальянского Сопротивления и культуры». В конгрессе приняли участие многочисленные деятели итальянской культуры, люди различных партий и направлений — от коммунистов (художник Гуттузо, профессор Кончетто Маркези, Сибилла Алерамо) до либералов и независимых (профессор Луиджи Руссо, писатель Карло Леви и др.). Конгресс проходил под лозунгом — «Защищать идеалы Сопротивления» — и явился важным вкладом в дело сплочения сил прогрессивной итальянской интеллигенции для борьбы с возрождением фашизма и опасностью новой войны.

Резолюция, принятая конгрессом, разоблачает политику реакции, которая подрывает республиканскую конституцию, пользуясь поддержкой фашистских элементов, восстановленных на своих руководящих постах в государственном аппарате, в школе и в органах печати. «Конгресс напоминает,— говорится в резолюции,— что мирная Италия, которая имеет право на национальную независимость, обязана своим существованием героическим жертвам, принесенным партизанами и армией освобождения. Конгресс обращает внимание страны на те опасности, какие таит в себе возрождение сил, уже однажды приведших Италию к катастрофе» [2].

Характерно, что когда председательствующий закончил чтение проекта резолюции, то из зала раздался возглас: «Приветствуем сплочение рядов нового итальянского Сопротивления!», что вызвало восторженные аплодисменты всех присутствующих.

Определяя цели конгресса, Леонида Репачи заявил, что съезд лучших представителей итальянской культуры должен «сказать свое веское слово и помочь вывести Италию из нынешнего положения, когда фашистские палачи гуляют на свободе, а партизаны подвергаются преследованиям. На базе антифашистского единства мы можем установить отправные пункты той общей политики, в которой так нуждается Италия» [3].

На конгрессе был прочитан ряд докладов о связи различных областей итальянской прогрессивной культуры с движением

[1] «Паттулья» («Патруль»), 1950, № 37. Подстрочный перевод.
[2] «Унита», 25 апреля 1950 г.
[3] Там же.

Сопротивления и о перспективах дальнейшего ее развития. Все докладчики подчеркивали, что итальянская культура нашла в освободительной борьбе источник обновления. Профессор Франко Антоничелли в докладе «Сопротивление и литература» особенно подчеркнул политическую ответственность писателей. Он решительно осудил так называемую «позицию аполитичности», которая на деле всегда приводит в лагерь реакции. Антоничелли показал, что та литература, которая в течение «черного двадцатилетия» прикрывалась лозунгами «чистого искусства», проповедовала так называемое «отшельничество», по существу шла на компромисс с господствовавшим режимом. Этим литераторам Антоничелли противопоставил заслуги антифашистской литературы, и в первую очередь «Письма из тюрьмы» Антонио Грамши. В заключение докладчик призвал писателей «не искать иллюзорных выходов, а без страха участвовать в проведении тех социальных преобразований, к которым стремилось Сопротивление» [1].

К Венецианскому конгрессу присоединились самые широкие круги интеллигенции, за исключением христианских демократов. Эти последние прибегали, по указанию своей партии, к самым различным отговоркам, чтобы не участвовать в конгрессе, заявляя, что Сопротивление навсегда закончилось вместе с борьбой против гитлеровцев. Журнал «Вие нуове» справедливо указывал, что перед лицом военной опасности, обскурантизма и реакции объединилась итальянская интеллигенция всех направлений, и единственными, кто не присоединился к этому фронту солидарности, являются христианские демократы, которые тем самым полностью себя разоблачили.

Прогрессивный лагерь борцов за мир объединяет в своих рядах все подлинно живые силы итальянской культуры. Ярким примером того, как участие в этой общенародной борьбе придает творчеству писателя размах, широкое общественное звучание, выводит его из сферы камерной, узкой темы, является творческий путь одной из известнейших писательниц современной Италии Сибиллы Алерамо.

Сибилла Алерамо опубликовала свою первую книгу в 1905 г. Эта книга, автобиографический роман «История женщины», ставила актуальную для Италии тему эмансипации женщины, ее права на духовную жизнь, на общественно полезный труд. В последующие годы Алерамо создала ряд произведений, которые, будучи пронизаны идеями абстрактного гуманизма, гармонии, справедливости и т. д., не выходили, однако, за рамки интимных любовных коллизий.

[1] «Унита», 30 апреля 1950 г.

Писательница всегда сочувствовала народу, активно участвовала в создании воскресных школ для крестьян в нищих деревушках римской Кампаньи в 1900-х гг. После прихода фашизма к власти Алерамо, отрицательно относясь к режиму Муссолини, тем не менее никогда открыто не выступала против него, все глубже уходя в описание замкнутого мира лирических переживаний.

Партизанское движение, нарастание борьбы народа против фашизма в конце второй мировой войны, всенародное восстание против Муссолини, приход союзнических войск, быстро превратившихся в новых оккупантов,— все эти события не оставили равнодушной писательницу, которая никогда не утрачивала интереса к судьбам своей страны. Опубликованный в 1945 г. «Дневник» («Dal mio diario»), обнимающий период 1940—1944 гг., показывает, как бурные исторические события постепенно захватывают все внимание Сибиллы Алерамо. Тяжкие лишения народа, жестокий террор в оккупированном гитлеровцами Риме, где писательница провела самый трудный период войны, борьба партизан в самой столице, победное наступление Советской Армии — все это находит свое отражение на страницах дневника.

«Россия, все время Россия... Читаю книгу о жизни Ленина и преклоняюсь пред величием того, кто вдохновил человечество на еще небывалый в истории порыв в будущее» [1],— записывает она в феврале 1944 г.

С возмущением констатирует Алерамо, что англо-американские «освободители» с первых же дней прихода в Рим ведут себя как захватчики и оккупанты. «Всего только две недели, как Рим освобожден, а союзники уже находят нас неблагодарными... Зашевелились монархисты и обделывают свои делишки... Хаос. Недовольство. И голод» [2].

С глубочайшим уважением пишет С. Алерамо о великих заслугах коммунистической партии, которая сплачивала все силы народа на борьбу против гитлеровцев и итальянских фашистов, которая в послевоенной обстановке отстаивает интересы народа.

В конце 1944 г., в суровые, тяжкие для Италии месяцы Алерамо заканчивает дневник словами о своей непоколебимой вере в будущее «без войн и без ненависти, в будущее, полное мира» [3].

Эта вера, это горячее сочувствие своему народу приводят писательницу в 1946 г. в ряды коммунистической партии. Она активно работает в обществе «Италия — СССР», в Союзе

[1] S. Aleramo. Dal mio diario, Roma, 1945, p. 327.
[2] Там же, p. 308.
[3] Там же, p. 358.

итальянских женщин. Как писатель, Алерамо выходит из круга индивидуалистических тем. В августе 1948 г. она участвует в Конгрессе сторонников мира во Вроцлаве и читает там свои стихи, посвященные борьбе за мир.

В 1949 г. вышел сборник очерков Алерамо, который носит знаменательное название «Мир молод». И по форме, и по содержанию эти очерки коренным образом отличаются от прежних произведений Алерамо. Писательница просто и сердечно беседует с читателем о живых событиях и насущных проблемах сегодняшней Италии. Мир еще молод,— пишет Алерамо в первом очерке,— перед ним лежит широкий путь прогресса и усовершенствования общества. «Молодой мир», в развитие которого она верит, это прежде всего люди, которые борются за лучшее будущее, которые переделывают жизнь. Народные школы, создававшиеся прогрессивной молодежью в окрестностях Рима в 1900-х годах; встречи Алерамо в 20-е годы с Горьким, великим борцом и гуманистом; воспоминания о первом Международном женском дне; конгресс Союза итальянских женщин; беседа в Риме с советской делегаткой-колхозницей; партийный съезд — вот о чем рассказывает Алерамо. Абстрактный, оторванный от действительности гуманизм, характерный для прежнего творчества Алерамо, теперь уступает место подлинному гуманизму, подкрепленному делами.

«Что я даю народу?» — ставит Алерамо вопрос в одном из своих очерков. В ответ ей пришло много писем, часть которых она опубликовала. Читатели из рабочей среды тепло и сердечно пишут ей о том, что народ ценит и любит интеллигенцию, несущую культуру массам. Глубоко взволнованная благодарностью читателей, Алерамо заключает свой очерк словами Горького, который когда-то сказал ей: «Для меня счастье заключается в том, чтобы каждый день получать несколько писем от незнакомых читателей из народа, которые меня благодарят» [1]. Это новое отношение к творчеству, которое должно быть общезначимо, общественно полезно, придает книге Алерамо политическую остроту, серьезность, глубину.

Вот очерк о нищенском предместье Рима — Тормаранчо, где в жалких бараках с протекающими крышами и земляным полом ютится три тысячи человек — семьи безработных, которые годами не могут найти себе работу. «Язвы и экзема на телах полуголых детей, больные, истощенные, оборванные женщины... Воровство, сбор отбросов на свалках, систематический голод, проституция — вот жизнь этих лачуг». Рим опоясан кольцом

[1] S. Aleramo. Il mondo è adolescente. 1949, p. 79.

таких предместий, в которых насчитывается около 50 тысяч жителей,— пишет Алерамо. И писательница делает гневный вывод: «Если б я когда-нибудь усомнилась в том, во что я верю, то все сомнения рухнули бы здесь, в Тормаранчо, где все служит обличением общества, которое надо сломать и перестроить до основания» [1].

Одним из лучших в книге Алерамо является очерк «В Польше во имя мира» — о Вроцлавском Конгрессе сторонников мира. Алерамо рассказывает о той силе международной солидарности, которая сплотила людей всех концов земли в едином стремлении к миру.

«Мы не могли обещать миру мир, но в каждом из семисот делегатов жило стремление найти реальные пути и средства к его достижению,— пишет Алерамо.— «Недостаточно хотеть, надо действовать»,— сказал романист Фадеев.— Да, все мы словом и пером, в школах и на собраниях, среди друзей и врагов должны действовать, чтобы изменить общество и устранить причины войны. Действовать, чтобы мир стал реальностью, свободной от угрозы» [2].

На страницах своей книги она мужественно пересматривает все то, что было ею написано раньше, признает многие свои ошибки и слабости. Правда, и эта книга Алерамо еще несет на себе следы прошлого: писательница иногда декларативно говорит о справедливости, гармонии, о мире в сердцах и освобождении от ненависти, обходя молчанием ту жестокую борьбу, в которой предстоит завоевать этот светлый мир будущего.

Сибилла Алерамо — не только прозаик, но и поэтесса с незаурядным лирическим дарованием. За последние годы в поэтическом творчестве Алерамо произошел тот же перелом, что и в прозе: в ее лирику входит общественная тема, которая близка широким массам. Таково стихотворение «Сжатый кулак», посвященное приезду советской делегации на завод Фиат. Группа советских делегатов медленно движется по грохочущему цеху. Рабочие встречают советских людей антифашистским приветом — поднятым сжатым кулаком. Великая сила солидарности заставляет людей забыть усталость, помогает им ощутить себя свободными и сильными, ибо они владеют великим оружием — единством трудящихся всего мира. Так лирика Алерамо приобретает новый голос, новое звучание.

За последние годы Алерамо выступает с публичным чтением своих стихов перед очень широкой аудиторией, ездит по всей

[1] S. Aleramo. Il mondo è adolescente, p. 69 и сл.
[2] Там же, p. 128.

Италии. «Когда после чтения я вижу блистающие волнением глаза моих слушателей — рабочих, жадно стремящихся к культуре, а не разочарованных буржуа,— я чувствую, что живу в том будущем, в которое всегда верила» [1],— говорит Алерамо.

Это стремление писательницы словом и делом служить своему народу нашло должную оценку в среде демократической общественности. Мы упоминали выше о тех благодарственных письмах, которые Сибилла Алерамо получает от рабочей молодежи. Очерки из сборника «Мир молод» печатались на страницах газеты «Унита». Книги Алерамо, ранее бывшие достоянием узкого круга интеллигенции, теперь находят читателей среди широких масс. «Нои донне» («Наши женщины»), журнал самой массовой женской организации Италии — Союза итальянских женщин — пишет о Сибилле Алерамо: «Сибилла — наша, она стоит рядом с нами в той борьбе, которая ведется во имя скорейшего наступления лучшего будущего, и этим она нам особенно дорога».

4

Прогрессивная литература Италии — литература творческих исканий. Активно участвуя в борьбе за мир, свободу и демократию, писатели обогащают свое творчество опытом этой всенародной борьбы. Современная действительность, бедственное положение трудящихся, разруха, острые социальные конфликты становятся основной проблематикой произведений таких писателей, как Амедео Уголини, Доменико Реа, Итало Кальвино, Карло Бернари, Либеро Биджаретти, Карло Леви и других прогрессивных романистов, поэтов и драматургов.

Большой интерес вызвала появившаяся в 1948 г. книга Сильвио Микели «Коварный рай». В этом романе писатель показывает, каковы те «блага», которые несут итальянскому народу, разоренному войной и оккупацией, американские захватчики. Героиня романа, дочь бедного рыбака, Нунча, стремясь выбиться из нужды, поступает в услужение к американцам, которые хозяйничают в стране, как в своей колонии. Все лучшие гостиницы и помещения в городе заняты американскими военными, наглое поведение и распутство которых вызывает гнев народа. Доведенная нищетой до отчаяния, Нунча становится любовницей американского капитана, который вскоре бросает ее, и она падает все ниже и ниже, становясь игрушкой американских солдат. Тот «рай», который рисовал ей циничный аме-

[1] «Унита», 30 июня 1950 г.

риканец, оказывается мифом, подлым обманом. Только возвращение к честному труду, в среду бедных рыбаков, которым чужды пороки американских «цивилизаторов», спасает Нунчу.

Сильвио Микели в своем романе рассказывает правду об итальянской послевоенной действительности, разоблачает «коварный рай», который создают в странах маршаллизованной Европы американские поджигатели войны, стремящиеся превратить Италию в плацдарм агрессии. И если сам автор не делает в своей книге прямых политических выводов, то факты, изложенные им, наталкивают читателя на эти выводы.

Бедствия народа, развал итальянской экономики, безработица, разгул спекуляции неразрывно связаны с хозяйничаньем американцев в стране. Книга Сильвио Микели «Коварный рай» говорит об этом с достаточной определенностью.

Той же теме послевоенной разрухи посвящена пьеса выдающегося итальянского драматурга Эдуардо Де Филиппо «Неаполь-миллионер». Эта пьеса — одно из лучших произведений послевоенной итальянской литературы, ярко показывающее ужасы войны и ее тяжелые последствия.

Пьеса Де Филиппо представляет значительный интерес как с точки зрения проблематики прогрессивной литературы, так и в плане развития творчества самого Де Филиппо.

Эдуардо Де Филиппо не только драматург, но и прекрасный режиссер и актер. Его пьесы, написанные на неаполитанском диалекте, в традициях народной итальянской комедии, имели большой успех у массового зрителя. Однако их содержание почти всегда было бытовым, камерным. Возвращение в Неаполь по окончании войны, скорбное зрелище родного города, разрушенного американской авиацией, обнищание населения, разоренного войной и содержанием американских оккупационных войск, побудили Де Филиппо к созданию комедии нового рода. Содержанием его пьесы стал общественно-актуальный жизненный материал.

Сюжет комедии «Неаполь-миллионер» развертывается на широком историческом фоне: в первом акте показан Неаполь еще при фашизме, а заканчивается действие уже после прихода в город войск «союзников». Неаполитанский рабочий Дженнаро, который всеми силами старается прокормить свою семью честным трудом, схвачен гитлеровцами во время уличной облавы и увезен при отступлении на север. Когда после разгрома гитлеровской Германии Дженнаро возвращается в Неаполь, оккупированный англо-американцами, он видит, что в «освобожденном» городе царят разруха, голод, спекуляция. Семье самого Дженнаро «освобождение» не принесло счастья. Любимая дочь

Дженнаро Мария-Розетта продается американскому солдату в надежде, что тот женится на ней и вырвет ее из этой темной и страшной жизни, чего, разумеется, не происходит. Однако старый Дженнаро не падает духом. Этот робкий, нерешительный человек сохранил в неприкосновенности высокие человеческие качества и прежде всего — веру в будущее. Он верит, что настанут иные времена для его родного города, этого «Неаполя-миллионера», который голодает потому, что англо-американские оккупационные власти пустили в обращение на миллионы лир инфляционных банкнот и наживаются на спекуляциях. То, что случилось с его городом, с его страной, Дженнаро сравнивает с тяжелой болезнью своей младшей дочери Ритуччи: пройдет ночь с тяжким бредом, послевоенная разруха будет преодолена, болезнь сменится здоровьем. Но он не знает, каким путем это произойдет. Не дает на это ответа и сам автор. Его Дженнаро не готов к борьбе, у него лишь один символ веры — «не делать зла». Это убеждение он принес из гитлеровского концентрационного лагеря, своими глазами увидев фашистские зверства.

«С прошлой войны я пришел неврастеником,— говорит он своей жене.— А теперь — нет, я вернулся другим... Это не просто война, Ама, это другое, чего нельзя не понять. Мне пятьдесят два года, но только теперь я чувствую себя настоящим человеком. С этой войны приходишь хорошим... Нельзя делать зла, Ама!» [1].

Кроме этого, Дженнаро ничего не может сказать. Это значит, что автор не увидел в своем родном городе других героев — тех неаполитанцев, которые, сражаясь на баррикадах в дни славного восстания осенью 1943 г., освободили Неаполь от гитлеровцев без всякой поддержки англо-американцев. Де Филиппо пока не сумел вывести в своих пьесах и тех неаполитанцев, которые сегодня бастуют в гавани, отказываясь разгружать корабли с американским вооружением. Его герой пассивен, его философия — некая вариация непротивления злу. И все-таки в пьесе «Неаполь-миллионер» налицо существенно важная тенденция: изображение реальных послевоенных противоречий, глубокое уважение к моральной стойкости простых людей и твердая вера в жизненные силы народа.

По сюжету пьесы «Неаполь-миллионер» был создан фильм, который пользовался в Италии большим успехом. Разоблачительная сила картины испугала реакционеров, и сенатор-католик Колосанто обратился в парламенте к де Гаспери с требованием, чтобы из фильма было вырезано несколько сцен, которые якобы

[1] De Filippo, E. Napoli milionaria! 1950, p. 62.

являются «диффамацией благородного города Неаполя». Но сцены народной нищеты позорят только правителей современной Италии, которые довели страну до разорения.

В конце 1950 г. прогрессивная итальянская печать провела широкую кампанию в защиту населения юга Италии и в особенности Неаполя, где положение ни на иоту не улучшилось по прошествии пяти послевоенных лет. Неаполитанцы попрежнему живут в лачугах и пещерах, попрежнему не имеют работы. Де Филиппо принял активное участие в этой кампании. Он заявил на страницах журнала «Вие нуове»: «Наш народ не хочет жить в трущобах, он любит солнце, свежий воздух, море. У него столько способностей к честному, талантливому труду! Он не заслуживает пренебрежительного отношения со стороны тех, кто обязан помочь ему выбраться из нищеты и бедствий, в которые он попал не по своей вине» [1]. Де Филиппо заявляет, что народу нужно правительство, которое улучшит условия жизни неаполитанского населения; только такое правительство получит поддержку и одобрение страны.

Написанная в конце 1950 г. пьеса Де Филиппо «Страх № 1» посвящена разоблачению поджигателей войны. Писатель показал в этой комедии пагубное действие военной пропаганды, отравляющей сознание простого человека, систематически запугивающей его уверениями в неизбежности надвигающейся катастрофы. Герой пьесы Маттео терроризован мыслью о том, что война должна вот-вот разразиться. Когда его пробуют уверить в противном, он хватает газеты, которые в статьях под огромными сенсационными заголовками твердят о войне, он включает радио, которое кричит только об атомной бомбе и «летающих тарелках», о перебрасываемых дивизиях и совещаниях начальников штабов.

Это паническое состояние старого Маттео приводит к различным трагикомическим происшествиям, но они не затемняют общей направленности пьесы, протестующей против нового бессмысленного кровопролития. Символичен в пьесе образ старой матери, потерявшей на войне мужа и трепещущей за судьбу единственного сына. «Скорбный голос матери дойдет до многих сердец,— писала в рецензии на пьесу газета «Унита».— Писатель все теснее связывает себя с простыми, искренними чувствами народа. Его пьеса глубоко актуальна» [2].

Активно участвуя в борьбе своего народа против реакционного правительства, за мирную демократическую Италию,

[1] «Вие нуове», 1950, № 47.
[2] «Унита», 12 января 1951 г.

Эдуардо Де Филиппо одним из первых в Италии подписал Стокгольмское Воззвание. При этом он заявил представителям прогрессивной печати о своей уверенности в том, что «у людей достаточно рассудка и воли к жизни, чтобы не допустить безумия — применения атомного оружия» [1].

Большой интерес представляют произведения другого прогрессивного писателя Италии — Франческо Йовине, безвременно скончавшегося в мае 1950 г. За несколько дней до смерти Йовине сдал в издательство свой последний роман «Проклятые земли» («Terre del Sacramento»). Этот роман посмертно удостоен (в августе 1950 г.) премии «Виареджо».

Основной темой творчества Йовине всегда была жизнь итальянского крестьянства юга страны, откуда он сам был родом. В своих ранних произведениях Йовине изображал крестьянский быт в несколько патриархальных, идиллических тонах. Однако период освободительной борьбы дал творчеству писателя новое содержание и иную интонацию.

В 1945 г. Йовине выпустил сборник рассказов «Империя в провинции», где с большой сатирической силой показал, как подготавливался и проводился фашистский переворот в маленьких провинциальных городах, в которых бесчинствовали банды чернорубашечников, поощряемые крупными землевладельцами. Писатель зло высмеял демагогическую болтовню фашистской пропаганды о создании «великой фашистской империи», под покровом которой «дуче» и его покровители осуществляли свое реакционное дело.

Постепенно Йовине все больше сближается с левыми политическими кругами. В 1948 г. писатель вступает в коммунистическую партию. Он становится постоянным сотрудником журнала «Вие нуове», газеты «Унита», публикуя там свои рассказы и критические статьи.

Роман «Проклятые земли», над которым писатель работал в последние годы своей жизни, явился новым этапом в творчестве Йовине. Он вернулся в этом романе к своей излюбленной теме — изображению провинциальной и крестьянской жизни, но углубил трактовку этой темы в свете приобретенного им опыта борьбы.

Широко известным произведением итальянской прогрессивной литературы является книга писателя Карло Леви «Христос остановился в Эболи». Леви, который при фашизме был выслан в Абруццы, описывает беспросветную нужду и невежество крестьян в горных деревушках, куда, согласно народной пого-

[1] «Унита», 7 июня 1950 г.

ворке, Христос никогда и не показывался. Однако Леви совершенно не освещает борьбы народа против своих угнетателей.

Заслуга Йовине — в том, что он не только выступил с разоблачением эксплуатации безземельных крестьян помещиками и церковью, но показал крестьянское движение и поставил его в центр романа, как главный фактор, определяющий жизнь итальянской деревни. В этом умении увидеть новое — серьезный вклад Йовине в итальянскую реалистическую литературу.

Йовине рассказывает в своем романе о 1919—1920 гг., когда итальянская реакционная буржуазия в союзе с феодалами подготавливала фашистский переворот в стране. На первом плане в романе — борьба за землю в маленькой деревушке южной Италии, где в течение многих лет идет тяжба за пустующие земли между помещиками и духовенством. Землевладельцы убеждают крестьян обработать заброшенные пустоши «проклятых земель», обещая сдать их за это крестьянам в пожизненную аренду. Посредником между землевладельцами и крестьянами является молодой семинарист Лука Марано, который отказался от карьеры священника и стремится всеми силами помочь беднякам своей деревни. Однако помещики обманывают крестьян, они вовсе не собирались отдавать им землю, и сам Лука убеждается в этом слишком поздно, когда крестьяне, жаждущие земли, уже потрудились на ней много дней и ночей и обработали огромные пустоши.

Тогда крестьяне во главе с Лукой восстают. Их ответ — занятие земель. Но хозяева оказываются сильнее: они призывают на помощь фашистские отряды, которые расстреливают трудящихся на земле, политой их по́том. Одним из первых гибнет Лука Марано. Однако заключение романа не пессимистично. Борьба Луки и его товарищей окончательно рассеивает те суеверия, которые создавались церковью относительно «проклятых земель». Угнетенные, осознавшие теперь путь борьбы, стоят отныне лицом к лицу со своими врагами, относительно которых они больше не имеют иллюзий. В эпилоге крестьянки говорят: «Вернемся на проклятые земли, кровь замутила святую воду».

В своей книге Йовине ставит важнейшую проблему земельной реформы, которая до сих пор не разрешена в Италии. Борьба за землю нарастает в итальянской деревне с каждым днем. В тот самый день, когда умер Йовине, газеты принесли сообщение о том, что фашисты наших дней совершили очередную кровавую расправу над крестьянами маленькой деревушки в Абруццах, занявшими пустующие помещичьи земли.

Таким образом, своим романом из жизни 20-х годов Йовине помогает той борьбе за землю, которая продолжается в

Италии и в наши дни. И закономерно то, что прогрессивный писатель поставил в центр своей книги человека из народа, который отдает народу все свои знания, всю свою энергию и ведет его на восстание. В предшествующих романах Йовине также фигурировали представители интеллигенции, которые, однако, не находили применения своим силам, томились в затхлой атмосфере провинциальной жизни или тщетно пытались найти для себя выход в бегстве в большой город. Лука Марано находит себе место среди крестьян, среди народа, в единстве с которым он обретает уверенность и подлинную цель в жизни.

Несомненно, что такая творческая удача, какой является роман «Проклятые земли», обусловлена активным участием коммуниста Йовине в борьбе итальянского народа за мир и демократию.

3

В прогрессивной итальянской литературе все чаще возникают и все глубже раскрываются образы положительных героев — простых людей Италии, которые с каждым днем становятся все более могучей силой.

В 1950 г. журнал «Вие нуове» опубликовал новеллу молодого писателя Франко Солинас «Он был с нами», посвященную той же теме борьбы итальянского крестьянства за землю, но уже в наши дни. Этот небольшой рассказ показывает, как выросла солидарность и сознательность народных масс, как тщетны попытки реакционеров расколоть единый фронт трудящихся Италии, борющихся за свои права, за свой хлеб.

Нужда выгнала из родной деревни крестьянского юношу Тонино, которому пришлось поступить на службу в полицию. Он приезжает на побывку домой в ту самую ночь, когда все односельчане пошли занимать помещичьи земли, запахивать пустоши, принадлежащие богачу-князю. Тонино идет работать на поле вместе со всеми. «Ему хотелось, чтобы все соседи подошли посмотреть, как он вскапывает темную землю; пусть они убедятся, что он, сын старой Марты, снова с ними, такой же, как и все». Прибывший отряд полиции расстреливает крестьян, которые грудью защищают обработанную ими землю. Тонино, стоявший в первых рядах, убит. Прибежавшая старуха-мать, видя тело сына, задыхаясь, спрашивает только одно: «Он был с теми?» — «Нет, он был с нами, он убит, Марта»,— отвечают ей [1].

Нужно отметить, что новелла и очерк особенно привлека-

[1] Рассказ опубликован в журнале «Советская женщина», 1951, № 1

ют сейчас прогрессивных писателей Италии, как живая и гибкая литературная форма, в которой они откликаются на самые острые и актуальные проблемы действительности. Рассказы, репортажи, очерки Сильвио Микели, Амедео Уголини, Итало Кальвино и других писателей, появляющиеся на страницах прогрессивных газет и журналов, рисуют правдивые картины народной жизни, говорят о насущных нуждах трудящихся, отражают растущее возмущение политикой голода и войны, проводящейся под нажимом американских империалистов.

Среди наиболее интересных произведений этого жанра надо назвать прекрасную новеллу писателя Марчелло Вентури «Оружие — в море», которая посвящена теме борьбы против поджигателей войны [1].

Вентури рассказывает о событиях в небольшом портовом городке, куда прибывают корабли с американским оружием. Докеры отказываются итти на разгрузку корабля. Тогда итальянский приказчик — прихвостень американских хозяев — предлагает демобилизованному безработному юноше Бастиано большие деньги, чтобы тот уговорил других безработных на штрейкбрехерство. Бастиано с товарищами идут в порт под охраной полиции, сквозь молчаливый строй докеров, которые смотрят на них с презрением, как на предателей. Но безработные поднимаются на борт корабля лишь для того, чтобы сбросить в воду ящики с оружием. «Раздался громкий всплеск... другой, третий. Грузчики, расшвыряв полицию, кинулись на пристань, чтобы помочь опустошить трюмы... На площади остались только женщины, которые радостными криками встречали каждый новый ящик, летящий в море».

Молодежь Италии не предает своей страны, которую воротилы Уолл-стрита снова хотят ввергнуть в кровопролитную войну. Такова идея рассказа, отражающего подлинную правду жизни, борьбу народа, который не позволяет превратить свою родину в плацдарм американской агрессии. Недаром одно из действующих лиц рассказа, демобилизованный рабочий, видя пришедшие американские корабли, говорит: «Правительство снова хочет нарядить нас в военную форму. Не выйдет! Баста!»

В конце 1950 г. орган Всеобщей Итальянской Конфедерации Труда журнал «Лаворо» объявил конкурс на лучший рассказ, посвященный борьбе рабочих. Рассказ писателя Гаэтано Пароди «Первая плавка» [2], получивший первую пре-

[1] Рассказ опубликован в журнале «Звезда», 1951, № 6.
[2] Рассказ опубликован в журнале «Огонек», 1951, № 18.

мию, представляет значительный интерес. Эта новелла — наглядное доказательство того, что, обращаясь к изображению жизни и борьбы трудящихся, писатель передового мировоззрения находит в повседневной жизни черты нового, обретает подлинного положительного героя — простого человека, стоящего на страже мира и демократии, человека, воплощающего будущее своей страны.

Рассказ Пароди рисует мужественную борьбу рабочего класса Италии против предательской политики промышленников, свертывающих итальянскую индустрию по указке американских империалистов и правительства де Гаспери. Уже много месяцев проходят в Италии своеобразные «забастовки наоборот», когда рабочие занимают предприятия, предназначенные к закрытию, и, вопреки приказам хозяев, продолжают работу, сами организуя производственный процесс. Эта патриотическая борьба итальянских трудящихся не дает возможности перевести завод на военное производство или вовсе закрыть его, к чему стремятся американские монополии.

Журнал «Вие нуове» сообщал в конце 1950 г., что в одной только провинции Лигурия (район Генуи и Специи) борьбу за спасение национальной промышленности вело более 30 тысяч рабочих, в частности на заводах Ансальдо и Ильва в Генуе. «То, что сделано на металлургическом заводе Ильва в Больцането (предместье Генуи),— пишет журнал,— войдет в историю итальянского рабочего движения. Инициатива и организованность рабочих совершили чудеса. Работают все мартеновские печи и построена новая. Производство идет полным ходом, причем стоимость продукции снижена на 20% по сравнению с тем, что было при хозяевах» [1].

Этому-то эпизоду борьбы рабочих Ильвы и посвящена новелла Пароди. Писатель рассказывает, как старый сталевар Менарино, давно выгнанный хозяевами с завода, где он 40 лет проработал у печей, идет на Ильву, рабочие которой выпускают первую плавку с печи, построенной без хозяев. Вместе со всей сменой он с глубоким волнением готовит плавку, забыв о времени, о больных ногах... И когда раскаленный поток стали льется в изложницы, старый Менарино взволнованно говорит: ««Мы сделали это, товарищи! Сами сделали — без дирекции и без начальства. Они хотели, чтоб наш завод был мертв. А вместо этого — смотри!» — И он широким жестом указал на цех, залитый радостным, сияющим светом — светом плавки».

---

[1] «Вие нуове», 26 ноября 1950 г.

Но и после этого старик не уходит из цеха, он остается помочь молодым подготовить вторую плавку. Менарино и его товарищи знают, что их место у мартена — боевой пост. Недаром на воротах завода висит плакат: «Завод Ильва никогда не будет делать оружие для войны». И, прочитав плакат, Менарино говорит: «Мы построили этот завод. Мы пустили в ход машины. Если мы согласимся делать оружие — да это все равно, что позволить своему собственному сыну убить тебя!»

Так борьба итальянских рабочих против закрытия предприятий раскрывается в новелле Пароди, как патриотическая борьба за мир, за национальный суверенитет своей страны, как борьба против безработицы, против политики подготовки новой войны. Заслугой писателя является его умение увидеть типическое и в то же время новое в итальянской действительности.

В 1949 г. на страницах журнала «Вие нуове» проходила дискуссия о связи искусства с обществом, о принципах реализма. Известный писатель Либеро Биджаретти выступил в дискуссии со статьей, в которой прямо признавал, что чувствует отставание своего творчества от собственных политических убеждений, от общественной деятельности, от жизни. Биджаретти писал, что обсуждение было для него очень полезным, ибо он многое уяснил и ему придется кое-что серьезно пересмотреть в свете стоящих перед ним, как перед писателем, задач. Недавно вышел новый роман Биджаретти «Карлоне. Жизнь одного итальянца», свидетельствующий о творческом росте писателя.

Герой этого романа, Карло Берточчи — типичный представитель итальянского народа, простой рабочий. Жизненный опыт, логика исторических событий приводят его в ряды Сопротивления, в ряды коммунистической партии. Из анархиста, каких было много в итальянском рабочем движении начала XX в., Карлоне на склоне лет становится коммунистом, партизаном. Он сохраняет в любом трудном положении жизнерадостность, спокойствие, здравый смысл, столь свойственный народу. «Сколько людей охотилось за моей головой,— шутит партизан Карлоне,— швейцарские полицейские, карабинеры, римская квестура, чернорубашечники, гитлеровцы... И вправду, крепкая же у меня башка» [1].

Этот итальянский рабочий — подлинный, реальный положительный герой действительности, который по праву входит в прогрессивную литературу Италии.

В своей рецензии на роман Биджаретти критик Пелликани писал: «Карлоне отнюдь не совершенен, в нем много недостатков.

[1] Bigiaretti L. Carlone. Vita di un italiano. Milano, 1950, p. 140.

Но именно поэтому он — настоящий человек, и его жизнь отражает подлинную жизнь, 50-летнюю историю человека из народа. Таких людей, как Карлоне, мы встречали в тюрьмах, в ссылке, в партизанских отрядах. Сегодня Карлоне распространяет наши газеты в своем провинциальном городке, работает в своей маленькой ячейке, в которую вступил в 70 лет, достойно завершив свою простую и героическую жизнь, полную веры в будущее» [1].

Творческая удача Биджаретти — результат обращения писателя к социальной теме, к изображению простого человека, судьба которого неразрывно связана с судьбами его родной страны.

Профессор Ломбардо Радиче писал в своем отзыве на книгу Биджаретти: «Перед нами еще один хороший современный роман, героем которого является человек из народа. Карлоне становится в один ряд с близкими и дорогими нам героями: крестьянкой Аньезе, умирающей за свободу, Лукой Марано, защитником бедняков-крестьян, кузнецом Мачисте из романа Васко Пратолини «История бедных влюбленных» и другими живыми персонажами последних произведений наших прозаиков... Эти герои нашей прогрессивной литературы показывают, как важен в настоящее время интерес писателей к протагонистам современной истории — к трудящимся» [2].

В последние годы итальянская прогрессивная интеллигенция стремится теснее связать себя с народом, лучше узнать его нужды, его борьбу, его культурные запросы. Передовые деятели литературы и искусства Италии неоднократно принимали участие в массовых культурных олимпиадах, в художественных и литературных конкурсах, проводимых демократическими организациями. Лучшие писатели Италии входили в жюри конкурса на поэтическую премию газеты «Унита», в котором участвовало более 2000 человек. Писатели Квазимодо и Алерамо, художник Гуттузо, профессор-литературовед Луиджи Руссо и другие крупные деятели культуры приняли участие в культурных олимпиадах в Генуе и Турине зимой 1950/51 г. Во время этих олимпиад были прочитаны доклады и лекции о литературе, театре, музыке, проведены дискуссии о роли и значении поэзии, обсуждены кинофильмы. Писатели и художники посещали предприятия, занятые рабочими, ездили на Сицилию, в деревни Романьи, где происходили забастовки батраков. В результате этого укрепления дружеских связей интеллигенции с

---

[1] «Вие нуове», 1951, № 7.
[2] «Унита», 10 марта 1951 г.

народом возникают все новые реалистические произведения литературы и искусства. Писательница Сибилла Алерамо рассказывает, что после чтения стихов в рабочей аудитории она чувствовала необходимость писать новые стихи, подсказанные встречами с трудящимися,— «стихи, в которых я хочу выразить свою веру в будущее» [1].

Огромен интерес итальянского народа к Стране Советов, к советской литературе. Достаточно указать, что вышедшая в 1950 г. в Италии «Книга для родителей» Макаренко была распродана буквально за несколько дней. Прогрессивные издательства Италии, несмотря на трудности, которые чинят правительственные органы, публикуют лучшие произведения советских писателей. Издаются классики русской литературы, вышел сборник «Русская демократическая мысль XIX века», в который вошли избранные статьи Белинского, Герцена, Добролюбова, Чернышевского. Издательство «Социальная культура» выпускает сейчас серию избранных произведений советских авторов, куда входят книги Симонова, Казакевича, Ванды Василевской, Пановой, Полевого, Гулиа, Катаева. Из книг советских писателей итальянский народ узнает правду о Советской стране, о ее мирном строительстве. «Романы Пановой показывают нам созидательный труд советских людей, учат нас работать и бороться, чтобы открыть нашему народу тот великий путь, который в СССР открыт для всех граждан» [2],— писал журнал «Вие нуове» в рецензии на «Ясный берег» Пановой.

6

Коммунистическая партия Италии, стоящая в первых рядах борьбы за мир и демократию, неустанно укрепляющая единый фронт сторонников мира, уделяет большое внимание вопросам литературы и искусства. Печатные органы коммунистической партии — газета «Унита», журналы «Вие нуове», «Ринашита», «Сочиета» («Общество») отстаивают реалистическое искусство, освещающее актуальные вопросы общественной жизни Италии. В 1949 г. на страницах газеты «Унита» прошла широкая дискуссия о реализме. Передовые писатели призывали учиться у советской литературы, овладевать методом социалистического реализма. «Советская литература тесно связана с исторической реальностью, с действием,— писала газета «Унита» в рецензии на «Бурю» Эренбурга.— В произведениях Шолохова,

[1] «Унита», 22 марта 1951 г.
[2] «Вие нуове», 1950, № 49.

Фадеева, Симонова, так же, как и в «Буре», советские граждане изображены живо и правдиво. Гарантия реалистичности этих книг — в той органической связи, которая существует в СССР между писателем и народом... Правдивое, неприкрашенное изображение жизни является лучшей пропагандой, и в настоящее время реалистический роман может быть только прогрессивным» [1].

В 1950 г. журнал «Вие нуове» провел интересную дискуссию «Что может дать искусство для жизни людей?» Писатели и художники, участвовавшие в обсуждении, указывали на необходимость создания таких произведений, которые правдиво изображают итальянскую действительность и призывают к протесту против нее. «Наша новая литература и живопись защищают моральные и интеллектуальные ценности, человеческое достоинство, экономические и политические требования трудящихся»,— писал журнал в редакционной статье [2].

Пропагандируя передовую литературу, коммунистическая печать неуклонно борется против упадочного декадентского искусства, против развращающего влияния американской гангстерской литературы и кино. Она опирается при этом на лучшие традиции литературы прошлого: на гуманистические традиции итальянского Возрождения, на свободолюбивые традиции итальянского национально-освободительного движения XIX в.— Рисорджименто. Она неустанно напоминает народу об этом великом духовном достоянии нации, всеми силами пропагандирует в массах лучшие произведения многовековой итальянской культуры. «Вие нуове» из номера в номер знакомит своих читателей с великими мастерами искусства Италии, регулярно помещает на своих страницах репродукции шедевров художников Возрождения. «Унита» систематически публикует статьи о революционных писателях славной эпохи борьбы за национальное освобождение и воссоединение Италии. В то время как современная буржуазная декадентская культура Италии полностью оторвалась от славных традиций национального искусства и открыто обнаруживает свою враждебность им, коммунистическая партия является подлинной наследницей этих традиций, используя их в своей борьбе за построение нового общества на подлинно гуманистических основах.

В рядах коммунистической партии Италии находятся многие видные писатели, художники, профессора, литературоведы. Вклад этих мастеров культуры в дело защиты мира и демократии очень значителен.

[1] «Унита», 6 сентября 1949 г.
[2] «Вие нуове», 1950, № 42.

В феврале 1951 г. журнал «Вие нуове» опубликовал высказывания прогрессивных деятелей литературы о том, какое значение для их творчества имела партия, коммунистическое мировоззрение.

Писатель Карло Бернари, лауреат премии «Виареджо» за 1950 г., сказал: «Партия сблизила меня с рабочим классом. Мы, интеллигенты и рабочие, стали звеньями одной цепи» [1].

Художник Доменико Пурификато заявил: «Я хочу подчеркнуть, какой школой морали и честности является наша партия. Я — коммунист потому, что наша партия вдохновляет и пропагандирует идею мира между народами» [2].

«Мой приход к партии — возвращение блудного сына,— писал романист Биджаретти.— Я вырос в рабочей среде, но, получив образование и приобщившись к культуре, я отошел от социализма. Я искал творческих путей и терял самого себя. Только исторические события открыли мне глаза. В партии я вновь обрел семью — рабочий класс. Теперь и моя литературная работа обрела смысл, размах, надежду, являющуюся одновременно и надеждой многих миллионов людей, с которыми я неразрывно связан» [3].

«Мне кажется, что сейчас только у нас, прогрессивных писателей, действительно есть что сказать,— пишет Рената Вигано.— Реакционеры, ретрограды уже все высказали; я уверена, что они чувствуют себя опустошенными.

Жить в мире, изучать людей, ощущать себя частицей народа, одной из миллиона человеческих существ и говорить те слова, которые нужны всем,— вот что дал коммунизм моему искусству. И еще одно — ощущать себя не одинокой, а всегда в рядах других людей, всегда на подъеме» [4].

Молодой писатель Итало Кальвино в статье «Идеологическое единство политики и искусства» пишет: «Когда я вступил в партию, я еще не был писателем и, вероятно, никогда не писал бы, если б не стал коммунистом. Только придя в партию, я по-настоящему увидел людей, начал понимать их жизнь, понимать реальную действительность. Раньше мне все казалось случайным, а при таком взгляде на жизнь писателем стать нельзя. Партия позволила мне твердо стать на ноги в мире, ориентироваться в эпохе. В наше время оторваться от партии — значит потерять интерес к жизни, утратить сознательность. Я вступил в партию не как писатель, а как человек. И я

[1] «Вие нуове», 1951, № 3.
[2] «Вие нуове», 1951, № 5.
[3] «Вие нуове», 1951, № 6.
[4] Там же.

стремлюсь выразить в литературе все то, чему учусь в партии как человек. Добиться идеологического единства художественного творчества и политического мировоззрения — задача всех членов партии, которые работают в области науки и культуры» [1].

Эти высказывания очень выразительно характеризуют ту исключительно важную роль, которую играет в развитии прогрессивной литературы и искусства коммунистическая партия Италии, находящаяся в авангарде всенародной борьбы за мир.

Лучшие силы итальянской интеллигенции находятся сейчас в лагере борьбы за мир и демократию. Этой цели служат произведения передовых итальянских писателей, посвященные социальным проблемам сегодняшней Италии, ибо борьба за мир неразрывно связана с борьбой против реакции, за прогрессивные социальные преобразования.

Протестуя против запрещения правительством выставки «Искусство против варварства», художник Гуттузо, лауреат Международной премии мира, писал: «Борьба против культуры и искусства уже ведется с поднятым забралом, без маски. Отбросив стыд, наши враги выдают свои тайные мысли: „Мы, премьер-министр, мы, министр внутренних дел, считаем художников нашими врагами, ибо они — противники войны". Но такой системой они лишь усиливают нашу борьбу. Их угрозы, их клевета не могут запугать итальянских художников. Мы сильны, ибо мы представляем живопись и скульптуру Италии наших дней. Их угрозы, их доносы, лай их журналистов характеризуют только их самих, как слуг иностранцев, врагов свободы и культуры, организаторов войны, противоречащей интересам нашей родины и выгодной их хозяевам. А нас такими методами не сломишь. Вместе с нами идут все деятели культуры, с нами — итальянский народ, итальянские трудящиеся» [2].

Действительно, прогрессивная интеллигенция Италии принимает все более активное участие в общественной жизни страны, глубоко сознавая нераздельную связь судьбы итальянской культуры с судьбами всего народа.

Так, в феврале 1952 г. в Неаполе по инициативе видных деятелей культуры состоялся конгресс интеллигенции Юга для обсуждения острой проблемы упадка культуры в этих отсталых областях страны. Конгресс, в котором приняли участие представители очень широких кругов интеллигенции, в том числе такие

---

[1] «Вие нуове», 1951, № 8.
[2] «Вие нуове», 1951, № 13.

видные писатели, как Васко Пратолини, Либеро де Либеро, Сибилла Алерамо, Карло Бернари, Доменико Реа и многие другие, единодушно констатировал, что культурная отсталость Юга обусловлена невероятно тяжелыми экономическими и социальными условиями жизни населения. Выступавшие с фактами в руках доказали, что политика вооружения и подготовки войны особенно губительно сказалась на жизненном и культурном уровне трудящихся Юга. Борьба за политику мира есть в то же время борьба за итальянскую школу и итальянскую культуру, говорится в манифесте конгресса. Манифест призывает интеллигенцию занять передовое место в этой общенациональной битве, от которой зависит будущее народа.

Писатели Репачи и Жайер, профессор Руссо и другие видные деятели культуры приняли активное участие в состоявшемся в начале марта 1952 г. в Ливорно конгрессе протеста против американской оккупации. Выступивший на конгрессе писатель Паоло Жайер подчеркнул, что милитаризация страны, уступка иностранным оккупантам итальянских городов в качестве военных баз таит в себе серьезнейшую опасность для самого существования итальянской культуры.

С огромным негодованием встретили деятели культуры Италии сообщения о преступной бактериологической войне в Корее. В редакции демократических газет поступают гневные письма протеста от писателей, художников, деятелей науки, клеймящих позором чудовищные преступления американских империалистов.

Все эти факты свидетельствуют о том, что подлинная живая культура Италии присоединяет свои силы к великому движению нашей современности — движению за мир.

Нарастание борьбы трудящихся Италии против реакционной политики поджигателей войны показывает, как сказал Пальмиро Тольятти, что «сегодня миллионы итальянцев чувствуют необходимость бороться за мир» [1].

В эту борьбу всех прогрессивных сил народа против угрозы новой войны передовая литература Италии вносит свой ценный вклад.

---

[1] Речь Пальмиро Тольятти в Болонье на общеитальянском празднике в честь газеты «Унита».— «Правда», 25 сентября 1951 г.

А. А. Елистратова

ПРОГРЕССИВНАЯ ЛИТЕРАТУРА АНГЛИИ

1

Предательская политика реакционного блока консерваторов и лейбористов поставила Англию перед лицом национальной катастрофы. Впервые за всю свою историю Англия утратила независимость и оказалась низведенной до положения сателлита США. В соответствии с агрессивными планами американо-английских монополистов британская экономика спешно «перестраивается» на военный лад, что влечет за собой все новые тяготы и лишения для трудящихся масс страны. Голод, безработица и подготовка к новой войне — вот что принесли британскому народу пресловутая американская «помощь» по плану Маршалла и присоединение Великобритании к Северо-Атлантическому пакту. Американские военные оккупанты располагаются на английской территории, как у себя дома, превращают в военные базы английские поселки и города. Еще не успев залечить ран, нанесенных второй мировой войной, британский народ оказался вовлеченным в преступную империалистическую войну в Малайе и в Корее, в вооруженную агрессию в Египте. Под флагом защиты так называемой «западной свободы» лейбористское правительство, в полном согласии с консерваторами, вступило в открытый союз с американским империализмом, направленный против СССР, освобожденного Китая, стран народной демократии и колониальных народов, ведущих борьбу за свою свободу и независимость. У себя в стране, прикрываясь демагогическими фразами о «демократическом социализме», лейбористское правительство с холопским усердием охраняло интересы крупного капитала и вело ожесточенное наступление на права трудящихся, всемерно стараясь расколоть и деморализовать рабочее движение.

Поражение лейбористов на парламентских выборах 1951 г.— свидетельство разочарования избирателей в широковещательных лозунгах обанкротившихся лейбористских лидеров. Но приход к власти консерваторов лишь ускоряет вовлечение Англии в гибельный военный пожар. Многочисленные факты свидетель-

ствуют о растущем возмущении простых людей Англии преступной политикой американо-английских поджигателей войны. Крупные успехи забастовочного движения, учащающиеся выступления низовых лейбористских организаций против партийной верхушки красноречиво говорят о том, что народ не желает итти в кабалу к американо-английским империалистам, развязывающим новую мировую войну.

«Война в Корее никогда не была популярна в нашей стране, а сейчас люди начинают всерьез задумываться над нею. Угроза Китаю со стороны США встречает всеобщее неодобрение» [1],— писал в июне 1951 г., в бытность в Москве, Хьюлет Джонсон, один из выдающихся деятелей борьбы за мир в Англии, лауреат международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами».

Прогрессивные круги Англии с глубоким удовлетворением встретили известие о присуждении международной Сталинской премии мира за 1951 г. английской общественной деятельнице Монике Фелтон, бесстрашно распространяющей у себя на родине правду о Корее.

Передовая писательская общественность Англии приняла горячее участие в борьбе против преступной империалистической агрессии в Корее. «Поджог рейхстага американцами на Дальнем Востоке»,— так охарактеризовал политику американских поджигателей войны в Корее известный публицист Айвор Монтегю в статье, опубликованной в «Дейли уоркер» («Daily Worker») 29 июня 1950 г. Журнал «Лейбор мансли» («Labour Monthly») издал отдельной книгой сборник печатавшихся в нем материалов о Корее. Наряду со статьями Притта, Палм Датта и некоторых левых лейбористских деятелей, в сборник вошло стихотворение Джеймса Олдриджа «Рыцарю холодной войны», обличающее империалистических агрессоров.

О дружбе, связывающей лучших сынов английского народа с патриотами Кореи, пишет в стихотворении «Корейскому другу» Джек Линдсей:

Навис над Англией моей
Предательства туман...
. . . . . .
Покрыты мрачной пеленой
Холмы моей страны,
Но знай, товарищ дальний мой,
Что мы тебе верны.

[1] «Литературная газета», 28 июня 1951 г.

Пусть голос мой к тебе дойдет
Сквозь непогоды вой.
Нет, не обманут мой народ:
Всем сердцем он с тобой.
Дай руку! В грозный час войны
Хочу ее пожать.
О, как мне смыть с моей страны
Позорную печать! [1]

(Перевод Вл. Рубина)

В гневном публицистическом памфлете — «Письме президенту „X"» — английский писатель Айвор Монтегю клеймит преступления американских агрессоров, пустивших в ход гнусное оружие бактериологической войны. От лица «китайских матерей, склоняющихся над постелью умирающих детей, которые бегали и смеялись всего за несколько часов до того, как странные насекомые были сброшены на них с неба», от лица выжженной напалмом Кореи, от лица всего передового человечества автор выносит грозный приговор военным преступникам Уолл-стрита и Пентагона, предупреждая их о грядущем возмездии. «Я не запуган, как не запуганы и сотни миллионов подобных мне людей. Если дело дойдет до столкновения, то исход его не подлежит никакому сомнению. Тот, кто пытается проглотить весь мир, лопнет...» [2].

Осенью 1950 г. передовая общественность Англии с воодушевлением готовилась ко Второму Всемирному Конгрессу сторонников мира, который должен был состояться в Шеффилде — крупном центре британской металлургии, славном своими традициями рабочего движения. Позорное поведение правительства Эттли, сорвавшего, по указке Вашингтона, конгресс в Шеффилде, вызвало негодование всех честных людей Англии. Несмотря на угрозы репрессий и наглую клевету реакционной печати, значительное число английских делегатов и гостей приняло участие в работе Второго Всемирного Конгресса сторонников мира в Варшаве, послужившего новым могучим толчком для развития борьбы за мир.

Движение сторонников мира в Англии сталкивается с немалыми препятствиями. Многолетняя подрывная раскольническая политика лейбористских лидеров, усердно насаждавших капиталистическую идеологию в рабочем движении, принесла свои пагубные результаты. Тревога простых людей Англии за

[1] «Огонек», 1950, № 50, стр. 11.
[2] «Дейли уоркер», 23 апреля 1952 г.

судьбы своей страны лишь постепенно и относительно медленно проявляется в организованных действиях.

«Говоря образно, мы наблюдаем сейчас в Англии только первые ручейки того движения за мир, которое в недалеком будущем, несомненно, превратится в мощный поток»,— писал весной 1951 г. Хьюлет Джонсон.— «Силы реакции велики, но мы знаем, что поток сметет их со своего пути» [1].

Выражая нужды и чаяния огромного большинства британского народа, новая программа коммунистической партии Великобритании, принятая в январе 1951 г., намечает единственно возможный реальный выход из того тупика, в который завела страну пагубная политика реакции. Широчайшие массы населения, без различия религиозных и политических взглядов, должны совместными усилиями бороться за прочный мир, за национальную независимость британского народа и всех народов Британской империи. Необходимо, чтобы все трудящиеся объединились в широкую народную коалицию. Только демократическое народное правительство сможет покончить с властью крупного капитала и создать сильную, свободную и независимую Британию, ведущую не политику войны, а политику мира.

Опубликование программы «Путь Британии к социализму» — событие большого исторического значения. Панике, царящей в лагере поджигателей войны, она противопоставляет твердую, обоснованную самой жизнью уверенность в том, что народные массы Великобритании представляют собой «огромную политическую силу, вполне способную нанести поражение нынешним эксплуататорам и правителям британского народа...» [2].

Обанкротившиеся руководители империалистического лагеря пытаются запугать и деморализовать простых людей лживыми россказнями о «неизбежности» мировой военной катастрофы, чтобы заставить их умирать ради сверхприбылей кучки капиталистов. Они объявляют «устарелым» понятие национального суверенитета, чтобы заставить народ примириться с тем, что он продан в рабство клике американо-английских монополистов.

Напоминая о славных традициях английского демократического и рабочего движения, программа коммунистической партии утверждает, в противовес подрывной империалистической пропаганде, что, только взяв в свои руки судьбу своей страны народ вправе ожидать наступления лучшего будущего, расцвета

---

[1] Хьюлет Джонсон. Факелы мира разгораются.— «Литературная газета», 27 марта 1951 г.

[2] «Большевик», 1951, № 3, стр. 56.

«свободной и счастливой, крепкой и могучей социалистической Британии в свободном объединении Содружества Наций» [1].

2

В борьбе за мир, независимость и свободу своей родины участвуют лучшие представители английской литературы. Прогрессивное литературное движение в Англии еще переживает трудности роста. Ему приходится преодолевать бешеный натиск реакции, проявляющийся не только в «идеологической» форме, но и в виде прямых полицейских и цензурных репрессий, экономического нажима, подкупа и клеветы. Прогрессивный журнал «Аур тайм» («Our Time» — «Наше время») прекратил в 1949 г. свое существование вследствие издательских затруднений. Выходивший в 1950—1951 гг. двухмесячник «Арена» («Arena») успел лишь приступить к нелегкому в условиях капиталистической Англии делу сплочения и объединения прогрессивных сил английской литературы.

«Теперь необходимо собрать всю силу искусства, науки, знаний, воображения, гуманности, любви к людям и любви к своей стране и бросить их на чашу весов истории,— писал журнал «Аур тайм» в передовой статье, посвященной итогам Вроцлавского конгресса деятелей культуры.— Мир нельзя выиграть кончиком пера, но перо является частью вооружения» [2].

Среди писателей, творчество которых активно служит борьбе британского народа за мир и вдохновляется этой борьбой, выделяются маститый драматург и прозаик Шон О'Кэйси, талантливый публицист, критик и киносценарист Айвор Монтегю (секретарь Всемирного Совета Мира), известный романист Джеймс Олдридж, поэт, критик и автор многочисленных исторических романов Джек Линдсей, один из старейших критиков-марксистов Томас Джексон, публицист Рэндол Суинглер, прозаики Джон Соммерфилд, Монтегю Слейтер и др. Среди лиц, подписавших Стокгольмское Воззвание, были романист-католик Комптон Маккензи, Дуглас Голдринг и другие писатели. За последнее время к движению сторонников мира примкнули многие литераторы, ранее стоявшие в стороне от политической деятельности.

«Как писатели, мы хотим мира и своим творчеством постараемся добиться этого. Мы обязуемся поддерживать идею международного урегулирования на основе мирных переговоров. Мы осуждаем те произведения, которые могут усугубить существую-

[1] «Большевик», 1951, № 3, стр 64.
[2] «Аур тайм», октябрь 1948 г.

щие опасности и разжечь ненависть. Мы не связаны ни с каким политическим движением, партией или религиозной организацией, но заинтересованы единственно в том, чтобы прекратить подготовку к войне» [1],— гласило заявление 12 английских писателей, опубликованное весной 1951 г. Под ним подписались известный новеллист А. Э. Коппард, Шон О'Кэйси, драматург Кристофер Фрай, поэт Лоренс Хаузмен, драматург Роджер Макдуголл, писатель Комптон Маккензи, поэт Зигфрид Сэссун, писатели Шейла Кэй-Смит, Леонард Стронг, Франк Суиннертон и другие.

Опубликование этого документа было немаловажным событием в культурной жизни Англии. По словам Джска Линдсея, «оно во многом способствовало перемене температуры нашего литературного климата» [2].

Одним из наглядных свидетельств укрепления движения сторонников мира в Англии является конференция в защиту британской культуры от угрозы американского империализма, с успехом проведенная в Лондоне весной 1951 г. по инициативе Комитета национальной культуры при исполкоме коммунистической партии Великобритании. В конференции приняли участие Линдсей, Монтегю Слейтер, Дерек Картэн и другие прогрессивные литераторы; она получила широкое отражение в специальном выпуске журнала «Арена». Конференция разработала программу борьбы против американских империалистов и их английских пособников, посягающих на культурную независимость и национальную самобытность английского народа. «В нашей борьбе за мир, независимость и развитие культуры мы создадим фронт, который уничтожит предателей и преграды, воздвигнутые богачами; мы построим общество, где освобожденные творческие силы народа будут развивать с новым блеском чудесное наследие прошлого» [3],— провозгласила конференция.

В 1951 г. в Англии было создано писательское объединение в защиту всеобщего мира. Одним из его организаторов был А. Э. Коппард, являющийся в настоящее время также вице-президентом Английского комитета защиты мира.

Писатель старшего поколения, Коппард и ранее выступал как противник империалистических войн. Всю свою остроту сохраняет и поныне его новелла «Вклад» (вошедшая в сборник

---

[1] «Английские писатели призывают к борьбе за мир».— «Правда», 26 апреля 1951 г.

[2] Jack Lindsay. British Writers for Peace.— «Массес энд Мейнстрим» апрель 1952 г., стр. 61.

[3] «Арена», 1951, № 8, стр. 22.

рассказов Коппарда «Черная собака», 1923 г.), посвященная событиям первой мировой войны. Это — резкое, обличительное противопоставление двух Англий — Англии рабочего класса, для которого война 1914—1918 гг. означала гибель его лучших сыновей, усиленную эксплуатацию и лишения, и Англии тунеядцев-собственников, превративших кровь народа в золотой дождь сверхприбылей. Лучшие из новелл Коппарда проникнуты искренним сочувствием к простым людям его страны. Он рисует горькую участь деревенской бедноты («Бедняк», «Старый Венерэбл» и др.), труд лишенных детства детей в лондонских потогонных мастерских («Гладильщик»), трагедию материнства, принесенного в жертву собственническому эгоизму («Этот Толстой!»). Вполне закономерно, что писатель, в творчестве которого не угасли лучшие демократические традиции английской литературы, примкнул к передовым борцам великого движения в защиту мира.

Писательское объединение в защиту всеобщего мира, так же как и другие аналогичные английские организации («Организация композиторов и музыкантов в защиту мира», «Наука в защиту мира», «Медицинская ассоциация за предотвращение войны»), сплачивает в борьбе за мир прогрессивную интеллигенцию без различия политических убеждений, религиозных верований и эстетических взглядов. Это объединение издает свой печатный бюллетень.

Прогрессивная общественность Англии видит в литературе могущественное оружие идейно-политической борьбы. Центральный орган Британской коммунистической партии, газета «Дейли уоркер», так же как и журналы «Лейбор мансли» и «Модерн Куортерли» («Modern Quarterly»), уделяет немало внимания литературе. Дискуссия по вопросам культуры, развернувшаяся на страницах «Дейли уоркер» осенью 1950 г., вызвала оживленные отклики читателей (в редакцию поступило более сотни читательских писем, лишь часть которых могла быть опубликована). Дискуссия показала, что судьба литературы и искусства в капиталистическом обществе и их роль в борьбе за мир, демократию и социализм являются жизненно важным, насущным вопросом, горячо волнующим простых людей Англии.

Подводя итоги дискуссии, сотрудник газеты Эмиль Бернс писал: «Борьба за спасение и использование культурного наследия составляет лишь часть наших задач в области культуры. Необходимо создать новую культуру, отражающую борьбу прогрессивного человечества на данном этапе. Необходимо понимать, что эта культура — также культура классовая, борющаяся с культурой враждебного класса. В обществе, разделенном на

классы, у культуры, как и у политики, нет „среднего пути". В Советском Союзе развивается культура общества, покончившего с капитализмом, идущего вперед, от социализма к коммунизму. Эта культура не только отражает и помогает движению вперед в СССР, она является огромным подспорьем в борьбе рабочего класса за социализм во всем мире» [1].

Ярким показателем живого интереса демократической Англии к советской литературе являются краткосрочные курсы по изучению советской литературы, организованные осенью 1951 г. в Лондоне по инициативе прогрессивной общественности,— факт, совершенно новый для английской культурной жизни. Программа курсов включала темы: «Литература и классовая борьба», «Социалистическое строительство и задачи литературы», «Новый, советский человек», «Переход к коммунизму» и завершалась темой «Почему советская литература важна для нас в Англии?» В числе изучаемых произведений были статьи В. И. Ленина по вопросам литературы и искусства и переведенные на английский язык романы «Мать» Горького, «Как закалялась сталь» Островского, «Поднятая целина» Шолохова, «Жатва» Николаевой и др. В обращении к слушателям организаторы курсов призывали создавать небольшие библиотечки советских романов на предприятиях и в жилых домах.

«Новый человек» — так озаглавил свою рецензию на вышедший в английском переводе роман Ажаева «Далеко от Москвы» Джек Линдсей. Противопоставляя расцвет советского романа упадку англо-американской буржуазной литературы за последние 30 лет, Линдсей особо останавливается на проблеме новаторства советской литературы. Глубокая новизна ее,— подчеркивает Линдсей,— не ограничивается средствами художественного выражения; она отражает совершенно новые отношения между людьми, складывающиеся в Советском Союзе, где труд стал источником счастья [2].

Опыт советской литературы, а также наследие русских классиков, в частности революционных демократов XIX в., сочинения которых за последние годы стали доступны в переводе английским читателям, помогают развитию передовой английской литературы, участвующей в борьбе за мир. Эта литература опирается на лучшие национальные традиции демократической английской культуры. В рецензии, опубликованной в «Лейбор мансли», Гарри Поллит высоко оценил вышедшую в 1950 г. книгу Т. Джексона «Старые верные друзья» («Old

[1] «Дейли уоркер», 9 ноября 1950 г.
[2] «Лейбор мансли», ноябрь 1951 г., стр. 541.

Friends to keep»), посвященную лучшим произведениям английских классиков, начиная с Бэньяна, Дефо и Свифта. На примере Свифта Поллит показывает, как в условиях современной всенародной борьбы за мир художественные обобщения великих писателей прошлого приобретают новую значительность и актуальность: «В наше время, когда столько народов освободилось от оков капитализма и империализма и буквально совершают чудеса во всех областях политической, экономической и культурной деятельности, хорошо снова припомнить это место из «Гулливера»: «Всякий, кто вместо одного колоса сумеет вырастить на своем поле два, окажет человечеству и своей родине бóльшую услугу, чем все политики вместе взятые». Когда я пишу эти строки, угроза применения атомной бомбы против корейцев весьма реальна. В таких условиях нам всем полезно снова вспомнить этот отрывок и отдать себе отчет в том, что бешеные псы империализма свирепствуют и силятся уничтожить все великие завоевания социализма именно потому, что в современном мире так много трудящихся выращивают теперь два колоса там, где раньше рос только один» [1].

Так наследие английской классической литературы творчески участвует в великой битве народов за мир.

3

Выдающуюся роль в борьбе за мир продолжает играть литературное и публицистическое наследство Бернарда Шоу. Проницательный, беспощадный сатирик еще полвека назад так убедительно и смело раскрыл перед всем миром позорнейшие «тайны» империалистической Англии, что ему и поныне не может этого простить английский буржуа. В «Домах вдовца» (1892) и «Профессии г-жи Уоррен» (1894) он со всей наглядностью показал, как лицемерные «добродетели» британских собственников произрастают на почве самой грязной и подлой эксплуатации. За это время история не раз успела подтвердить верность реалистических обобщений Шоу. В послевоенные годы британские трудящиеся с возмущением видели, как их лейбористские правители, с господином Эттли во главе, публично подвизались на политической арене в прибыльной профессии г-жи Уоррен, торгуя не только собой, но и своей страной и своим народом. Первым в английской литературе Шоу разоблачил истинных заправил империалистической политики — крупных монополистических хищников, хозяев военной индустрии, распоряжающихся из-за кулис парламентской «дурацкой говорильней».

[1] «Лейбор мансли», 1951, январь, стр. 44.

«Правительство твоей страны! Я — правительство твоей страны... Вы будете делать то, что выгодно нам. Вы объявите войну, если нам это будет угодно, и сохраните мир, если нам это подойдет. Вы обнаружите, что промышленности требуются такие-то мероприятия как раз тогда, когда мы решим эти мероприятия провести. Когда мне нужно будет повысить дивиденды, вы найдете, что это государственная необходимость, когда другие захотят понизить мои дивиденды, вы призовете на помощь полицию и войска. И за все это вы получите поддержку и одобрение моих газет, а также удовольствие воображать себя великими государственными деятелями...» [1] Цинизм рассуждений миллионера Андершафта, «фабриканта смерти» в пьесе Шоу «Майор Барбара» (1905), вполне соответствует рассуждениям нынешних андершафтов, врагов мира, поджигателей войны. Но в наше время их расчеты и планы сталкиваются с растущим сопротивлением народных масс, борющихся за мир.

Редактор журнала «Лейбор мансли» Р. Палм Датт в статье, посвященной памяти Шоу, справедливо писал о нем: «Он ненавидел капиталистическое общество. Он ненавидел всяческое притворство, ханжество, шарлатанство, лицемерие, раболепие, самодовольство, жестокость, эгоистичность, все, что унижает человечество. Он с наслаждением срывал все благолепные покровы, скрывавшие гниющие язвы классового угнетения, паразитизма и деградации. Он разоблачал капиталистическое общество с такою страстной энергией, какой не достигал ни один английский писатель» [2].

Палм Датт вспоминает, как в октябре 1921 г. Шоу опубликовал на страницах только что начавшего выходить в свет «Лейбор мансли» свою знаменитую статью «Диктатура пролетариата» [3], проникнутую глубоким сочувствием идеям Великой Октябрьской социалистической революции. На протяжении трех последующих десятилетий, несмотря на известные заблуждения и ошибки, Шоу оставался верен своему народу и разделял его любовь и уважение к Стране Советов. «Мы чтим в Шоу великого гуманиста и великого художника, настоящего участника освободительной борьбы человечества, пионера социалистических и коммунистических идей, человека, которого Максим Горький приветствовал, как одного из самых бесстрашных

---

[1] Бернард Шоу. Избранное. Гослитиздат, 1946, стр. 292.

[2] «Лейбор мансли», декабрь 1950 г., стр. 532.

[3] Статья Шоу «Диктатура пролетариата» была напечатана в 1950 г. отдельной брошюрой вместе с цитированной выше статьей Палм Датта в издании «Лейбор мансли».

мыслителей Европы» [1],— так от лица передовой рабочей общественности Англии писал Палм Датт в статье о Шоу.

«Бернард Шоу жил и умер великим социалистом»,— этими словами открывался номер газеты «Дейли уоркер» от 3 ноября 1950 г., посвященный памяти Шоу. В многочисленных статьях, характеризующих различные стороны деятельности Шоу и этапы его долгого жизненного пути, был обрисован цельный и яркий образ писателя, который «поддерживал «Дейли уоркер» со дня ее рождения».

Над постелью Шоу висел портрет Сталина, вырезанный писателем из журнала. Это — живое свидетельство того, что до конца своих дней Шоу оставался искренним и убежденным другом Советского Союза.

Друзьям мира во всех странах памятны многочисленные выступления Шоу в защиту Страны социализма против лагеря империалистической реакции. Комментируя в 1948 г. ответы И. В. Сталина на вопросы корреспондента «Правды»,— ответы, в которых великий вождь народов заклеймил политику нынешних руководителей США и Англии как политику развязывания войны, Шоу писал: «Откровенные и точные слова Сталина, сказанные им на прошлой неделе, были подобны струе свежего воздуха... Тоталитаризм и полицейский режим, в установлении которых Запад обвиняет Советский Союз,— это именно то, что расцветает пышным цветом в Британской империи» [2].

Шоу зло издевался над «социалистическими» претензиями лейбористского правительства — послушной марионетки американо-английского империализма. «Теперь ясно, что Бевин, номинально являющийся социалистическим министром, совсем не социалист» [3],— писал Шоу, когда лейбористские лидеры публично опозорили себя попыткой разгромить забастовку докеров.

В написанном незадолго до смерти письме в «Таймс» (29 августа 1950 г.) Шоу резко опровергал клеветнические антисоветские вымыслы реакционных писак, противопоставляя им правдивые данные о великих достижениях нашей страны в послевоенные годы. В своем последнем интервью он заклеймил, как «невежественную, чудовищную бессмыслицу, «программу» войны против коммунизма», выдвигаемую американо-английскими империалистами. «Дейли уоркер», в номере, посвященном памяти Шоу, цитирует слова приветственного письма, подпи-

[1] «Лейбор мансли», декабрь 1950 г., стр. 540.
[2] «Правда», 4 ноября 1948 г.
[3] «Правда», 1 июля 1948 г.

санного Бернардом Шоу в декабре 1949 г. в связи с 70-летием И. В. Сталина,— «Мы выражаем восхищение мужеством Советского Союза, возглавляющего борьбу за мир, и обязуемся деятельно поддерживать дружбу с народами Советского Союза, являющуюся единственной надежной основой прочного мира» [1]. Голос великого английского писателя сливается здесь воедино с могучим голосом многомиллионных масс, отстаивающих мир, демократию и социализм.

4

Реакционная английская критика пытается отрицать наличие борьбы противоположных друг другу течений в современной английской литературе. Так, например, некий Генри Рид в очерке истории английского романа с 1939 г. до наших дней заверяет читателей, что современный английский роман характеризуется якобы отсутствием каких-либо «движений». По словам Рида, он особенно рад тому, что в Англии «нет социалистических реалистов». «Как я уже говорил вначале, я не могу обнаружить никаких тенденций,—заключает Рид,— я вижу лишь значительное количество романистов, которые в отдельных пунктах помогают друг другу, но в конечном счете идут каждый своим путем» [2].

Картина мертвенного литературного затишья, которую с фарисейским умилением рисует прихвостень реакции, насквозь фальшива. В английской литературе,— как бы ни хотелось Риду и ему подобным представить ее сплошным стоячим болотом,— идет на деле ожесточенная борьба. Здесь, как и во всех других областях политической и культурной жизни Англии, лагерь мира, демократии и социализма активно противостоит империалистическому лагерю поджигателей войны. И если вымученные писания элиотов, хаксли, гринов и прочих декадентствующих литераторов, служащих реакции, действительно характеризуются полнейшим застоем и маразмом, то в противоположность им произведения прогрессивных писателей представляют важнейшее явление английской литературы — подлинно новаторское литературное д в и ж е н и е, которое, творчески воспринимая лучшие традиции классического национального наследства, устремлено вперед, в будущее.

Участвуя в борьбе за мир, передовые английские писатели, как и их собратья в других странах, становятся защитниками и

[1] «Дейли уоркер», 3 ноября 1950 г.

[2] Since 1939. Drama, the Novel, Poetry, Prose Literature. By Robert Speaight, Henry Reed, Stephen Spender, John Hayward. London, pp. 95—96.

выразителями кровных интересов широчайших народных масс, образующих небывалый в истории могучий фронт сторонников мира. Сознание своей связи с народом окрыляет художников, открывает им новые источники вдохновения, расширяет их горизонт.

Укрепление прогрессивного лагеря, во главе с Советским Союзом, ослабление лагеря империалистической реакции воодушевляют передовых писателей уверенностью в победе правого дела мира и свободы народов. Сама жизнь убеждает их в том, что не кучка беснующихся от жадности и страха за свои сверхприбыли миллиардеров и миллионеров, а пробудившиеся к освободительной борьбе трудящиеся массы являются подлинными вершителями истории, действительными хозяевами на земле. На этой основе все яснее раскрываются новые черты реализма в творчестве передовых писателей Англии, те общие тенденции, которые, при всем своеобразии каждого из них, явственно проступают и в содержании и в форме их значительнейших произведений.

Эти новые черты проявляются прежде всего в более глубоком раскрытии образов простых людей. Передовые писатели Англии преодолевают существенный недостаток критического реализма, видевшего в трудящихся прежде всего массу страдающих и обездоленных маленьких людей, достойных заступничества и сочувствия, но бессильных помочь себе в борьбе с социальной несправедливостью.

На смену трагическим жертвам общественного неравенства, изображенным Гарди, беспомощным и наивным обывателям из романов Уэллса, одиноким чудакам и мечтателям Шоу, в произведениях О'Кэйси, Линдсея, Олдриджа и др. приходят иные образы. В них воплощается крепнущее, обоснованное самим ходом истории убеждение писателя в непобедимости трудящихся масс, борющихся за мир, демократию и социализм.

«Шахтер не хочет быть только шахтером, рабочий — лишь мускульной силой... Они хотят жить полной жизнью, и они этого добьются»,— так писал Шон О'Кэйси в своей гневной отповеди мракобесу-«философу» Б. Расселу.

Народный подъем — вот та историческая реальность нашего времени, которая вызывает паническую ярость поджигателей войны, говорит далее О'Кэйси.— «Никто не может остановить это пробуждение народов мира» [1].

В стихотворении Линдсея «У мира — 400 миллионов имен» прекрасно передано новое для английской литературы представ-

[1] «Дейли уоркер», 27 ноября 1948 г.

ление о простых людях из народа, как о могучей созидательной и преобразующей силе общественного развития. Поэт показывает, как рядовые, скромные труженицы — Мэри, Джен, Нелль,— подписывая Стокгольмское Воззвание, становятся частью великого движения сторонников мира: «Подпиши Воззвание! Здесь, на шатком столике, и ты тоже можешь овладеть расщеплением атомного ядра. Если ты подписался, твое имя не сотрется, не затеряется. Другие входят в твою жизнь, идут за тобой. Миллионы рук жмут твою руку, миллионы умов поют в твоем уме» [1].

Стремление прогрессивных писателей «вернуть народу его революционную традицию» [2], показав трудящиеся массы и в прошлом и в настоящем как освободительную, революционизирующую силу общественного развития, особенно значительно в английских условиях. Лейбористские литераторы в течение многих десятилетий отравляли читателей реформистской проповедью «малых дел» и лицемерными призывами к «классовому миру». Слащавая жалостливость, с какой они, не скупясь на натуралистические подробности, описывали унылый повседневный быт, беспросветную нужду и тяжелый труд бедняков, была особенно вредной формой псевдодемократической демагогии. Под видом сочувствия обездоленным и эксплуатируемым массам, уолши, мак гиллы и им подобные фетишизировали, объявляли неизменными и несокрушимыми условия капиталистического рабства, низводили трудящихся до уровня беспомощных «маленьких людей». Подобная литература служила лишь идейному разоружению и деморализации людей из народа, внушая им неверие в свои силы, отнимая у них правдивую перспективу будущего.

Не так давно английская правительственная печать публично сетовала по поводу того, что литераторы, связанные с лейбористскими «верхами», не создали ни одного яркого художественного произведения, которое живописало бы «процветание» Великобритании под властью лейбористских лакеев империалистической реакции. О том, что лейбористское фарисейство в литературе представляет собой лишь ханжескую маску реакционной пропаганды, убедительно свидетельствует недавний пример позорно известного Пристли, открыто примкнувшего к лагерю поджигателей войны. Литературное и политическое банкротство изолгавшихся лейбористских беллетристов — факт, не могущий вызвать удивления. Но фактом остается и то, что вреднейшие традиции

[1] Jack Lindsay. Peace is our Answer. (Linocuts by Noel Counihan). Foreword by J. G. Crowther. London, 1950.

[2] Jack Lindsay. A World Ahead. Journal of a Soviet Journey. London, 1950, p. 110.

лейбористского социалреформизма издавна укоренились в английской литературе. Их воздействие сказалось отчасти даже в творчестве такого гиганта, как Шоу, не говоря уже об Уэллсе. Борьба против этих традиций — одна из важнейших задач, выдвигаемых самой жизнью перед прогрессивной литературой Англии.

Передовые писатели Англии еще только подходят к решению этой задачи. Рост политического сознания, укрепление единства и сплоченности английских трудящихся в борьбе за мир, роль английских коммунистов в этой борьбе еще не получили достаточно полного и яркого освещения в их произведениях. Жанр автобиографических воспоминаний (О'Кэйси), исторического романа и повести (Линдсей, Томас, Слейтер, Соммерфилд) занимает преобладающее место в творчестве английских прогрессивных писателей. Современная действительность во всем многообразии ее событий еще ждет своего достойного отражения в книгах английских литераторов прогрессивного лагеря.

Выступая от лица народных масс, борющихся за мир, демократию и социализм, передовые писатели Англии воскрешают к новой жизни несправедливо забытые богатства национального народного творчества.

В произведениях передовых писателей Англии восстанавливаются в своих правах поэтичность, лиризм, юмор, восходящие к фольклору. Пьесы О'Кэйси и его автобиографическая эпопея полны живых ассоциаций с ирландским устным народным творчеством, романы Томаса — с фольклором Уэльса. Линдсей в своих исторических романах вдохновлялся песнями английской революции 1648 г. и поэзией чартистов.

Пятнадцать лет назад в своей книге «Роман и народ» Ральф Фокс подчеркивал, что «бледность и анемичность» английской буржуазной литературы являются в значительной мере следствием того, что писатели сознательно закрыли себе путь к богатствам живого, народного языка и устного народного творчества. Жаргону, которым изъясняются английские литераторы-декаденты, так же, как Би-Би-Си (Британская радиовещательная компания) и другие подобные рупоры реакционной британской «культуры», Фокс противопоставлял выразительный и богатый народный английский язык, в звуках которого «слышатся теплота, и страсть, и голос рассудка».— «Жидкая речь джентльменов с Портлендской площади,— писал Фокс, имея в виду Би-Би-Си,— лишена чувств, страсти, мысли или чувственных впечатлений, она не отражает привычных и любимых в жизни вещей, но является лишь бледным отражением привидений и жупелов, которые существуют на месте этих вещей в умах наших нынешних

правителей». Фокс предсказывал, что, только посвятив себя служению народу, английская литература сможет вернуть себе выразительность, «величайшую сокровищницу» которой, по его словам, «можно найти в народном языке». Главу «Утраченное искусство прозы» он закончил призывом, обращенным к его единомышленникам, прогрессивным писателям Англии: «Пусть, когда мы совместно выступим на бой, нас воодушевляет мысль, что судьбы нашего языка и борьба за его развитие в прошлом всегда самым тесным образом были связаны с борьбой нашей страны за национальное освобождение» [1].

Пророчество Фокса начинает осуществляться в наше время. Борьба передовых английских писателей за народность художественной формы и содержания их произведений неотъемлемо связана с общенародной борьбой за национальное достоинство и независимость Англии от посягательств американского империализма.

Новой английской литературе приходится преодолевать напор реакционной пропаганды, экономические, издательские и цензурные препоны. На ней отражаются также пагубные следствия предательской деятельности лейбористских верхов — еще неизжитый раскол рабочего движения в Англии и не до конца ликвидированное влияние отмеченной еще Лениным «английской нелюбви к теории» [2].

Даже в творчестве лучших английских писателей-демократов проступают еще иногда родимые пятна прошлого — уступки формализму, идеализму и мистике, увлечение фрейдистским психологизмом.

Но не в этом главное. Одна из основных, определяющих черт прогрессивной литературы, складывающейся в Англии в ходе борьбы за мир, состоит в том, что эта литература по праву выступает как наследница и защитница национального своеобразия демократической культуры своего народа.

В нынешней Англии орган прогрессивного литературного движения, двухмесячник «Арена», выходивший под редакцией Джека Линдсея, был единственным литературным журналом, отстаивавшим политическую и культурную национальную независимость своей страны.

«Арена» вела решительную борьбу против «маршаллизации» английской культуры и литературы, проводимой американскими империалистами и их британскими пособниками. В статье, иронически озаглавленной «Западная свобода», Рэндол Суинглер

[1] Ральф Фокс. Роман и народ. Гослитиздат, Л., 1939, стр. 185—191.
[2] См. В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 233.

разоблачает действительное реакционное содержание этого демагогического лозунга. «По делам их узнаете их,— пишет Суинглер.— Культуру и цивилизацию судят по их отношению к другим культурам, другим цивилизациям. Что означает на практике Западная демократия и Западная свобода? Бомбежки, уничтожающие корейские деревни? Огнеметы, обращенные против освободительных движений в колониях? Лагери массового истребления заключенных, подобные острову Макронисос? Военное покровительство изобличенным гангстерам?» [1]

«Западная свобода» в области культуры, назойливо рекламируемая реакционной прессой, оказывается на деле, как показывает Суинглер, свободой для американских издателей и кинопромышленников заполонять английский рынок и отравлять англичан своей бездарной, развращающей и грязной продукцией. Суинглер иллюстрирует это убедительным примером, получившим в Англии скандальную огласку. При всей угодливости британских властей перед их американским партнером, они были вынуждены, под давлением общественного мнения, наложить запрет на массу порнографической «литературы», импортированной из США. Как выяснилось, эта порнографическая макулатура была предназначена к ввозу в Англию в порядке «помощи по плану Маршалла».

Об американских «комикс» — сериях «комических» рисунков с грубейшим и бессмысленным текстом, наводняющих английскую печать, с возмущением пишет Джон Льюис. «Комикс», на которых американские издатели, по подсчету Льюиса, наживают ежегодно 52 миллиона долларов, представляют собой наглую, циничную форму реакционной пропаганды. Их поставщики, действуя по заказу поджигателей войны, пытаются привить массовому читателю вкус к убийству и крови, прославляют гангстеров и фашистов, клевещут на освободительное движение народов. «Каждый, кто хоть сколько-нибудь любит великие традиции нашей британской культуры и дорожит ими, не может следить за вторжением этого упадочного и варварского жанра, не испытывая негодования и решимости бороться против него всеми возможными средствами»,— заключает Джон Льюис [2].

Продажные литераторы, апостолы пресловутой «западной свободы», под флагом которой реакция хочет превратить Англию не то в 49-й штат трумэновской Америки, не то попросту в «неподвижный авианосец» для американской авиации, давно отреклись от своего народа и его духовных богатств. Де-

[1] «Арена», 1950, № 5, стр. 62.
[2] «Арена», 1951, № 6, стр. 60.

кадентские космополитические писания всех этих бывших англичан, вроде Хаксли, и бывших американцев, вроде Элиота, не имеют права претендовать на принадлежность к английской литературе — литературе Шекспира и Мильтона, Байрона и Диккенса.

Бесславный конец небезызвестного декадентского журнальчика «Хорайзн», лопнувшего как мыльный пузырь за отсутствием читателей (несмотря на субсидии дяди Сэма), показывает, как презирает английский народ уродливую, циничную и фальшивую «литературу» реакции.

В битве за мир крепнет дружба народов, растет их взаимопонимание и уважение к тому неповторимому вкладу, который каждый из них вносит в сокровищницу мировой культуры. Братское содружество народов, борющихся за мир и свободу против поджигателей войны,— тема ряда произведений, вышедших за последнее время в Англии, от «Дипломата» Олдриджа до сборника стихотворений Линдсея «Мир — наш ответ». Укреплению интернационального единства сторонников мира послужил журнал «Арена», отводивший значительное место произведениям зарубежных прогрессивных писателей и художников. Так, например, в № 5 «Арены» (1950 г.) помещены статья Рэндола Суинглера о Назыме Хикмете, отрывок из книги Юлиуса Фучика «Репортаж с петлею на шее», стихи Элюара, рассказы вестиндских писателей, а также превосходные зарисовки английских художников Миньона и Гогарта, недавно побывавших в Испании и запечатлевших в своих работах ненависть испанского народа к фашистскому режиму Франко. В № 6 «Арены» (1951 г.) выделяется поэма греческого поэта Никифора Вреттакоса «33 дня», рассказывающая о боях в Греции зимой 1944/45 г., когда британские войска, по приказу своего правительства, убивали греческих патриотов. В поэме встают образы героических бойцов студенческого батальона имени Байрона, которые сражались в центре Афин против английских солдат, ставших наемными палачами реакции, и шли на смерть, воодушевленные стихами великого английского поэта. Здесь же помещены рассказы о греческих партизанах А. Кедроса, стихи Федерико Гарсиа Лорки и молодых американских поэтов, призывающих к борьбе с поджигателями войны.

Журнал «Лейбор мансли» поместил в нескольких номерах гравюры китайских художников, выразительно рисующих радостную жизнь народа в освобожденном Китае.

Особо выделяется в произведениях передовых английских писателей образ Советского Союза. О могучей стране социализма, о звездах Кремля, указывающих путь трудящимся и

эксплуатируемым массам всего мира, с глубоким лирическим чувством пишет Шон О'Кэйси в своей книге «Прощай, Инишфоллен» [1]. Мудрая и твердая политика мира, проводимая советским правительством наперекор агрессивным замыслам поджигателей войны, с искренним сочувствием и уважением освещена в романе Олдриджа «Дипломат». О миролюбии советского народа, строящего коммунизм, о расцвете советской социалистической культуры с любовью и восхищением рассказывает Линдсей в своем путевом дневнике «Мир будущего».

Обращаясь к Советскому Союзу, прогрессивные писатели Англии отражают те чувства дружбы и благодарности к советскому народу, которые живут в сердцах простых людей Англии, всех тех, от имени которых металлисты Шеффилда сковали меч в подарок защитникам Сталинграда. Простые люди Англии видят в Советском Союзе оплот мира, маяк, озаряющий дорогу к свободе и счастью всем народам земли.

«Всякий раз, когда правда о России пробивается через железный кордон английской прессы, число сторонников мира у нас резко увеличивается» [2],— пишет Хьюлет Джонсон, книги которого о Советском Союзе сделали так много для укрепления дружбы английского народа с советским народом.

5

Старейший и авторитетнейший деятель прогрессивной литературы Британии Шон О'Кэйси отразил в своем творчестве целую эпоху в истории освободительной борьбы ирландского народа. В книге «Литература и действительность» Говард Фаст по праву называет Шона О'Кэйси, наряду с Нексе, Арагоном и Нерудой, в числе самых видных представителей передовой литературы капиталистических стран. Его произведения пользуются широкой популярностью у демократических читателей во всех странах, где говорят на английском языке.

Ирландский рабочий, прошедший смолоду тяжелую школу подневольного труда и национального угнетения, участник первых крупных классовых боев дублинского пролетариата накануне первой мировой войны и так называемого «пасхального восстания» 1916 г., Шон О'Кэйси уже давно примкнул к коммунистическому движению. Несмотря на преклонный возраст, тяжелую болезнь и почти полную потерю зрения, он остается в авангарде борцов за мир.

---

[1] То есть «Прощай, Ирландия».

[2] Хьюлет Джонсон. Факелы мира разгораются.— «Литературная газета», 27 марта 1951 г.

«Главное, чего особенно добиваются буржуазия всех стран и ее реформистские прихвостни,— это то, чтобы искоренить в рабочем классе веру в свои силы, веру в возможность и неизбежность его победы и тем самым увековечить капиталистическое рабство,— говорил И. В. Сталин в отчетном докладе на XVIII съезде партии.— Ибо буржуазия знает, что если капитализм еще не свергнут и он продолжает все еще существовать, то этим он обязан не своим хорошим качествам, а тому, что у пролетариата нет еще достаточной веры в возможность своей победы. Нельзя сказать, чтобы старания буржуазии в этом направлении оставались вполне безуспешными. Нужно признать, что буржуазии и ее агентам в рабочем классе удалось в известной мере отравить душу рабочего класса ядом сомнений и неверия. Если успехи рабочего класса нашей страны, если его борьба и победа послужат к тому, чтобы поднять дух рабочего класса капиталистических стран и укрепить в нем веру в свои силы, веру в свою победу, то наша партия может сказать, что она работает недаром. Можно не сомневаться, что так оно и будет» [1].

Победа социализма в Советском Союзе служит источником оптимизма Шона О'Кэйси даже тогда, когда в соответствии с неприкрашенной правдой жизни писатель повествует о временных поражениях и жертвах, об угнетении и нужде трудящихся его родины. Как противоядием от сомнений и неверия, которыми отравляют душу рабочего класса буржуазия и ее агенты, О'Кэйси вооружает своих читателей уверенностью в силах трудящихся масс, ясным сознанием грядущего освобождения всего человечества.

Символическая сцена пьесы О'Кэйси «Красные розы — для меня» (1942 г.) характерна для всего его творчества. Жалкие, пришибленные нуждой и горем нищенки, усталые рабочие, бездомные бродяги-безработные, столпившиеся на Дублинском мосту, сказочно преображаются на глазах у зрителя в алом свете заката, как преображается и весь угрюмый городской пейзаж. Расцветают преждевременно увядшие лица, распрямляются понурые плечи — перед зрителем стоят новые, могучие люди, подобные прекрасным бронзовым изваяниям. Гордо и радостно звучит их песня: они освободят свой родной город «от злобы и зависти», чтобы смех детей и счастье молодости звенели на улицах. «Мы клянемся избавить тебя от голода и нужды, от всего безобразного, низкого и подлого; твой народ построит

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд 11-е, Госполитиздат, 1939, стр. 610—611.

чудесный город, лучше и краше которого никто не видал»[1]. Смолкает эта песня-клятва, догорает закат, и группа людей принимает свой прежний будничный вид. Вдали слышна тяжелая поступь солдат, вызванных для «усмирения» рабочих волнений, напоминающая о предстоящих боях. Но мгновенное фантастическое преображение не прошло бесследно: оно приоткрыло просвет из настоящего в будущее, внушило зрителям уверенность в великих и непобедимых силах народа.

Перспектива будущего предстает здесь в романтической форме. В других произведениях О'Кэйси она раскрывается на более широком социальном фоне, как историческая реальность. Это относится в особенности к его автобиографической эпопее, представляющей собой одно из выдающихся явлений прогрессивной демократической литературы капиталистических стран.

Эпопея, над которой писатель продолжает работать, состоит пока из четырех частей: «Я стучусь в дверь» (1939 г.), «Картины преддверия» (1942 г.)[2], «Барабаны под окном» (1945 г.) и «Прощай, Инишфоллен» (1949 г.).

Вышедшие томы охватывают более четырех десятилетий, до 20-х годов включительно. Свою судьбу, свой жизненный опыт писатель рассматривает в неразрывной связи с освободительной борьбой и общественным опытом своего народа. Рамки биографического повествования раздвигаются, включая массовые сцены, портреты исторических деятелей, обобщающие картины целых периодов в жизни страны. Избранный писателем жанр предоставляет ему свободу реалистического изображения событий и их истолкования и оценки. Оглядываясь на прошлое, О'Кэйси оценивает его не только с точки зрения настоящего, но и в свете будущих перспектив освободительного движения народов мира.

О'Кэйси показывает, как развивается, начиная с первых лет жизни, сознание ребенка из народа, как ранят его «свинцовые мерзости жизни», как постепенно, в труде и борьбе формируется характер и мировоззрение передового человека нашего времени. В книге «Барабаны под окном» Шон О'Кэйси предстает как свидетель и участник бурного подъема ирландских народных масс.

В статье «Классовая война в Дублине» Ленин определил как «поворотный пункт в истории рабочего движения и социализма в Ирландии»[3] дублинские события 1913 г., когда рабочие

[1] Sean O'Casey. Red Roses for me. London, 1943, p. 112.

[2] На русском языке вышли две первые части автобиографии под общим заглавием «Я стучусь в дверь», Гослитиздат, 1946.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 300.

ирландской столицы ответили на провокации реакции и полицейский террор небывалыми по размаху забастовками и массовыми выступлениями. «За торжествующей свою «национальную» победу ирландской буржуазной сволочью шел по пятам пробуждающийся к классовому самосознанию ирландский пролетариат. Он нашел себе талантливого вождя в лице товарища *Ляркина* (Larkin), секретаря союза ирландских транспортных рабочих. Обладающий замечательным ораторским талантом, человек кипучей ирландской энергии, Ляркин делал чудеса среди необученных рабочих — этой массы британского пролетариата, которую так часто в Англии отрезывает от передовиков рабочих проклятый мещанский, либеральный, аристократический дух английского «обученного» (skilled) рабочего»,— писал Ленин. В той же статье, характеризуя обстановку, сложившуюся в ту пору в Ирландии, он писал:

«Новый дух пробудился в ирландских рабочих союзах. Необученные массы внесли невиданное оживление в профессиональные союзы. Стали организовываться даже женщины — явление, дотоле невиданное в католической Ирландии. Дублин обещал сделаться передовым по рабочей организованности городом во всей Великобритании. Страна, для которой характерны были фигуры жирного, упитанного католического попа да нищего, голодного, ободранного рабочего, который даже в воскресенье ходит в лохмотьях, ибо ему не на что купить праздничное платье,— эта задавленная двойным и тройным, национальным, гнетом страна стала превращаться в страну организованной армии пролетариата» [1].

Книга «Барабаны под окном», воскрешающая славный период в истории ирландского рабочего движения, вышла в 1945 г., и появление ее в эту пору было знаменательным. Она прозвучала не как книга о прошлом. Обращенная к настоящему, она напоминала простым людям Великобритании, оглушенным реакционными лозунгами «национального единства» и «классового сотрудничества», о непримиримой борьбе двух лагерей в современном обществе.

О'Кэйси по личным воспоминаниям рисует те битвы дублинского пролетариата, о которых писал Ленин. «Ирландский Прометей» — так названа глава, в центре которой стоит героическая фигура Джима Ляркина, рабочего вождя и трибуна. Вспоминая о том, как Ляркин зажигал массы своим «трубным призывом к сопротивлению несправедливости, к возмущению против жалкой бедности и к борьбе против всякой власти,

[1] В. И. Ленин. Соч., т 19, стр. 298.

которая попыталась бы преградить путь их движению вперед» [1], О'Кэйси как бы переадресует этот призыв своим читателям, людям нашего времени. Писатель вспоминает, как крепла в нем мечта о том будущем, когда труд станет не проклятием, а радостью и поэзией, когда «никто не будет сомневаться в завтрашнем куске хлеба, твердо зная, что, пока стоит земля, посев и жатва будут так же надежны, как смена зимы и лета...» Это была воодушевляющая всех борцов за мир в наше время мечта о вечной дружбе народов, о том, как «военные битвы сменятся битвами мира» и «труд во всех его видах, став почетнейшим делом жизни, будет с каждым днем все ярче просветлять улыбкой лицо земли» [2],— мечта, уже ставшая действительностью в нашей стране.

О'Кэйси не прикрашивает историю; он говорит и об ошибках, и о потерях, которые терпело освободительное движение ирландских трудящихся, говорит о разгроме восстания 1916 г. Но лейтмотивом его книги является мысль о непобедимости трудового народа. В памяти читателя запечатлевается рассказ о том, как в период разгула империалистического террора и буржуазно-националистической демагогии Шон О'Кэйси читал «Манифест коммунистической партии» с его призывом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» «И сквозь все крики, смятение и страдания, царившие кругом, ему слышался бой иных барабанов, пение иных труб и мерная поступь миллионов людей» [3].

Символический смысл этих строк раскрывается полнее и шире в четвертом томе эпопеи — «Прощай, Инишфоллен». О'Кэйси вспоминает здесь историю своего окончательного разрыва с буржуазно-националистическим движением, с его политическими лозунгами и эстетическими иллюзиями, отразившимися в так называемом течении «Ирландского Возрождения», вожаки которого тщетно пытались провозгласить реалиста О'Кэйси «ирландским Достоевским». С горечью и гневом разоблачает он антинародный, реакционный характер «Свободного Ирландского государства». «Дело пасхального восстания,— пишет он,— было предано филистерской буржуазией; она затоптала в грязь понятия общего блага и общего долга и теперь облекала себя привилегиями и полномочиями, брошенными на бегу теми, кого разгромили незабвенные павшие бойцы. И алые рясы, и пурпурные рясы благословляли ее и ее побрякушки — бальные платья и цилиндры, фраки и белые галстуки, дурацкие парики и мантии, и все выцветшие украшения мертвого государства.

[1] Sean O'Casey. Drums under the windows. London, 1945, p. 220.
[2] Там же, p. 222.
[3] Там же, p. 289.

И Христос, уверяло духовенство, был посреди всего этого. Ecce Homo! Ecce Homo Noster! — здесь он был, их Христос, во всем им подобный — в визитке, в цилиндре, при золотых запонках и бриллиантовой булавке, с аккуратно свернутым зонтиком вместо креста» [1].

Лагерю капиталистических хищников О'Кэйси противопоставляет лагерь мира, оплотом которого является Советский Союз. Нельзя без волнения читать рассказ О'Кэйси о том, как он с замиранием сердца следил за борьбой молодой Советской республики против интервентов и белогвардейцев в годы гражданской войны. Колчак рвался к Москве с востока, Деникин — с юга; желтая пресса, захлебываясь от злобного ликования, заявляла, что деникинцы уже могут видеть, что делается на улицах советской столицы, и кричала о гибели «красных безумцев». Но настал день, когда улюлюканье сменилось молчанием,— и О'Кэйси понял, что красный флаг победил [2]. В этих воспоминаниях, написанных с глубокой лирической силой, звучит не только голос самого О'Кэйси — давнего и верного друга Советского Союза,— но и голос всего трудового народа его родины. Веяния Великой Октябрьской социалистической революции донеслись и до широких масс Ирландии. Именно в те годы, о которых пишет О'Кэйси, трудящиеся Ирландии пытались захватывать помещичьи земли и предприятия, создавать местные советы.

Главу «Грозная красота родилась на свет» О'Кэйси заканчивает патетическим гимном, обращенным к звездам, светящим над Кремлем. Этот гимн облечен в национальную поэтическую форму, близкую ирландскому фольклору.

«Но мужайтесь, рабочие, здесь и повсюду, мужайтесь, бедняки из беднейших краев; ваш день настает. Красная звезда светит над Кремлем, некогда — цитаделью царей. Те, кто старались ниспровергнуть ее, обратились в бегство, бессильные против мощи и храбрости полуголодного народа. Бойцы Красной Армии и Красная кавалерия стоят на границах, стоят на морских рубежах своей необъятной страны. Социализм нашел свою родину и создал армию, чтобы охранять ее. Красная звезда — яркая звезда. Ни папе, ни политикам, ни церковникам, ни принцам, ни королям прессы не погасить ее теперь и не заслонить ее лучей от наших глаз...

Утренняя звезда, надежда народа, свети нам!..

---

[1] Sean O'Casey. Inishfallen, fare thee well. New York, 1949, pp. 220—221.

[2] См. Sean O'Casey. Inishfallen..., p. 318.

Источник нашей радости, Красная звезда, пусть твои пять лучей, распростершись по всему миру, озарят великим светом тех, кто еще томится во мраке бедности и угнетения.

Глашатай новой жизни, истинных устремлений, мудрости, мира во всем мире...

Девиз на щите Труда, символ на знамени народа.

Красная звезда, сияй нам всем...» [1].

О'Кэйси поэтически передает чувства любви, гордости и уверенности в своих силах, которые вызывает в народах мира Советский Союз, могучая страна победившего социализма, оплот мира на земле.

Реакционной проповеди смирения и долготерпения он противопоставляет идеал человека-борца.

Страстное и непримиримое отрицание рабской морали непротивления, рассчитанной на то, чтобы «сделать мир безопасным для боссов» [2], звучит в книге О'Кэйси. Писатель рассказывает о бедственной жизни своих близких — матери, братьев, сестры, но это не жалоба, а обвинение, не уныние, а гнев.

Судьбы братьев и сестры О'Кэйси изуродованы условиями капиталистического строя. Каждый из его близких был по натуре даровитым человеком, созданным для радостного творческого труда. Сестра Элла была на редкость музыкальна, брат Майкл мог бы стать художником, брат Арчи — строителем. Все эти прекрасные человеческие возможности были загублены обществом. «Духовные пастыри и хозяева» [3],— говорит О'Кэйси,— ограбили его братьев и сестру, зарыли в землю их таланты так же, как грабят они миллионы людей труда.

И вместе с тем простые люди из народа предстают в книге «Прощай, Инишфоллен» не как беспомощные жертвы социальной несправедливости, а как великая общественная сила. В этой связи особенно примечателен образ матери писателя, который проходит через все четыре тома эпопеи, но раскрывается во всей полноте именно в этом томе. Женщина, родившая 13 детей и пережившая всех их, за исключением Шона, долгие годы перебивавшаяся с хлеба на воду, испытавшая всю бездну унижений и лишений, которые несет капитализм для каждой матери-работницы,— она становится в изображении О'Кэйси героическим образом, выражающим непоколебимую веру писателя в достоинство, силу воли и духа человека труда. Она была далека от политики,— пишет О'Кэйси,— «но в своем мужестве, в своей спокойной и несокрушимой стойкости, в сво-

[1] Sean O'Casey. Inishfallen..., pp. 221—222.
[2] Там же, p. 225.
[3] Там же, p. 56.

ей бесстрашной и радостной борьбе с тяжелой и зачастую жестокой жизнью она была душой социализма» [1]. Писатель подчеркивает это в трогательной главе «Миссис Кэссиди уходит на отдых»; с глубоким волнением рассказывая о смерти своей матери, он вспоминает, что задрапировал ее простой гроб красным полотнищем, как красным флагом, символом борьбы за свободу.

В современной прогрессивной литературе Британии этот образ скромной и простой, но вместе с тем «непобедимой женщины», как называет ее сам писатель, знаменует одну из первых побед в реалистическом изображении героев из народа.

В июне 1950 г., когда в Англии проходил сбор подписей под Стокгольмским Воззванием, газета «Дейли уоркер» опубликовала среди выступлений других писателей, призывавших запретить атомное оружие, заявление Шона О'Кэйси. «Нам многое нужно — это так; но прежде всего нам нужен мир,— писал он.— Да будет проклят тот, кто призывает к войне против Советского Союза!

Война с Советским Союзом привела бы к уничтожению множества ценностей на нашей доброй земле, а мы не можем допустить их уничтожения. Они все нам нужны.

Ни старики, ни молодежь, ни малые дети не хотят умирать — ни у нас, ни в Советском Союзе.

И все мы хотим жить по-настоящему, хотим строить,— строить, а не разрушать.

Мы отказываемся разрушать,— если только речь идет не о том, чтобы разрушить все безобразное, подлое и нездоровое, что терзает нашу жизнь.

Мы хотим, чтобы на наших фабриках кипела работа, чтобы поля наши были плодородны, чтобы по улицам двигался транспорт, развозя всем людям нужные продукты.

Да,— и ребенок, уснувший у груди матери, должен спать спокойно.

Чтобы работать, мы должны быть уверены в своей жизни. Чтобы быть уверенными в своей жизни, мы должны сперва запретить атомную бомбу...

Вы, молодые матери, не хотите рожать детей для того, чтобы их взрывали в клочья, или для того, чтобы они умирали на чужбине, вдали от ласковых рук.

Мы хотим жить, и мы будем жить,— жить с честью и в мире.

Да будет проклята атомная бомба! На этом решении мы стоим всей твердостью нашего духа. Сметем прочь предателей.

---

[1] Sean O'Casey. Inishfallen..., p. 36.

Да будет мир во всем мире, ибо мир нужен нам прежде всего» [1].

В этом простом и взволнованном обращении О'Кэйси выразил мысли и чувства, вдохновляющие борцов за мир его родины. Не страх смерти, а любовь к жизни, страстная ненависть к агрессорам и угнетателям, жажда свободного, созидательного труда и горячая вера в творческие силы народа,— вот что заставляет его требовать запрета разрушительного атомного оружия, которым угрожают миру американские монополисты и их английские приспешники.

6

Одним из ярких представителей прогрессивной литературы в Англии является молодой романист Гвин Томас, творчество которого тесно связано с жизнью населения Уэльса, с долиной Ронды, где он родился и вырос. «Это — большой, широко раскинувшийся горняцкий поселок,— рассказывает Томас,— окруженный высокими, тесно обступившими его холмами. За время моего детства и юности это быстро выросшее поселение с 200 000 жителей поредело и пострадало под давлением продолжительных забастовок и тяжелой депрессии».

Нам известны две книги Томаса: «Безвестные философы» (1947 г.) и «Всё тебе изменяет» (1949 г.) [2]. Первая из них рисует жизнь рабочего поселка в предвоенный период; вторая — историю рабочего движения на заре чартизма. В обеих книгах действие развертывается в Уэльсе, и обе они объединены идеей социального и духовного величия простого народа, глубоким сочувствием к освободительной борьбе трудящихся и уверенностью в их грядущей победе.

«Безвестные философы», о которых говорится в заглавии, это четверо друзей, пожилых рабочих-горняков, прошедших трудную школу безработицы, нужды и борьбы. Они мудры «той мудростью, которая вырастает в сердцах людей, много голодавших и ненавидящих голод, испытавших много обид и притеснений — и презирающих их» [3]. Британское министерство труда относит подобных рабочих к числу «отчаянных, непокорных

[1] Sean O'Casey. Why I would ban Atom Weapons.— «Дейли уоркер», 17 июня 1950 г.

[2] Gwyn Thomas. The Dark Philosophers. Boston, 1947; его же. All Things Betray thee. London. 1949. За этими книгами последовали романы «Мир не может вас услышать» («The World cannot Hear You», 1951) и «Проводите нас домой» («Now lead us Home», 1952).

[3] Gwyn Thomas. The Dark Philosophers, p. 78.

и бесполезных лиц [1], с церковной кафедры их громят «как противников веры, как опасность для государства, как врагов человечества» [2].

На противоположном полюсе романа — сатирически обрисованная фигура пастора Эммануэля Приза. Выходец из рабочей среды, он начал свою карьеру с выступлений в защиту трудящихся, но вскоре позволил хозяевам «обработать» себя и «продал душу врагу» [3]. В угоду шахтовладельцам и банкирам этот лицемер в поповской рясе старается парализовать своими сладкоречивыми проповедями классового мира растущее недовольство горняков, привить им рабские «добродетели» смирения и непротивления.

Трудящиеся Англии предстают в романе, как люди, чья ненависть к угнетателям подкрепляется предвидением грядущего освобождения. В размышлениях четырех «безвестных философов» мечта о социалистическом будущем присутствует, как обоснованная фактами реальность. Их вдохновляет «красная заря» [4], которая занялась на Востоке; они уверены в том, что придет время, когда «Европа перестанет быть военным лагерем и доверит свой мир и свое счастье простому народу» [5].

В романе «Всё тебе изменяет» речь идет о первых, еще стихийных выступлениях уэльского пролетариата в начале 30-х годов прошлого века — в пору зарождения чартистского движения.

По словам Говарда Фаста, «история и фольклор его родного Уэльса» послужили для Томаса путем к реализму [6]. Это произошло потому, что традиции прошлого осмысливаются художником в свете передовых идей современности.

Народ, как непобедимый и могучий творец и хозяин жизни,— вот новая тема, возникающая в романе Томаса, как и в других лучших произведениях передовых писателей Англии. С этой темой неразрывно связана и другая — рост политической сознательности простого человека, становящегося гражданином-борцом.

Жизни и борьбе трудового народа посвящен первый роман шотландской писательницы Маргарет Гамильтон «Грош с ярмарки» (1950 г.), тепло встреченный английской прогрессивной печатью. Действие романа охватывает значительный период с

---

[1] Gwin Thomas. The Dark Philosophers, p. 17.
[2] Там же, p. 14.
[3] Там же, p. 13.
[4] Там же, p. 36.
[5] Там же, p. 79—80.
[6] Говард Фаст. Литература и действительность.— «Новый мир», 1950, № 12, стр. 227.

середины прошлого столетия до второй мировой войны. Герой романа, Джордж Мак-Каллэм,— сын бедняка-фермера. Всю жизнь его преследуют горе и нужда. Он работает батраком на ферме, кузнецом, матросом в торговом флоте, сторожем, коробейником, терпит безработицу в 20-х годах. С помощью скромного приданого жены ему удается открыть мелочную бакалейную лавку; но интересы его старых товарищей — рабочих — ему дороже, чем интересы его торговли. Когда в городе вспыхивает забастовка, Мак-Каллэм отдает в распоряжение рабочих свои припасы и помещение; предприниматели отвечают на это приказом о его выселении, и старик Мак-Каллэм снова оказывается неимущим бедняком. Мак-Каллэм умирает инвалидом, в богадельне; но его согревает сознание неразрывной живой связи с народом, в счастливом будущем которого он уверен. По мере того как действие романа подходит ближе к современности, в нем все более отчетливо звучит тема нарастающего рабочего движения. Стачечная борьба шахтеров и металлистов, антивоенные рабочие митинги в Глазго времен первой империалистической войны, генеральная стачка 1926 г., голодный поход безработных на Лондон — все это находит отражение в романе. Несмотря на горечь поражений и жертв, понесенных рабочими из-за предательства лейбористских лидеров, герои книги — и в этом ее особая ценность — живут надеждой на будущее и верой в силы трудящихся масс. «Генеральная стачка показала простым людям, что они м о г у т действовать сообща, чтобы всем жилось лучше. Наступит день, когда появятся настоящие лидеры, люди, которые пойдут в ногу с народом...» [1],— говорит старый Джордж Мак-Каллэм своему племяннику. Роман Маргарет Гамильтон представляет значительный интерес, как одна из первых попыток изображения освободительной борьбы трудящихся Великобритании.

7

Крупным достижением современной прогрессивной литературы Англии явился роман Джеймса Олдриджа «Дипломат» (1949 г.), получивший большой международный резонанс. Разоблачая реакционную политику поджигателей войны, эта книга служит насущным жизненным интересам борьбы за мир.

Английский писатель, австралиец по происхождению, Олдридж вошел в литературу в годы второй мировой войны как художник, чутко и смело откликающийся на важные вопросы современности. В своих романах «Дело чести» и «Морской

[1] Margaret H a m i l t o n. Bull's Penny. London, 1950, p. 204—205.

орел» он одним из первых и немногих английских писателей показал предательскую роль британского военного командования в Греции и создал живые, волнующие образы греческих патриотов — участников народно-освободительного антифашистского движения, подло преданного британским империализмом в сговоре с греческой реакцией. В книге «О многих людях» он разоблачил антинародный, реакционный характер политики американо-английских правящих кругов во время второй мировой войны, показав на примере своего героя, англичанина-антифашиста, участника гражданской войны в Испании, рост политического сознания народных масс в борьбе с фашизмом. В комедии «49-й штат» Олдридж обнаружил незаурядное сатирическое мастерство в изображении бесславной участи Великобритании, низведенной лейбористскими правителями до уровня жалкого сателлита американского империализма. Лучшие черты писательского дарования Олдриджа — демократизм, жизненность и сатирическая наблюдательность — присущи и его роману «Дипломат» [1].

По возвращении из Стокгольма, где Олдридж участвовал в работах сессии Постоянного Комитета защиты мира как делегат Английского Комитета защиты мира, он опубликовал заявление, в котором писал: «Друзья мира в Англии еще не знают своей силы...» А между тем, «намерение всех честных людей — быть на стороне мира. Это урок, который нам надо усвоить. Никто среди огромного большинства людей не хочет войны. Доберитесь как-то до них, и вы встретите сочувствие. Быть может, мы до сих пор не имели представления о нашей собственной силе» [2].

К этому «огромному большинству», которое не хочет войны, и обращен роман Олдриджа «Дипломат».

«Грубая агрессивность Запада, стремление Запада развязать на ближайшем историческом этапе войну против СССР — вот что заставило меня написать «Дипломата»»,— рассказывает писатель в статье «Почему я написал роман «Дипломат»» [3].

[1] Вслед за «Дипломатом» Олдридж опубликовал роман «Охотник» (The Hunter, London, 1950 г.), рассказывающий о тяжелой жизни рядовых тружеников Канады — мелких фермеров, охотников и звероловов. «Прокладатель новых путей, пионер, человек среди людей, умеющий, в конце концов, как все, ему подобные, одержать победу над человеческим отчаянием» (стр. 5) — так характеризует Олдридж своего героя, Роя Макнера, с образом которого связана внутренняя этическая тема романа — торжество мужества, стойкости и товарищества простых людей. К сожалению, в отличие от «Дипломата» в «Охотнике» не затронуты, однако, основные политические вопросы современности.

[2] «Дейли уоркер», 8 апреля 1950 г.

[3] «Огонек», 1951, № 13, стр. 29.

Опытный журналист, хорошо знающий закулисную механику политической жизни Великобритании, Олдридж зло и метко судит о политике лейбористского правительства в Англии, показывая, что оно представляет собою не более, как послушное орудие американо-английской империалистической реакции.

Действие нового романа Олдриджа развертывается в Советском Союзе, в Иране и в Англии зимой 1945/46 г. В центре романа — история дипломатической миссии, направленной лейбористским правительством Эттли и Бевина в Советский Союз в связи с подъемом народно-демократического движения в Иранском Азербайджане.

Прекрасным образцом реалистической, разоблачительной сатиры является нарисованный Олдриджем портрет главы миссии, британского дипломата лорда Эссекса — махрового консерватора, врага народа, мастера международных заговоров и провокаций, направленных против дела мира. Этому твердолобому консерватору поручено от лица «социалистического» лейбористского правительства Англии проведение антисоветской дипломатической провокации. Народное движение трудящихся Иранского Азербайджана, стремящихся отвоевать себе права на землю, на свободный труд, на демократию в борьбе с буржуазно-феодальной кликой, стоящей во главе страны, британские дипломаты лицемерно пытаются представить в виде искусственного путча, вызванного мнимым советским «вмешательством» в дела Ирана. Советское правительство без труда разгадывает сущность дипломатических претензий миссии лорда Эссекса и дает им решительный отпор.

Разоблачая приемы британской дипломатии, Олдридж показывает, на какие силы она опирается. На Востоке, как и в Западной Европе послевоенного периода, английский империализм беззастенчиво вербует себе на службу все самые продажные, самые развращенные и реакционные элементы, в том числе, в первую очередь, бывших агентов германского фашизма. Неоднократно затрагивая в романе «больной» вопрос об англо-американских противоречиях в странах Среднего Востока, Олдридж показывает, как слабеющий британский империализм, спасая рассыпающуюся Британскую империю, вынужден итти на сделки с империализмом США, цинично предавая кровные интересы трудящихся масс Великобритании. По наглому признанию лорда Эссекса, «лучше целовать доллар» [1], чем допустить развитие освободительных движений в колониальных странах, угрожающее основам Британской империи.

[1] James Aldridge. The Diplomat. Boston, 1950, p. 224.

Олдридж показывает в своем романе, что преступные происки поджигателей войны обречены на провал. Тому порукой — твердая миролюбивая политика Советского Союза, возглавляющего лагерь мира, демократии и социализма; тому порукой — растущее единство честных людей всего земного шара, объединяющих свои усилия в борьбе за мир. На примере главного положительного героя своей книги, молодого шотландского геолога Мак-Грегора, разоблачающего дипломатическую авантюру лорда Эссекса, Олдридж показывает, как логика самой жизни убеждает миллионы простых людей в том, что их место — в лагере борцов за мир.

Сын шотландского ученого-геолога, проведший детство и юность в Иране, где многие десятилетия работал его отец, Мак-Грегор с сочувствием и уважением относится к порабощенному народу Ирана. Он считает себя далеким от политики и не сразу разбирается в действительном характере дипломатической миссии лорда Эссекса, к которой он прикомандирован в качестве эксперта. Но уже вскоре после приезда в Москву, очутившись в британском посольстве, где царит атмосфера нескрываемой враждебности к Советскому Союзу и свободолюбивым народам всего мира, Мак-Грегор испытывает все возрастающее беспокойство. Он обнаруживает, что посольство представляет собой притон для темных людей, плетущих сети заговора против дела мира. Мак-Грегор убеждается, что руководители посольства пытаются вовлечь и его в этот преступный заговор: ему, как специалисту-геологу, пытаются навязать собирание шпионских сведений о геологических изысканиях в СССР. Мак-Грегор отвергает это «задание», несмотря на оказываемое на него давление и прямые угрозы. С возрастающим чувством тревоги и возмущения он сознает, что рискует стать орудием в руках врагов иранского и английского народа. Путь Мак-Грегора в лагерь мира — это путь многих представителей передовой интеллигенции, порывающих с лагерем собственников, поджигателей войны, чтобы отдать свои силы народу.

По диверсионному плану, разработанному британским посольством в Тегеране, Эссекс и сопровождающие его члены миссии совершают поездку по Иранскому Азербайджану, рассчитывая укрепить связи со всеми реакционными силами, которые могут быть пущены в ход против народного освободительного движения. Мак-Грегор воочию убеждается в том, что представляет собою на деле пресловутая «опека» Великобритании для народов колониальных и зависимых стран Востока.

Герой Олдриджа приходит к твердому убеждению в том, что народно-освободительное движение в Иранском Азербай-

джане, как и в других порабощенных странах Востока, не может быть подавлено, какие бы испытания его ни ожидали. Трудящиеся Ирана так же, как и трудящиеся других колониальных и полуколониальных стран Востока, пробуждаются к новой жизни, вовлекаются в освободительную борьбу, которая, несмотря ни на какие временные поражения, неизбежно закончится победой.

Опираясь на свою агентуру — подкупленных британской разведкой вождей отдельных курдских племен,— Эссекс мечтает натравить курдов на азербайджанцев, чтобы посредством искусственно разжигаемых национальных конфликтов ослабить сопротивление народов Среднего Востока колониальному гнету. Но, как убеждается Мак-Грегор, происки эссексов не приведут к тем результатам, о которых мечтают руководители британской дипломатии.

Захватнические планы лорда Эссекса и ему подобных представителей британской дипломатии на Среднем Востоке, как это наглядно показывает в своем романе Олдридж, отдают густым запахом нефти. Вопрос о судьбе нефтяных месторождений Ирана, Ирака — вот тот исходный пункт, от которого отправляются в своих политических интригах британские дипломаты.

Разоблачения, сделанные автором «Дипломата», получают дополнительное подтверждение в свете событий 1951 г. в Иране. При национализации Англо-Иранской компании воочию обнаружилось, как далеко зашло вмешательство британского правительства во внутреннюю жизнь Ирана.

«Мы вели себя как американские гангстеры, прибегая к угрозам, подкупу и даже войне, чтобы насильственно приобрести привилегии и концессии...» [1],— так характеризует Мак-Грегор грабительскую политику Англии в Иране.

Вначале герой Олдриджа наивно полагал, что сможет отделить свою любимую науку — геологию — от политики; он воображал, что наука представляет собой особый мир, независимый от происков буржуазных политиканов и дипломатов. Логика событий доказывает ему обратное. Подобно миллионам простых людей нашего времени, Мак-Грегор приходит к убеждению, что необходимо посвятить все силы борьбе с поджигателями войны, борьбе за мир во всем мире.

Кульминационный пункт романа связан с событиями, развернувшимися в Англии после возвращения миссии лорда Эссекса в Лондон. Мак-Грегор публикует в газете письмо, в котором рассказывает правду о действительных целях дипломати-

[1] James Aldridge. The Diplomat, p. 280.

ческой миссии лорда Эссекса и о тех методах, которыми она действовала в Москве и в Иране. Он разоблачает демагогические претензии британского правительства на роль «защитника» независимости и суверенитета иранского государства, показывает действительный смысл антисоветской пропаганды британского империализма.

Мак-Грегор платится дорогой ценой за свое гражданское мужество. Он уволен со службы без права поступления на какую-либо государственную должность. Реакционная печать шельмует его как изменника, предателя отечества. Но Мак-Грегор уже не тот кабинетный ученый, каким он был в начале романа, наивно полагавший, что мир науки в современном обществе может быть независим от мира политики. Теперь это гражданин, борец, который сознательно отдает свои силы защите мира и демократии.

Жизненный путь Мак-Грегора, таким образом, в основе своей безусловно типичен, хотя читатель романа и вправе пожалеть, что эволюция героя происходит слишком обособленно, замкнуто и что романист не показал более широко силы, борющиеся за мир в современном мире, в том числе и в самой Англии. В своей борьбе против дипломатических заговорщиков и провокаторов войны Мак-Грегор до конца остается изолированным одиночкой, действующим на свой страх и риск.

Но, несмотря на этот существенный недостаток, роман Олдриджа является значительным реалистическим произведением. Реализм Олдриджа проявляется и в сатирическом разоблачении дипломатов-провокаторов, поджигателей новой войны, и в правдивом и наглядном раскрытии того решающего факта нашего времени, что место каждого честного человека — в рядах борцов за мир.

Прогрессивные демократические круги Англии оценили по достоинству разоблачительное значение книги Олдриджа и ее воспитательный смысл. Это — «действительно хороший политический роман..., он сможет сделать большое дело в интересах мира и национальной независимости»,— писал о «Дипломате» Гарри Поллит [1].

Значительность вопросов, поставленных в романе, была такова, что его не смогла замолчать и буржуазная печать по обе стороны Атлантики. Роман Олдриджа оказал воздействие на широкие круги читателей.

---

[1] Harry Pollitt. Meet the powerful diplomat.— «Дейли уоркер», 25 ноября 1949 г.

8

Борьбе за мир служат лучшие произведения Джека Линдсея, одного из выдающихся представителей прогрессивного литературного движения в Англии.

Видное место в творчестве Линдсея издавна занимает исторический роман. Писатель обращается к тем узловым этапам английской истории, где полнее и ярче всего проявилась решающая роль народных масс как движущей силы общественного развития. В исторической концепции Линдсея проявляются иногда еще не вполне изжитые идеалистические тенденции. Их отмечала прогрессивная общественность Англии. Но в целом лучшие исторические романы Линдсея решительно противостоят тому извращенному толкованию исторического процесса, которое навязывают англичанам реакционная британская наука, школа, печать, усердно пытающиеся свести к нулю значение революционных народных движений в Англии, представить ее, вопреки истине, классической страной «мирного», эволюционного развития.

И. В. Сталин в беседе с английским писателем Г. Д. Уэллсом разбил эту фальшивую реформистскую концепцию английской истории на примере чартистского движения. В ответ на ложное утверждение Уэллса: «Чартисты мало что сделали и исчезли бесследно», И. В. Сталин возразил: «Я с Вами не согласен. Чартисты и организованное ими забастовочное движение сыграли большую роль, заставили господствующие классы пойти на ряд уступок в области избирательной системы, в области ликвидации, так называемых, „гнилых местечек", осуществления некоторых пунктов „хартии". Чартизм сыграл свою не малую историческую роль и побудил одну часть господствующих классов пойти на некоторые уступки, на реформы, во имя избежания больших потрясений» [1].

В Англии сторонники мира опираются на лучшие традиции демократического и пролетарского движения в своей стране.

Одним из примеров плодотворного обращения прогрессивной английской литературы к этим традициям является роман Линдсея «Люди 48-го года» (1948), посвященный последнему периоду чартистского движения. Картины общественной жизни и классовой борьбы, образующие широкий исторический фон произведения, составляют его наиболее сильную и значительную сторону.

Главный герой романа, Ричард Бун — молодой интеллигент, отпрыск помещичьей семьи. Он сочувствует народу и ищет

[1] И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 10-е, 1935, стр. 611.

путей служения ему. Изжив юношеское увлечение реакционной демагогией торийской «Молодой Англии», он сближается с чартистскими кругами, становится другом одного из рядовых борцов-чартистов — Скемлера, знакомится с Эрнестом Джонсом, вождем левого крыла чартизма, и примыкает к революционному движению 1848 г.

Образ Ричарда Буна, так же как и образ его друга Скемлера, связан, по замыслу автора, с важной для прогрессивной литературы Англии темой сближения с народом передовых представителей интеллигенции. Линдсей рисует своих героев в развитии, показывая, как закаляется их характер, расширяется идейно-политический кругозор, по мере того как их интересы все теснее смыкаются с интересами борющегося народа.

Глазами Буна автор показывает читателям важнейшие события 1848 г. в Англии и на континенте. Главы, изображающие революционный подъем восставших народных масс и зарождение международной солидарности трудящихся в революции 1848 г., принадлежат к числу самых сильных в книге.

Реалистически описывает Линдсей нищету и бесправие трудящихся на родине Буна, в Англии.

Линдсей уделяет особое внимание выяснению причин упадка чартистского движения. Но в его романе нет места пораженческому унынию. Он показывает героизм чартистских деятелей, которых не сломил буржуазный террор.

Вышедший в 1950 г. роман Линдсея «Костры в Смитфилде» посвящен менее значительным историческим событиям. Но важно то, что и здесь при изображении жестоких преследований, которым подвергались протестанты в царствование Марии Кровавой, Линдсей противопоставляет трудовую, демократическую Англию — Англии буржуазно-аристократических хищников. Поставленная в романе тема мужества и стойкости простых людей из народа, лондонских ремесленников и подмастерьев, для которых борьба за свободу вероисповедания уже заключала в себе в зародыше и борьбу за гражданскую свободу, сближает его с другими, более значительными по своей исторической проблематике романами Линдсея.

Интересен путевой дневник Линдсея «Мир будущего» (1950) — итог его поездки в Советский Союз в 1949 г., когда он присутствовал в числе почетных гостей на торжествах в связи с 150-летием со дня рождения Пушкина.

Давний друг Советского Союза, пропагандист советской литературы в Англии, Линдсей с увлечением рассказывает своим читателям о расцвете культуры и искусства в нашей стране. Его поразил всенародный характер празднования

пушкинского юбилея, невозможный в Англии, как и во всех других капиталистических странах. Все, начиная с многолюдного митинга на Пушкинской площади в Москве и цветов, которые любовно приносили москвичи к подножию памятника Пушкину, и кончая массовыми торжествами в селе Михайловском, убеждает Линдсея в том, что в стране социализма литература действительно стала достоянием всего народа.

Он стремится передать своим английским читателям чувства восхищения, братской дружбы и солидарности, которые вызывают в нем советские люди — рабочие и колхозники, писатели, ученые и художники, молодежь, дети. Он внимательно изучает прекрасные черты морального облика советских людей, рожденные условиями социализма: их глубокий патриотизм, творческое отношение к труду и несокрушимую волю к миру, их спокойную уверенность в себе, гордое достоинство и душевную ясность.

Запоминается описание поездки Линдсея в один из украинских колхозов. Картина мирного летнего вечера, когда Линдсей с женой и сопровождающие их украинские писатели, приглашенные в гости в семью колхозницы, поют вместе с хозяевами украинские, уэльские и английские песни, является живым свидетельством дружбы народов Советского Союза и трудящихся всего мира.

Через всю книгу проходит тема ответственности писателя перед своим народом. Знаменателен в этом смысле эпизод посещения киевского хлебозавода. Директор хлебозавода спрашивает Линдсея: «Почему английские писатели не борются за мир?» — и Линдсей чувствует, как трудно ему объяснить советским людям, привыкшим видеть в писателе совесть народа, что подавляющее большинство английских литераторов еще стоит на распутье.

Линдсей с волнением говорит о тех чувствах, которые охватили его в первые же дни пребывания в советской столице — «титанической Москве» [1]. Это было прежде всего изумление новизной той жизни, тех человеческих отношений, которые открылись его глазам. «Я чувствовал себя, как смертный, высадившийся на луну,— я, пришелец из жестокого и горького мира, где волки рычат из дебрей газетной печати и древняя обезьянья злоба говорит со мной каждый раз, когда я включаю радио»,— пишет Линдсей. И вместе с тем, он, представитель простых людей своей родины, чувствует братское единство с людьми страны социализма. Ему хотелось, вспоминает он,

[1] Jack Lindsay. A World Ahead, p. 12.

пожать руку встречного советского солдата, «потому что он защищает ту жизнь, благодаря которой моя жизнь становится полной смысла» [1].

Борьба народов против поджигателей войны нашла яркое отражение в сборнике стихотворений Линдсея «Мир — наш ответ», иллюстрированном рисунками австралийского художника Ноэля Кунигана. Линдсей славит мир — оплот созидательного труда, творчества, счастливого материнства. От лица бесчисленных простых людей всех стран он бросает грозное предупреждение заговорщикам, готовящим новую войну. «Убийц не остановишь ни слезами, ни жалобами», но «они будут бессильны, когда их власть будет сломлена. Им придется замолчать, когда заговорит народ». Свободу не закуешь в кандалы, террор кровавых убийц бессилен против великой международной солидарности борцов за мир,— провозглашает поэт в стихотворении «Они думают, что свободу можно бросить в тюрьму». «Нас много, их — мало»,— гласит стихотворение, завершающее книгу. Его сопровождает рисунок, изображающий шествие бастующих докеров; над головами их вьются голуби — вестники мира.

Стихи Линдсея и рисунки Кунигана воссоздают массовые сцены, взятые из жизни и отражающие всенародный размах движения сторонников мира: антивоенную демонстрацию матерей, подписание Стокгольмского Воззвания на уличном перекрестке, митинг лондонских рабочих. «Высоко над Лондоном вздымается голос и глубоко проникает в сердца, ибо Мир — это Жизнь, и Жизнь должна победить»,— восклицает поэт в стихотворении «У народа есть ответ».

Джек Линдсей участвует в движении мира не только как романист, публицист и поэт, но и как неутомимый организатор, стремящийся сплотить воедино все передовые силы английской культуры для борьбы против войны.

«Положение в Британии: что происходит с нашей культурой?» — в статье под этим заглавием Линдсей вскрывает реакционный, упадочнический характер той псевдокультуры, которую навязывают народу американо-английские монополисты. Литераторы-декаденты, служащие интересам Уолл-стрита, пытаются заразить народ своим страхом перед будущим, своим фашистским человеконенавистничеством, своим отчаянием. Лидеры правых лейбористов, именующие себя «социалистическими» представителями «британского гуманизма», на деле, указывает Линдсей, действуют, как «обносившиеся коммивояжеры американского империализма», а философы вроде Бертрана

[1] Jack Lindsay. A World Ahead, p. 40—41.

Рассела, похваляющиеся своей индивидуалистической «свободой» мысли, занимаются тем, что «выражают телепатически идеи генерального штаба США» [1].

Позорному упадку и разложению «культуры» агрессоров и эксплуататоров Линдсей противопоставляет «великие, реальные и осязаемые возможности» [2], открывающиеся перед прогрессивной, демократической культурой Англии. Он призывает английских интеллигентов, писателей, художников присоединиться «к тем силам, которые только и могут разорвать мертвую петлю экзистенсиализма и империализма» [3]. Защищать национальную традицию в Англии в настоящее время можно лишь защищая дело трудового народа, отстаивая мир.

Передовые силы английской литературы, искусства, науки сплачиваются в борьбе против лагеря американо-английской империалистической реакции.

В октябре 1951 г. в Лондоне состоялась писательская конференция в защиту мира. На конференции были намечены планы активизации борьбы писателей за мир и был избран исполнительный комитет в составе 28 членов для руководства деятельностью писателей — сторонников мира. Выступая на конференции, писатель А. Э. Коппард сказал: «Мы видим, что цивилизации угрожает много опасностей, но ни одна из них не может сравниться с угрозой войны. Мы постараемся сделать все возможное как в своем творчестве, так и в своей деятельности, чтобы улучшить взаимопонимание между народами. Другими словами, мы приложим все силы, чтобы распространить идею мира...» [4].

С большим подъемом прошла в Лондоне в мае 1952 г. вторая конференция в защиту культуры, организованная под лозунгом: «Поставим культурное наследие Англии на службу дела мира и национальной независимости».

Борьба британских трудящихся за мир ширится вопреки усилиям реакции, и прогрессивная литература Британии растет и крепнет, участвуя в этой борьбе.

---

[1] «Арена», 1950. № 5, стр. 54—55.
[2] Там же, стр. 53.
[3] Там же, стр. 61.
[4] «Новое время», 7 ноября 1951 г., № 45.

Н. И. Крымова и В. П. Неустроев

ПРОГРЕССИВНЫЕ ПИСАТЕЛИ ДАНИИ В БОРЬБЕ ЗА МИР

1

Передовые писатели Дании активно участвуют в борьбе своего народа за мир, свободу и национальную независимость. Старейший датский писатель, член Всемирного Совета Мира, Мартин Андерсен Нексе, призывает своих соотечественников, всех честных людей к укреплению лагеря мира. Говоря о программе действий борцов за мир в соответствии с вдохновляющими словами сталинского призыва, Нексе заявляет: «Если наша борьба за мир будет принимать все более боевой, активный характер, если народы возьмут судьбы мира в свои руки, мы сумеем обуздать человекообразных зверей империализма. Мы должны поэтому убеждать все новые и новые массы честных людей вступать в ряды активных друзей мира» [1].

В результате предательской политики реакции Дания оказалась в настоящее время под пятой американского и английского капитала. Однако простой народ Дании, переживший тяжелые годы фашистской оккупации во время второй мировой войны и активно боровшийся с нацистами, вступает на путь сопротивления новым поработителям его родины. Трудящиеся Дании не хотят быть пушечным мясом для американских дельцов. По всей стране они развертывают борьбу за мир, за национальный суверенитет. В конце ноября 1950 г., вслед за Вторым Всемирным Конгрессом сторонников мира, состоялся Датский Конгресс сторонников мира, решительно осудивший американскую интервенцию в Корее и милитаризацию Западной Германии. Конгресс потребовал прекращения милитаризации Дании, выразил протест против удлинения срока службы в армии и против военных соглашений датского правительства. «Мы,— говорилось в единодушно принятой резолюции,— призываем все датское население, в частности рабочих, которые особенно сильно чувствуют

[1] Мартин Андерсен Нексе. Во имя укрепления мира.— «Огонек», 1951, № 10.

экономический гнет милитаризации, присоединиться к этим требованиям, чтобы они стали выражением воли народа, которая заставит правительство проводить активную мирную политику» [1].

«Социал-демократическое» правительство Хедтофта в октябре 1950 г. было вынуждено уйти в отставку. К власти пришло коалиционное буржуазное правительство Эриксена — Крафта, которое, по существу, не изменило внешнеполитического курса. Смысл правительственной «метаморфозы» хорошо выразил один из крупнейших художников Дании карикатурист Херлуф Бидструп, показавший, как дядя Сэм одни перчатки заменил другими, так как «они больше подходят к сезону, да и нехорошо полностью изнашивать старые — они еще пригодятся» [2].

Дания все больше и больше подпадает под контроль США. Датское правительство продолжает милитаризацию страны и наступление на жизненный уровень, на права и свободу датского народа.

Оценивая пагубные последствия политики реакции Дании, известный датский общественный деятель, писатель-коммунист Мартин Нильсен обратил внимание своих соотечественников на то, что политические кризисы, систематически потрясающие страну, являются выражением несогласия датского народа с военной политикой правительства. «Коммунисты,— сказал он,— протягивают руку каждому, кто хочет защищать интересы широких народных масс, и отвергают политику, которая, если ее не прекратить, отбросит наше социальное развитие на десятки лет назад... Основой объединения народа должна быть борьба за мир, против военной политики и ее роковых последствий» [3].

Не менее сильно, чем политическое и экономическое давление, проявляется в Дании идеологическое наступление империалистической реакции. Страна наводнена американизированной бульварной литературой. Крупный современный прогрессивный датский писатель Ганс Кирк образно сравнил литературного критика настоящего времени с мальчиком из сказки, которому пришлось съесть гору каши, чтобы перебраться через эту гору. Критику поистине приходится вгрызаться в горы всевозможной макулатуры. Передовые писатели в один голос заявляют, что эта, с позволения сказать, «литература» действует одуряюще на читателя.

---

[1] «Правда», 28 ноября 1950 г.
[2] «Ланд ог фольк», («Land og folk»), 29 октября 1950 г.
[3] «Ланд ог фольк», 7 ноября 1950 г.

Американцы скупают датскую бумагу в таких количествах, что это душит национальную литературу. Американский журнал «Дет Бесте», содержащий грубейшую империалистическую пропаганду, бесплатно раздается в датских школах.

Можно сказать, что один реакционный американский журнал потребляет столько же бумаги в год, сколько вся датская беллетристическая литература — классическая и современная вместе. Газета «Ланд ог фольк» («Страна и народ») в номере от 25 мая 1951 г. справедливо писала: «Есть основания предполагать, что американцы намерены вмешиваться в то, что издается в Дании. Возможно, что американские оккупационные власти считают, что для нас и других маленьких вассальных государств — самое лучшее заменить национальную литературу американскими «культурными ценностями», что наша, датская литература, отягощаемая недостатком бумаги, должна быть заменена «Дет Бесте» и иллюстрированными сериями... Безработные датские писатели должны утешаться тем, что мы живем в стране, где существует наилучшее в мире социальное обеспечение, и что социальная контора на Сундхольме [1] для них открыта».

Датская прогрессивная литература, ведущая борьбу за мир, развивается и крепнет даже в этих трудных условиях. Большое внимание вопросам искусства уделяет коммунистическая партия Дании.

На страницах газеты «Ланд ог фольк» широко освещаются важнейшие явления литературы, борющейся за мир. Датская коммунистическая партия и ее центральный печатный орган бережно поддерживают все передовое в датской литературе и искусстве.

В годы фашистской оккупации датские прогрессивные писатели принимали непосредственное участие во всенародной освободительной борьбе. По распространению нелегальной антифашистской литературы, особенно газет и листовок, Дания заняла одно из первых мест среди других оккупированных стран. За пять лет гитлеровской оккупации было издано 26 млн. экз. подпольных изданий. Отдельные органы, в частности коммунистическая газета «Ланд ог фольк», выходили тиражом в 100 тыс. экз. Инициатором и руководителем этого гигантского в датских условиях издания антифашистской литературы была коммунистическая партия Дании, боровшаяся в исключительно тяжелых условиях подполья.

---

[1] Сундхольм — рабочий район Копенгагена, населенный беднотой.

Годы борьбы с фашистскими оккупантами были большой школой для передовых датских литераторов. В сложной политической обстановке военных и послевоенных лет выросла и окрепла как публицистика, так и художественная литература.

2

В авангарде датских писателей, борцов за мир, стоит Мартин Андерсен Нексе — «сын народа», «первый писатель Дании», как его называет народ. Широко известна мужественная многолетняя борьба Мартина Андерсена Нексе против империализма и развязываемых им войн, его глубокая любовь и преданность Советскому Союзу, его горячая пропаганда опыта социалистического строительства. Красной нитью через все творчество Нексе проходит идея сплочения сил простых людей, международной солидарности трудящихся.

Своей общественно-литературной деятельностью Нексе внес огромный вклад в борьбу за мир, изобличая поджигателей империалистических войн и отстаивая мир для того, чтобы простые люди могли «трудиться, радоваться и сделать жизнь прекрасной». Эти слова старейшего из революционных писателей современности — яркое свидетельство того, что вопросы войны и мира для него неотделимы от повседневной борьбы пролетариев против жестокой эксплуатации, от борьбы за свободу и демократию. «...После двух мировых войн,— писал Нексе председателю Всемирного Конгресса сторонников мира проф. Ф. Жолио-Кюри,— у широких масс открылись глаза на то, что война — это ...затея паразитов и поэтому она величайший позор для человечества» [1].

Художественное творчество, политическая публицистика и устные высказывания Нексе постоянно направлены против захватнических войн. Таковы, в частности, его антивоенные стихи, рассказы и публицистические статьи периода первой мировой войны («Вокруг войны», «Война и женщины», «Перспективы войны», «Германия и Пруссия» и др.), сохранившие свою актуальность и сегодня. Такова и драма «Люди Дангорда» (1913—1915 гг.), описывающая Данию в пору непосредственной подготовки первой мировой войны, показывающая действи-

[1] Приветствие Всемирному Конгрессу сторонников мира в Париже в 1949 г. Цит. по кн.: Мартин Андерсен Нексе. Избранное, М., 1949, стр. 432.

тельную суть политики датского «нейтралитета», которая давала возможность предпринимателям прибыльно торговать с воюющими странами. В настоящее время драма с успехом идет на сцене театров Германской Демократической Республики. В романе «Мортен Красный» (кн. I — 1945 г., кн. II — 1948 г.) также описываются события, связанные еще с первой мировой войной. В нем ярко показан путь предателей из лагеря правой социал-демократии. Если в романе «Пелле-Завоеватель» (1906—1910 гг.) Нексе предупреждал об опасности перехода социал-демократии в лагерь реакции, то в «Мортене Красном», исходя из исторического опыта войны 1914—1918 гг. и всего послеоктябрьского периода, писатель показывает завершение этого процесса. С другой стороны, Нексе подчеркивает формирование и укрепление революционных настроений в среде трудового крестьянства и интеллигенции, их идейную связь с рабочим движением. Образ главного героя романа, журналиста Мортена, носящий во многом автобиографический характер, раскрывается как тип нового человека, идущего от стихийной оппозиции борца-одиночки к сознательному участию в движении революционных масс. Прежняя попытка поставить Мортена «над схваткой» сменяется утверждением необходимости выйти на широкий путь последовательно-революционной борьбы, т. е. «следовать за русскими товарищами, настоящими марксистами в отличие от социал-предателей из Берлина». В романе «Мортен Красный», как и в боевой публицистике последних лет, с особенной силой выразилось стремление Нексе писать для массового читателя, решать насущные общественно-политические задачи освободительной борьбы рабочего класса.

Во второй книге романа Нексе проводит мысль о том, что передовой писатель должен находиться в первых рядах борцов за прогресс. Герой романа Мортен осознает, что «война была поворотным пунктом для старого строя» и что осуществивший социалистическую революцию первым русский народ «понял знамение времени». В романе и боевой публицистике писателя раскрывается всемирно-историческое значение Октября, великая роль Советского Союза, возглавляющего лагерь борцов за мир и демократию.

В политической публицистике 20—30-х гг., в обстановке роста политического влияния Советского Союза и дальнейшего углубления кризиса капитализма Нексе разоблачал поджигателей второй мировой войны (книги «Два мира», «Руки прочь!», статьи об Испании и Финляндии и др.). В наши дни злободневно звучат сказанные еще в 1939 г. слова Нексе о политике так называемых «демократических» держав, которую он опреде-

лил как «фашистское пиратство или буржуазно-демократическое лавирование в поисках какой-либо лазейки, целью которого является не прочный мир, а передышка». Надежным оплотом мира является Советский Союз. «Счастье человечества,— писал Нексе,— в растущей мощи Советского Союза, ведущего последовательную и неуклонную борьбу за мир» [1].

В 30-е годы, плечом к плечу с Максимом Горьким, Анри Барбюсом, Роменом Ролланом и другими деятелями передовой культуры мира, Мартин Андерсен Нексе сражался за мир, был одним из организаторов конгрессов в защиту культуры и мира, выступал в защиту Испанской республики. Недаром один из батальонов Интернациональной бригады, сражавшейся против фашистских интервентов в Испании, носил имя Нексе, а на Международном конгрессе писателей в Валенсии и Мадриде, собравшемся в 1937 г., в разгар войны в Испании, Нексе был избран почетным председателем.

Как в очерках об Испании, так и в статьях, посвященных финским событиям, Нексе вел непримиримую борьбу против фашизма. Он разоблачал перед датским народом и международным общественным мнением истинные агрессивные замыслы финской реакции. Раскрывая реакционный политический смысл, который фашисты придавали идее «северного единства», Нексе писал: «Мы, датчане, несмотря на жалкое состояние свободы и у нас, все же должны отказаться от «общности судьбы» с финляндскими правительственными кругами. Мы глубоко сочувствуем финскому народу, но не касте его господ. Финскому народу нечего бояться востока...» [2].

В период второй мировой войны и оккупации Дании Нексе продолжает разоблачать фашистов, а также «миротворцев» из лагеря продавшихся фашизму правых социал-демократов. В речи на рабочем собрании 1 мая 1941 г. он выступил против предательской политики датского социал-демократического правительства, способствовавшего оккупации страны немецко-фашистскими войсками, и выразил уверенность в том, что «боевой мир одержит окончательную победу» [3].

Летом 1941 г. престарелый, больной писатель был схвачен фашистами и брошен в тюрьму, откуда был выпущен на неко-

---

[1] «Мирная политика Советского Союза». Цит. по кн.: Мартин Андерсен Нексе. Избранное, стр. 338.

[2] «Вокруг Финляндии». Цит. по кн. Мартин Андерсен Нексе. Избранное, стр. 387.

[3] «Арбейдербладет» («Arbejderbladet» — «Рабочий листок»), 2 мая 1941 г.

торое время по болезни. По решению руководства ушедшей в подполье коммунистической партии Нексе нелегально переправился в Швецию. Оттуда он переехал в Советский Союз. Из эмиграции в «Письмах к земляку», в выступлениях по московскому радио писатель-патриот обращался к своему народу, к борцам национального движения Сопротивления, разоблачал перед рядовыми членами социал-демократической партии предательскую политику их лидеров. В «Письмах к земляку» он разъяснял империалистический характер войны, развязанной фашистской Германией при пособничестве других империалистических государств. Вместе с тем писатель обращал внимание датского народа на то, какую огромную роль в деле борьбы за освобождение Дании сыграли всемирно-исторические победы Советской Армии, разгром фашистских войск под Сталинградом. Сталинград и в Дании стал символом непобедимости, самоотверженной борьбы народа. Героически сражавшиеся бойцы движения Сопротивления, рабочие пролетарской улицы Копенгагена — Истедгаде — в свое время выдвинули лозунг: «Гитлер, ты взял Париж и Амстердам, но ты никогда не возьмешь Сталинграда и нашей улицы».

В одном из выступлений по московскому радио в ноябре 1944 г. Нексе говорил: «В Дании, находясь в подполье, мы слушали Москву, Куйбышев, Ленинград. Фашистские радиоглушители ревели, как дикие звери, но все же сквозь эти преграды нам удавалось узнавать о последних событиях: о непоколебимой выдержке Ленинграда, о победе под Москвой, о Сталинградской победе. Свободный эфир, несмотря ни на что, доносил нам эти вести и придавал нам мужество и силы вести совместную борьбу и выстоять».

В период оккупации в Дании нелегально распространялись знаменитые «Письма к земляку» Нексе. В них писатель указывал на необходимость всемерного использования «самого точного навигационного прибора» — марксизма. Уже тогда, призывая бороться за освобождение страны, Нексе ставил вопрос о том, что после освобождения нельзя будет возвратиться к старому. После войны,— писал он,— широкие массы должны сами стать у кормила власти, ибо народ не хочет войны. Ее развязывает ничтожная группа поджигателей войны. Только в том случае, если простые люди поймут это, если они объединятся, если они встанут у руля, можно быть уверенным, что эта война явится последней. В противном случае, нужно ожидать новой бойни.

В это время появляется стихотворение Нексе, посвященное морякам Дании, боровшимся против гитлеровской

Германии [1], которые, по словам Нексе, «несут наш прекрасный осквернённый флаг по окровавленному земному шару». В этом стихотворении писатель призывал простых людей, «сыновей будней», образовать цепь от человека к человеку, от страны к стране, в борьбе за свой родной очаг, в борьбе за мир. Стихотворение кончалось строками:

Мы боремся за высокий небесный свод
Над нашим домом, за наших детей, за свое гнездо!
Мы боремся за самих себя
И, значит, за все человечество! [2]

Еще до окончания второй мировой войны Нексе, прозорливо вглядываясь в будущее, предостерегал народы мира относительно новых военных планов, вынашивавшихся империалистами. В новогоднем стихотворении 1945 г. он призывал «восстановить для мира мир и в нем войны не начинать».

Нексе разъясняет народным массам Дании их ошибки и заблуждения в прошлом, пробуждает их сознательность, гневно клеймит пассивность буржуазной интеллигенции.

С радостью Нексе констатирует, что борьба за мир одерживает победу за победой. «Человек-творец проявляет достоинство и волю, каннибалы же сжались от страха. Движение за мир развертывается. Все большее и большее число людей начинает осознавать свою ответственность перед землей, которую они трудом рук своих сделали обитаемой и прекрасной, они отказываются предоставлять свои силы и таланты на службу тому, что грозит жизни человека. Портовые рабочие все чаще отказываются разгружать корабли, привозящие хоть что-либо похожее на военные материалы, а промышленные рабочие начинают все более зорко следить за тем, чтобы военное производство не внедрялось хитростью в их кажущуюся мирной работу» [3].

Национальный Конгресс сторонников мира в Дании выбрал Нексе «первым членом Национального Комитета защиты мира». Всемирным Конгрессом сторонников мира в Варшаве Нексе был избран членом Всемирного Совета Мира. Решением Президиума Верховного Совета СССР Мартин Андерсен Нексе введен в состав Комитета по присуждению международных Сталинских премий «За укрепление мира между народами».

---

[1] «Привет и пожатие руки». Напечатано в органе Союза датских моряков «Kurér» 1 февраля 1944 г.

[2] Здесь и в дальнейшем даны подстрочные переводы стихов.

[3] Мартин Андерсен Нексе. Война это каннибализм.— «Ланд ог фольк», 4 сентября 1949 г.

3

Боевыми соратниками Мартина Андерсена Нексе являются передовые писатели Дании. Они активно борются против империалистической реакции, отстаивая национальный суверенитет, дело мира и демократии.

К числу виднейших прогрессивных писателей Дании принадлежит Ганс Кирк. В годы фашистской оккупации им был написан в тюрьме исторический роман «Раб». Писатель решал в нем актуальные вопросы антифашистской борьбы. Историю гибели корабля «Сан-Сальвадоре» автор использовал для того, чтобы показать решимость заключенных бороться за свободу. Священная ненависть к угнетателям побуждает раба-индейца прорубить дно корабля и обречь на гибель врагов, а вместе с ними и себя. В эпизодах борьбы рабов XVII столетия Кирк сумел аллегорически рассказать о современных фактах — сопротивлении датчан нацистским поработителям. В уста раба он вложил рассуждения, которые правдиво отражали антифашистские устремления датского народа. В образе простого солдата Хуана Гомеса, приходящего к выводу о необходимости разоблачения преступлений колониальных захватчиков и мечтающего о возврате на родину — в Испанию, к мирному крестьянскому труду, автор олицетворяет силы датского движения Сопротивления. О ненависти к поработителям, о победе народа над силами мрака говорит в конце романа еще один герой Кирка, дон Пабло. Но развитие освободительного движения все же не показано в романе достаточно полно и конкретно. Вместе с тем его основная антифашистская направленность была настолько ясна, что когда гитлеровцы нашли рукопись, они поспешили сжечь ее. Бежав из концентрационного лагеря, Кирк начал писать роман заново и завершил его уже по окончании войны. Издание романа, носящего антивоенный, антиимпериалистический характер, в условиях нового закабаления родины писателя — на этот раз американо-английским капиталом — имеет актуальное политическое значение.

В 1952 г. вышел роман Кирка «Деньги дьявола», в котором автор показал Данию периода фашистской оккупации. В романе, наряду с вымышленными героями, выведены и такие реально существующие люди, как Стаунинг, бывший в то время премьер-министром. Кирк остро-сатирически показывает, как социал-демократическое правительство во главе со Стаунингом не только не оказывало сопротивления фашистским оккупантам, но всячески им содействовало. Одним из героев романа является старик Грейс Клитгорд, бывший подрядчик, ставший крупным капита-

листом. Подобно Егору Булычову, он «живет не на той улице». Он любил труд как творческую созидающую силу. Его сыновья — истинные представители капиталистического мира — выполняют немецкие военные заказы, получая баснословные прибыли. С горечью видит Грейс, как его деньги становятся «деньгами дьявола». Грейс не принимает активного участия в движении Сопротивления, но все его симпатии на стороне этого движения. Он гибнет от руки немецких фашистов.

Активным борцом движения Сопротивления становится его внук Грегерс. Он порывает со своей семьей, находит приют в семье рабочего-коммуниста, сам становится рабочим и членом коммунистической партии. Его арестовывают вместе с другими коммунистами и отправляют в концентрационный лагерь в Германию.

Видя поражение немецкого фашизма, разгромленного войсками советского народа, датские капиталисты, и среди них сыновья Клитгорда, меняют свою ориентацию и переходят на службу к новым хозяевам — американо-английским империалистам.

В настоящее время Кирк работает над второй частью романа — «Клитгорд и сыновья». В нем действие будет доведено до настоящего времени и показана новая оккупация Дании американскими поджигателями войны.

Группа значительных писателей Дании — Ганс Кирк, Ганс Шерфиг, Ганс Дитлев, художник-карикатурист и журналист Херлуф Бидструп и другие — создали ряд коллективных произведений — явление новое в истории датской культуры. Можно указать на созданное ими обозрение на тему борьбы за мир [1]. На примере сбора подписей под Стокгольмским Воззванием в разных странах авторы обозрения показали могучие силы, отстаивающие дело мира, и наряду с этим силы, которые служат целям войны.

Ганс Кирк, Ганс Шерфиг, Мартин Нильсен, Кьель Абель, Хильмар Вульф, поэт Отто Гельстед и многие другие писатели постоянно сотрудничают в «Ланд ог фольк», единственной из 302 газет Дании, являющейся истинным голосом датского народа, выразителем его чаяний и надежд, защитником и поборником его интересов. Они смело и гневно выступают против американизации страны, против преступной политики вооружения, послушно проводимой датскими правителями в угоду заатлантическим хозяевам, против тех бедствий, которые эта политика несет народу, против ее пагубного влияния на датскую культуру. «Разоружением культуры» назвал Ганс Кирк тепереш-

[1] См. «Ланд ог фольк», 13 ноября 1950 г.

нюю политику правительства. В статье под этим названием он писал, что культура, которая должна быть таким же естественным правом народа, как хлеб насущный, стала роскошью, что на сумму, в которую обходится реактивный истребитель, можно построить научный институт, вместо бомбоубежищ можно строить школы. «Но,— иронически писал он,— нам нужны истребители и пушки, у нас нет средств для науки и школ. Мы возвращаемся к «старым добрым временам», когда дети бедняков получали ничтожные знания из букваря и катехизиса. Им не нужно было большего. Солдату тоже большего не нужно. Он должен уметь обращаться с оружием и выполнять приказы. Солдату не нужны знания, духовная жизнь или культура. Его потребности в этой области прекрасно удовлетворяются иллюстрированными журналами и изображениями девушек — «Вырежь и сохрани», крупным поставщиком которых является Америка. Пушечное мясо не должно думать. Вооружение идет рука об руку с разоружением культуры». В статье «Попрежнему ли мы датчане?» Кирк говорит об исключительно тяжелом положении национальной литературы: «Датская книга стала бездомной на книжном рынке», реакционная американская цензура стала действовать открыто, а «пьесы, противоречащие Атлантическому пакту, не могут быть поставлены в Королевском театре» [1].

Разоблачая американских поджигателей преступной войны в Корее и их английских пособников, Кирк гневно заклеймил раболепное молчание буржуазной прессы Дании по этому вопросу. «Почему они молчат? — спрашивает он.— Почему широкая датская общественность не должна знать, что крупные политики страны, с которой у нас существует военный союз, стремятся развязать войну?» И отвечает: «Потому, что слово — серебро, а молчание — доллары. Цинизм английских государственных деятелей может испугать избирателей, народ не все должен слышать» [2].

В связи с посещением Дании Ильей Эренбургом и развернувшейся против него кампанией в датской буржуазной, в том числе «социал-демократической», печати Кирк противопоставил выступления советского писателя, полные глубокого уважения к датскому народу и его культуре, выступлениям некоего заезжего американского «профессора», который нагло заявил, что вся датская культура сгнила и ее нужно уничтожить, а потом ввести «истинную», американскую культуру. Кирк заканчивает свою

[1] «Ланд ог фольк», 16 марта 1951 г.
[2] «Ланд ог фольк», 24 января 1951 г.

статью словами: «Народ нельзя уничтожить. Только народ является носителем культуры» [1].

К национальной конференции профсоюзов, состоявшейся в феврале — марте 1951 г., Кирк написал стихотворение, провозглашавшее:

Мы требуем права на жизнь,
Мы требуем насущного хлеба.

В этом стихотворении он отвергает унизительную мольбу: «хлеб наш насущный даждь нам днесь». Все ценности, все богатства создаются руками трудящихся, без них бесплодными были бы поля, не могли бы работать машины, плавать корабли. Они имеют право на созданное ими. Массы трудящихся хотят работы и мира, а не убийства, насилия и войны. И они должны сказать свое веское слово так, чтобы его услышали и поняли во всем мире:

Мы не хотим бомб и убийств,
Мы хотим не войны, а мира [2].

В ответ на очередной воинственный призыв по радио министра обороны Гаральда Петерсена, Ганс Кирк выступил со стихотворением «Директива», где он показывает, как мать, следя из окна за игрой своих детей, слышит по радио «директиву» Петерсена. В страхе и ужасе она спрашивает: «Неужели нет иного выхода, кроме смерти и гибели, неужели костлявая рука смерти постучала в ее окно?». Кирк отвечает ей: «Есть иной выход, есть путь спасения играющих детей»:

Мы не хотим, чтобы наши дети
Стали окровавленными трупами.
И вот наша директива:
Мы хотим мира, мы не хотим войны!
Вступай в борьбу, женщина
С испуганным и бледным лицом!
Мы заставим их
Найти путь честной и доброй воли! [3]

4

Видное место среди прогрессивных писателей Дании, борцов за мир, занимает Ганс Шерфиг. Он известен как крупный романист-сатирик и публицист.

[1] «Ланд ог фольк», 24 января 1951 г.
[2] «Ланд ог фольк», 26 февраля 1951 г.
[3] «Ланд ог фольк», 7 октября 1951 г.

Роман Шерфига «Исчезнувший чиновник» (1938), сохраняющий свой актуальный смысл и сегодня,— острая сатира на буржуазную Данию. Шерфиг высмеивает бюрократизм государственной машины, узость и косность паразитического существования городских обывателей, хищнический эгоизм деревенского кулачества. За ханжеским фасадом кажущегося благополучия, самодовольной размеренности и аккуратности скрываются фальшь и гниль.

Чиновник военного министерства Амстед ведет двойную жизнь. В своем кабинете он одновременно хранит и благодарность от начальника за внимание, проявленное при праздновании юбилея последнего, и фотографию того же начальника, под которой аккуратным почерком Амстеда выведены слова: «Бандит, бандит, бандит...» Воспользовавшись благоприятным для его замысла стечением обстоятельств, Амстед пытается скрыться под чужим именем, инсценируя свою смерть. Его долгое время считают погибшим. Но полиция нападает на его след. Пропавшего чиновника водворяют на восемь месяцев в тюрьму за присвоение страховой премии и неплатеж налогов. И здесь-то, в тюремной камере, за механическим склеиванием бумажных пакетов, он, наконец, впервые обретает «все то, к чему стремился всю свою жизнь. Здесь и безопасность, и порядок, и чистота, и размеренность, и покой. Он испытывает чувство, будто он достиг своей цели. Он достиг того, к чему был подготовлен многими годами школы, университета и бесконечных экзаменов... Он достиг того, что представлялось ему всегда как образец жизни. Он достиг высшего идеала буржуазного общества». Так раскрывается убийственный смысл сатиры Шерфига: вся буржуазная Дания — тюрьма. Но его «герой» и не желает возвращаться на свободу. Отбыв заключение, он пытается совершить преступление, а когда это ему не удается, возводит на себя обвинение в вымышленном убийстве с целью вернуться пожизненно в тюремные стены.

В романе «Идеалисты», написанном в 1943 г. и первоначально вышедшем в Швеции, Шерфиг выступает против тех, кого он иронически называет «идеалистами», против либеральных болтунов и фразеров, которые пытались отвлечь народ от насущных задач современности, от общественной борьбы. Эти люди, идеалисты в кавычках, содействовали антинародной политике датского правительства и вместе с ним виновны в несчастьях, постигших датский народ во время фашистской оккупации.

Ганс Шерфиг постоянно выступает в «Ланд ог фольк» со статьями по вопросам истории культуры, с обзорами радиопередач.

Шерфиг настойчиво борется за сохранение датской культуры, развитие реалистических традиций национального искусства (статьи о драматургии Гольберга и культуре датского Просвещения, о путях развития современной датской литературы и др.). В радиообзорах он разоблачает предательскую проамериканскую политику датского правительства, реакционные цели и стремления новых оккупантов.

После отставки Макартура Шерфиг выступил с очередным радиообозрением, остро высмеивая угодничество перед американцами руководителей датского радио.

«Если человек не может добиться больших побед, он довольствуется малыми. Если генерал потерпел поражение на поле брани, он может вознаградить себя успехом на радио. Если он не может завоевать Кореи, он во всяком случае легко может оккупировать Розенэрнсалле [1]. Эта улица, в противоположность Истедгаде [2], всегда легко сдается».

Далее Шерфиг рассказывает о том, как Макартур «завоевал» датское радио. Этот американский штатгальтер был смещен не потому, что его планы противоречили планам его правительства, но потому, что он проговорился. Но датское радио его чествует так, как в свое время чествовало Гитлера. Описывая, с каким подобострастием преподносились по датскому радио «подвиги» генерала-палача Макартура, Шерфиг отмечал, что это напоминало о передачах из Кролл-оперы и Спорт-паласта в гитлеровском Берлине — старые времена не миновали.

После посещения в мае 1950 г. Советского Союза Шерфиг написал новую серию статей об СССР. Многочисленные читатели выражали пожелание, чтобы статьи были выпущены отдельной книгой. Эта книга — «Путешествие в Советский Союз» [3] — вышла в 1951 г. с посвящением Мартину Андерсену Нексе. Автор, являющийся одновременно художником, сам иллюстрировал ее зарисовками виденного им в Советском Союзе.

Книга Шерфига, рассказывающая о различных сторонах жизни Советского Союза, о его экономике, производстве, строительстве, культуре, пронизана одной основной мыслью — главным в стране социализма является человек. «Человек, поставленный над машиной, человек, обретший свое человеческое достоинство,— вот социализм в действии,— пишет Шерфиг.— Встречи с людьми — это то великое, что я пережил в Совет-

[1] Улица в Копенгагене, на которой находится Дом датского радиовещания.

[2] Улица, населенная рабочими, оказавшими упорное сопротивление фашистам в годы немецкой оккупации.

[3] Hans Scherfig. Rejse i Sovjet Unionen. Kφbenhavn, 1951.

ском Союзе. Я берусь рассказывать об этих встречах, несмотря на полторы сотни клеветнических статей, уже написанных обо мне, и в ожидании многочисленных новых. Эта было встреча с будущим, встреча, которая придала мне новые силы» [1]. Об этой «встрече с будущим» автор просто и доходчиво рассказал датскому читателю. С глубоким восхищением пишет он о трудовом энтузиазме советских людей, об их непреклонной воле к миру, об их культурных достижениях. Шерфиг говорит, что советские люди больше знают о Западе, чем датчане о Советском Союзе. Он рассказывает, как многие из его собеседников спрашивали его — действительно ли на Западе верят всем тем басням, которые распространяет американское и английское радио о Советском Союзе. «Мы вынуждены были отвечать,— говорит Шерфиг,— что многие из наших земляков верят этим измышлениям.— «А вы тоже будете лгать, когда вернетесь домой?» — спрашивали нас. Мы отвечали, что мы постараемся говорить правду, но не всем нам разрешат это напечатать» [2].

«Сможете ли вы свободно писать о ваших впечатлениях о Советском Союзе?» — спросили нас. Я ответил, что у нас в Дании 302 газеты. Если мы будем писать отрицательно о Советском Союзе, то 301 газета к нашим услугам. Если же мы будем писать правду, то мы сможем печататься только в одной. Но теоретически мы свободны приобретать акции в акционерных обществах «Политикен» или «Берлингске Тиденде», т. е. крупнейших буржуазных газетах Дании» [3].

Говоря о своем посещении города-героя — Сталинграда, он пишет: «Сталинград производит удивительное впечатление смерти и жизни, разрушения и восстановления, несчастья и победы в одно и то же время. Потрясающее впечатление человеческого безумия, тупости и звериного разрушения, бедствий и страданий, степень которых мозг отказывается понять. Так глупы и злы одни. И так мужественны и непобедимы другие. Народ так терпелив, трудолюбив и оптимистичен, он начинает с самого начала и восстанавливает все, что разрушили безумные. Люди поливают вновь посаженные деревья. Эти тоненькие, только что высаженные липы с белыми, смазанными известкой стволами кажутся мне символичными» [4].

В книге Шерфига жизнь советского человека противопоставляется так называемому «американскому образу жизни», для которого высшим идеалом является человек-автомат, робот, созданный

[1] Hans Scherfig. Rejse i Sovjet Unionen, s. 92.
[2] Там же, s. 29.
[3] Там же, s. 79.
[4] Там же, s. 63.

Гитлером и создаваемый теперь американскими капиталистами в образах «сверхчеловека» и «атомной девушки»,— стандартных героев декадентской литературы.

Деградирующему миру капитализма Шерфиг противопоставляет высокую культуру советского народа, указывая, что советские люди любят и знают литературу, что они — самая читающая публика в мире. Он приводит в доказательство цифры и факты. Шерфиг пишет: «Позитивное отношение к действительности в Советском Союзе так же естественно, как бегство от действительности, беспочвенная мечтательность и мистика свойственны периоду разложения и упадка западной культуры». Шерфиг рассказывает, что советские писатели расспрашивали делегатов о положении литературы в Дании, в частности о свободе слова. «Я ответил,— пишет Шерфиг,— что свобода слова обеспечивается нашей конституцией, но во имя справедливости должен был добавить, что редактор „Ланд ог фольк" Берге Хоуманн незадолго до нашего отъезда был приговорен к тюремному заключению и возмещению судебных издержек за то, что высказал свое мнение по поводу судебного разбирательства дела одного военного преступника» [1].

Тепло и искренно объясняет Шерфиг датским читателям, за что так безгранично любят советские люди своего учителя и вождя — И. В. Сталина: «Естественна и человечна любовь простого советского гражданина к гениальному человеку, который в период революции и строительства, во время войны и восстановления совершил невероятные подвиги... Нельзя не любить великого гуманиста, вышедшего из народа, человека, под руководством которого условия жизни людей полностью изменились в гигантском государстве. Он является воплощением всего советского народа, который в нем приветствует свою собственную силу» [2].

Книга Шерфига, разоблачающая при помощи убедительных фактов распространяемую в Дании клевету против Советского Союза, является ценным вкладом в дело борьбы за мир.

5

В публицистике и художественных произведениях последнего времени писатели Дании выдвигают основной вопрос современности — вопрос о борьбе за мир. В 1948 г. вышел сборник стихов Отто Гельстеда — «Встань и зажги свет» [3]. В этот сборник

[1] Hans Scherfig. Rejse i Sovjet Unionen, s. 78—79.
[2] Там же, s. 83—84.
[3] Otto Gelsted. Staa op og tænd lys. Kφbenhavn, 1948.

вошли стихи, созданные в эмиграции, и стихи, написанные уже после освобождения страны.

Пророчески звучит стихотворение Гельстеда «Нацизм в нашем сознании», написанное в самом конце войны. В нем автор показывает, как два призрака встречаются на болоте. Понимая, что война скоро кончится, эти силы мрака готовятся отравить сладкий плод мира. Они сговариваются привлечь на свою сторону колеблющихся, чтобы смешать чванство и страх в дьявольский напиток, чтобы восстановить все старое — предрассудки, неравенство, мрак и невежество, чтобы победившие заразились той чумой, с которой они боролись.

Мы отравим молодую кровь — мы отравим мир
Мы заставим людей мыслить мыслями палача.
И это будет означать, что нацизм победил!
Тогда снова упадет плод мира
И снова наступят война и гибель [1].

Но черным планам реакции не суждено сбыться. Поэт говорит, что миллионы простых людей сорвут заговор империалистических сил.

В стихотворении «Долой Франко!», написанном уже после войны, Гельстед напоминает миру о всенародной борьбе с фашизмом. Теперь также надо встать на защиту свободы и кликнуть клич:

Враг у ворот! Будьте на страже! На бой!
Неужели будем смотреть, сложа руки, сомкнув уста,
Когда испанцы ведут такую упорную борьбу?

Неужели мы будем поддерживать Франко, торговать с ним?
Нашим ответом должно быть: «Долой Франко!» [2]

В стихотворении «Идиллия в парке» Гельстед рассказывает о гуляющих в парке детях, о цветах и птицах, о внешне мирной обстановке. Но парк изуродован гигантскими грибами бомбоубежищ:

Маленькая девочка спрашивает мать:
«Что это такое?» — и прячется за ее юбку.
Гордый своим знанием, старший братишка отвечает:
Это бомбоубежища для новой войны! [3]

---

[1] Otto Gelsted. Указ. сборник, s. 198.
[2] Там же, s. 208.
[3] «Ланд ог фольк», 8 июля 1951 г.

В ноябре 1951 г. была напечатана кантата Отто Гельстеда «Право на мир». Музыку к ней написал композитор Анкер Альбек. Впервые она была исполнена на вечере, посвященном 34-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. В этой кантате, перекликающейся с такими поэмами, как «Да пробудится лесоруб» Пабло Неруды и «Поэма о человеке» немецкого поэта Кубы, Гельстед рассказывает о том, какой длинный и трудный путь развития в течение тысячелетий прошел человек от четвероногого животного, карабкавшегося по деревьям, до разумного существа, умеющего подчинять себе силы природы, постигшего тайну атома. Трудящийся человек, законный наследник всего созданного поколениями, заслуживает того, чтобы жить в мире и счастье. Капиталисты, лицемерно произносящие прекрасные слова о родине, но молчащие об ограблении народа, о разбойничьих войнах, о захвате колоний, пытаются зажечь пожар новой войны, украсть у простого человека его счастье.

Но мы — масса бойцов,
Мы — борющийся класс,
Мы знаем нашу силу,—

говорит поэт. Кантата заканчивается словами уверенности в победе дела мира:

Громко над всем миром звучит голос поколений:
«Никто не отнимет у нас права на мир!» [1]

Известный датский писатель Хильмар Вульф был одним из делегатов на Втором Всемирном Конгрессе сторонников мира. В газете «Ланд ог фольк» опубликован его рассказ «Вас не забудут» [2]. Герой этого рассказа — моряк, простой человек, когда-то наивно полагавший, что единственный путь исторического развития — это путь мирных реформ. Во время второй мировой войны конвойное судно, на котором он плавал, было торпедировано, после чего он десять месяцев лежал в госпитале в Англии. На собственном опыте он начал понимать, что Англия, Америка и Франция не мешали Гитлеру, а наоборот, помогли ему зажечь пожар. Но он еще простодушно верил в то, что с окончанием войны настанут новые времена, верил буржуазным политиканам, говорившим солдатам и морякам: «Вас не забудут».

[1] «Ланд ог фольк», 18 ноября 1951 г.
[2] В номере от 24 ноября 1950 г.

В 1950 г. он побывал в Советской Прибалтике и странах народной демократии, увидел воочию ростки свободной жизни народов, взявших власть в свои руки. В капиталистических же странах он попрежнему видел царящий там ад. Моряки Дании попрежнему работают в тяжелых условиях. Обещания солдатам и морякам о том, что их «не забудут», свелись к тому, что погибшим морякам поставили дешевый крест в порту Нюхавн А теперь заговорили о новой войне. «Говорят о свободе, но боятся громко сказать, что́ это за свобода»,— с горечью говорит один из моряков. Это свобода эксплуатировать, попрежнему делить мир на рабов и господ. Они восхваляют свободу и грабят трудовой люд налогами на вооружение. Осознав все это и вступив в коммунистическую партию, он по-новому истолковывает слова «Вас не забудут». «Если партия,— говорит он,— может вести такую бесстрашную борьбу за мир, то это значит, что мы действительно не будем забыты». В рассказе ярко отражены мысли трудящихся Дании, жаждущих мира и отдающих все свои силы борьбе за мир.

Выдающееся место в прогрессивной датской литературе последних лет занял роман «Черный Котел» (1949 г.) фарерского писателя Вилиама Хейнесена, пишущего на датском языке.

«Черный Котел» — это не только название гавани в Ормефьорде на Фарерских островах. В это название автор вкладывает и аллегорический смысл: в период второй мировой войны и оккупации островов англичанами гавань действительно походила на бурлящий котел, она как бы стала символом всего хищнического капиталистического мира. Вторая мировая война стала золотым веком для предпринимателей крупных империалистических стран, орудовавших на оккупированных ими территориях, периодом расцвета неслыханного лицемерия, ханжества во имя одной цели — наживы. В то время как торговцы смертью наживались на войне, простые люди были обречены на рабский труд и смерть.

В романе показана трагическая гибель моряков, тонущих на пароходах, взорванных гитлеровскими торпедами. Семьи, лишившиеся кормильца, осуждены на нищету. Но каждый новый рейс, и даже кораблекрушения, приносят громадные прибыли всесильному и всемогущему богачу Опперману. Космополит без роду и племени, говорящий неизвестно на каком языке, принадлежащий неизвестно к какой нации, Опперман является олицетворением, собирательным образом всего империалистического мира. Опперман и ему подобные демагоги произносят истерические речи о любви к родине, о необходимости ее защищать, но в действительности они одержимы только жаждой наживы,

ради которой продают жизнь людей и родину. В интимных беседах между собой они бесстыдно говорят о «тайне» затяжки открытия второго фронта. За этой затяжкой кроется коварная и циничная тактика: «Пусть Россия и Германия обескровят друг друга. Тогда-то настанет срок для действий громадной, свежей и мощной армии, самого могучего военного потенциала мира». Они тешили себя несбыточной, но заманчивой для них мечтой об уничтожении Советского Союза и коммунизма, о безраздельном господстве капитала на всем земном шаре. Они душат сознание простых людей алкоголем, развращают их, поддерживают и направляют деятельность бесчисленного множества религиозных сект, одурманивающих широкие массы.

Выведенный в романе положительный герой — рабочий-печатник Фердинанд, воодушевленный светлыми идеями коммунизма, не показан в общественно-политической борьбе: он безвременно гибнет, не выдержав схватки с хищниками «Черного Котла».

Сила романа в его остро-сатирическом разоблачении сущности капиталистического мира, предательской политики империалистических хищников.

Мужественная борьба за мир прогрессивных писателей Дании, в рядах которых находятся лучшие, наиболее значительные представители современной литературы, вызывает бешенство реакции. Известно, что во время оккупации страны премьер-министр Дании Стаунинг в первую очередь включил в черные списки крупнейших писателей Дании — Нексе, Шерфига, Кирка, Гельстеда и др. Этим писателям пришлось пережить тюремное заключение и концентрационные лагери.

В послевоенные годы, особенно в последнее время, когда борьба за мир приняла всенародный характер, со все более злобными нападками на этих писателей выступает буржуазная, в том числе социал-демократическая, печать. Реакционеры внесли в риксдаг предложение лишить ничтожной пенсии Мартина Андерсена Нексе, являющегося гордостью и славой своего народа. Травля и преследования заставили престарелого писателя покинуть Данию. Нексе, продолжающий горячо и неустанно отстаивать кровные интересы своего народа, принужден был искать приюта в Германской Демократической Республике, правительство которой отметило его заслуги перед прогрессивной литературой, присудив ему в 1951 г. почетную национальную премию.

За последнее время организуются «серийные», по выражению Шерфига, походы против прогрессивных писателей. На них клевещут, их голоса всячески стараются заглушить. Они терпят материальную нужду. Однако, несмотря ни на что, эти муже-

ственные борцы за мир, осознавшие, по словам Нексе, свою роль поэтов-бардов, идущих впереди и вдохновляющих народ на борьбу, не отступают ни перед какими трудностями. Все свои силы и талант они отдают своему народу, жаждущему мира. Вдохновляемые и ободряемые великим примером советского народа, они упорно и целеустремленно борются, как сказал Нексе, за осуществление «самого прогрессивного лозунга, лозунга о мире на всей земле».

Признание авангардной роли писателя звучит в новогоднем приветствии Центрального Комитета Датской коммунистической партии Мартину Андерсену Нексе. В нем говорится: «Центральный Комитет Датской коммунистической партии... шлет тебе и твоей семье самые горячие и сердечные приветы в начале Нового года, который будет иметь решающее значение для исхода борьбы между силами мира и силами войны и который принесет победу миру, если все твои друзья, все борцы за дело мира отдадут этому все свои силы.

Мы обещаем, что все твои друзья и товарищи по партии в Дании сделают это. Мы будем продолжать и усиливать борьбу за то, чтобы помешать плохим правителям Дании довести до кораблекрушения датский корабль, мы обещаем поднять весь датский народ на борьбу с последствиями военной политики, на борьбу за главное — за то, чтобы Дания поддержала требование о заключении Пакта Мира между пятью великими державами.

Мы желаем тебе доброго здоровья и долгих лет жизни на благо человечеству, рабочему классу и прогрессу» [1].

9 апреля 1951 г., в день одиннадцатой годовщины оккупации Дании, по окончании заседаний Бюро Всемирного Совета Мира, происходивших в Копенгагене, в стране начался сбор подписей под Обращением Всемирного Совета Мира, наглядно продемонстрировавший успехи движения датских сторонников мира. Первым и здесь было имя писателя-патриота Мартина Андерсена Нексе.

В статье «Война — это каннибализм» Нексе писал: «Мир — это самое лучшее в человеке. Движение за мир становится воинственным, боевым, а это значит, что каннибал наконец-то, наконец-то осужден на гибель. В словах этого лозунга звучит металл и этого звука не заглушить никакому военному реву».

«Путевкой в будущее» назвал Нексе демонстрацию воли к миру, движение молодежи, получившее наиболее яркое выражение на Всемирном фестивале молодежи в Берлине в августе

[1] «Ланд ог фольк», 7 января 1952 г.

1951 г. По окончании Всемирного фестиваля молодежи Нексе заявил: «Мы верим в прогресс, в победу сил добра, которые помогут поднять мир из руин каннибализма, верим в окончательную победу правого дела при поддержке нашего великого брата — Советского Союза, верного стража мира, друга мирного труда» [1].

---

[1] Мартин Андерсен Нексе. Путевка в будущее.— «Литературная газета», 21 августа 1951 г.

Ф. В. Кельин

ПРОГРЕССИВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

1

Прогрессивная литература стран Латинской Америки развивается и растет в исключительно трудных условиях. С каждым днем усиливается экономическое, политическое и военное проникновение США на латино-американский континент. В настоящее время в 20 странах Латинской Америки власть находится в руках ставленников Уолл-стрита. В беседе с корреспондентом «Правды» И. В. Сталин сказал, что помещики и купцы Латино-американских стран «жаждут новой войны где-нибудь в Европе или Азии, чтобы продавать воюющим странам товары по сверхвысоким ценам и нажить на этом кровавом деле миллионы. Ни для кого не составляет тайну тот факт, что 20 представителей двадцати Латино-американских стран представляют теперь наиболее сплочённую и послушную армию Соединённых Штатов Америки в ООН-е» [1].

Империалисты США несут народам Латинской Америки экономическое, политическое и военное закабаление, голод и нищету. Они добиваются заключения военных и политических договоров, превращающих страны Латинской Америки в покорных оруженосцев США. Путем широко развитой системы запретительных мероприятий они подчиняют себе всю латино-американскую экономику. Достаточно указать на пресловутый план Клейтона, принятый на межамериканской конференции в Мексико (1945 г.) и означавший установление торговой монополии США в Латинской Америке. Империализм США, как справедливо говорит руководитель коммунистической партии Бразилии, любимый вождь трудящихся всей Латинской Америки Луис Карлос Престес,— «является в настоящее время почти абсолютным властелином Латинской Америки, которую он превращает в свой тыл, в гарантированный резерв сырья и продовольствия, в сферу

[1] И. В. Сталин. Беседа с корреспондентом «Правды». Госполитиздат, 1951, стр. 12.

приложения капитала и рынок сбыта промышленной продукции» [1], а в конечном счете — в стратегический плацдарм для развязывания новой войны. Эту цель преследует выдвинутый Трумэном план унификации вооружения стран Латинской Америки, ставящий их вооруженные силы под непосредственный и полный контроль правительства США.

Для осуществления своей грабительской политики в латино-американских республиках колонизаторы-янки широко используют местных военно-фашистских диктаторов, которых они выдвигают или сменяют по своему усмотрению, а также помещиков и капиталистов. На фронте идеологической борьбы они опираются в разных странах на различные консервативные и псевдодемократические партии. Все эти продажные демагоги, какие бы клички они ни носили, одинаково являются заклятыми врагами трудящихся и верными слугами североамериканской реакции. С помощью своих латино-американских лакеев заправилы Уолл-стрита стремятся разгромить рабочее движение, расколоть профсоюзы, истребить их руководителей, уничтожить все демократические свободы. Главные свои удары они обрушивают на авангард трудящихся Латинской Америки — коммунистические партии.

Правящие клики латино-американских республик и их хозяева, империалисты США, сделали все для того, чтобы вызвать к себе непримиримую ненависть простых людей. После каждого нового акта политического, экономического и военного закабаления их стран североамериканскими империалистами трудящиеся Латинской Америки все яснее и яснее отдают себе отчет в истинной сущности провозглашенной Трумэном политики обороны западного полушария. Приходят в движение все более широкие народные массы, повышается их политическая сознательность, все теснее становится их связь с коммунистическими партиями. Непрерывно возрастает число стачек и организованных выступлений латино-американского пролетариата, приобретающих, по мере развития освободительной борьбы, все более остро выраженный политический характер.

Пытаясь подавить сопротивление народов Латинской Америки, борющихся за мир, свободу и независимость, североамериканские империалисты и их ставленники, всевозможные виделы, варгасы, мориниго, сомосы, трухильо и т. п., не останавливаются перед самыми отвратительными преступлениями.

Выступая на митинге в Варшаве 22 ноября 1950 г., поэт Пабло Неруда рассказал о чудовищной бомбардировке «летаю-

[1] Луис Карлос Престес. Латино-американские народы борются против империализма США.— «Правда», 4 сентября 1949 г.

щими крепостями» бастующих рабочих оловянного рудника в Оруро (Боливия). Убийства руководителей рабочего движения, избиения и пытки, которым их подвергают североамериканские гангстеры и их наймиты, стали в Латинской Америке повседневным явлением. Но ничто не может сломить воли простых людей, сознающих, говоря словами Престеса, что новая военная катастрофа принесет латино-американским народам «еще большее угнетение, еще большую нищету, голод и страдания».

Все делегаты от стран Латинской Америки, выступавшие на Втором Всемирном Конгрессе сторонников мира в Варшаве и на Первой сессии Всемирного Совета Мира в Берлине, говорили о том, какого мощного размаха достигло движение сторонников мира на их континенте. Об этом рассказали Хуан Маринелло (Куба), Пабло Неруда (Чили), Жоржи Амаду (Бразилия), Висенте Ломбардо Толедано (представлявший Мексику и руководимую им Всеобщую конфедерацию трудящихся Латинской Америки), Хосе Луис Гонсалес (Пуэрто-Рико).

Широкая поддержка, которую встретило в странах Латинской Америки обращение о заключении Пакта Мира между пятью великими державами, убедительно свидетельствует о том, что латино-американские народные массы полны решимости отстоять мир.

В организации этого движения крупная роль принадлежит передовым писателям Латинской Америки. Выражая мысли и чувства простых людей своих стран, их ненависть к войне и к ее американо-английским поджигателям, писатели развивают кипучую деятельность в защиту мира. Они плодотворно участвуют во всех международных конгрессах и конференциях в защиту мира, выступают в печати, в частности на страницах журнала «Мир». Они подписали одними из первых в латино-американских странах Стокгольмское Воззвание и активнейшим образом участвовали в его распространении.

Передовая писательская общественность латино-американских стран оказала существенное влияние на ход Американского континентального конгресса сторонников мира, собравшегося в г. Мексико в сентябре 1949 г. Председателем его был избран 80-летний мексиканский поэт Энрике Гонсалес Мартинес, один из преобразователей поэзии Латинской Америки [1]. Избрание Гонсалеса Мартинеса как бы подчеркивало значение прогрессивной литературы, ее место в борьбе за сохранение мира.

На конгрессе в Мексико Неруда произнес программную речь о новых задачах, стоящих перед латино-американскими писателя-

[1] Энрике Гонсалес Мартинес умер в начале 1952 г.

ми в связи с движением в защиту мира. Тот живой отклик, которым было встречено в странах Латинской Америки выступление Неруды, показывает, что он выразил чаяния и стремления всей прогрессивной литературы континента.

В своих безуспешных попытках пресечь деятельность в защиту мира латино-американских писателей, как и всей прогрессивной интеллигенции, империалисты США и их туземные наймиты не ограничиваются одними только штрафами, сожжением книг, арестами и судебными преследованиями.

В первой половине марта 1951 г. в столице Уругвая Монтевидео были брошены бомбы в дома видных прогрессивных деятелей: редактора газеты «Вердад» («Правда») Франсиско Пасоса, генерального секретаря Национального совета мира профессора Хосе Луиса Массера, активной участницы движения сторонников мира поэтессы Лолиты Фоуке. В Доминиканской республике палачами ставленника Уолл-стрита Трухильо был злодейски убит молодой доминиканский коммунист Фредди Вальдес. Аргентинское правительство долгое время держало в тюрьме прогрессивного писателя Альфредо Варелу, в защиту которого выступила прогрессивная общественность всего мира.

Скрываясь от шедших по его следу убийц, Неруда вынужден был писать свою «Всеобщую Песнь» «где-то в Америке», а Амаду — искать себе убежище сначала в Риме и Париже, а затем в странах народной демократии.

Наряду с методами террора и полицейских преследований передовой печати и издательств, большое место в борьбе американских империалистов с прогрессивной литературой и, беря шире,— с культурой Латинской Америки,— занимают попытки раскола и прямого или тайного подкупа. Последний осуществляется путем присуждения литературных премий, предоставления денежных субсидий, финансирования проамериканских издательств и т. п. Нечего и говорить, что американские империалисты поощряют и поддерживают реакционных латино-американских литераторов во всех начинаниях, направленных против мира.

В идеологической экспансии Уолл-стрита существенную роль играют мероприятия, цель которых — одурманить сознание простых людей Латинской Америки. Это — вмешательство в дело народного образования, наводнение библиотек стран Латинской Америки специально подобранными книгами, присланными им «в дар» Американской книжной ассоциацией, перевод реакционной «беллетристики» США на испанский и португальский языки, организация псевдокультурных «миссий», назойливая пропаганда «американского образа жизни».

Заправилы Уолл-стрита систематически натравливают народы Латинской Америки друг на друга, оскорбляют их национальное достоинство расистской клеветой. Такова, например, распространяемая североамериканскими фашистами дикая «теория», будто «туземцы» латино-американских стран ведут свое происхождение от каннибалов. Наконец, открытой, грубой формой утверждения влияния США являются попытки вытеснения испанского языка и культуры в Пуэрто-Рико, где североамериканские колонизаторы уже более полувека ведут упорную борьбу с местным населением, стараясь лишить его права на национальный язык и культуру.

Но все ухищрения североамериканских империалистов обречены на провал. Им не удается сломить непреклонной воли простых людей Латинской Америки в борьбе за мир и свободу.

Именно под углом зрения все нарастающей освободительной борьбы народов Латинской Америки против американо-английских угнетателей, вылившейся в наши дни в могучее движение в защиту мира, и следует рассматривать развитие прогрессивной латино-американской литературы.

2

Процесс проникновения североамериканского капитала в страны Латинской Америки принял особенно активную форму после неудачной для Испании войны с США в 1898 г., когда Соединенные Штаты захватили бывшие испанские колонии на островах в Тихом и Атлантическом океанах, а североамериканские монополии навязали свой диктат формально независимой Кубе. Это был тот период, когда, по известному определению В. И. Ленина, американский народ «оказался в новейшем, капиталистическом, наемном рабстве у кучки миллиардеров, оказался играющим роль наемного палача, который в угоду богатой сволочи в 1898 году душил Филиппины...» [1].

Последующие годы ознаменовались яростной борьбой между английским и североамериканским капиталом за овладение огромными сырьевыми богатствами Латинской Америки. Уже во время первой мировой войны 1914—1918 гг. наметился явный перевес в пользу США. Стремительная экспансия североамериканского капитала, устремившегося сначала в Мексику и на Кубу, охватила затем всю Центральную и Южную Америку, и хотя латино-американский континент до сих пор остается одним

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 45.

из главных узлов англо-американских противоречий, однако перевес в этой борьбе, несомненно, на стороне американцев.

Вот как характеризует кровавый путь североамериканских колонизаторов в странах Латинской Америки руководитель коммунистической партии Чили Гало Гонсалес Диас:

«...Американский империализм силой овладел половиной территории Мексики, расчленил Колумбию, захватил большой район в Панаме, высадил войска и потопил в крови освободительное движение в Никарагуа, возглавляемое Сандино. Американские империалисты силой превратили Пуэрто-Рико в свою колонию, они завладели селитрой, медной и железной рудой в Чили, нефтью в Перу, Эквадоре и Венецуэле, экспортом фруктов в Центральной Америке, каучуком и кофе в Бразилии, оловом в Боливии, они захватили в свои руки богатства всех латино-американских стран и превратили их в полуколонии. Известно также, что американские империалисты вдохновляют на преступления и содержат кровавых марионеток вроде Одриа (Перу), Сомосы (Никарагуа), Перона (Аргентина), Гонсалеса Виделы (Чили) и др., которые, кстати сказать, и составляют теперь наиболее послушную США группу в агрессорском ядре ООН. Вот почему в сердце каждого латино-американского патриота кипит неудержимая ненависть к американским империалистам и их лакеям, ненависть, которая не раз была продемонстрирована в Панаме, Пуэрто-Рико, Боливии, Парагвае, Эквадоре и в других странах. Эта ненависть выражается в повседневных боях трудящихся и народных масс Латинской Америки против империалистической эксплуатации, за национальное освобождение своих стран» [1].

Первая половина XX в. в истории Латинской Америки это — период неуклонного роста национально-освободительной борьбы. Борьба эта приобрела особый размах после Великой Октябрьской социалистической революции, оказавшей огромное влияние на развитие рабочего и крестьянского движения в Латинской Америке. Октябрьская революция окрылила надеждой простых людей во всех странах континента, вселила в них веру в свои силы, уяснила им цели их борьбы с англо-американскими империалистами и их латино-американскими ставленниками. В двадцатые годы освободительную борьбу возглавили коммунистические партии, образовавшиеся к тому времени в большинстве латино-американских республик. К середине 30-х годов, когда национально-освободительное движение в странах

[1] Статья Гало Гонсалеса Диаса «Латинская Америка в агрессивных планах американского империализма».— «За прочный мир, за народную демократию!», 9 марта 1951 г., № 10 (122).

Латинской Америки добилось значительных успехов (образование народного фронта в Бразилии, Чили и Аргентине), у него уже было славное боевое прошлое. Такие достопамятные факты, как, например знаменитый поход колонны Престеса или борьба патриотов Никарагуа под начальством генерала Сандино против североамериканских захватчиков, навсегда запечатлелись в сердцах народа. Достаточно указать, например, на боевые песни мексиканской революции 1910 г. и песни, посвященные походу колонны Престеса, которые прочно вошли в прекрасный фольклор народов Латинской Америки.

Бурные события эпохи, усиление империалистической экспансии, неуклонный рост национально-освободительной, антиимпериалистической борьбы обусловили развитие прогрессивной литературы в странах Латинской Америки, ускорив процесс размежевания сил на идеологическом фронте. Широкий размах национально-освободительного движения, естественно, способствовал углублению интереса латино-американских народов к национальной истории и культуре. Лучшая, передовая часть латиноамериканской интеллигенции, в особенности писатели, не могла остаться равнодушной к новым запросам и стремлениям трудящихся. В их творчестве все большее место стала занимать судьба простых людей Латинской Америки, их полная лишений и тревог жизнь в чудовищных условиях колониального, а местами даже полуфеодального гнета. Возрастало внимание передовых писателей и к положению национальных меньшинств, индейцев и негров, продолжавших влачить рабское существование, несмотря на формальную отмену рабства.

Что касается писателей, примыкающих к лагерю реакции, то в начале столетия, как и в наши дни, они служили и служат интересам местных помещиков и капиталистов и, в первую очередь, колонизаторов-янки. Им не только совершенно чужды, но и враждебны идеи патриотизма. Они подражают западноевропейской упадочной, эстетской литературе. Эти реакционные литераторы не только не стыдятся своего космополитизма, но даже хвастают им, величая себя «европейцами» в противовес писателям «креольского» направления. Именно о таких «европейцах» говорил Неруда на Американском континентальном конгрессе в г. Мексико в 1949 г.:

«Буржуазия активно поддерживает этих героев распада. Мы видели, как за последние годы наши снобы ухватились за Кафку и Рильке, за все те лабиринты безысходности, за все те метафизические теории, которые, как пустые ящики, вываливаются из поезда истории. Они превратились в защитников «духа», в браминов американизма, в людей, чья профессия — мутить воду

в луже, в которой сами они барахтаются. Они объявили законом забвение великих гуманистов нашей эпохи. В Латинской Америке эти пигмеи краснеют от стыда, когда слышат о Горьком, Ромене Роллане, Барбюсе, Эренбурге, Драйзере. Эти господа не могут назвать имени Бальзака. Все эти живые трупы хотят заставить нас поверить в умерший и похороненный сюрреализм, который только тем и хорош, что из его руин поднялись, как светлые статуи разума и веры в человека, два больших поэта Франции, борцы коммунистической партии — Луи Арагон и Поль Элюар» [1].

И в своей прекрасной поэме «Всеобщая Песнь» Неруда гневно бичует латино-американских последышей западноевропейского декаданса, предающих свои народы, продающих свое перо.

По мере дальнейшего обострения антиимпериалистической борьбы и роста классового самосознания трудящихся в странах Латинской Америки ускорялся и процесс размежевания среди латино-американских писателей. Далеко не все из тех, кто первоначально выступал с прогрессивных позиций, отстаивая национальную независимость своих стран, остались верны подлинным интересам трудового народа. Одни отказались от политической тематики, напуганные бурным развитием событий, другие поддались посулам и подачкам врага.

Размежевание, как и следовало ожидать, принесло большую пользу латино-американской литературе. К началу 30-х годов уже существовала многочисленная группа молодых поэтов, произведения которых, правда, еще страдали рядом существенных недостатков (узко местная тематика, элементы натурализма, эклектичность стиля), но в то же время убедительно свидетельствовали о рождении новой поэзии — поэзии масс. Большие успехи были достигнуты и в области прозы. Здесь можно назвать такие значительные произведения, как романы никарагуанца Эрнана Роблето «Кровь под тропиками» и «Удавленные», посвященные борьбе патриотов Никарагуа с экспедиционными войсками янки; повесть перуанца Сесара Вальехо «Вольфрам», рассказывающая о варварском истреблении индейского племени соров североамериканской компанией по добыче вольфрама; роман «Мятеж» мексиканца Хосе Мансисидора, разоблачающий с большой остротой реакционный характер генеральских путчей; роман «Пучина» колумбийца Хосе Эустасио Ривера и, наконец, первые романы бразильца Жоржи Амаду («Какао» и «Пот»).

Таким образом, к началу 30-х годов прогрессивная латино-американская литература уже вышла на прямую дорогу, с кото-

[1] «Новый мир», 1950, № 4, стр. 201.

рой ее не мог заставить свернуть разгул политической реакции, перешедшей в последующие за этим годы в наступление почти во всех странах континента. По этому пути прогрессивная латино-американская литература идет и в наше время.

3

Своими успехами прогрессивная литература Латинской Америки в значительной степени обязана тому обстоятельству, что она имеет могучего друга и учителя в лице советской литературы. Влияние советской литературы проявилось очень рано, в самом начале 20-х годов, и с каждым годом становилось все более ощутимым. Проводником его в первую очередь стала Мексика. Именно здесь, в г. Халапа (штат Вера Крус), создалась в 1928 г. литературная группа «Основа» («Симиентос»), в которую вошли прогрессивные мексиканские писатели Флавио Техада, Лоренсо Туррент Росас, Хосе Луис Диас, Роберто Ривера и фактическим руководителем которой стал видный романист и публицист Хосе Мансисидор. Вскоре после своего образования группа стала именовать себя бригадой «Ноябрь» («Новиембре»), а издаваемый ею журнал носил название «Путь» («Рута»).

Своими основными задачами группа считала борьбу против фашизма и укрепление дружбы с Советским Союзом. Летом 1934 г. бригада «Ноябрь» прислала своего представителя — Энрике Гонсалеса Апарисио на Всесоюзный съезд советских писателей в Москве.

О популярности советской литературы в странах Латинской Америки и ее влиянии на развитие литературы латино-американских народов в 20-х и 30-х годах дает представление высказывание Хосе Мансисидора в беседе с представителями советской печати во время его приезда в СССР в 1936 г.

«Советская литература,— сказал Мансисидор,— пользуется большой популярностью... Все, что проникает в нашу прессу о советской стране, читается с большим интересом» [1].

Особенно сильным и плодотворным было и остается влияние Горького. Почти все произведения великого основоположника советской литературы переведены на испанский язык.

Не менее могучим и плодотворным для стран Латинской Америки было влияние величайшего поэта наших дней Владимира Маяковского. Оно особенно упрочилось после приезда Маяковского в Мексику и появления цикла его стихов о поездке за границу.

---

[1] «Литературная газета», 15 мая 1936 г.

Близкое знакомство с творчеством Маяковского оказало несомненное влияние на социальную поэзию Латинской Америки как в отношении ее содержания, так и в отношении художественной формы.

О своей любви к Маяковскому, о его значении для поэтов Латинской Америки красноречиво говорит Пабло Неруда. В поэме «Всеобщая Песнь» (глава XV — «О себе»), в стихотворении «Второе завещание» он советует молодым поэтам учиться у Маяковского.

Своим братом зовет Маяковского другой крупный поэт Латинской Америки — аргентинец Рауль Гонсалес Туньон. «Оду о Маяковском» он заканчивает следующими стихами:

И людям я скажу: «Не умер он!
Он вечно жив. Его могучий пламень
Разлит во всем, и стих его гремит
В деяниях страны его великой,
В событьях жизни всех народов мира,
Ведущих революции бои!» [1]

Для молодых поэтов Латинской Америки Маяковский стал не только великим учителем, но и воплощением прекрасного в поэзии и жизни, символом борьбы за лучшее будущее всего человечества и их родины.

«Маяковскому больше, чем кому бы то ни было, подходит звание поэта Октябрьской Революции. Он жил для нее, жил вместе с ней...,— писал в 1944 г. Хосе Мансисидор.— Мексика, которую посетил Маяковский, никогда не забудет, что гениальный поэт выразил желание побывать в ней опять, чтобы лучше узнать ее народ, который его любит и всегда хранит память о нем в своем уме и сердце» [2].

Огромное значение для укрепления прогрессивного лагеря в латино-американских странах имела Великая Отечественная война Советского Союза.

Победа Советской Армии, разгромившей фашистских агрессоров, была встречена с энтузиазмом народами Латинской Америки.

В годы Великой Отечественной войны советского народа во всей полноте проявились горячие симпатии простых людей Ла-

[1] Raúl González Tuñón. Canciones del Tercer Frente. «Editorial Problemas», Buenos Aires, 1941, p. 34—39. Стихотворные цитаты даются в переводах Ф. В. Кельина.

[2] Опубликовано в журн. «Интернациональная литература» (испанское изд.), 1944, № 4. В русском переводе воспроизводится впервые.

тинской Америки к Советскому Союзу, к его культуре и, в частности, к его литературе. В большинстве стран континента были созданы «Институты культурной связи с СССР». За период с 1941 по 1945 г. было опубликовано свыше 5000 книг, брошюр, статей, очерков, стихотворений о Советском Союзе — явление небывалое для этой части западного полушария. Издательства Мексики, Бразилии, Аргентины и Уругвая выпустили в переводе на испанский, португальский языки романы Шолохова, Фадеева, Толстого, Эренбурга, Гладкова, Симонова, Василевской, Вас. Гроссмана, Катаева и др. В г. Мексико была поставлена драма Леонова «Нашествие». Широко были отмечены юбилейные даты Горького, Чайковского, Чехова, Маяковского. Бурю восторга вызвало исполнение Седьмой симфонии Шостаковича. С экранов не сходили советские фильмы.

В эти годы прогрессивные писатели Латинской Америки особенно глубоко осознали свою ответственность перед народом, перед человечеством.

О долге писателя перед его народом пишет Неруда в предисловии к испанскому изданию сборника статей И. Эренбурга «Смерть захватчикам», вышедшему в Мексико в 1944 г., а также в письме к Эренбургу, опубликованном всей передовой печатью Латинской Америки. В предисловии к сборнику Неруда возмущается декадентствующими молодыми литераторами, «изнывающими над книгами Кафки, Рильке и Лоуренса», «юношами голубой позы..., одряхлевшими в своей циничной любви к чистому искусству». Неруда доказывает писателям Латинской Америки, что тот, кто «не сражается в этот час, просто трус».

Об ответственности писателя перед народом говорил и Жоржи Амаду, заявивший в одной из своих статей 1942 г., что подлинной поэзией нашего времени является героизм борьбы с силами реакции. «Настоящие поэты переживаемой нами эпохи,— писал Амаду,— это доблестные защитники Севастополя».

Великая Отечественная война советского народа и пример советских писателей содействовали сближению прогрессивной интеллигенции всех стран Латинской Америки, помогли разрушить ту стену взаимного недоверия, которую пытались воздвигнуть между ними североамериканские империалисты и их местные ставленники.

За десятилетие с 1935 по 1945 г. латино-американская прогрессивная литература прошла большой и плодотворный путь, стала действенной общественной силой. Когда вслед за окончанием войны американские империалисты скинули маску и предстали перед свободолюбивыми народами мира в своем подлинном отвратительном обличии, когда в странах Латинской Амери-

ки власть захватили кровавые сатрапы Вашингтона — Гонсалес Видела, Дутра и др.,— прогрессивные писатели континента решительно выступили на стороне права и справедливости, против политики насилия и произвола. А это привело к еще большему укреплению их связей с великим Советским Союзом.

Когда перед человечеством вновь возникла реальная угроза новой войны, которую в наши дни стремятся развязать американо-английские агрессоры, писатели Латинской Америки деятельно включились в борьбу за мир. Это было естественным и закономерным продолжением всего пройденного ими пути.

4

Поэзия всегда занимала видное место в латино-американской литературе, а в отдельные периоды ее истории даже играла ведущую роль. Но если оставить в стороне народную поэзию, в которой ярко воплощена мечта простых людей о лучшей жизни, их стремление к свободе, то до возникновения на континенте широкого национально-освободительного движения латино-американская так называемая «культурная поэзия» отражала идеологию правящих классов, была проникнута католическими настроениями, в ней были сильны элементы подражательности, а иногда прямого заимствования у западноевропейских образцов [1].

В период национально-освободительных боев передовая латино-американская поэзия приблизилась к народу, прочно стала на национальную почву. Это было достигнуто в 20—30-х годах нашего столетия молодыми поэтами, которые пришли в литературу из самой гущи народа — из рабочих, крестьян и передовой интеллигенции.

К середине 30-х годов, к тому времени, когда народно-освободительное движение одерживает первые победы, уже можно говорить о значительных успехах прогрессивной латино-американской поэзии. Ее наиболее видные представители (кроме Неруды): аргентинец Рауль Гонсалес Туньон, венецуэлец Карлос Аугусто Леон, кубинец Николас Гильен, перуанец Сесар Вальехо, мексиканец Мигель Бустос Сереседо и многие другие.

---

[1] Исключение составляет прекрасная поэма аргентинца Хосе Эрнандеса (1834—1886) «Мартин Фиерро» — о полной лишений жизни пастухов (так называемых «гаучо»), а также стихи борца за свободу, бразильца Кастро Алвеса (1847—1871) и кубинца Хосе Марти (1853—1895), павшего в борьбе с испанцами за освобождение своей родины.

Глубокое чувство любви и дружбы, которое народы Латинской Америки питают к Советской стране, ее людям, ее культуре, находит отражение в прогрессивной латино-американской поэзии. Основателям Советского государства, великим гениям трудового человечества — Ленину и Сталину посвящены прекрасные поэмы, уже переведенные на многие языки.

Широкую известность получили поэма «Ленин» молодого чилийского поэта Хулио Монкады и «Песня о Ленине» Рауля Гонсалеса Туньона, переведенные на русский язык.

Талантливый мексиканский поэт Мигель Бустос Сереседо в «Поэме о Герое» выражает благоговейное восхищение простых людей Латинской Америки великим знаменосцем мира товарищем Сталиным:

Искало человечество героя,
Борясь в веках. И вот он перед нами
Теперь стоит во весь гигантский рост.
Он — пламенный, как солнце, он — могучий,
Как океан, земли непобедимой
Великий вождь... Мечта свершилась мира.
Мы Сталиным героя называем,
Мы человека Сталиным зовем [1].

Среди произведений латино-американской поэзии, посвященных гениальному вождю и учителю трудящихся всего мира, выделяются «Песни о Сталине» Рауля Гонсалеса Туньона и Николаса Гильена.

Где мрамор я найду столь дивной чистоты,
Чтоб передать векам твой образ величавый,
Твои прекрасные и мудрые черты
В сиянии непреходящей славы?

Так начинает свою поэму Туньон. Нарисовав портрет великого вождя, поэт обращается к нему со словами любви и надежды:

Мы знаем: близок день — кровавых войн обман
Прогонишь ты навек в могильные пределы,
И к нам вернется труд, и снова океан
Увидит вольный бег крылатой каравеллы.
И славим мы тебя, о кормчий наш умелый!
Мой капитан,

Наш капитан! [2]

[1] Опубликовано в нашей статье «Голос народной совести».— «Литературная газета», 4 декабря 1943 г.— *Ф. К.*

[2] Опубликовано в сб. «Поэты мира в борьбе за мир». Гослитиздат, 1951, стр. 615—616.

Своеобразна и интересна поэма перуанского индейца Луиса Ньето «Привет с Анд генералиссимусу Сталину» (1944 г.). Поэт широко использует индейский фольклор. Он говорит о кондорах, о безмолвии горных кедров, о древних реках, о призывных звуках индейской флейты, о горькой доле рабов-индейцев. Страдающие, угнетенные индейцы находят утешение в мыслях о Сталине. «Здесь все носит твое имя! — восклицает Луис Ньето.— Мы говорим о ветре — это ветер Сталина. О солнечном луче — это луч Сталина, о каждом новом дне — день Сталина, о песне — песня Сталина, о стали — это сталь Сталина, о победе — победа Сталина, о мире завтрашнего дня — мире Сталина... Я приветствую тебя песнью рабочих, высоко поднимающих вверх свою грозную руку; приветствую тебя, развернув в необъятном небе знамя моей индейской крови!»,— так кончает поэт свою поэму [1].

Образ товарища Сталина стал дорогим и близким и для народной поэзии Латинской Америки. О великом друге и вожде трудящихся всего мира пел престарелый бард Чили Абраан Хесус Брито, о Сталине слагают «корридо» в Мексике, о Сталине поют негры и индейцы. Он — надежда, согревающая сердца народов Латинской Америки, он — «солнце всего мира», по образному выражению бразильца Жоржи Амаду. Неруда передал это всенародное чувство любви к Сталину в поэме «Да пробудится лесоруб» (1949 г.).

Для народов Латинской Америки имя Сталина стало символом мира, всего прекрасного, благородного, светлого на земле. Об этом хорошо сказано в приветствии, посланном писателями, художниками и учеными Бразилии И. В. Сталину по случаю его семидесятилетия:

«Люди Амазонки и Сан-Франсиско, рабочие заводов северо-востока и гаучо пампы, люди фабрик Сан-Пауло сегодня связаны братскими узами с людьми России и Грузии, Урала и Волги. Различие, существующее между представителями человечества, отделенными друг от друга океанами и чужими землями, состоит лишь в том, что граждане Советского Союза свободны и пользуются плодами самой высокой в мире культуры, в то время как мужчины и женщины Бразилии все еще ведут ожесточенную борьбу против иностранного гнета и полуфеодальной эксплуатации, твердо уверенные в том, что они идут к своему освобождению. Пример Советского Союза, Ваш пример, товарищ Сталин, озаряет их путь.

---

[1] Опубликовано в сб. поэм «Nueva canción Aimara» («Новая песнь Аймара»). Lima, 1944, стр. 37—41.

Мы, представители прогрессивной интеллигенции Бразилии, хорошо знакомы с Вашим делом и с Вашей жизнью до и после Октября, в дни Отечественной войны и в годы развертывания социалистического строительства, стремящегося разрешить грандиозные задачи на благо всех народов. Мы счастливы приветствовать человека, чья жизнь является достоянием всего человечества! Мы с гордостью видим в Вашем лице образец высокого человеческого достоинства, творческой воли, разума, способного благотворно воздействовать на мир, его преобразуя, и на народы, открывая перед ними путь надежды и счастья!

Живите долго на счастье всего человечества, товарищ Сталин!» [1]

Поэма Рауля Гонсалеса Туньона «Песнь о Советском Союзе», датированная 22 июня 1941 г., проникнута мыслью, что Советский Союз не одинок в своей борьбе, что вместе с простыми людьми всей земли его поддерживают простые люди Латинской Америки.

В латино-американской поэзии тех лет все сильнее звучит тема ненависти к фашизму.

«Ненависть и только ненависть» — назвал свою прекрасную поэму аргентинский поэт Альфредо Варела. В стихотворении, озаглавленном «Только война», Варела обращается к своим латино-американским братьям:

Прислушайся к немолкнущему эхо
Войны жестокой! Ты уже не можешь
Остаться равнодушным, да, не можешь!

В заключительной части этого стихотворения поэт восклицает:

Не спрашивай, как звать меня... Забыто
Былое имя... Я ношу теперь
Мильон звенящих, как труба, имен
Солдат — бойцов, товарищей моих...
И не ищи лицо мое — я слился
С мильоном лиц: с рабочим непреклонным,
С крестьянином суровым и простым.
Кто я? Боец средь тысяч и мильонов
Других бойцов, и им я отдаю
Кровь этих вен и силу этих рук,
Охваченный порывом беспредельным...

[1] Приводится по копии перевода этого приветствия, имеющегося в Иностранной комиссии Союза Советских писателей.

Эти пламенные строки были написаны Варелой в ноябре 1941 г., в разгар великой битвы под Москвой. В стихотворении «Они не умерли» поэт указывает своим соотечественникам на великий пример советских людей, чьи подвиги продолжают жить и после их героической смерти:

И пусть их мать советская венчает
Зеленым лавром жизни и победы.
Они мертвы, мертвы — и все ж в бою
Они живых всегда сопровождают! [1]

Поэты Латинской Америки посвящали поэмы и стихи советским воинам, маршалам и генералам, народным мстителям-партизанам, советским женщинам. Среди поэм, воспевающих подвиг Зои Космодемьянской и Лизы Чайкиной, выделяются прекрасные стихи мексиканца Эфраина Уэрты «Наша клятва Тане».

Демократическая поэзия Латинской Америки обогащается образом положительного героя, уверенного в правоте своего дела и в его конечной победе, образом борца и строителя новой, лучшей жизни.

В годы второй мировой войны с особенным блеском развернулось дарование Пабло Неруды и крупнейших представителей прогрессивной поэзии Венецуэлы, Аргентины и Кубы — Карлоса Аугусто Леона, Рауля Гонсалеса Туньона и Николаса Гильена.

5

Пабло Неруда — один из вождей прогрессивного литературного движения в Латинской Америке. Он является интернациональным поэтом в лучшем, самом высоком смысле этого слова. Вместе с тем в современной латино-американской литературе вряд ли можно встретить другого поэта, чье творчество столь же неразрывно связано с национальной почвой. Неруда — поэт не только Чили, но всей Латинской Америки. Он выразил в своем творчестве чаяния и надежды простых людей всего континента. Воскрешая память Боливара [2], национального героя

[1] Отрывки из поэм Альфредо Варелы были опубликованы в русском переводе в нашей статье «Голос народной совести».— «Литературная газета», 4 декабря 1943 г.— *Ф. К.*

[2] Симон Боливар (1783—1830) — вождь латино-американского освободительного движения против Испании; пытался создать федерацию латино-американских республик.

Латинской Америки, Неруда призывает народы континента идти по указанному Боливаром пути, конечной целью которого является создание свободного Союза латино-американских республик. Поэт-интернационалист, Неруда вместе с тем и пламенный патриот. Для него борьба за свободу и лучшее будущее человечества неотделимы от борьбы за новую Латинскую Америку.

Замечательным выражением патриотизма Неруды является его «Всеобщая Песнь», в которой изложена в поэтической форме история народов Латинской Америки с доисторических времен и до наших дней [1].

Поэма «Да пробудится лесоруб!», входящая в качестве одной из глав во «Всеобщую Песнь», удостоена международной премии мира. Она построена на противопоставлении демократической Америки, воплощенной в образе легендарного лесоруба — Линкольна,— монополистической Америке Трумэна, центру международной реакции, ненавистной поэту, как и всему прогрессивному человечеству.

С ненавистью и возмущением говорит Неруда об империалистической Америке и в своей поэме «Послание Говарду Фасту» [2]. Он называет эту Америку «навозом, в котором копошатся черви, берлогой доносчиков, отчизной инквизиции и нового гестапо, прочным троном полиции, притоном торгашей». Неруда гневно разоблачает «тюремщика Трумэна, лающего перед решеткой, за которой томится благородная мысль Америки» в лице Говарда Фаста, клеймит Маршалла, предлагающего свободолюбивым людям Европы пить его «дьявольский коктейль», гангстера Макартура и других убийц из кровавой банды Уолл-стрита. Эти разоблачения американского империализма вызвали настоящую травлю Неруды в реакционной печати США.

Отношение Неруды к борьбе прогресса с реакцией и его требования к латино-американской литературе наиболее четко и последовательно изложены в его выступлениях на Американском континентальном конгрессе сторонников мира в г. Мексико (1949 г.) и на митинге в Варшаве (1950 г.). Обе речи имеют программное значение [3].

---

[1] Подробнее о «Всеобщей Песне» см. в настоящем сборнике статью В. Н. Кутейщиковой «Пабло Неруда».

[2] Опубликовано в русском переводе в журн. «Сторонники мира», 1950, № 16.

[3] Речь Неруды в Мексико опубликована в русском переводе в журн. «Новый мир», 1950, № 4, стр. 199—202; текст выступления в Варшаве напечатан в «Литературной газете», декабрь 1950 г., № 126.

«Настало время, когда мы должны выбирать,— сказал Неруда в своей речи на Американском континентальном конгрессе.— Дело не только в том, чтобы избрать линию поведения, дело в том, чтобы осознать ответственность, лежащую на каждом из нас.

Гнилью умирающей системы покрылась культура, и многие из нас сами способствовали тому, что воздух, принадлежащий не нам одним, а всем людям, которые живут и будут жить, был отравлен зловонием.

Многие из наших художников не отдают себе отчета в том, что слова, кажущиеся им самым глубоким выражением их существа, в большинстве случаев — яд, вложенный в их уста лютыми врагами.

Агонизирующий капитализм наполняет чашу творчества горьким напитком. Мы пили этот напиток, содержащий все сорта яда...

Мы живем в эпоху, когда миллионы людей освобождаются от феодального гнета, когда миллионы людей покончили с империалистическим рабством; мы живем в самый удивительный час в истории человечества, в час, когда мечты становятся действительностью, ибо своей борьбой люди сделали мечты реальностью.

Мы живем в эпоху, которая видела, как Красная Армия водрузила на вершине Сталинградской крепости, превращенной гитлеровскими убийцами в груду развалин, красное знамя, олицетворяющее все давние надежды человека; мы живем в светлые дни народной демократии; нам выпала честь и радость жить в эпоху, когда поэт выиграл битву за изменение судеб сотен миллионов людей. Этого поэта зовут Мао Цзэ-дун.

Мы живем в эпоху, когда поет Поль Робсон, несмотря на то, что нацистские вандалы хотят уничтожить его песню — песню земли. Мы живем в дни, когда народ Чили — горняки, студенты, рыбаки, поэты — собственной кровью смывают бесчестье, запятнавшее их родину по милости предателя» [1].

В соответствии со своим представлением о величии эпохи, налагающей исключительную ответственность на писателей, Неруда в этой же речи формулирует требования к молодой латино-американской литературе: «За последние годы в Латинской Америке произошли значительные события: искусства, и в частности живопись и литература, достигли известных высот, обратившись к самой жизни и к условиям жизни наших народов... Литература, в частности роман, приблизилась к народу; однако она еще не поднялась выше того реализма, который

[1] «Новый мир», 1950, № 4, стр. 200—202.

пессимистически воспроизводит картины нищеты. Только в редких случаях эта литература, своими корнями глубоко уходящая в толщу нашего народа, показывала ему дорогу к освобождению». Многие латино-американские писатели прогрессивного направления все еще «создают произведения, целиком погруженные в страдания... настойчиво показывают читателю мрачные джунгли нашей черной Америки, не показывая ни света, ни выхода, который все-таки знают народы».

«Мы ждем на нашем континенте,— сказал далее Неруда,— других произведений. Нашим американским землям мы должны дать силу, радость и юность, которых им так нехватает. Мы не будем ждать, чтобы наши сокровища были разграблены разбойниками и чтобы филистеры унесли с собой нашу радость» [1].

Таким образом, смысл и направление той литературной реформы, которую уже осуществляет Неруда, вполне ясны. Поэт и близкая ему группа прогрессивных писателей Латинской Америки стремятся поставить литературу, как и вообще все искусство, на службу народу, овладеть методом социалистического реализма. Великим образцом для прогрессивных писателей континента служит советская литература и литература стран народной демократии. Обращаясь в своей речи в Варшаве к польским писателям и писателям других стран народной демократии, Неруда сказал: «Сейчас мы, прогрессивные писатели далеких народов, считаем необходимым сказать вам: мы с величайшим уважением и любовью относимся к вашей новой работе, к вашему примеру единения с вашей освобожденной отчизной... Вы опередили нас в пути. На вас устремлены миллионы глаз. Мы ждем для каждой из наших отчизн, истерзанных реакционным гнетом, раздираемых на части империалистами, той свободы, которой добились вы у себя!» [2].

6

За мир, за демократию выступают сейчас все лучшие силы латино-американского искусства. И в числе первых здесь следует назвать таких поэтов, борцов за мир, как венецуэлец Карлос Аугусто Леон, кубинцы Николас Гильен и Хуан Маринелло, аргентинец Рауль Гонсалес Туньон.

Карлос Аугусто Леон родился в Каракасе в 1914 г. Инженер по образованию, он в 1930—1931 г. вступил на литературное поприще. Молодой Леон сыграл заметную роль в студенческом демократическом движении, развернувшемся в стране после

[1] «Новый мир», 1950, № 4, стр. 202.
[2] «Литературная газета», 28 декабря 1950 г.

смерти тирана Хуана Висенте Гомеса. Когда в марте 1937 г. в Венецуэле снова победила реакция, Леон вынужден был временно покинуть страну. Первая книга его стихов «Живые шаги» (1940 г.) увидела свет в Мексике. Многие из поэм, вошедших в эту книгу, носят ярко выраженный социальный характер (например, «Песнь о Дэвиде Кэнноне, убитом негре»).

Вернувшись на родину в 1939 г., Леон вновь окунулся в политическую жизнь. Особенно разнообразной и плодотворной стала его деятельность в годы второй мировой войны. Руководя Венецуэло-советским институтом, поэт много сделал для укрепления дружеских связей между народами обеих стран. Вскоре он вступил в коммунистическую партию Венецуэлы. В 1947 г. вышел сборник стихов Леона «Имена жизни» и в 1949 г.— «Наедине с жизнью».

В 1948 г. Леон пробыл около двух месяцев в Советском Союзе. Свои впечатления он изложил в книге «Москва — город Человека» (1949 г.).

Подобно Неруде Леон соединяет в своем лице талантливого поэта и видного политического деятеля. Стихам Леона, как и стихам его чилийского собрата, свойственна большая жизнеутверждающая сила, в них звучит призыв к борьбе. «Моя надежда носит земной характер»,— говорит Леон. Поэт, по собственному его признанию, идет с теми, кто живет трудом своих рук [1]. Он страстно мечтает о мире, который уже рождается во мраке сегодняшней ночи.

В поэме «Песнь Советского Союза» [2] Леон прославляет Советскую страну — «любимую страну своей мечты». Он взволнованно описывает радостный труд, кипящий на ее необъятных просторах, героизм советских людей, такой же беззаветный в светлый день мира, как и в грозную годину войны. Он видит светозарного голубя мира, слетающего с кремлевской башни и простирающего крылья над вселенной.

С чувством глубокого благоговения и пламенной любви говорит поэт:

Не умер Ленин! Нет, он вечно жив!
Отец народов, светоч всех миров,
Брат Человека: русского, грузина,
Киргиза, и китайца, и француза,

[1] Carlos Augusto León. Homenaje a Jorge Manrique. «Editorial Bolivar», Caracas, 1947, p. 5.

[2] Поэма «Песнь Советского Союза» состоит из шести частей, озаглавленных: «Безмолвие и кровь убитых советских людей», «Отвоеванный мир», «Страна — защитница мира», «Советским мужчинам и женщинам», «Ленин и Сталин», «Новый мир».

Индейца, негра... Ленин! Ты не спишь,
Сквозь мрамор мавзолея до тебя
Доходит море плещущее стонов
И наших бед жестокий ураган!
И бодрствует могучий твой преемник
Великий Сталин! В нем, как в океане,
Слились все жизни, все людские реки
Его народов и чужих племен,
Не схожих меж собой по языку
И лицами... Он знает скорбь Земли
И все ее надежды и порывы.
Он чутким сердцем слышит, как в Земле
Грядущей жатвы прорастает семя,
И сердце бьется у него в груди
Биеньем всех сердец, мильонов жизней...
Да, неразлучны ваши имена,
И вместе с Лениным тебя я славлю,
Великий Сталин! [1]

Сейчас, когда над человечеством нависла угроза новой войны, которую хотят развязать американо-английские империалисты, Леон находится в первых рядах защитников мира.

«Песнью в честь мира» назвал он свою большую поэму (1949 г.). Бичуя в ней преступных поджигателей войны, Леон приносит от имени народов Латинской Америки клятву в том, что они не дадут «ни капли крови, ни кофе, ни пшеницы, ни нефти, ни людей, ни тростника, чтобы вести проклятую войну». Поэт предсказывает кровавым зачинщикам новой мировой бойни неминуемую и скорую гибель.

«Да! мира хочет мир! и он его сумеет отстоять»,— восклицает Леон в заключительной части поэмы.

...Пусть всюду воцарится
Навеки мир! Мир творчества, добра
И красоты! тот мир, что все простые
Сердца таят в священной глубине
Своей души, тот мир, где уж не будет
Ни слез, ни бомб, ни крови, ни цепей! [2]

В позднейших по времени поэмах Леона — «Откликнись на Стокгольмский зов» и особенно в прекрасной «Песне о Корее»

[1] К. А. Леон. За мир.— Библ. «Огонька», 1949, № 32—33, стр. 16—17.

[2] Сб. «Поэты мира в борьбе за мир», стр. 508.

(1950 г.) эта основная антиимпериалистическая тенденция его поэзии проявляется с новой силой.

7

Рауль Гонсалес Туньон (родился в 1905 г.) вырос и сложился как поэт в обстановке все усиливавшейся классовой борьбы в Аргентине. Ему было 14 лет, когда в Буэнос-Айресе и других городах прокатилась мощная волна забастовочного движения и в стране разыгрались события, получившие название «кровавой недели 1919 года», и 15 лет, когда была создана коммунистическая партия Аргентины, в которую поэт позднее вступил. Вместе с тем это было время ожесточенной схватки между английским и североамериканским империализмом за господство в Аргентине, где позиции лондонского Сити были особенно сильны. Свои первые поэмы, составившие книгу «Скрипка дьявола» (1926 г.), и более поздние сборники «Улица с ямой посередине» (1930 г.), «Все танцуют» (1934 г.) и «По ту сторону звезды» (1934 г.) Туньон писал в обстановке разнузданного политического террора. Захвативший власть в 1930 г. ставленник английских империалистов генерал Урибуру и сменивший его в 1932 г. президент Хусто стремились разгромить рабочее движение и объявили коммунистическую партию вне закона. Преследования властей, объявивших поход и против прогрессивной интеллигенции, вынудили Туньона временно эмигрировать в Европу. Он представлял Аргентину на Первом антифашистском конгрессе в защиту культуры, состоявшемся в Париже в 1935 г.

Поселившись в Мадриде, Туньон сблизился с поэтическим кружком Пабло Неруды, жившего тогда в Испании, Федерико Гарсиа Лорки и Рафаэля Альберти, т. е. с кружком поэтов, черпавших вдохновение в борьбе трудящихся Испании против их вековых угнетателей и в свободолюбивой народной испанской поэзии.

Бурный рост революционного движения в Испании, приведший в октябре — ноябре 1934 г. к вооруженному восстанию в Астурии, оказал решающее воздействие на развитие таланта Туньона. Поэт ясно осознал, в чем состоит его долг перед простыми людьми Испании и Аргентины. Духовному росту Туньона во многом способствовал и пример Рафаэля Альберти, уже выпустившего в свет свои сборники «Лозунги» и «Призрак бродит по Европе», и Пабло Неруды, работавшего тогда над циклом поэм о борьбе испанского народа. Сборник стихов Туньона «Бронированная роза» (1935 г.) был значитель-

ным, новаторским произведением революционной поэзии Латинской Америки. Об этом говорят замечательные по своей силе романсы об астурийском восстании и поэмы «Маленькое кладбище расстрелянных» и «Кладбище в Патагонии».

Мятеж Франко и начало героического сопротивления испанского народа застали Туньона в Аргентине. Однако летом 1937 г. поэт снова в Испании, в любимом им Мадриде, куда он прибыл в составе аргентинской делегации на Второй антифашистский конгресс в защиту культуры. Он стал не только свидетелем, но и участником обороны Мадрида. Чувства, наполнявшие тогда сердце Туньона, нашли выражение в сборнике стихов «Смерть в Мадриде» и в речи, произнесенной им на Втором антифашистском конгрессе.

«Творческая мысль мира,— сказал Туньон,— стоит на стороне Испанской республики и восстает против фашизма.

Сегодня мы все, к каким бы партиям и направлениям мы ни принадлежали, больше чем когда-либо вросли корнями в землю этой страны; нейтральность художника стала бессмыслицей. Писатель становится глашатаем своего времени и передает эту миссию дальше. Иногда он идет впереди своего времени... Связь Южной Америки и Испании настолько ясна, призыв к солидарности настолько могуч, что он уже стал оружием... Южноамериканский фронт — это новый фронт, который стоит за Испанию» [1].

Поэтическое дарование Туньона развернулось во всю мощь после его возвращения на родину. За сборниками «Огненные врата» (1938 г.) и «Смерть в Мадриде» (1939 г.) последовали «Поэмы Хуансито Странника» (1941 г.) и «Гимн пороха» (1943 г.) и, наконец, наиболее популярная из книг Туньона «Первая аргентинская песня» (1945 г.).

«Первой аргентинской песне» предпосланы в качестве эпиграфа текст телеграммы, полученной в 1944 г. Туньоном от Союза советских писателей, с пожеланием, чтобы и дальнейшие стихи поэта служили делу завершения победы над гитлеризмом, и известное двустишие из стихотворения Уолта Уитмена «Одного я пою»:

> Одного я пою, простую отдельную личность,
> И все же демократическое слово твержу, слово «En masse».

В книге Туньона три неравных по объему раздела: «Первая аргентинская песня», «Песня в честь литературных и патриотических обществ XIX в.» и «Остальные поэмы». В первый раздел

[1] «Интернациональная литература», 1937, № 9, стр. 22—23.

вошли в основном произведения о Латинской Америке и, прежде всего, Аргентине. Лучшая поэма этого раздела — «Гимн конечного торжества и Призыв к победе» — посвящена И. В. Сталину. Поэме предшествует стихотворный эпиграф:

О, великий Маршал Славы!
Мы к твоей одежде скромной
Человека и Вождя,
В свете радостного дня,
Знай, свою приколем розу,
Розу всех поэтов мира,
Защищающих свободу,
Из садов волшебных Музы.
Розу золота литого,
Розу нашего огня [1].

В третий раздел книги включены стихотворения, посвященные Советскому Союзу. Это «Песнь во славу Интернационала», «Сказание реки Прут», «Элегии на смерть генералов Ватутина и Черняховского» и «Песнь Советского Союза в Новый год его Славы».

Поэт черпает темы для своих стихов как в национальном прошлом Аргентины, так в событиях современности, связанных с борьбой его народа против тирании ставленников американо-английского капитала. Некоторым поэмам предпосланы эпиграфы, заимствованные из обращений коммунистической партии к трудящимся Аргентины. Сборник проникнут пафосом борьбы. Об этом красноречиво говорят самые названия поэм — «Канун Мая», «Призыв к народному восстанию», «Песнь о подпольной печати», «Песнь о всеобщей латино-американской стачке».

Поэму «Я верую» (носящую подзаголовок «Гражданская молитва, песнь борьбы») Туньон заканчивает следующими словами: «Я верую в борьбу, мать великих событий, верую в мир новый и полный блеска, где ужас не будет постоянным гостем жизни. «Люблю тебя», говорю я моей отчизне — отчизне Сармьенто; и родине Ленина говорю я: «люблю, люблю тебя!»».

Значительный интерес представляют и те произведения, в которых Туньон говорит о своем отношении к искусству, к поэзии. В поэме «Призыв к гражданской поэзии» Туньон зовет поэтов воспеть вместе с ним «жизнь и новый мир». «Наше время,— говорит Туньон,— время гражданской Музы, и ей при-

[1] Raúl González Tuñón. Primer canto Argentino. Edición del Autor, Buenos Aires, 1945, p. 100.

надлежит поэт. Я знаю: всегда будут цвести розы, но они будут прекраснее, ярче и свежее под звездным небом того нового мира, который грядет». В поэме «Я в ключе минор на пути к поэзии мажора» Туньон, вспоминая свою юность, признается, что и он был поклонником Верлена и Рубена Дарио [1], но, полюбив жизнь, стал врагом «чистого искусства» салонов, поэтического доктринерства, холодного, мелочного и бесплодного.

«Солнцем лучезарных дней» называет Туньон Советский Союз. В одной из лучших поэм сборника — «Песнь Советского Союза в Новый год его Славы» — Туньон выражает ту глубокую любовь, которую питает к Советской стране — «ударной бригаде человечества» — «далекая Америка, говорящая на испанском языке, ...от юга, закутанного в туманы, и до солнечных долин». «Я вздымаю гору славы, реку славы — Аконкагуа и Амазонку — в твою честь, о любимый Советский Союз! Твое имя — наша надежда. Любовь всего мира, словно море, доходит до твоих широких берегов. В час, когда, запев победный гимн, мощным шагом идешь ты вперед, я шлю тебе, как дар Латинской Америки, эту песнь. Она вылилась из моего сердца в порыве восторга, она сильнее нашей скорби, наших слез» [2].

Последним по времени произведением Туньона является его «Песня в честь Кореи» (1951 г.). Стихи Туньона, ясные по форме, простые и доходчивые, вместе с поэмами Пабло Неруды, Леона, Николаса Гильена и Хуана Маринелло, принадлежат к лучшему, что создала до сих пор новая поэзия Латинской Америки.

8

Николас Гильен родился на Кубе в 1902 г. Он вошел в латино-американскую поэзию как представитель так называемой афро-латинской школы «песни-танца», как представитель поэзии негров Латинской Америки, говорящих на испанском языке. Эта поэзия тесно связана с южноамериканским негритянским фольклором.

Уже первые сборники стихов Николаса Гильена — «Мотивы-мелодии» (1930 г.) и «Сонгоро-Косонго» (1931 г.) — привлекли внимание таких крупных испанских писателей, знатоков и ценителей искусства, как Мигель де Унамуно и Федерико де Онис, отметивших в стихах молодого поэта «большую силу конкретности, ощутимости, телесности образов и необычайную гибкость рит-

[1] Рубен Дарио (1867—1916) — известный латино-американский поэт-символист, уроженец Никарагуа, оказавший влияние на развитие поэзии Испании и Латинской Америки.

[2] Raúl González Tuñón. Primer canto Argentino, p. 180, 181.

мов». В следующем по времени сборнике Гильена — «Вест-Индия» (1934 г.) — рядом со стихами, написанными в духе традиционной афро-латинской поэзии, встречается немало произведений на острые социальные темы, свидетельствующих о том, что их автор — поэт-борец, смело вставший на защиту латино-американских негров, на защиту не только Кубы, но всей Латинской Америки от империалистического гнета. Для Николаса Гильена, как и для большинства молодых латино-американских поэтов, переломным этапом стала освободительная война испанского народа. В 1937 г. с трибуны Второго антифашистского конгресса в защиту культуры Гильен говорил:

«Я приветствую вас, товарищи, от имени людей, которых особенно презирают фашисты, и которые, может быть, больше, чем все другие, терпели несправедливость и в течение столетий изнемогали в цепях рабства... Я пришел к вам как эксплуатируемый, как преследуемый, как человек, который считает свободу высшим благом, который, как и его соплеменники, ясно сознает, что желанную свободу может принести только падение той стены, которая отделяет настоящее от будущего. Я пришел к вам, как представитель черной расы... Я здесь для того, чтобы напомнить вам, что угнетенное положение негров — это сильнейший стимул, толкающий их к восприятию тех идей, за которые теперь сражаются все честные люди в мире.

Я приехал с острова Кубы, из страны, где чернокожие составляют огромный процент населения, где они в течение трехсотлетнего рабства работали для создания современного общества. Я могу вам сказать, что кубинский негр в глубине своего сердца переживает трагедию, постигшую Испанию... Негр с Кубы — одновременно и испанец» [1].

Героической борьбе испанских республиканцев Гильен посвятил книгу «Испания» (1937 г.), за которой вскоре последовал сборник «Песни для солдат и мелодии для туристов».

В период второй мировой войны окончательно сформировался талант Гильена, еще в 1936 г. вступившего в коммунистическую партию Кубы. Поэт пишет много превосходных поэм, насыщенных высоким гражданским пафосом. Он обличает захватчиков-янки, оплакивает судьбу своей родины — «сахарной» Кубы и, шире, всей Латинской Америки, и призывает народ к борьбе. К 1942 г. относится его замечательная «Песнь о Сталине».

---

[1] «Интернациональная литература», 1937, № 9, стр. 28—29.

В 1949 г., во время пребывания в Москве, Гильен пишет поэму «Вот она — Америка», посвященную борьбе народов мира против поджигателей новой войны:

Мы в Америке! Грязной лапой
Империализм подносит бокал к губам.
Слышишь тост его: «Хватай и цапай»,
Это тост твой, дядя Сам!
С узким черепом, с мутным взором
Карлик Трумэн пьет за смерть... Что ж не идет она?
И сенаторы вторят ему хором:
«Мы пьем за смерть, нам смерть нужна,
Мы пьем за тебя, война».

Поэтическое творчество Гильена неотделимо от его политической деятельности. Активный участник национально-освободительного движения на Кубе, поэт со свойственной ему энергией включился в борьбу за мир во всем мире. Гильен представлял свою родину на Парижском Конгрессе в защиту мира и на конгрессе в Нью-Йорке. В речи, произнесенной в Нью-Йорке на Конгрессе сторонников мира (март 1949 г.), Гильен заявил:

«Война стала бизнесом, гигантским доходным бизнесом. Бизнесом, сделанным на крови, костях и слезах человечества.

Кто же занимается этой торговлей человеческим страданием? Кто получит баснословные дивиденды войны? Тот, кто не пойдет на фронт. Горстка честолюбивых правителей, которая, сидя за столом, будет следить по карте за кровавым маршем людей, посланных ими на смерть. Торговцы, которые спешат распродать залежавшиеся в связи с кризисом товары. Крупные богачи, стремящиеся разбогатеть еще больше. Недальновидные политики, сами для себя закрывшие двери будущего и надеющиеся открыть их пушечной канонадой. Те, кто никогда не видели войны близко и знают ее лишь по заголовкам газет. Те, кому не пришлось видеть разрушенных городов, разъединенных семей, народа в отчаянии...

Вы видите, как под влиянием стремления к наживе вновь объединяются силы, подобные тем, которые в прошлом бросали уже миллионы людей в бессмысленную бойню. Империализм вновь совершает преступления, которые привели к гибели нацистов. Эти ошибки ускорят падение тех, кто стремится оживить гитлеровские бредни. Но падение это будет стоить миллионов драгоценных человеческих жизней и надолго затормозит прогресс человечества».

О долге писателя в наши дни Гильен говорил: «Творчество поэта не должно, не может быть заключено в рамки «чистого искусства»», оторвано от жизни. Сто лет назад «башня из слоновой кости»» могла еще спасти от грома пушек. Теперь от этой башни не останется и следа после первой же бомбардировки. Поэт, как и художник, не может закрывать глаза на жизнь. Он должен покинуть «башню из слоновой кости» и слиться с трагедией простого человека, участвовать вместе с ним в борьбе за уничтожение несправедливости» [1].

«Война, если она начнется,— заявил Гильен на Американском континентальном конгрессе в г. Мексико (сентябрь 1949 г.),— явится детищем американского империализма, крупнейших капиталистов-янки».

«Нет ничего более похожего на гитлеровскую Германию, чем современная Америка,— писал Гильен в одной из своих статей.— Не говоря уже о линчевании и бешеном преследовании негров,— факт, роднящий янки и нацистов,— США представляют собой отвратительный клубок интриг, полицейской слежки, доносов, террора и убийств. Налицо все те атрибуты, которыми пользовались фашисты... Когда возвращаешься из Соединенных Штатов, то вспоминаешь о них, как о каком-то огромном концентрационном лагере, где свора жандармов ходит за тобой по пятам, где нет возможности свободно дышать. Всякое слово о мире, о дружественных отношениях с Советским Союзом или об экономической справедливости и о социальном равенстве для негров — уже достаточный повод для того, чтобы вам прилепили ярлык «красного» или «марксиста», даже если вы никогда не видели ни одной книги Маркса». Основой всего этого,— объясняет Гильен,— является паника, непреодолимый страх реакции перед тем, что капитализм, как старый ярмарочный балаган, рухнет под давлением народного гнева. «Правительство США сеет страх среди гражданского населения потому, что само оно в страхе. И в страхе не перед войной — как было бы логично ожидать,— а перед миром».

Гневно звучат слова поэта, когда он говорит об отношении североамериканских империалистов к его родине — Кубе, к кубинскому народу.

«Кто был на севере (в США.— *Ф. К.*), тот знает,— пишет Гильен,— что там есть множество ресторанов и гостиниц, где кроме обычных ограничений для негров существует запрет для «собак и кубинцев». В школьных учебниках Куба изображается скорее как американская колония, чем как

[1] Публицистические высказывания Гильена цитируются по материалам Иностранной комиссии Союза советских писателей.

независимая республика. Американские солдаты и моряки являются в наши города не как благожелательные путешественники, желающие ознакомиться с достопримечательностями нашей страны, а как завоеватели, ворвавшиеся в стан неприятеля. Тупые, пьяные, ограниченные, шумно хвастающиеся своей техникой, они хотят силой насадить в «странах-метисах» свои идиотские представления о человеческих отношениях».

Когда в 1949 г. группа пьяных моряков-янки осквернила в Центральном парке Гаваны памятник национального героя Кубы, поэта Хосе Марти, Гильен выступил с одной из самых своих блестящих статей — «Предметный урок».

«Мы прекрасно знаем,— писал он,— кто был Вашингтон, или за что чтут память Линкольна. Янки не желают знать наших национальных героев. Им неизвестно, кто был Марти или, что еще хуже, они, зная о нашем национальном герое, оскорбляют его память!»

Поэт видит в омерзительном поступке моряков «горестное предупреждение, напоминающее о том, во что превратилась бы наша родина, если бы она оказалась окончательно в руках янки».

«Что было бы с нашей страной,— спрашивает Гильен,— если бы мы развивались так, как того хотят эти дикие «демократы», линчующие негров, дискриминирующие евреев, грязнящие, оскверняющие самые дорогие имена нашей истории; «демократы», нападающие на незащищенные порты морилюбивых стран, стремящиеся втянуть нас в войну, которая будет в конечном итоге войной против нас».

В одном из номеров «Нотисиас де Ой» («Известия»), почти накануне закрытия газеты в 1950 г. реакционными властями Кубы, действовавшими по указке Вашингтона, Гильен заклеймил предательское нападение североамериканских гангстеров на Корею: «Недавно я видел, как юноши и девушки распространяли листовки. Одну из них я прочел. Это был небольшой текст, очень выразительно озаглавленный — «Чего ищут американские войска за 8000 километров от Соединенных Штатов?»».

В глазах народов всего мира позиция США в Корее — это грубое вмешательство могущественной державы во внутренние дела небольшого народа, главная сила которого в безграничной храбрости и патриотизме его сынов. Зачем должен кубинский народ ввязываться в эту военную авантюру, направленную на укрепление экономической системы, от которой кубинцы в первую очередь страдают сами?

Для янки мы — сахарная колония. И они хотят послать на бойню наших солдат, чтобы те своей кровью укрепили ярмо, которое нас душит».

В 1951 г. Гильен приехал в страны народной демократии и в 1952 г. побывал в Свободном Китае. Он дважды посетил Советский Союз (в 1949 и 1952 гг.). Последнюю книгу своих стихов, направленную против североамериканского империализма, он озаглавил «Голубь народов».

9

Хуан Маринелло — замечательный кубинский поэт, публицист и ученый — один из выдающихся деятелей движения сторонников мира.

Голос Хуана Маринелло звучит на всех конгрессах борцов за мир. Он входит в состав Всемирного Совета Мира в качестве делегата Кубы. Он пишет горячие статьи, полные страстной веры в торжество правого дела миролюбивых народов, призывает трудящихся Латинской Америки дать отпор их злейшим врагам — североамериканским империалистам.

Маринелло родился в г. Санта-Клара в 1899 г. Высшее юридическое образование завершил в Испании. По возвращении на родину занял пост профессора Гаванского университета. Тогда же Маринелло начал писать, и к концу 20-х годов его стихи и очерки приобрели известность не только на Кубе, но и за ее пределами, в Испании и Франции. В первом сборнике стихов — «Освобождение» (1927 г.) Маринелло проявил себя как тонкий лирик. В дальнейшем его поэзия постепенно освободилась от всего наносного, вызванного кратковременным увлечением сюрреализмом и другими формалистическими течениями. В лирических стихах Маринелло все явственнее стали звучать гражданские мотивы.

В течение нескольких лет Маринелло был одним из руководителей прогрессивного журнала «Авансе» («Вперед»).

В 1930 г., по произволу диктатора Мачадо, Маринелло, вместе с другими представителями передовой интеллигенции Кубы, подвергся тюремному заключению, а затем был вынужден эмигрировать. Он возвратился на Кубу лишь после падения Мачадо. В 1935 и 1937 гг. Маринелло представлял свою родину на Парижском и Мадридском конгрессах в защиту культуры. В 40-х годах он занимал ряд важных правительственных постов, был министром и вице-председателем сената.

В годы второй мировой войны Маринелло много сделал для упрочения дружеских связей между народами Кубы и СССР. В настоящее время он является одним из руководителей Народно-социалистической партии Кубы.

С началом широкого движения сторонников мира, Маринелло неутомимо выступает на конгрессах и конференциях, организует

сбор подписей под Стокгольмским Воззванием, сотрудничает в печати. Летом 1949 г. Маринелло вместе с Николасом Гильеном приезжал в Советский Союз. О своих впечатлениях об этой поездке он рассказал в цикле лекций, прочитанных им по возвращении на Кубу и составивших затем две книжки.

Кроме названных нами ведущих поэтов Латинской Америки, пишущих на испанском языке, в каждой из ее республик выступает ряд одаренных представителей прогрессивной поэзии. Таковы: на Кубе — Мануэль Наварро Луна и Мирта Агирре, в Мексике — Эфраин Уэрта, в Чили — Анхель Кручага Санта Мария, Хувенсио Вальe и Луис Энрике Делано, в Перу — Луис Ньето и Хуан Риос, в Аргентине — Хосе Портогало и Альфредо Варела, в Коста-Рике — Карлос Луис Саэнс. Мы перечислили далеко не все имена. Их много. Фронт прогрессивной поэзии в Латинской Америке неуклонно растет.

Наиболее крупным представителем прогрессивной поэзии Бразилии является Жоржи Амаду, более известный как прозаик-романист.

Амаду родился в 1912 г. в Баия. Он — автор многих замечательных романов, стойкий борец за дело мира, верный сын коммунистической партии Бразилии и один из ближайших соратников «рыцаря надежды» — Луиса Карлоса Престеса. Вынужденный в конце 1947 г. покинуть родину, Амаду уехал во Францию, где также подвергся преследованиям со стороны реакционных французских властей. Позднее он поселился в Чехословакии. Только в 1952 г. он смог вернуться на родину.

Преследования и гонения не подорвали ни воли к борьбе, ни боевого духа Амаду. Об этом свидетельствуют его выступления на Парижском и Варшавском конгрессах, его многочисленные статьи и послания. Активная деятельность Амаду в защиту мира отмечена присуждением ему в декабре 1951 г. международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами».

Трижды Амаду посетил Советский Союз. В результате первой его поездки появились книга путевых впечатлений — «Страна Мира» (1950 г.) и написанная в Москве поэма «Приветствие Советскому Союзу в день его Великой годовщины». Эта поэма Амаду — лучшее из всего, что создано прогрессивной поэзией Бразилии. Как романы Амаду и вся его политическая и творческая деятельность, сделавшая его подлинным главой новой бразильской литературы, эта новая поэма проникнута светлым чувством оптимизма. В ней Амаду прославляет величие Совет-

ского Союза, возглавляющего борьбу за мир, которому угрожают североамериканские гангстеры, поэт рисует яркие портреты простых людей Латинской Америки, поднявшихся против провокаторов новой войны. В заключительной части поэмы Амаду от их имени обращается к Советскому Союзу:

Вот что они сказать тебе велели:
«Страна надежды, знай: не наши руки
Нарушат мир твоих земель счастливых!
Не с наших баз воздушные убийцы
Поднимутся, неся с собою смерть.
И рук своих мы им не отдадим,
Мы сами завоюем честь и право
Располагать судьбой своей. Мы, руку
Подав тебе, пойдем с тобою вместе,—
Ты нас навстречу счастью поведешь».
Так говорят, так мне сказать велят
Чилийцы и кубинцы, уругвайцы
И аргентинцы — люди всей Латинской
Америки, от Мексики горячей
До Патагонии... От них от всех
Тебе принес я пламенный привет,
О наша мать, Советская земля,
Надежда мира и оплот вселенной! [1]

Пламенным лиризмом проникнуты романы Амаду. Особенно показательна в этом отношении его книга «Рыцарь Надежды» (1942 г.)[2], написанная в форме рассказа автора своей подруге-негритянке о жизни Луиса Карлоса Престеса и об освободительной борьбе бразильского народа за последние 50 лет. По существу это — поэма в прозе, не менее вдохновенная, чем стихи Амаду.

Чувство горячей любви Амаду к Советскому Союзу нашло себе яркое выражение и в его поэме «Письмо Луису Карлосу Престесу из Москвы», написанной во время его посещения Советского Союза летом 1951 г.

Кровная связь со своим народом характеризует всю деятельность Жоржи Амаду, пламенного борца за счастье Бразилии, за мир во всем мире. Узнав о присуждении ему международной Сталинской премии, Жоржи Амаду заявил: «Это бразильский народ удостоен международной Сталинской премии. От его имени я принимаю ее, взволнованный до глубины души, особенно

[1] Сб. «Поэты мира в борьбе за мир», стр. 315—316.

[2] Русский перевод: «Луис Карлос Престес», Изд-во иностранной литературы, 1951.

от имени тысяч сторонников мира, которые, несмотря на угрозы и насилия полиции, возглавляют борьбу бразильского народа за мир» [1].

С глубоким чувством говорит Жоржи Амаду о своей любви к великому знаменосцу мира, товарищу Сталину: «Для меня имя Сталина уже долгие годы знаменует все стремления к миру и счастию человечества, знаменует достижения независимости, прогресса и культуры для всех народов» [2].

Прогрессивная поэзия Латинской Америки в настоящее время достигла значительного расцвета. В творчестве ее лучших представителей, последовательно и непримиримо борющихся за мир, за освобождение народов континента от гнета американо-английского империализма, уже можно наблюдать элементы социалистического реализма. Живая связь поэзии с жизнью, с благородным движением сторонников мира — несомненный залог ее новых побед.

10

В своей программной речи на Американском континентальном конгрессе в г. Мексико Неруда следующим образом определил недостатки современной латино-американской прозы:

«Написано много рассказов, которые призваны как будто показывать только непреодолимую стену, стоящую на пути народов... Конечно, хорошо, что в период жестокой борьбы писатели, выросшие на нашей горестной земле, показывают всю темноту ночи, спустившейся на нашу родину. Но мы сейчас живем уже в другую эпоху». И Неруда призывал передовых писателей Латинской Америки создавать произведения, которые помогли бы простым людям подняться на борьбу с реакцией, помогли бы «построить новый мир в Латинской Америке» [3].

Говоря о новых задачах латино-американской прозы, Неруда отнюдь не отрицал тех успехов, которых уже добился прогрессивный роман. Передовые писатели стран Латинской Америки прошли большой путь и в значительной мере освободились от влияния всевозможных формалистических течений, шедших на поводу у западноевропейского декаданса, стеснявших развитие литературы и отрывавших ее от национальной почвы.

Немалый вред латино-американским писателям принесло псевдо-народническое течение, популярное в среде буржуазной интеллигенции и в свое время оказавшее влияние на многих прогрессивных писателей. Характерный пример такой лицемерно-

[1] «Правда», 23 декабря 1951 г.
[2] Там же.
[3] «Новый мир», 1950, № 4, стр. 201.

гуманистической, а по сути своей глубоко реакционной литературы — роман «Каменная пустыня» аргентинца Уго Васта, о котором упоминает Горький в известном письме к серпуховским рабфаковцам от января 1931 г. Со свойственной ему прозорливостью Горький дал уничтожающую характеристику не только этому роману, но и всем произведениям подобного рода, бытовавшим в латино-американской литературе, правильно разгадав в Уго Васте будущего фашиста.

В письме к рабфаковцам речь шла о графе Кайзерлинге, «философствующем фельетонисте», прочитавшем в Берлине в 1930 г. несколько лекций, в которых он призывал немецких мещан искать спасение от «болезни индустриализации» в Испании и Южной Америке, где еще сильна религия. По этому поводу Горький писал: «Южно-Американские республики привлекли внимание графа, вероятно, потому, что там среди буржуазной интеллигенции существует... течение, подобное «народничеству» в 60—70 гг. XIX столетия. Суть этого течения такова: обитатели городов, ремесленники и рабочие вырождаются под гнетом культуры, и спастись от вырождения можно только за пределами города, отдав себя «во власть земли».

Один из южноамериканских писателей Уго Васт рекомендует «обрезать крылья воображения, полюбить глубину и прелесть простых вещей». Мы прекрасно знаем, что значит «простые вещи» в быте деревни: женщина в положении рабочего скота, безграмотность, суеверие, пьянство — как единственное удовольствие, «снохачество», сифилис, каторжный труд на земле, нищета и вымирание»» [1].

Передовые латино-американские писатели наших дней говорят не о «глубине и прелести простых вещей», а именно о нищете и «каторжном труде на земле». Лучшие произведения латино-американской прозы посвящены изображению труда на плантациях — «зеленого ада», в котором вынуждены жить крестьяне-бедняки, обреченные на рабское, голодное существование в условиях колониального, а в иных местах и полуфеодального режима, навязываемого латино-американским странам продажными правителями и их вашингтонскими хозяевами.

Основой жестокой эксплуатации, которой подвергаются трудящиеся Латинской Америки на банановых, каучуковых, кофейных и других плантациях Колумбии и Бразилии, в огромных поместьях аргентинских латифундистов, на нефтяных промыслах Мексики и Венецуэлы, на добыче селитры и в медных руд-

[1] М. Горький. Сб. «Если враг не сдается,— его уничтожают». Гослитиздат, М., 1938, стр. 118.

никах Чили, на оловянных разработках Боливии и т. п., является система так называемого «пеонажа» — узаконенного вида рабства, существующего и по наши дни, несмотря на его формальную отмену.

Карл Маркс в первом томе «Капитала» писал: «В некоторых странах, особенно в Мексике, ...рабство существует в скрытой форме, в виде так называемого «пеонажа». При помощи ссуд, которые подлежат возвращению отработками, причем обязательства переходят из поколения в поколение, не только отдельный рабочий, но и вся его семья становится фактически собственностью другого лица и его семьи» [1].

Романы о «зеленом аде» являются прекрасной иллюстрацией к словам Маркса и показывают, что за 85 лет, минувших со времени выхода в свет первого тома «Капитала», условия рабского труда в странах Латинской Америки мало изменились.

Среди произведений о «зеленом аде» видное место занимает роман колумбийца Хосе Эустасио Риверы «Пучина» (1924 г.). Широтой замысла и художественного обобщения, силой обличения он превзошел многие романы на эту тему.

При всех безусловных достоинствах современного латиноамериканского романа о «зеленом аде», в нем еще много непреодоленных слабостей — того нагнетания ужасов, сознания безысходности, о которых говорил Неруда. Писатели всячески подчеркивают жестокость тропической природы, перед которой бессилен человек. Беспомощный, слабый, он обычно гибнет, поглощенный чудовищной «сельвой» — тропическим лесом. В огромном большинстве романов о «зеленом аде» природа предстает перед читателем в виде свирепого и неумолимого божества. Попытки отдельных людей восстать против него заранее обречены на неудачу. Романы о «зеленом аде» отличаются друг от друга только местом действия и пейзажем. Независимо от того, где находятся герои — в кофейных рощах Бразилии, в зарослях бананов Колумбии или сахарного тростника на Кубе,— открывая первую страницу романа, читатель уже может предугадать их печальную судьбу и вместе с ними возненавидеть тех, кто возрождает самое чудовищное рабство. Авторы большинства романов о «зеленом аде» лишают своих действующих лиц воли к сопротивлению, к борьбе против эксплуатации и порабощения. В их изображении пеоны — будь то негры, индейцы или креолы — прежде всего жертвы обстоятельств, люди, неспособные к объединению и в силу того не могущие противостоять

[1] К. Маркс. Капитал. Госполитиздат, 1949, т. I, стр. 174, примечание.

классовому врагу. Их положение безвыходно, а борьба бесполезна. Если в романах о «зеленом аде» и встречаются сцены стихийного мятежа пеонов, доведенных до последней степени отчаяния зверским обращением хозяев, то обычно эти сцены завершаются трагическим финалом, гибелью восставших. Все это сообщает романам о «зеленом аде» чрезмерно мрачный, безнадежный колорит.

Такая же мрачная картина нарисована и в романах о «черном аде», т. е. о жизни беднейшего населения латино-американских городов (рабочих, мелких служащих, эмигрантов и т. д.). Только вместо «сельвы» здесь — городское дно, засасывающее даже самых талантливых людей. Бессмысленное, нищенское существование толкает обычно героев романа этого типа к пьянству, разврату, преступлениям и самоубийству. Для примера укажем на романы и рассказы эквадорца Умберто Сальвадора («Чашка чая», «Товарищ» и др.). Между тем, реальная действительность Латинской Америки наших дней — учащающиеся выступления трудящихся города и деревни, пробуждение политической сознательности масс, рост ненависти к реакционным правителям и их хозяевам — янки, та роль, которую играют коммунистические партии в организации движения сторонников мира, показывают, что трудящиеся Латинской Америки стоят перед крупными боями, что они далеки от отчаяния, что они уверены в победе своего правого дела.

У латино-американского романа о «зеленом» и «черном аде» есть еще один существеннейший недостаток: в большинстве из них, сознательно или бессознательно, обходится молчанием тот факт, что за спиной латино-американских помещиков и торговцев, наживающихся на крови и поте народных масс, стоят монополии США. Время действия авторы условно относят к концу XIX, началу XX в., к годам первой мировой войны. Такое изображение латино-американской действительности не учитывает современного уровня и размаха национально-освободительного движения народов Латинской Америки.

Несмотря на серьезные недостатки, романы о «зеленом» и «черном аде» для своего времени сыграли в латино-американской литературе прогрессивную роль. Критический реализм этих произведений в какой-то мере способствовал росту классового самосознания трудящихся, обострению ненависти к их исконным врагам — местным помещикам, буржуазии, к иностранным капиталистам. Среди авторов романов о «зеленом» и «черном аде» можно назвать таких прогрессивных деятелей культуры, как Грасилиано Рамос и Далсидио Журандир в Брази-

лии [1], Энрике Хиль Хильберт в Эквадоре, Альфредо Варела, Рауль Ларра и Альваро Юнке в Аргентине, Мигель Анхель Астуриас в Гватемале, Энрике Аморим в Уругвае и многих других. В настоящее время одна из насущных задач прогрессивной литературы латино-американских стран заключается в том, чтобы преодолеть те настроения уныния и безысходности, которыми проникнуты романы о «зеленом» и «черном аде».

За последние пять — десять лет в латино-американской литературе появилось несколько романов, в которых изображена борьба трудящихся Латинской Америки за лучшее будущее, за мир. Среди писателей, творчество которых, «своими корнями глубоко ушедшее в толщу народа, показывает ему путь к освобождению» (Неруда), следует назвать Жоржи Амаду и Хосе Мансисидора.

В предисловии к своему роману «Бескрайние земли» (1943 г.) Амаду так рассказывает о своем творческом пути:

«Десять лет тому назад я написал небольшой и проникнутый гневом роман на тему о какао, к которой я возвращаюсь сегодня. Тогда мне было 19 лет, и я только еще начинал свою жизнь писателя. За эти десять лет я написал семь романов, две биографии, несколько поэм, сотни статей, прочел десятки докладов. Все эти десять лет я боролся, путешествовал, произносил речи, жил той жизнью, какой жил мой народ. Огромную радость я обретаю в том чувстве, которое пронизывает не только весь труд, осуществленный мною за эти десять лет, но и прожитую мною за те же годы жизнь: это чувство — надежда, более чем надежда — уверенность, что завтрашний день будет лучше и прекраснее сегодняшнего. Во имя этого «завтра», рассвет которого уже брезжит над мраком войны на востоке Европы, я жил и писал» [2].

Девять лет отделяют сейчас Амаду от его романа «Бескрайние земли», который он посвятил «ленинградскому композитору и бойцу Дмитрию Шостаковичу». За это время Амаду написал два новых романа, свидетельствующих о росте его художественного мастерства, опубликовал множество статей. С трудом избегнув тюрьмы и вынужденный эмигрировать, Амаду принял деятельное участие в борьбе свободолюбивых народов за мир, против американо-английских поджигателей войны. Он является членом Всемирного Совета Мира от Бразилии, участвовал в важнейших конгрессах и конференциях сторонников мира.

[1] Оба эти писателя входили в состав делегации Бразилии, приезжавшей в СССР весной 1952 г.

[2] Jorge Amado. Tierras del Sin Fin. «Editorial Pueblos Unidos». Montevideo, 1944.

«Миллионы людей моей страны,— сказал Амаду в речи на Втором Всемирном конгрессе сторонников мира, состоявшемся в Варшаве (ноябрь 1950 г.),— любят Советский Союз и страны народной демократии, любят их идеи и их образ жизни...

Бразилия! Я хорошо знаю эту страну и этот народ. Я знаю его нежность, доброту, сердечность, его пламенное сердце, храбрость, его любовь к труду, его глубокий патриотизм, его творческие таланты. Я — сын этой страны, писатель этого мужественного и благородного народа, рожденный и выросший среди ее забот, переживающий ее горести, ее борьбу и ее надежды. Я считаю поэтому, что я вполне уполномочен заверить вас в том, что бразильский народ готов внести эффективный и конкретный вклад в дело защиты мира во всем мире» [1].

В свете все усиливающейся борьбы бразильского народа против своих угнетателей, ставленников монополий янки, и написаны два последних по времени романа Амаду «Земля золотых плодов» (1944 г.) и «Красные всходы» (1946 г.) [2], являющиеся продолжением «Бескрайних земель». Создавая эту трилогию, Амаду, по его собственному признанию, хотел показать три периода жизни бразильского народа: период феодальный, период проникновения в страну иностранного капитала (империалистический) и, наконец, период победы восставшего народа. В первом из романов — «Бескрайние земли» показана борьба двух крупных феодальных семей, так называемых «полковников» (потомков завоевателей Бразилии), за овладение полосой тропической чащи Секейро Гранде, борьба, перешедшая в подлинную гражданскую войну и принесшая тяжелые страдания народным массам. Во второй части трилогии «Земля золотых плодов» Амаду рассказывает о том, как те же земли, уже превращенные в обширные плантации какао, были захвачены иностранной компанией «Братья Зуде и товарищество». Действие переносится с конца XIX — начала XX столетий в 20—30-е годы, т. е. в близкий нам по времени период.

Эпиграф, предпосланный первой части и воспроизводящий слова народного романса: «Я расскажу вам историю, которая заставит вас ужаснуться»,— является общим для всей трилогии. Рассказ о том, как иностранные экспортеры, за спиной которых стоит североамериканская монополия, разорили местное население, вызывает не меньшее возмущение, чем те кровавые преступления, о которых мы узнаем из «Бескрайних земель». Захват земель достигается путем сделки, вернее заговора, между экс-

[1] «Новое время», 1950, № 49, стр. 16—17.

[2] Вышли в русском переводе в Издательстве иностранной литературы в 1948 и 1949 гг.

портерами, сначала искусственно вздувающими цену на какао, а затем добивающимися катастрофического падения цен. Опытные хищники проводят всю эту операцию с холодным расчетом. В романе показано, как Карлос Зуде и его компаньон — руководитель всей этой мошеннической операции американец Карбанкс постепенно подчиняют себе владельцев местных плантаций, насаждают в районе фашистский режим германо-американского образца. Хозяйничанье на плантациях североамериканских хищников новым бременем ложится на плечи пеонов и вызывает их сопротивление. Правда, во второй части трилогии это пока еще неорганизованные выступления, вспышки, обреченные на неудачу. Но толчок уже дан. Справедливый гнев народа, сдерживаемый на протяжении десятков лет, находит себе выход.

Одна из самых удачных фигур романа, молодой коммунист Жоаким Витор,— сын мелких землевладельцев. Именно на него ложится трудная задача организовать пролетариат Сан-Жоржедос-Ильеус и повести его на борьбу с «империалистическим драконом». Но коммунистическая партия Бразилии в ту пору еще слаба, у Жоакима нет достаточного политического опыта, и реакции удается подавить движение протеста.

В романе «Красные всходы» Амаду описывает бедственную жизнь крестьян северо-востока Бразилии. Голод и притеснения помещиков вынуждают их покинуть родные места, двинуться на юг.

На судьбе арендатора-испольщика Жеронимо и его семьи Амаду показывает тяжелые условия, в которых живет беднейшее население Бразилии. Кульминационным пунктом романа являются события 1935 г.— неудачное восстание войсковых частей сначала в Натале, а затем в Ресифе и Рио-де-Жанейро. Восстание это, как известно, было возглавлено Национально-освободительным альянсом и ставило своей целью свержение тирании диктатора Жетулио Варгаса.

Как в «Земле золотых плодов» наиболее удачной фигурой является коммунист Жоаким, так и в «Красных всходах» с особой любовью нарисован образ молодого коммуниста, капрала Жувенсио, одного из руководителей восстания в Натале.

В эпилоге романа описаны события 1945 г., когда коммунистическая партия Бразилии смогла выйти из подполья. «На ниве, красной от крови,— говорит Амаду,— поднимались взращенные страданием и голодом всходы народного гнева, наступала пора жатвы».

Роман «Красные всходы», по мысли автора, должен был завершить его трилогию, показав победу, одержанную бразильским народом над его угнетателями. Однако события 1947-го и

следующих годов, когда реакция в Бразилии снова подняла голову, заставили Амаду расширить рамки своего повествования, начав новую трилогию «Каменная стена», посвященную освободительной борьбе народа Бразилии с 1937 г. до наших дней.

Жоржи Амаду — писатель-реалист нового для Латинской Америки типа. Мрачный подчас колорит его романов обусловлен не тем духом безысходности, который господствует в преобладающем большинстве книг о «зеленом» и «черном аде». Автор стремится правдиво изобразить действительность современной Латинской Америки, не скрывая ее темных сторон. Но надежда, о которой говорит Амаду в предисловии к первой части трилогии, как о главном стимуле своей литературной и общественной жизни, окрыляет его творчество. В романах Амаду впервые в латино-американской прогрессивной прозе появляется положительный герой, сознательно борющийся против социальной несправедливости, твердо верящий в победу правого дела, в возможность создать новую, лучшую Латинскую Америку.

Мексиканец Хосе Мансисидор — сын рабочего, родился в 1895 г. в г. Вера Крус. Он учился в военно-морской школе, был солдатом, а затем капитаном, майором и подполковником повстанческой армии.

Революционный путь, на который вступил в своей общественной жизни Мансисидор, определил и его положение в мексиканском литературном движении. Глава литературной группы «Основа», Мансисидор был редактором издаваемого ею журнала «Рута» («Путь»). Весной 1936 г. Мансисидор посетил СССР в составе профсоюзной делегации. В 1952 г. он снова приехал в Советский Союз во главе делегации мексиканских деятелей культуры.

В годы, когда испанский народ поднялся на защиту республики от мятежников и интервентов, Мансисидор дважды приезжал в Испанию. Он был главой мексиканской делегации на Втором международном конгрессе в защиту культуры.

Вернувшись в Мексику, Мансисидор развивает кипучую общественно-политическую деятельность, продолжает руководить прогрессивным журналом «Путь», выступает на митингах в защиту мира, свободы и демократии.

Когда немецко-фашистские захватчики предательски напали на Советский Союз, Мансисидор был в числе горячих сторонников присоединения Мексики к лагерю держав антигитлеровской коалиции. В письме на имя Союза советских писателей

(август 1941 г.) Мансисидор заявил: «Гитлер бросил на стол свою последнюю карту: он сделал это в припадке отчаянья, которое само по себе является предвозвестником его поражения. Свободолюбивые народы знают, что на шестой части света двести миллионов человек, непобедимых, как сама жизнь, борются не только за свое будущее, но и за наше будущее, не только за судьбу своих, но и наших детей, внуков, правнуков. Нет силы в мире, способной победить эту силу.

Сталин — великий вождь народов — призвал нас к борьбе. Пусть на земле не останется ни одного человека, который не исполнил бы своего долга.

У нас, писателей, есть свое место в этой борьбе, займем же его немедленно».

Во время второй мировой войны Мансисидор играл руководящую роль в Русско-мексиканском институте культурной связи, в Обществе друзей Советского Союза, напечатал множество статей, выступал на массовых митингах, организовал выставки, посвященные жизни и борьбе советских людей.

Его творческая работа становится неотъемлемой частью той борьбы против фашизма и войны, которую он ведет. Еще в первом крупном своем произведении — повести «Мятеж» (1931 г.), ставшей значительным явлением в прогрессивной литературе не одной только Мексики, но всей Латинской Америки,— Мансисидор предстает как гневный обличитель империализма. Как пламенный поборник мира выступает он и в сборнике своих рассказов «Первый камень» (1950 г.).

Основная тема повести «Мятеж» — история генеральского путча, невольным участником которого становится главный герой книги, «человек из Халапы». Когда победу одерживают правительственные войска, «человеку из Халапы», в котором нетрудно узнать самого Мансисидора, приходится бежать из страны через тропические заросли. Главную задачу повести Мансисидор видит в раскрытии «национальной трагедии Мексики».

С еще большей четкостью основная антиимпериалистическая идея творчества Мансисидора проявилась во второй его книге — «Красный город» (1932 г.), темой которой послужила стачка рабочих в г. Вера Крус. В отличие от «генеральского мятежа», эта стачка выражает подлинные интересы мексиканского народа. В повести «Мать» (1937 г.) писатель дает собирательный образ героической испанской женщины наших дней; в романе «Роза ветров» (1939 г.) он описывает историю духовного роста человека своего поколения, безоговорочно вставшего на сторону борющегося народа; в романе «Лицом к морю» (1947 г.) Мансисидор воскрешает эпизоды героической борьбы

рабочих г. Вера Крус против североамериканского десанта в 1914 г.

Хосе Мансисидор занимает одно из наиболее видных мест в прогрессивной литературе современной Латинской Америки.

Названные нами произведения, конечно, не исчерпывают всего богатства прогрессивной латино-американской литературы. Заслуживают внимания романы о гражданской войне и революции в Мексике («Те, кто внизу» Мариано Асуэлы, «Идем с Панчо Вильей» и «Они привезли с собой пушку в Бачимбу» Рафаэля Ф. Муньоса и др.), книга о нефти («Нефтяной скандал» бразильца Монтейро Лобато), романы о борьбе патриотов в Никарагуа («Кровь под тропиками» и «Удавленные» Эрнана Роблето), о колонне Престеса («Гул» бразильца Педро Мота Лима) и о жизни политических заключенных в концентрационных лагерях («Девять лун над Неукеном» уругвайца Энрике Аморима), о негритянских и индейских тружениках (произведения писателей Мексики, Перу, Венецуэлы, Эквадора и Бразилии) и многие другие.

За последнее десятилетие в странах Центральной Америки опубликованы два романа из жизни пеонов, работающих в нечеловеческих условиях на банановых плантациях пресловутого американского треста «Юнайтед фрут компани». Это — «Мамита Юнай» Карлоса Луиса Фальяса, одного из вождей пролетариата Коста-Рики, и «Зеленая тюрьма» Рамона Амайя-Амадора. Правдиво показывая тяжелую участь пеонов, авторы с искренней теплотой пишут о своих героях, подчеркивают их веру в будущую победу. Романы Фальяса и Амайя-Амадора принадлежат к числу бесспорных достижений прогрессивной латино-американской прозы.

В тяжелых условиях борются за мир и свободу своих народов передовые латино-американские писатели. Об этом красноречиво говорит обращение Пабло Неруды и Жоржи Амаду «К интеллигенции, к прогрессивным людям и культурным организациям, к народным массам всего мира», датированное июнем 1951 г. Приведем из этого обращения, призывающего «заклеймить позором режим террора, установленный на американском континенте», заключительную часть:

«Тысячи борцов подвергаются жестоким преследованиям. Тюрьма, пытки и убийства — вот единственные аргументы людей, которые ханжески называют себя защитниками демократии и цивилизации.

Но и в этих тяжелых условиях наши народы ведут героическую борьбу против экономической отсталости, против угнетателей и войны. Миллионы подписей стоят под призывом о заключении Пакта Мира между пятью великими державами. Забастовки и борьба трудящихся принимают все более и более широкие масштабы. Движение протеста против отправки латиноамериканских войск в Корею стало кровным делом наших народов.

Несмотря на предательскую позицию почти всех латиноамериканских правительств, наши народы пламенно преданы высоким и благородным идеалам человечества. В эти дни, когда положение приобрело столь серьезный характер, мы считаем необходимым обратиться ко всем людям земного шара с призывом заявить во всеуслышание о своей солидарности с теми, кто на нашем обширном континенте подает пример героизма и неудержимого стремления к миру и светлому будущему» [1].

В героической борьбе народов Латинской Америки за высокие, благородные идеалы человечества, за мир и демократию прогрессивной латино-американской литературе принадлежит почетное место.

---

[1] «Литературная газета», 19 июля 1951 г.

В. Н. Кутейщикова

ПАБЛО НЕРУДА

I

На родине Пабло Неруды сегодня хозяйничают североамериканские империалисты. При посредстве помещиков и купцов, правящих государствами Латинской Америки, они все более нагло проводят политику наступления на национальную независимость и демократические свободы латино-американских народов, стремясь поставить ьна службу подготовляемый ими новой мировой войны огромные хозяйственные и людские ресурсы южноамериканского континента.

Но с каждым днем растет сопротивление этих народов империалистическому натиску США. Антиимпериалистическое, национально-освободительное движение латино-американских народов никогда еще не было столь широким и мощным, как теперь. Оно сомкнулось со всеобщей борьбой народов за мир и демократию во всем мире, стало составной частью этой борьбы.

Этой борьбе отдает весь свой могучий талант замечательный поэт нашего времени, пламенный борец против империализма, лауреат Премии мира, Пабло Неруда.

Почти три десятилетия назад, в самом начале своей деятельности, молодой чилийский поэт Рикардо Нафтали Рейес сделал своим псевдонимом имя Пабло Неруда. О том, как возник этот псевдоним, сам поэт рассказал так: «Когда мне было пятнадцать лет... я прочитал один рассказ Яна Неруды, который вызвал у меня большой интерес. Потом я узнал о том, что́ представляет Неруда для чешского народа. Я был вдвойне доволен, что моя детская интуиция меня не обманула» [1].

«Эпитет «нерудовский»,— пишет профессор Зденек Неедлы,— считается в Чехии не только высшей похвалой, которой может удостоиться поэт, но и означает также величие мысли и простоту формы и — что еще выше — безграничную верность

[1] Из выступления П. Неруды в Доме ученых в Москве 18 октября 1951 г.

своему народу и его национальной культуре» [1]. Имя выдающегося чешского писателя, взятое чилийским поэтом в качестве псевдонима, заключало в себе целую программу творчества.

Пабло Неруда родился в 1904 г. в маленьком чилийском городке Парраль; отец его служил на железной дороге, мать была учительницей. В городе Темуко, на самом юге страны, куда переехала семья, будущий поэт закончил лицей и отправился в столичный университет, в Сант-Яго. Он с увлечением окунулся в бурную студенческую жизнь. Первые, полусознательные проявления социального протеста привели его в ряды оппозиционного движения «Баррикады», объединявшего рабочих и студентов. На страницах выпускавшегося участниками этого движения сборника «Кларидад» («Свет») появились первые стихотворения Неруды.

В рабочем движении Чили, как и других стран Латинской Америки, в начале 20-х годов преобладали анархо-синдикалистские течения, по существу отрицавшие роль организованной пролетарской борьбы. Полуанархический характер носило и движение «Баррикады», что отразилось на раннем творчестве Неруды. Для многих ранних стихотворений Неруды характерны мотивы самосозерцания, пессимизма, отрешенности от реального мира. Таковы: «Сумерки», «20 песен любви и одна песня отчаяния».

В 1927 г. Неруда, поступив на дипломатическую службу, получил назначение в столицу Бирмы Рангун и затем в течение пяти лет путешествовал по странам Восточной Азии, побывал в Индии, на Яве, на Цейлоне. Картины зверской эксплуатации туземного населения белыми колонизаторами вызвали у Неруды глубокое отвращение к капиталистической «цивилизации». Это отвращение первоначально породило в творчестве поэта пессимистические настроения. «Я был писателем, который блуждал среди пустой ночи, пытаясь пробить стены» [2],— вспоминает Неруда об этом времени.

Но поэт сумел найти выход из тьмы отчаяния. Этот выход заключался в обращении к народу, к простым людям, их радостям, горестям и насущным нуждам.

Свидетельством начавшегося перелома в творчестве поэта была серия стихотворений, озаглавленная «Пребывание на земле», первая часть которой вышла в 1933 г. Уже само название говорило о том, что поэт стремится приблизиться к «грубой

[1] З. Неедлы. Предисловие к кн.: Я. Неруда. Стихи и повести, М., 1944, стр. 7.

[2] П. Неруда. Стихи. Издательство иностранной литературы, 1949, стр. 33.

действительности» и стать «poeta impuro» («не чистым поэтом»), как гордо называл он себя в то время.

В этой книге стихов, посвященных людям и их страданиям, Неруда как бы ставил для себя вопрос: может ли обыденная жизнь человека быть материалом поэзии? И, отвечая на этот вопрос: «Да, может и должна»,— тем самым бросал вызов «небесным», «чистым» поэтам.

Приближение к реальности, к жизни простого человека еще не было достаточно полным, книга несвободна от пережитков декаданса, но это приближение не было ни случайным, ни поверхностным.

Уже в те годы на творчество Неруды оказали известное воздействие стихи лучшего поэта советской эпохи Владимира Маяковского. Об этом позднее Неруда писал: «Когда мы были молоды, раздался поразивший нас голос Маяковского. Среди одряхлевших поэтических систем с их классификацией — рассвет и сумерки — раздался голос, подобный молоту строителя. Поэт погружал свои руки в сердце коллектива и находил там силы для новых мелодий. Сила, нежность и ярость Маяковского остаются поныне высочайшими образцами нашей поэтической эпохи» [1].

В предисловии к более ранней поэме «Житель и его надежда» Неруда следующим образом определил свое отношение к литературе: «Я всегда выбирал великие идеи и, несмотря на то, что литература искушает меня сомнениями и колебаниями, я предпочитаю лучше не делать ничего, чем писать развлекательные попурри. То, что не затрагивает моих глубоких чувств, мне чуждо» [2].

Эти слова содержали в себе зародыш целой системы взглядов на долг поэта, на его отношение к жизни. Развитие и осуществление этой системы стало делом многих последующих лет.

2

Фашистскую интервенцию в Испании Неруда встретил в Мадриде, где он был в то время консулом Чили. Он горячо полюбил Испанию, ее природу, искусство, ее мужественный народ. Поэт смотрел на Испанию не глазами туриста: он видел великолепие испанской природы и архитектуры, но он видел и вопиющую бедность рабочего класса, нищету испанских дере-

[1] См вступительную статью И. Эренбурга к сб.: П. Неруда. Стихи. Издательство иностранной литературы, 1949, стр. 7.
[2] «Звезда», 1949, № 5, стр. 176.

вень. «Испания, бедная по вине богатых»,— так назвал он одно из своих стихотворений.

Официальным приемам и дипломатическим беседам Неруда предпочитал живое общение с рабочими, поэтами, студентами и крестьянами. Настоящий друг испанского народа, он имел право сказать, обращаясь к матерям убитых дружинников:

Я знал ваших детей,
я гордился их жизнью,
как горжусь их смертью [1].

(Перевод И. Эренбурга

При первых орудийных залпах Неруда — на передовой линии фронта. Он стал певцом сражающихся республиканцев. Борьба испанского народа против фашистского вторжения надолго стала основным содержанием поэзии Неруды.

Испания была боевым крещением поэта. Здесь, в Испании, произошло превращение лирика и созерцателя в гражданина и борца. Увидев своими глазами фашистское чудовище, Неруда пришел к единственно возможному честному выводу: «Когда на испанской земле гибнут дети, которые родились не для того, чтобы быть погребенными, когда в Китае кровь заливает рисовые поля, я не могу, не могу молчаливо созерцать жизнь и мир, я должен выйти на дорогу и кричать, кричать до конца моих дней» [2].

Пабло Неруда провел в Мадриде осень и первую зиму осады. Вместе с лучшими представителями мировой культуры он горячо выступал в защиту дела Испанской республики. В боях, среди развалин осажденного города, рождались его стихи, обращенные к бойцам: «Цеха на фронте», «Ода Народной армии», «Предатели-генералы», «Гранатометчики», «Прибытие в Мадрид Интернациональной бригады».

В 1937 г. Неруда был отозван на родину, и там, в Чили, вышла книга его стихов «Испания в сердце». Лучшим признанием ее было то, что военный комиссариат республиканской Восточной армии переиздал ее в Испании. Этому изданию было предпослано краткое предисловие, кончающееся словами: «Солдаты республики сами изготовили бумагу для книги, набрали и напечатали ее. Пусть наш долг, поэт Пабло Неруда, примет эту справку, как посвящение». В этих скупых словах заключалась

[1] П. Неруда. Матерям убитых дружинников. В об.: «Испания в сердце». М., ГИХЛ, 1939, стр. 14.
[2] «Новое время», 1951, № 1.

высшая награда поэту, поставившему свое творчество на службу народу.

После падения Мадрида Неруда едет в Париж, где организует помощь беженцам-республиканцам.

Поражение республиканской Испании не разоружило поэта. Он знал, что невозможно покорить свободный испанский народ, он знал, что борьба продолжается:

Но из каждого мертвого дома
вместо цветов
подымается сталь.
Но из каждого пустыря Испании
встает Испания [1].

(Перевод И. Эренбурга)

Когда весной 1951 г. народное возмущение против франкистского режима нашло выход в открытом движении протеста, охватившем Испанию, поэт выразил свою солидарность с испанскими трудящимися в волнующем стихотворении «Барселона».

3

Начало Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков застало Неруду в Мексике, где он был консулом. С первого дня войны поэт стал активным организатором помощи Советскому Союзу. Он часто выступал по радио и на митингах с речами, посвященными борьбе советского народа, организовывал выставки, посвященные СССР, был активным членом Исполнительного совета Мексиканского комитета помощи России в войне. Эта деятельность оказала огромное влияние на творчество Неруды. Она еще теснее сблизила его с народом и помогла ему увидеть глазами простых людей смысл совершавшихся исторических событий. Сама жизнь предъявила новые требования к его произведениям, подчинив их интересам великой борьбы народов против фашизма.

В конце 1942 г. Неруда написал «Первую песнь любви Сталинграду». Выступая в Москве в 1949 г., поэт рассказал о том, при каких обстоятельствах она была создана.

«В те дни дикие орды направили удар в сердце Советского Союза. Нацисты продвинулись до Сталинграда, и этот город сражался среди крови и пламени.

Я был в Мексике в эти дни... Страна, которую мы любили, истекала кровью и не получала никакой помощи от своих союз-

[1] П. Неруда. Стихи, стр. 43.

ников. И тогда для выступления на рабочем митинге я написал поэму. Я хотел крикнуть очень громко, чтобы надежда воспрянула вновь. Эту поэму я прочел, глядя в глаза мексиканским рабочим.

И мексиканцы в ту же ночь напечатали мою поэму на больших плакатах — так, как печатаются сводки о войне, и расклеили 20 тысяч таких плакатов по улицам Мексико... Я видел сотни людей, читавших мои стихи... у них возрождалась надежда. И с тех пор я почувствовал, что я тоже там, далеко, участвовал в вашей титанической борьбе» [1].

«Первая песнь любви Сталинграду» начинается торжественными стихами, проникнутыми чувством преклонения перед народом, защищающим героический город. Победа Сталинграда — победа всего прогрессивного человечества. Победа Сталинграда — залог грядущего освобождения родины поэта, залог торжества простых тружеников Латинской Америки:

Ночью крестьянин спит, и он просыпается,
он погружает руки в темноту, он спрашивает рассвет:
«Заря, солнце утра, свет идущего дня,
скажи мне, все еще самые чистые руки
город гордости держат? Скажи мне, заря,
все ли железо лицо твое ранит?
И стоит ли еще человек, и гремит ли еще гроза?
Скажи мне,— говорит крестьянин,— земля еще слышит,
как героев тяжелая падает кровь?
Скажи мне, есть ли еще над деревом небо?
Битва, скажи мне, идет ли еще в Сталинграде?» [2]

(Перевод И. Эренбурга)

Пабло Неруда понял всемирно-историческое значение Сталинградской битвы, знаменовавшей закат немецкой армии, увидел победу нового мира, и это помогло ему увидеть на его родине те силы, которые смогут освободить народ от ига империализма. Неруда понял международную историческую роль идей социализма. Поэтическими, образными словами он рассказал о любви всех народов к Сталинграду:

Сталинград, мы не можем придти к твоим стенам,
мы далеко, мы не в силах придти,
мы, мексиканцы, мы, чилийцы, арауканцы,

[1] Выступление П. Неруды в Большом зале Московской консерватории 27 июня 1949 г.— «Новое время», 1951, № 1.
[2] П. Неруда. Стихи, стр. 17.

мы, патагонцы, уругвайцы, гваранй. Нас миллионы.
Мы не можем придти, защитить наш город,
город огня.
Будет день, мы придем,
индейцы с разбитых больших кораблей,
как дети, придем целовать твои камни [1].

(Перевод И. Эренбурга)

Поэт видел предательство монополистических заправил Нью-Йорка и Лондона. Возмущаясь отсутствием помощи советскому народу со стороны союзников, он гневно заклеймил правителей США и Англии, уже тогда замысливших тайный заговор против демократии.

Когда тысячи снарядов терзают твое сердце,
когда ядовитые скорпионы
жаждут ужалить твое чрево, Сталинград,—
Нью-Йорк танцует, Лондон размышляет,
а я говорю: Подлецы!
Потому что я не могу больше терпеть,
потому что мы не можем больше терпеть [2].

(Перевод И. Эренбурга)

Гнев и сарказм поэт обращал против тех, кто втайне готовил третью мировую войну, против тех, кто руководил заговором против мира.

«Вторая песнь любви Сталинграду» увидела свет в 1943 г. Строгая, чеканная форма соответствует ее содержанию: это гимн великому городу — символу победоносной борьбы Советского Союза за освобождение человечества от фашистской чумы. Эта песня родилась в дни торжества Сталинграда, как исповедь поэта и клятва верности правому делу.

Я прежде писал о дожде, о море,
описывал небо, плодовый сад,
писал о металле лиловом гòря,
теперь о тебе пишу, Сталинград.
Прежде девушка хранила суеверно
с платочком вместе стихов моих лад,
теперь не здесь — в земле мое сердце,
в дыму и в свете твоем, Сталинград [3].

(Перевод И. Эренбурга)

[1] П. Неруда. Стихи, стр. 18.
[2] Там же, стр. 17.
[3] Там же, стр. 19

Следующие строки говорят об огромном значении великой Сталинградской победы для творчества поэта:

Я рукой касался облаков, что висли,
как клочья рубашки,— был мертв закат,
теперь я коснулся начала жизни,
зари, что встает над тобой, Сталинград [1].

(Перевод И. Эренбурга)

Разгром фашистских варваров, осуществленный Советской Армией — оплотом мира и свободы народов, открывает поэту новые горизонты, воодушевляет его верой в победу прогрессивного лагеря над силами реакции.

«Вторая песнь любви Сталинграду» кончается так:

Пусть знают все — то верности клятва,—
хоть не был я средь твоих солдат,
тебя я любил любовью солдата,
тебе я оставил эту гранату —
эту песнь любви тебе, Сталинград [2].

(Перевод И. Эренбурга)

О решающем значении исторической Сталинградской битвы для жизни и творчества Пабло Неруды свидетельствует выразительная запись, которую поэт оставил в книге посетителей Музея обороны Сталинграда в 1949 году: «Я родился, чтобы воспеть Сталинград».

Героической борьбе советского народа против фашизма Неруда посвятил и другие поэмы: «Ода 7 ноября», «Песнь в честь Красной Армии, подошедшей к воротам Пруссии».

В годы Великой Отечественной войны Неруда окончательно сформировался как поэт-борец, навсегда порвавший с «чистой» поэзией.

4

В 1943 г. Неруда вернулся на родину. Началась пора его бурной политической и творческой деятельности. Он становится вождем прогрессивных писателей Чили, активным участником демократических организаций страны.

В начале 1945 г. Неруда был избран сенатором. В сенате он представлял две северные провинции — Тарапака и Антофагаста, наиболее густо населенные рабочими.

[1] П. Неруда. Стихи, стр. 19.
[2] Там же, стр. 20

«Трудящиеся этих провинций,— рассказывал Неруда,— ведут наиболее ожесточенную борьбу за свои права, за дело мира. Самыми активными среди них являются горняки рудников Чукикаматы.

Чукикамата — голая, безводная пустыня. Там нет ни растений, ни животных... Но в пустынных горах Чукикаматы находятся крупнейшие медные рудники, а в долинах добываются нитраты — азотистые удобрения и сырье для химической и военной промышленности. Здесь работают тысячи горняков...

Единственное, с чем можно сравнить условия жизни на рудниках,— это нацистские концентрационные лагери» [1].

Жизнь и творчество Неруды стали отныне нераздельными с борьбой рабочих, пославших его в сенат. В чилийском пролетариате поэт увидел ведущую силу освобождения своей родины. С конца 1945 г. Пабло Неруда — член коммунистической партии Чили. В это время Неруда написал поэму «Привет Северу», посвященную рабочим северного Чили. В ней на фоне угрюмой природы нарисованы поэтические образы чилийских тружеников. Неруда вспоминает героев рабочего движения — «отца» Рекабаррена, рудокопа из северных рудников, создателя коммунистической партии Чили, и другого рабочего — ветерана коммунистической партии, Лафферте. Вся поэма проникнута чувством глубокой солидарности поэта с рабочим классом:

Брат, я хочу бороться вместе с тобой,
пройти твоей известковой землей,
вспахать ее сердцем моим, как плугом упорным.
и в землю посеять горящие зерна [2].

(Перевод Л. Осповата)

Гневным протестом против каторжного труда в капиталистическом мире звучит стихотворение Неруды, посвященное жертвам взрыва на шахте в Севелле. Гибель рабочих — результат хищнических методов эксплуатации, введенных предпринимателями-империалистами.

В эти годы Неруда много разъезжал по родной стране. Он увидел и измерил всю глубину страданий народа. Поэт и депутат чилийских рабочих звал их к борьбе, твердо веря в грядущую победу.

Шахтеры! Я хочу, чтобы раздался
Мой голос там, где в шахту опускался

[1] «Новое время», 1951, № 19, стр. 10.
[2] «Звезда», 1949, № 5, стр. 179.

. . . . . .
Отец ваш Рекаба́ррен. Вместе с вами
И с ним, не умершим, хочу я рядом
Нести в пустыни поднятое знамя [1].

(Перевод И. Тыняновой)

Значение поэзии Неруды для чилийского народа и его национально-освободительной борьбы было так велико, что коммунистическая партия Чили освободила его на время от других обязанностей, дав возможность поэту целиком посвятить себя творческой работе.

С волнением и гордостью писал он об этом: «Годы, в течение которых я был парламентарием и странствующим писателем, познакомили меня с горькой жизнью народа. Во всех концах моей родины, в пампасах и в горах, у моря и в степи, я поднимал голос за оказание помощи моему народу. Но как раз два месяца тому назад руководство Чилийской коммунистической партии попросило меня уделять отныне больше времени моему поэтическому творчеству...» [2].

В 1946 г. к власти в Чили пришел президент Габриэль Гонсалес Видела. Во время предвыборной кампании он выставил широковещательную программу социальных реформ. Он клялся трудящимся Чили, что будет свято чтить их интересы. Демагогическая шумиха оказалась недолговечной. Очень скоро Видела, сняв с себя маску поборника прав народа, перешел в свирепое наступление на чилийскую демократию. В конце 1947 г. он, по указке американских хозяев, порвал дипломатические отношения с Советским Союзом.

Как настоящий коммунист и подлинный патриот, Неруда не мог молчать. «В грозный для Чили час... я решил покинуть свое убежище на берегу океана и занять свой пост в первых рядах защитников свободы, подвергающейся весьма серьезной угрозе» [3].

27 октября 1947 г. в Каракасе, в венецуэльской газете «Эль Насиональ» было опубликовано открытое письмо Неруды ко всем народам Латинской Америки под заглавием «Кризис демократии в Чили — предупреждение демократии нашего континента». Беспощадное разоблачение Нерудой реакционной, антинародной политики президента Чили потрясло народы латино-американских стран. Письмо было напечатано во всех прогрессивных

---

[1] П. Неруда. Стихи, стр. 109.
[2] Там же, стр. 154—155.
[3] Там же, стр. 156.

латино-американских газетах и журналах; о нем писали, говорили, его распространяли повсеместно.

«Дружеское письмо миллионам людей», как назвал его Неруда, представляло собой политический памфлет, гневно изобличающий чилийское правительство и его американских хозяев. Неруда выступил как смелый обвинитель, непримиримый борец против империалистической экспансии. Он показал закулисные махинации американских монополий, хозяйничающих в Чили.

Неруда мастерски рисует образ предателя народа Виделы, напыщенного, продажного политикана и демагога, марионетки государственного департамента США. Предательство Виделы не знало границ. Он передал американцам все секретные сведения, а также карты оборонного значения. Страну наводнили иностранные военные миссии. Кризис охватил экономику Чили, оказавшуюся во власти североамериканских монополий.

В условиях жесточайшего фашистского террора начались стачки чилийских рабочих в центрах горнодобывающей промышленности — Лота и Коронель. Страна покрылась сетью концентрационных лагерей.

Обо всем этом Неруда заявил в своем письме во весь голос. Он беспощадно заклеймил провокации чилийской реакции, направленные против Советского Союза. С возмущением говорил он о спровоцированном агентами США подлом обстреле фашистами Советского посольства. Вскоре после этого письма Неруда выступил в сенате с новыми разоблачениями.

Последний раз голос Неруды прозвучал с сенатской трибуны 6 января 1948 г. Свое выступление поэт закончил торжественной клятвой, обращенной к угнетенным труженикам своей родины: «Стоя здесь, клянусь вам быть верным вашей горестной судьбе, обещаю защищать вас своим разумом и своей жизнью, если это будет необходимо. Скажите мне, выполнил ли я это и дайте мне или отнимите у меня единственное право, которое мне необходимо, чтобы жить достойно,— ваше доверие, вашу надежду и вашу любовь» [1].

После этой речи начались преследования Неруды. Вскоре Видела провел ратификацию антиконституционного решения сената о лишении Неруды парламентской неприкосновенности. Спасаясь от преследований, Неруда принужден был уйти в подполье.

Преследование Неруды вызвало бурю возмущения прогрессивной общественности во всем мире. В странах Латинской Америки были организованы комитеты защиты Пабло Неруды.

---

[1] «Pablo Neruda acusa». Montevideo, 1948.

Крупные прогрессивные деятели выступили с публичными протестами против травли поэта.

Судьба Неруды стала делом всего передового человечества. Международный Конгресс в защиту культуры во Вроцлаве принял резолюцию протеста против преследования чилийского поэта. Представители передовой общественной мысли европейских, американских и азиатских стран в далеком от Чили польском городе выразили свою солидарность с поэтом — «гордостью латино-американских народов».

Весь 1947-й и начало 1948 г. Неруда провел в подполье. Тщательно скрываемый простыми людьми Чили он переходил из дома в дом, из хижины в хижину. В это время им была завершена работа над эпопеей «Всеобщая песнь». Тогда же вышли в свет две поэмы — части этой эпопеи: «Хроника 1948 года» — пламенное обличение преступлений, творимых прислужниками американских империалистов — фашистскими диктаторами государств Латинской Америки, и знаменитая поэма «Да пробудится лесоруб!», удостоенная впоследствии Премии мира.

«Да пробудится лесоруб!» — это поэма о двух Америках — не о тех, что географической границей разделены на Северную и Южную, а о тех, которые находятся по разные стороны фронта борьбы за мир. Америка Линкольна, Робсона, Фаста, героев национальной борьбы латино-американских стран — и Америка Трумэна, Маршалла и их подлых марионеток в Чили, Бразилии и других странах Латинской Америки противостоят друг другу в этой поэме. Неруда воспевает лагерь мира и творческого труда и клеймит лагерь войны и реакции.

Обращаясь к простому американскому солдату — слепому орудию готовящейся войны,— Неруда открывает ему глаза на политику империалистов США. Это они организуют гонку вооружений, травлю негров, преследование всех честных демократов; это они развязывают преступную войну, пытаясь задушить свободу во всех странах мира.

...они подносят стакан с кровью
(один расстрелян, сто расстреляны),
это коктейль Маршалла.
Возьми молодую кровь китайских крестьян,
узников Испании,
кровь и пот сахарной Кубы,
слезы женщин
в рудниках Чили,
взболтай получше,

как дубинкой,
не забудь кусочек льда и несколько капелек песни:
«Мы защищаем христианскую культуру».
Горька ли эта смесь?
Ты к ней привыкнешь, солдатик [1].

(Перевод И. Эренбурга)

Поэт рассказывает о своей порабощенной и ограбленной родине, о ее мужественном и свободолюбивом народе. Он призывает простых людей Соединенных Штатов к солидарности с трудящимися Латинской Америки. Он страстно призывает к единству всех народов в борьбе против общего врага — поджигателей войны.

Голос Неруды становится грозным, когда он предупреждает американского солдата о том, что̀ ждет его, если он послушно пойдет воевать в чужие страны. Ядом нальется виноград прекрасной Франции, в испанских сьеррах каждый камень превратится в пламя, вся кровь, пролитая героями Греции, выступит из-под земли, и поразят завоевателей гордые арауканцы.

Прежде на войне были рвы с водою,
проволочные заграждения с когтями и шипами.
Но этот ров шире, эти воды глубже,
эти заграждения крепче.
Это — множество человеческих атомов,
это узел и тысячи узлов человеческих жизней,
это давнее горе народов... [2]

(Перевод И. Эренбурга)

Символом победы человечества в борьбе за мир встает в поэме образ Советского Союза. В этом образе воплощается торжество жизни и мира:

В трех комнатах старинного Кремля
Живет Человек, зовут
Его Иосиф Сталин.
Долго ночью
Не гаснет свет в его окне. Он полон
Заботою о будущем вселенной.
О будущем земли своей.
Он создал
Ее, и воспитал, и защитил.

[1] П. Неруда. Стихи, стр. 27.
[2] Там же, стр. 28.

Неотделим Он от Страны огромной,
Неутомим в делах Он, как Она! [1].

(Перевод Ф. Кельина)

Нет, никогда народы мира не станут воевать против Советской страны, против народа, который спас человечество от коричневой чумы! И пусть только посмеют поджигатели войны напасть на отчизну всех свободных людей.

Но если вы, Нью-Йорк и Вашингтон,
Полки вооружите, чтоб разрушить
Ту Светлую Страну, и мясника
С чикагской бойни управлять пошлете
Всем, что мы любим,— радостью и жизнью,—
Мы выйдем вам навстречу из камней
И из воды, чтоб вас ужалить.
Выйдем
Мы из домов на вас низвергнуть пламя,
Мы выйдем из подводной глубины
Пронзить штыком вас...
. . . . . .
Мы вас сожжем в том дьявольском огне,
Который сами вы
Разжечь посмели! [2].

(Перевод Ф. Кельина)

Однако кошмар новой войны может быть предотвращен. Так пусть пробудится лесоруб. Пусть проснется свободный и смелый дух американского народа, воплотившийся в образе великого демократа — Авраама Линкольна. Пусть легендарный лесоруб Авраам со своим топором снова пройдет по дорогам своей страны, пусть он заговорит от имени Америки. Торжественным и величавым гимном миру, созидательной, творческой жизни людей труда заканчивается эта волнующая поэма:

Мир наступающему вечеру,
мир переправе и мир вину,
мир словам, которые меня ищут
и которые в моей крови,
как очень старая песня.
. . . . . .
Мир большому колхозу под Киевом,

[1] П. Неруда. Стихи, стр. 70.
[2] Там же, стр. 72—73.

мир праху погибших здесь и там,
мир черному железу Бруклина...
. . . . . .
мир сердцу — оно надрывается
партизанской Испании...
. . . . . .
мир всей пшенице, которая зреет на солнце,
мир всей любви, которая ищет тени,
мир всем, кто живет,
всем землям и всем водам [1].

(Перевод И. Эренбурга)

«Да пробудится лесоруб!» — это лирический монолог поэта. Но те же чувства волнуют сердца миллионов людей земного шара. Так лирика превращается в эпос. В этом Пабло Неруда идет по стопам великого советского поэта Владимира Маяковского.

Под последней строкой поэмы стояли слова: «Где-то в Америке...» Впервые она была опубликована в подпольном издании, затем перепечатана многими латино-американскими газетами, и скоро весть о ней перенеслась через океан. В настоящее время нет в мире страны, где бы не знали об этой поэме. Она переведена на многие языки, ее пламенные строки нашли доступ к сердцам миллионов простых людей. И когда Пабло Неруда, ускользнув от сыщиков и палачей Чили, прибыл на Первый Всемирный Конгресс сторонников мира в Париже, когда он путешествовал затем по Советскому Союзу, Польше, Венгрии, Чехословакии, Китаю и другим странам,— его повсюду встречали словами братского привета.

5

В 1949 г. Неруда приехал в Европу. Он появился на последнем заседании Парижского Конгресса сторонников мира, встреченный бурей оваций. Вскоре после Парижского Конгресса он впервые приезжает в Советский Союз на празднование 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина. Его поездка в страну социализма, которую он столько раз воспевал в своих стихах, имела для него большое значение. Поэт воочию увидел новый мир, новых людей.

Сбылось то, о чем он писал когда-то. От имени народов Латинской Америки, от имени чилийцев, мексиканцев, бразильцев, уругвайцев Пабло Неруда поклонился святыне Сталинграда.

[1] П. Неруда. Стихи, стр. 30.

С глубоким волнением посетил он исторические места боев, прошел по израненным, но восстанавливаемым улицам города, осмотрел тракторный завод.

Во время своего пребывания в СССР на пушкинских торжествах Неруда увидел величайший расцвет культуры в нашей стране, строящей коммунизм.

Позже, вспоминая о своей поездке в СССР, которая совпала по времени с поездкой начальника штаба чилийской армии в Соединенные Штаты, Неруда писал: «Быть может, эти два приглашения — ключ к пониманию того, что происходит сейчас в мире. С одной стороны, иммиграционные власти приоткрывают долларовый занавес для того, чтобы генералы Латинской Америки могли увидеть вблизи (но все же не слишком близко) средства массового истребления, которые эта великая держава демонстрирует с удивительной гордостью. С другой стороны, тот, кто проникает за занавес клеветы, которым хотят окружить новый мир, видит величественную победу духа и преклонение всего народа перед великими проявлениями человеческой культуры» [1].

6

В сентябре 1949 г. в Мексике собрался Континентальный американский конгресс защиты мира. В работе конгресса приняли участие почти все крупные деятели культуры стран Латинской Америки. Речь, произнесенную Нерудой на этом конгрессе, можно без преувеличения назвать программной. Она была пламенным обращением ко всем деятелям культуры, писателям, художникам американского континента. Неруда призывал их стать борцами за мир, за счастье народов. Он клеймил людоедскую философию идеологов империализма, он гневно упрекал тех, кто молчит подобно Стейнбеку и Хемингуэю; он говорил о вреде, приносимом пессимистической литературой, смакующей человеческие страдания и не показывающей людям выхода из них: «Я — просто поэт, которому стоит больших усилий произносить речи, а не стихи. Но иногда я вынужден говорить эти речи потому, что другие молчат. И я буду продолжать говорить их, пока предательство или несознательность заставляют молчать большинство тех, кто должен был бы выполнить свой долг» [2].

Поэт выступал против тех писателей, которые заняли предательскую позицию в современной борьбе за мир, он призывал тех, кто еще не осознал, что служит реакции, понять свое заблуж-

[1] «Новый мир», 1950, № 4, стр. 200.
[2] Там же, стр. 202.

дение. Обращаясь к писателям Латинской Америки, Неруда поставил перед ними задачу: «Мы должны преодолеть безнадежность и подняться на сокрушительную борьбу. Мы должны показать путь народам и сами пойти рядом с ними по этому пути... Мы должны построить мир в нашей Америке» [1].

Этот призыв был подготовлен всем творчеством и борьбой Пабло Неруды.

Еще несколько лет назад, отвечая на вопросы аргентинской газеты, Неруда убедительно вскрыл суть отношений между «чистым искусством» и породившим его капиталистическим строем: «Аполитичный писатель — это миф, созданный и поддерживаемый капитализмом. Во времена Данте таких писателей не существовало. «Искусство для искусства» — проповедуют крупные дельцы... То, что такие идеи были подхвачены писателями, было победой входившего в силу капитализма...» [2].

Стоя на трибуне конгресса, Неруда открыто, с глубокой искренностью подверг критической оценке свое раннее творчество, носящее на себе, по словам поэта, «горькие морщины мертвой эпохи».

Интенсивная политическая и общественная деятельность Неруды обусловила яркий расцвет его творчества. Самоотверженно борясь за свободу народов Латинской Америки против американского империализма, встав в первые ряды защитников мира во всем мире, Неруда создал одно из выдающихся произведений современной поэзии — могучую эпопею, названную им «Всеобщая песнь».

В течение ряда лет, в подполье и в изгнании, Неруда осуществлял замысел своей эпопеи о «древней и новой Америке». Это произведение, состоящее из 15 частей-поэм, объединенных общностью идеи, вышло в свет весной 1950 г. в городе Мексико. Отдельные поэмы — составные части эпопеи — публиковались в разное время. Центральной частью является поэма «Да пробудится лесоруб!».

«Всеобщая песнь» — это вдохновенное повествование о борьбе народов Латинской Америки и других стран за свободу, за счастье, за мир во всем мире. Это произведение пламенно обличает злейшего врага мира — американский империализм.

Содержание «Песни» охватывает несколько эпох в истории целого материка. Герой этого огромного художественного полотна — народ Латинской Америки.

---

[1] «Новый мир», 1950, № 4, стр. 202.

[2] П. Неруда. Стихи, стр. 33. Вступительная статья И. Эренбурга.

Неторопливо, подобно народному певцу-сказителю, ведет свое повествование Неруда. Он рассказывает о родных краях, об океане и морях, о реках и лесах, о горах, лугах, долинах своей «обильной и жестокой земли». Из глубины истории встают образы испанских конквистадоров, пришедших сюда в XVI в., чтобы ограбить туземные племена Латинской Америки. На смену им через несколько столетий пришли североамериканские хищники. История тесно переплетается с современностью. Характерным образцом может служить стихотворение «Сандино». Оно открывается выразительной обобщенной картиной вторжения американского империализма в страны Латинской Америки. «Обливаясь грязью, виски, кровью», доллар вгрызается в земли латино-американских народов. Одной из его жертв стала республика Центральной Америки — Никарагуа. В Никарагуа империалисты прокладывали себе дорогу выстрелами и долларами. Против колонизаторов выступил генерал Аугусто Сандино — вождь национально-освободительного движения Никарагуа.

Сандино поднял партизанскую борьбу. Янки послали против него авиацию.

Но когда огонь, кровь
и доллар не разрушили
высокую башню Сандино,
воины Уолл-стрита
заключили мир, пригласили
партизана со славой,
и предатель, только что нанятый,
его застрелил из карабина.
Его зовут Сомоса.
Он до сегодняшнего дня правит в Никарагуа [1].

Так история переходит в современность. Сомоса — фашистский диктатор, который и в настоящее время является американским приказчиком в Никарагуа. В этом стихотворении поэт не только рассказывает историю Сандино, он дает к ней широкий публицистический комментарий, раскрывая общий смысл борьбы народов против завоевателей.

Во «Всеобщей песне» пылает ненависть к американским захватчикам, переполняющая сердца трудящихся Латинской Америки.

Обобщенный образ монополистов США выступает в поэме в своем реальном обличье. Конкретные носители зла, презренные поджигатели войны названы по имени, пригвождены к

[1] P. Neruda. Canto general. Mexico, 1950. Подстрочный перевод.

позорному столбу: компания Рокфеллеров «Стандарт ойл», завладевшая нефтяными источниками многих краев земного шара, фирма «Анаконда Купер» — собственница медных рудников Чили, «Юнайтед фрут компани» — монопольное предприятие по вывозу тропических фруктов из стран Центральной Америки, и многие другие.

Меткими и точными словами разоблачает Неруда захватническую политику монополий США.

Рисуя ненавистных чужеземных эксплуататоров, Неруда столь же гневно клеймит и предателей родины, тех, кто стал прислужником американских империалистов. В главе «Преданная земля» Неруда рисует портреты подлых слуг Уолл-стрита в прошлом и настоящем, президентов латино-американских республик, посаженных на этот пост государственным департаментом США: продажного тирана Венецуэлы Гомеса, жалкую марионетку США, кубинского президента Мачадо, отвратительную фигуру чилийского президента — предателя Гонсалеса Виделы.

В стихотворении «Мартинес» поэт рассказывает о том, как этот кровавый диктатор Сальвадора получил за свои преступления одобрение американских хозяев.

Мартинес отдает приказ:
Недели не проходит — двадцать тысяч
крестьян, убитых в деревнях,
гниют уже, а их деревни
велит Мартинес сжечь —
по предписаньям гигиены.
Вернувшись снова во дворец,
к своим микстурам, принимает он
незамедлительные поздравленья
посла Соединенных Штатов.
«Вы обеспечили,— тот говорит ему,—
победу западной культуры
и западного христианства,
а также верные доходы
с банановых концессий
и от контроля над таможней...» [1]

(Перевод О. Савича)

Один за другим встают перед читателем образы героев борьбы за национальное и социальное освобождение латино-амери-

[1] P. Neruda. Canto general. Mexico, 1950.

канских стран — отважный Гватемок, последний вождь мексиканских туземцев, боровшихся против испанских завоевателей; Тупак Амару — руководитель первого крестьянского восстания в Перу; Туссен Лувертюр — вождь восставших негров на острове Гаити; Хосе Марти — поэт, вождь национально-освободительного движения на Кубе в конце XIX в.

Галерея героев освободительной борьбы латино-американских народов закономерно завершается образами коммунистов, идущих на бой против империалистической агрессии во главе всех угнетенных и эксплуатируемых. Именно в них видит Неруда истинных продолжателей великого дела освобождения народов Латинской Америки. Глубокой любовью дышит его рассказ о первом вожде Чилийской коммунистической партии — Луисе Рекабáррене:

Оскорбленному, одинокому,
Кутавшему в лохмотья голодных детей,
Покорно встречавшему несправедливость,
Сказал он:
«Соедини свой голос с другими,
Соедини свою руку с другими» [1].

(Перевод Л. Осповата)

Гимном коммунистической партии кончается этот рассказ:

И человек этот новый,
Созревший в боях,
И его доблестное содружество —
Твердая воля,
Стойкий металл,
Единение горя,—
Эта дорога в завтрашний день,
Весны зарожденье,
Скала человеческой силы,
Это оружие бедняков,
Возникло в жестоких страданиях
Из глубины моей родины...
И это зовется партией,
Коммунистической партией [2].

(Перевод Л. Осповата)

---

[1] «Новый мир», 1951, № 1, стр. 232.
[2] Там же.

Неруда рисует образ руководителя Бразильской коммунистической партии Луиса Карлоса Престеса, который одиннадцать лет провел в фашистских застенках. Пафосом единения народа и коммунистической партии проникнуты строки, рассказывающие о первом выступлении Престеса после освобождения из тюрьмы:

Дрожал стадион огромный.
Десятки тысяч горящих сердец
Ждали его... [1]

(Перевод Л. Осповата)

Одна из центральных частей книги называется «Земля простого человека». Поэт рисует здесь простых людей Латинской Америки, доблестных своим трудом, мужеством и честностью. В этих образах олицетворен народ, его великая творческая сила, его стремление к свободе. Мы видим горняка из рудников Чили; мексиканского крестьянина, отец которого сражался под знаменем Сапаты — вождя крестьянской революции; узника каторжной тюрьмы, воздвигнутой Гонсалесом Виделой на развалинах горняцкого поселка Писагва; сраженного пулей колумбийского рыбака; труженицу-мать. С любовью описывая этих людей, Неруда справедливо видит в них тех, кому принадлежит будущее Латинской Америки.

Простая чилийская женщина, оставшаяся в живых после предательского расстрела рабочих фашистами, говорит:

Я осталась живою затем, чтоб сказать вам, товарищи:
Нужно бороться еще сильней,
Стереть палачей с лица земли.
Пусть знают народы цену речам их,
Произносимым в ООН о «свободе»,
В то время как слуги этих лжецов
Истязают женщин в подвалах [2].

(Перевод Л. Осповата)

Звериным повадкам капиталистических хищников поэт противопоставляет законы другой жизни, жизни советской, где человек является самым ценным капиталом:

Ведь величайшее из всех сокровищ
Есть человек — так Сталин нам сказал.
Да, человек, народ — основа жизни.

---

[1] «Новый мир», 1951, № 1, стр. 233.
[2] Там же.

И Сталин воздвигает зданье Счастья,
Оберегает и предвидит все [1].

(Перевод И. Тыняновой)

С большой поэтической силой пишет Неруда о любви простых тружеников Чили к Советскому Союзу. Он исходит из подлинных фактов, поднимая их до уровня большого обобщения.

Хочу рассказать еще одну маленькую историю:
Недалеко от больших угольных шахт, которые выдвинулись к морю,
В Чили, в холодный порт Талькауано
Прибыло некоторое время тому назад советское грузовое судно.
(Чили еще не восстановило отношений
С Союзом Социалистических Советских республик
Из-за бессмысленной политики. Запретили сходить на берег русским морякам,
Подниматься на борт чилийцам).
Когда наступила ночь,
Пришли тысячи горняков с больших рудников —
Мужчины, женщины, дети с холмов,
Со своими маленькими горняцкими лампочками,
И всю ночь, зажигая их и гася, подавали знаки
Кораблю, который пришел из советских портов.
У этой ночи были звезды,
Человеческие звезды, лампы народа [2].

Так появляется в книге великая тема любви и солидарности с Советским Союзом. Она нарастает и крепнет, чтобы с огромной силой зазвучать в поэме «Да пробудится лесоруб!». Поэт видит, как свет звезд, которые горят над родиной трудящихся всего мира, первой страной социализма, озаряет путь освобождения народов Латинской Америки.

Мысль о том, что мечты миллионов угнетенных и обездоленных о счастье и свободе, о праве на труд и национальную независимость неотделимы от дальнейших побед могучей социалистической державы, является основной в поэме «Да пробудится лесоруб!» — ядре «Всеобщей песни».

С эпической силой звучат слова поэта о единстве всех трудящихся мира с Советским Союзом:

---

[1] П. Неруда. Стихи, стр. 97.
[2] P. Neruda. Canto general. Mexico, 1950.

Советская земля! Когда б могли мы
Собрать всю кровь, что пролила в борьбе ты,
Всю кровь, что миру отдала, как мать,
Спасая умиравшую свободу,
То получился б океан огромней
И глубже всех земных морей, живой,
Как бурных рек теченье, и горячий,
Как пламя огнедышащих вулканов
Араукански х!.. [1]

(Перевод Ф. Кельина)

«Всеобщая песнь» — пламенное произведение, проникнутое пафосом освободительной борьбы. Коммунист, поэт, вооруженный самым передовым мировоззрением нашего времени, сегодняшний соратник Маяковского, Неруда создал поэму, которая является не только зеркалом борьбы порабощенных народов Латинской Америки против империализма, но и действенным оружием в этой борьбе.

О высоком счастье слияния личной судьбы поэта с общим делом борьбы за мир и демократию говорит Неруда в поэме «Беглец», имеющей автобиографический характер и входящей также в состав «Всеобщей песни». Это рассказ о том, как поэт стал голосом народа. Спасаясь от преследований, скитаясь в поисках убежища, Неруда повсюду находил приют. Народ защищал своего поэта. И потому, обращаясь к народу, Неруда говорит:

Вам всем,
молчаливые люди ночи,
которые в темноте сжимали мою руку,
неугасающие светильники,
звездные строки,
хлеб жизни,
я хочу сказать вам:
если я увидел такую простоту,
такой чистоты цветы,
это может быть только потому,
что я — это **ты**,
горсть земли, МУка, песня.
. . . . . .
я — только народ...
. . . . . .

[1] П. Неруда. Стихи, стр. 69.

я говорю вам всем:
я — ваш и вас я пою [1].

(Перевод И. Эренбурга)

Последняя часть «Всеобщей песни» называется «О себе». Поэт рассказывает в ней о своем жизненном и творческом пути, о том, как стал он поэтом-коммунистом. Эту часть Неруда заключает взволнованным обращением — «Моей партии»:

Ты помогла мне увидеть свет мира, поверить в возможность счастья,
Ты меня сделала неразрушимым, ибо в тебе я бессмертен [2].

(Перевод Л. Осповата)

Выражая мнение многих тысяч простых людей — читателей «Всеобщей песни», прогрессивная латино-американская печать характеризовала ее, как кульминационное произведение поэта-революционера.

С 1950 до середины 1952 года Неруда живет в Европе. Неруда принимает активнейшее участие в работе Всемирного Совета Мира, членом которого он является; он является также членом Комитета по присуждению международных Сталинских премий «За укрепление мира между народами». Пламенная поэзия Неруды идет в ногу с его кипучей политической и публицистической деятельностью. Поэт-трибун каждой строчкой своих стихотворений, каждым словом своих статей борется за мир и демократию во всем мире. Голос Неруды — это голос мира.

---

[1] П. Неруда. Стихи и песни. Изд. журн. «Огонек», М., 1950, стр. 46—47.
[2] «Огонек», 1950, № 49, стр. 16.

Е. С. Романова

ГОВАРД ФАСТ

Имя американского писателя Говарда Фаста известно далеко за пределами его родины. Всей своей жизнью и творчеством, целеустремленностью в борьбе против черных сил реакции Говард Фаст заслужил эту славу. Имя Фаста олицетворяет народную Америку, которая противостоит захватнической империалистической Америке Трумэна — Ачесона, Америку, которая таит в себе огромные силы для борьбы за мир, за будущее американского народа.

Вся общественная и писательская деятельность Фаста служит тем задачам, которые стоят сейчас перед прогрессивными художниками Америки. Неслыханный по масштабам разгул американской империалистической реакции вызывает в лучших людях страны гневный протест. В их сознании растет уверенность в том, что перед ними только один путь, путь организованной, целеустремленной, настойчивой борьбы, которая становится все шире и ожесточеннее и вовлекает в ряды прогрессивного лагеря все новые слои американского народа. Оказывая сопротивление произволу и насилию, чинимым трумэновской кликой, прогрессивный лагерь ведет кампанию защиты гражданских прав, на каждом шагу попираемых ныне в США, организует массовые протесты против судебных преследований передовых деятелей американской культуры, против смертных приговоров, выносимых американскими расистами ни в чем не повинным неграм. Деятели прогрессивного лагеря дают решительную отповедь клеветническим измышлениям по адресу Советского Союза и стран народной демократии, разоблачают военные замыслы империалистических хищников, требуют прекращения военной агрессии в Корее, развертывают все более решительную борьбу за мир, против гнусных преступлений поджигателей войны.

В первых рядах деятелей американской культуры, ведущих борьбу за мир и свободу, стоит выдающийся американский писатель, публицист и общественный деятель Говард Фаст.

Творчество Фаста проникнуто огромной, непоколебимой верой в народ. Из глубины сердца идут слова Фаста, написанные им в заключительной главе книги «Литература и действительность» (1950 г.): «Нужно любить человечество, а без понимания объективной действительности, борьбы человечества, не может быть ни любви, ни уважения к человеку. Нужно любить свободу, потому что мечты, надежды и чаяния человечества неотъемлемы от свободы. Нужно видеть человека во всей его славе, славе сегодняшнего дня и славе завтрашнего» [1]. На протяжении многих лет Фаст неустанно призывает своих собратьев по перу отдать свой талант служению народу.

«Будучи выложены книга к книге,— писал Фаст в 1946 г.,— наши дешевые ковбойские романчики покрыли бы, вероятно, весь путь с земли на луну. А взялся ли хоть один писатель рассказать о тех безымянных и бесчисленных рудокопах в сотнях горняцких селений Запада, которые погибли во имя рабочего класса и лежат в земле под безвестными холмиками?... О тех памятных днях..., когда американские рабочие послали в Испанию свой батальон для борьбы с фашизмом? А где сегодня и завтра, где то удивительное движение, в котором лишь зачинается неясная еще юность мира? Весь этот материал, безграничный и сложный, ждет своего певца» [2].

Эти слова, обращенные Фастом к писателям Америки, определяют направление и его собственного творчества. Глубокой верой в человека, в величие его самоотверженной борьбы за будущее пронизаны лучшие книги, созданные Говардом Фастом. Незабываемы героические фигуры Маленького волка из «Последней границы», Гидеона Джексона из «Дороги свободы», Данни Райена и Джоя Рэя из «Кларктона», Сиднея Грипспана из рассказа «Памяти Сиднея» и многие другие образы, встающие со страниц его романов и рассказов.

Художественное творчество Фаста неразрывно связано с его кипучей и многообразной общественной деятельностью и активно воздействует на политическую жизнь. ««Дорога свободы» неотделима от Пикскилла, «Американец» — от Парижского Конгресса в защиту мира, «Кларктон» — от борьбы против «Антиамериканской комиссии»» [3],— писал Сэмюэль Силлен, редактор

[1] Г. Фаст. Литература и действительность.— «Новый мир», 1950, № 12, стр. 239.

[2] H. Fast. Working class Materials Challenge Creative Artists.— «The Worker», 1 сентября 1946.

[3] «Массес энд Мейнстрим» («Masses and Mainstream»), март 1950 г. «Антиамериканская комиссия» — меткое прозвище, которое получила в народе так называемая Комиссия сената по расследованию антиамериканской деятельности, ставшая прямым орудием фашистской реакции в США.

журнала «Массес энд Мейнстрим», в рецензии на книгу Фаста «Литература и действительность».

Неутомимый борец за мир, прогресс и свободу, Говард Фаст ведет эту борьбу и в своих исторических романах. Силой художественных образов, правдой фактов он и здесь со всей страстностью восстает против всяких попыток фальсифицировать прошлое американского народа, воскрешая на страницах своих романов историческую истину.

Фаст обращается к наиболее значительным, переломным периодам в истории США, прежде всего к войне Америки за независимость в XVIII в. и гражданской войне XIX столетия. Всегда и всюду Фаст разоблачает тех, кто ведет несправедливую войну, и славит героев освободительных войн.

О войне Америки за независимость им создано четыре романа. Лишь постепенно освобождаясь от идеалистических иллюзий о характере буржуазной демократии, Фаст не всегда верно оценивал в этих романах роль отдельных исторических деятелей. Но неизменно, вопреки всем попыткам реакционной историографии очернить, принизить рядовых солдат американской революции XVIII в., Фаст воспевает героизм тех простых людей Америки, которые вынесли на себе все тягчайшие невзгоды и трудности освободительной войны.

С особой силой это показано в романе «Гордые и свободные», вышедшем в конце 1950 г.

Историческая правда воскрешается перед читателями участником описываемых событий Джэми Стюартом, от лица которого ведется повествование. Семнадцати лет он ушел добровольцем в революционную армию, а в двадцать два года стал одним из руководителей восстания солдат против произвола, чинимого офицерами. Проходят десятки лет. Уже достигнув глубокой старости, Джэми оказывается участником развернувшегося к середине XIX в. движения за отмену рабства: он предоставляет приют аболиционистам, оказывает им помощь, участвует в организации «подпольной железной дороги», по которой перебрасывают на север беглых негров-рабов. Постепенно крепнущая связь с людьми, активно борющимися с рабовладельческим Югом, пробуждает в нем мысль о преемственности революционных традиций и о той роли, которую сыграло в истории американского народа восстание пенсильванских полков в 1781 г. Старик принимает решение записать события, прочно врезавшиеся ему в память. Его простой и взволнованный рассказ и составляет основную ткань романа, являющегося развитием той темы, которую Фаст поднял в своих книгах «Непобежденные», «Рожденные свободой» и «Гражданин Том Пейн». Еще более убедительно пока-

заны здесь вера народа в свои силы и пробуждение революционного сознания простых людей Америки.

Теме расового и национального угнетения и освободительной борьбы угнетенных посвящены романы «Последняя граница» и «Дорога свободы», относящиеся к лучшим произведениям Фаста. Очень различные по сюжету и композиции, эти романы объединены общей мыслью: народ всегда стремится к мирной, созидательной жизни, правящие же классы подавляют эту волю народа, зверски истребляя людей, отстаивающих свое право на мирный, свободный труд. С особенной силой эта тема, прямо перекликающаяся с сегодняшними событиями в Корее и в тех колониальных странах, где развертывается национально-освободительная борьба, звучит в романе «Дорога свободы».

Фаст описывает судьбу негров в южных штатах США непосредственно после победы Севера над Югом в гражданской войне. Писатель показывает, как, достигнув своих целей в борьбе с плантаторами Юга, буржуазия Севера в союзе со своими прежними противниками стала создавать новые формы порабощения негров, как рушились одна за другой надежды, которые подняли негров на борьбу против рабства. С большой силой Фаст рассказывает в своей книге о трагической судьбе той горстки негров, которая нашла в себе мужество и силы восстать против своих новых поработителей.

Книга Фаста завершается картиной бесчеловечного истребления смельчаков, восставших против рабства. И все же в книге Фаста нет и налета пессимизма и отчаяния. Он ни на минуту не сомневается в правоте того дела, за которое борются и гибнут его герои. Нет в его герое, Гидеоне Джексоне, и следа той покорности судьбе, которая отличала живший многие годы в литературе образ дяди Тома.

Гидеон Джексон — олицетворение мощи негритянского народа; его образ глубоко врезается в память каждого, прочитавшего «Дорогу свободы».

В образе Гидеона воплощены огромные силы, которые зрели в народе со времен войны за независимость. Вчерашний раб, выступивший с оружием в руках против рабовладельческого Юга, Гидеон познал вкус свободы и больше не может быть и не будет рабом. За его спиной — четыре миллиона негров, многие годы живших мечтами об освобождении от рабства.

Несмотря на отдаленность во времени описанных в романе событий, роман актуален и для наших дней. Недаром сам писатель посвятил его «мужчинам и женщинам, черным и белым, желтым и коричневым, которые отдали свою жизнь в борьбе с

фашизмом». По словам Фаста, прообразом главного героя книги, Гидеона Джексона, послужил видный деятель коммунистического движения в США, негр Бен Дэвис. «В продолжение шестнадцати лет Бен Дэвис, горячий и страстный борец, переходит от сражения к сражению, заслуженно гордясь тем, что на всем своем пути всегда боролся за правое дело... Народ уважает его. Трудно не полюбить этого человека, обычно добродушного, несущего в себе, однако, пламя скрытого, но жгучего гнева...» [1],— так характеризует Фаст этого замечательного представителя демократической Америки.

Глубокое проникновение в смысл исторических битв американского народа помогло художнику и борцу Говарду Фасту воссоздать трагические события истории и сохранить, наряду с этим, оптимистическую уверенность в конечной победе народного дела. В основе этого оптимизма лежит, как говорит сам писатель, не только ощущение «живого гнева народного» и «непримиримая ненависть ко всякому угнетению», но и то «научное познание общества, которое именуется марксизмом».

В своей брошюре «Интеллигенция в борьбе за мир», изданной в 1949 г., Фаст обращается к писателям Америки со страстным призывом — встать в ряды борцов за мир. Горячо и проникновенно он говорит о коммунистической партии, которая «оказывается в центре борьбы по любому вопросу, связанному с нуждами народа... Это — организация, которая, вопреки террору, существует не одно поколение и которая с каждым часом становится сильнее. Она выступает в каждой стране на защиту ее национальной независимости, всегда ведет борьбу против фашизма и войны и вызывает в людях чувство глубокого и чистого патриотизма... Такая партия является... символом высших и лучших побуждений человечества» [2].

Той же страстностью проникнуты слова Говарда Фаста, выступившего на митинге «В защиту человеческого достоинства» 27 октября 1949 г.: «Нет на нашей планете ничего более благородного и чистого, чем коммунистическая партия... она таит в себе будущее, надежды и чаяния простых людей во всем мире».

В книге «Литература и действительность» Фаст пишет: «Нужен новый историк, ибо родилась новая действительность и пришел новый герой... Коммунистическое движение, впитав в себя все страдания, все надежды и чаяния человечества,— ныне

---

[1] «Леттр франсэз», 25 ноября 1948 г.

[2] H. Fast. Intellectuals in the Fight for Peace. New York, 1949, p. 24.

могучая и непобедимая сила. Более двадцати миллионов коммунистов высоко несут знамя мечты человечества. Вот новые герои и новая действительность: греки, бесстрашно глядящие в глаза фашистским палачам; испанцы, продолжающие сражаться в горах своей родины; миллионы китайцев, идущих вперед с песней свободы на устах; филиппинские патриоты; индийцы, защищающие свою многострадальную землю; австралийские докеры, отказывающиеся грузить пароходы для франкистской Испании; французские рабочие...; освободительное движение Вьетнама; жители Явы и их борьба за независимость; растущий гнев американских негров; рабочие Венгрии, освобожденные от тысячелетнего гнета; гордые, мужественные советские люди, строящие коммунизм в стране, которую они защищали, как никто никогда еще не защищал свою страну; и хмурые, негодующие американские рабочие, готовящиеся к завтрашнему дню» [1].

Всматриваясь в глубь истории в поисках первых ростков того демократического самосознания, которое в наши дни побуждает все новые слои американского народа к активному сопротивлению силам реакции и войны, Фаст-художник в своем творчестве обращается и к темам сегодняшней Америки. Начав свой литературный путь с повести «Дети» (1937 г.), где он изобразил процесс морального растления детей, с ранних лет отравляемых ядом расовой ненависти, Фаст десять лет спустя создает роман о рабочем движении в США — «Кларктон». К теме сегодняшней американской действительности Фаст возвращается и в сборнике рассказов «Отправление» (1949 г.), и в пьесе «Тридцать серебреников» (1951 г.), и во множестве своих публицистических произведений, разоблачающих фашизацию трумэновской Америки.

Наиболее значительным из художественных произведений Говарда Фаста о современной Америке является роман «Кларктон». Описывая всего четыре дня из жизни небольшого промышленного города в конце 1945 г., когда развертывается забастовка рабочих местного предприятия, Фаст сумел убедительно показать две враждебные друг другу и противоборствующие Америки — Америку крупных монополий в лице капиталиста Лоуэлла и его прислужников и народную, борющуюся Америку в лице лучших представителей пролетариата.

Беспощадно и гневно художник рисует во всем их отвратительном обличье фигуры профессионального провокатора Гамильтона Гелба, этого гитлеровца американской формации; его

[1] «Новый мир», 1950, № 12, стр. 238—239.

подручного — шпика Фрэнка Нормана, негодяя и предателя Фредди Батлера, с провокационными целями проникшего в местную коммунистическую организацию.

Лагерю Лоуэлла и его прихвостней Фаст противопоставляет прогрессивный лагерь, освещая роль американской коммунистической партии как передового отряда американского пролетариата.

Одним из первых в литературе США обратился Фаст к созданию выразительных и правдивых образов лучших сынов американского народа — коммунистов. И он действительно создал ряд сильных, запоминающихся портретов. Таковы секретарь заводской ячейки, мужественный и стойкий Данни Райен и негр Джой Рэй, бывший хлопкороб с плантаций Юга, для которого «партия — его мать, его сестра, его брат и вся его жизнь».

Убедительно показывает Фаст жизненный путь Данни Райена, прошедшего тяжелую школу нужды и борьбы. Преданность делу своего класса, стойкость в борьбе за его права, неистощимая энергия, исключительная целеустремленность,— вот черты, характерные для руководителя забастовки в Кларктоне.

Наряду с представителями рабочего класса Фаст показывает и интеллигентов — активных участников революционного движения в США. Таковы адвокат Макс Гольдштейн, погибший от фашистской пули при разгоне рабочей демонстрации; доктор Эллиот Эббот, который вместе со своей женой Руфью участвовал в гражданской войне в Испании.

Тяжела борьба забастовщиков. По окончании второй мировой войны буржуазия с удвоенной силой обрушилась на трудящихся Америки и, в первую очередь, на коммунистов. Но, несмотря на зверства полиции, стачка разрастается, воля рабочих к победе крепнет, общая ненависть к буржуазии и ее прислужникам еще теснее сплачивает их ряды. Даже такие крайние меры, как расстрел забастовщиков, не могут сломить решимости рабочих. Фаст показал, что, несмотря на гибель отдельных участников борьбы, забастовка не прекратится, и рабочие не откажутся от своих требований.

Если и в романе «Дорога свободы», вопреки трагической развязке событий, звучала оптимистическая нота, то «Кларктон» содержит в себе мощный призыв к борьбе и непоколебимую веру в конечную победу пролетариата. Каждая страница этих книг Фаста свидетельствует о его безграничной любви к свободе, к трудовому народу и об умении писателя, говоря его же словами, увидеть «человека во всей его славе, славе сегодняшнего дня и славе завтрашнего...» Именно этим живым ощущением завтрашних побед, верой в неистощимые силы трудя-

щихся масс в борьбе за будущее и дороги народу Америки лучшие книги Говарда Фаста.

В дни, когда все яростнее становятся удары, обрушиваемые бесчинствующей реакционной кликой на простых людей Америки, Фаст создает сильную и острую по теме пьесу «Тридцать сребреников». Перед зрителем проходит всего несколько дней из жизни рядовой американской семьи, семьи среднего служащего Дэвида Грэхэма. В пьесе нет ни одной массовой сцены, число действующих лиц невелико, зритель может лишь догадываться о том, что происходит в эти дни за стенами одного из миллионов американских домов. И все же Фаст с присущим ему талантом сумел донести до зрителя всю трагичность судеб рядовых людей Америки. Фаст показывает далеко зашедший процесс фашизации американской жизни и нарастающее сопротивление американского народа реакционным силам.

В дом Грэхэма является агент Федерального бюро расследований Фуллер. Используя запугивание и шантаж, он требует от Дэвида и его жены Джейн ложного показания против их друга Агронского, попавшего в сети американской охранки. Испытание, выпавшее на долю героев пьесы, выявляет моральное убожество и низость Дэвида, из страха за собственную шкуру предавшего за «тридцать сребреников» ни в чем не повинного друга. Но то же самое испытание раскрывает моральную стойкость и честность Джейн. Узнав о предательстве мужа, она забирает шестилетнюю дочку и покидает дом Грэхема, чтобы начать иную жизнь и бороться за свободу своей родины. Пьеса вызывает глубокое чувство гнева против трусости и предательства, зовет к борьбе.

Твердой верой в осуществление свободолюбивых чаяний американского народа пронизаны не только художественные произведения Фаста, но и его речи, статьи, памфлеты.

Говард Фаст за последние годы выдвинулся в первые ряды борцов растущего и крепнущего прогрессивного лагеря Америки. К его голосу прислушиваются многочисленные деятели американской культуры, его знают и любят простые люди его страны. Судьба Фаста, издевательства, гонения и репрессии, которым он подвергается по произволу «правосудия» Уолл-стрита, вызывают возмущение прогрессивной общественности США.

Фаст много делает для роста передовой литературы в США, с глубоким вниманием относится к каждому новому талантливому писателю, в котором живет стремление к познанию и раскрытию жизненной правды. Его теоретические суждения о сущности творческого процесса, о путях преодоления старых, отживших литературных форм и традиций имеют огромную

ценность для прогрессивной американской литературы; они обобщают накопленный опыт и открывают ей новые горизонты.

Лучшие страницы его книги «Литература и действительность» посвящены проблеме глубокого раскрытия в литературе современной общественной жизни и методу социалистического реализма.

Говоря о задачах литературы в наши дни, Фаст пишет: «Писатель, который в наше время хочет создать произведение искусства, должен уметь постигнуть правду во всех исследуемых им областях жизни, и в каждой области он должен установить, как описываемые им факты соотносятся со всем историческим процессом. При этом его задача не только в том, чтобы показать правду, но и в том, чтобы разоблачить ложь. А если учесть, как много соткано лжи в окружающем нас мире, то станет ясно, как это трудно» [1].

Показав на писаниях таких реакционнейших литераторов, как Киплинг, Оруэлл, Кэйн и т. п., всю подлость буржуазной морали и прислужничества этих писак правящим классам капиталистического общества, Фаст делает чрезвычайно важное обобщение. В наше время сущность морали, говорит он, «можно свести к простейшей формуле: з а и л и п р о т и в ф а ш и з м а и и м п е р и а л и з м а? Никто не может остаться в стороне: середины нет; писатель должен выбрать тот или другой путь» [2].

Книга Фаста по существу представляет собой боевой памфлет, обращенный к писателям США и ставящий перед ними центральный вопрос эстетики — вопрос об отношении искусства к действительности.

Фаст убедительно показывает, что перспективы развития искусства в наши дни связаны с борьбой прогрессивных сил, с движением человечества к коммунизму, что вне прогрессивной идеологии не может быть большой литературы.

Красной нитью через всю книгу Фаста проходит мысль о том, что существование Советского Союза открыло новую эпоху в истории человечества и в истории культуры.

Фаст не раз подчеркивает великую историческую роль Советского Союза, как оплота мира и свободы: «Советский Союз существует, и никакая сила на земле не может изменить факта его существования» [3]. В непосредственной связи с победой социализма в Советском Союзе рассматривает Фаст и вопрос о

---

[1] «Новый мир», 1950, № 12, стр. 228.
[2] Там же, стр. 236.
[3] Там же, стр. 221.

сущности социалистического реализма и путях развития прогрессивной литературы капиталистических стран. Отметив, что социалистический реализм нельзя рассматривать обособленно от социалистической действительности, Фаст говорит: «Это не значит, что метод социалистического реализма может существовать только внутри географических границ Советского Союза; как раз наоборот — Советский Союз является определяющим моментом в том качественном изменении мира, которое делает социалистический реализм возможным» [1].

Фаст освещает влияние советской литературы на прогрессивных писателей Америки.

На протяжении многих лет Фаст не раз призывал и других американских писателей учиться у самой передовой, самой идейной литературы в мире — у советской литературы. Еще в декабре 1945 г. в опубликованной в журнале «Нью массес» статье «Реализм и советский роман» Фаст весьма ясно и решительно противопоставлял американской буржуазной литературе, обращающейся к «той или иной форме бегства от действительности», романы советских писателей.

«Действительность,— писал тогда Фаст,— существует для писателей всех стран, но писатель должен подходить к ней вооруженный философией, которая дает ему понимание этой действительности. Русские писатели обладают такой философией: это диалектический материализм» [2].

Именно в этом видит Фаст причины того, что советская литература умеет «создавать героев, борющихся за идеи гуманизма, и извлекать из бесконечного богатства и сложности жизни основные, действительные факторы, помогающие людям понять окружающую их жизнь и двигать ее вперед» [3].

В книге «Литература и действительность» Фаст с большой убедительностью показывает, какое огромное значение имеет путь, пройденный советской литературой, для передовых писателей капиталистических стран.

И ранее он неоднократно говорил о воздействии на его творчество зачинателя социалистического реализма — Максима Горького. Так, в предисловии к американскому изданию повести М. Горького «Мать» (1947 г.) он писал: «Горький оказал на меня огромное влияние — большее, я думаю, чем кто-либо, он зародил во мне стремление писать. Этот великан, исполненный мужества, любви и надежды и столь великой мучительной жало-

[1] «Новый мир», 1950, № 12, стр. 229.
[2] «Нью массес», 11 декабря 1945 г.
[3] Там же.

сти, писал не о принцах, пиратах и бездельниках, а о рабочем классе и его великолепных героях — организаторах, агитаторах и учителях, о тех, кто вот уже целое столетие проливает рекой свою кровь, чтобы дать осуществиться надеждам и чаяниям всего человечества» [1].

Теперь он вновь вспоминает прекрасные слова Горького о гуманизме пролетариата, требующем «неугасимой ненависти к мещанству, к власти капиталистов, его лакеев, паразитов, фашистов, палачей и предателей рабочего класса, ненависти ко всему, что заставляет страдать, ко всем, кто живет на страданиях сотен миллионов людей» [2]. И Фаст призывает всех честных писателей Америки шире и глубже использовать опыт советской литературы.

Неугасимой ненавистью к власти капиталистов, к их лакеям, предателям рабочего класса проникнуты те главы «Литературы и действительности», где Фаст дает решительный бой реакционному «искусству». Фаст показывает, что реакционные произведения не могут считаться творениями подлинного искусства, ибо они не отражают объективной, реальной действительности. Писатель показывает и прямую, непосредственную связь этого псевдоискусства с империалистической реакционной политикой, которую проводят правящие классы Америки. При этом Фаст не ограничивается уничтожающей политической характеристикой гнусных прислужников американского империализма, но и чрезвычайно убедительно вскрывает все убожество, всю несостоятельность буржуазной реакционной литературы.

«Буржуазная литература — зеркало умирающего общества — превратилась в стоячее болото; из этого болота подымается такой смрад, какого еще не знал мир. Никогда еще в истории капитализма буржуазная литература не падала так низко» [3],— пишет Фаст. В подтверждение этих слов он демонстрирует читателям вереницу жалких писак, продавшихся «большому бизнесу»: Джорджа Оруэлла, Эзру Паунда, Кеннета Робертса и ренегатствующих Ричарда Райта, Дос Пассоса, Ирвина Шоу. Они вызывают у Фаста полные гнева слова: «Никогда еще за всю американскую историю у нашей литературы так легко не гнулась спина. Целый легион писателей угодничает перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, перед министерством юстиции. Голливудские сценаристы, журналы, желтые газеты, именующие себя прессой,— вся отвратитель-

[1] M. Gorky. Monther. Introduction by Howard Fast. The Citadel Press. New York, 1947, p. V.
[2] «Новый мир», 1950, № 12, стр. 226.
[3] Там же, стр. 238.

ная, пустозвонная машина, которая изо дня в день распространяет ядовитую заразу реакционной «идеологии», все эти деятели «культуры» ползают на брюхе, прижимаясь лицом к грязи, чтобы даже краешком глаза не увидеть живую действительность!» [1]

Так. своим острым публицистическим словом Говард Фаст разит идеологических прислужников трумэновской Америки.

С первых же дней зарождения мощного движения борьбы за мир Говард Фаст всегда и неизменно — в первом, головном отряде борцов за мир.

В течение ряда лет Фаст в качестве члена Комитета помощи испанским эмигрантам-антифашистам вел в США большую работу по оказанию помощи жертвам фашистского террора. Как известно, вслед за окончанием второй мировой войны американская реакция развернутым фронтом пошла в наступление против всех прогрессивных сил в США. Пресловутая Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, по методам и характеру своих «расследований» ничем не отличающаяся от гестапо гитлеровской Германии, потребовала от членов комитета выдачи списков жертвователей и лиц, получающих от комитета материальную помощь. Шпионско-полицейские цели этого требования не вызывали сомнений. Фаст и его товарищи, отказавшиеся выполнить эти требования, были обвинены в «неуважении к конгрессу» и осуждены на различные сроки тюремного заключения.

Тогда же Говард Фаст опубликовал открытое письмо, в котором с гневом и возмущением заклеймил попытки реакции удушить всякую свободу американского народа. «Это жгучий ужасающий позор для Америки сегодняшнего дня... Я не могу молчать, когда кучка негодяев пытается сделать нашу страну отвратительной в глазах всего свободолюбивого человечества» [2].

Народ Америки откликнулся на горячий призыв Фаста заявить свой протест против преследования людей, «преступление» которых состояло в том, что в течение долгих лет они старались «лечить больных, накормить голодных, помочь искалеченным борцам за республиканскую Испанию» [3]. Кампания протеста из года в год росла и ширилась. Волна массовых митингов протеста прокатилась по всей стране. Из всех уголков Америки поступали добровольные пожертвования в фонд помо-

[1] «Новый мир», 1950, № 12, стр. 239.
[2] «Литературная газета», 7 июля 1948 г.
[3] Там же.

щи преследуемым членам комитета. Виднейшие деятели культуры и науки ставили свои подписи под письмами и требованиями, обращенными к органам американского «правосудия». Более трех лет тянулось «дело» Говарда Фаста и его товарищей в судебных инстанциях. Затягивая юридическую процедуру, американские гестаповцы рассчитывали угрозами и репрессиями подорвать моральную стойкость и волю к борьбе своих противников.

Несмотря на угрозу тюремного заключения, Фаст активно включается в движение сторонников мира. Преследования со стороны американских властей помешали ему принять участие в работах Международного Конгресса деятелей культуры в защиту мира, состоявшегося осенью 1948 г. во Вроцлаве. Но факты гнусного издевательства над талантливым писателем и пламенным борцом за свободу получили всемирную огласку. Вроцлавский Конгресс заочно избрал Говарда Фаста членом Международного бюро связи деятелей культуры, борющихся за мир.

Фаст был одним из самых активных участников Конгресса деятелей науки и культуры США в защиту мира, состоявшегося, вопреки неистовому сопротивлению реакции, в Нью-Йорке в марте 1949 г.

Несколько недель спустя, в апреле 1949 г., Фаст выехал в Париж для участия в Первом Международном Конгрессе сторонников мира. Написанная им статья об итогах Нью-Йоркского Конгресса в защиту мира заканчивается страстным призывом к деятелям культуры США: «На нас возложена огромная ответственность, мы не должны обмануть ожиданий. На карту поставлено все, что мы ценим и любим в нашей стране,— наша культура, наши традиции, наши домашние очаги, семья и сама жизнь. Борьба за мир — не наше частное дело. Мы должны бороться за то, чтобы борьба за мир охватила весь наш народ. И когда стоящее во главе народа рабочее движение отметает предателей и объединяет свои силы для борьбы за мир и лучшую жизнь, мы должны идти с ним в ногу, отдавая ему все свои силы» [1].

На Всемирном Конгрессе сторонников мира в Париже Говард Фаст был избран в состав Постоянного Комитета конгресса.

Все публицистические выступления Фаста за последние годы проникнуты одной целью — укрепить и усилить единый фронт сторонников мира. В одном из лучших своих политиче-

[1] Журнал «Политикел афферс», май 1949 г.

ских памфлетов «Интеллигенция в борьбе за мир» Фаст предупреждал интеллигенцию своей родины, что правящая клика ведет Америку и ее культуру к гибели, что Соединенные Штаты стоят перед страшной угрозой фашизма и войны. «Человечество,— писал Фаст,— не простит многим американским интеллигентам роли молчаливых соучастников преступления, столь чудовищного и ужасного. Под грядущим преступлением я разумею, конечно, развязывание новой мировой войны...» [1].

Через несколько недель после того, как было написано обращение к интеллигенции США, произошли кровавые побоища в Пикскилле. Фашистская нечисть, прикрывавшаяся ширмой пресловутой американской «демократии», сделала наглую попытку перейти в открытое наступление.

Среди смелых, отважных людей, поднявшихся на защиту Робсона, которого фашисты намеревались линчевать в Пикскилле, был и Говард Фаст. Рискуя жизнью, он вместе с другими стойко выдержал натиск разъяренных и вооруженных до зубов фашистских банд.

Один из видных деятелей Американской коммунистической партии В. Дж. Джером назвал Пикскилл «боевой вехой» в истории борьбы за мир и защиту культуры и подчеркнул, что Говард Фаст в Пикскилле «своей смелостью и стойкостью показал, что означают демократические, миролюбиво настроенные интеллигенты в борьбе единого фронта против сил фашизма и войны» [2].

В марте 1950 г., в письме, адресованном в газету «Дэйли компас», Фаст писал о значении Пикскилла и о его героях: «То, что они оказались вместе, обусловливалось одним — тем, что все они выбрали лагерь правого дела. Это соединило их и заставило стойко держаться до конца, хотя они и рисковали своей жизнью. Они выказали исключительное, прекрасное мужество, мужество, о котором слагаются легенды... О Пикскилле нельзя забывать. Он послужил началом эпохи, к которому прогрессивная Америка напишет решительное и славное продолжение...» [3].

К продолжению борьбы с фашизмом и призывал Говард Фаст, открывая 28 марта 1950 г. в Нью-Йорке концерт Поля Робсона, организованный для сбора средств в пользу жертв погрома в Пикскилле. Этот концерт привлек несколько тысяч слушателей и явился новой мощной демонстрацией решимости

---

[1] H. Fast. Intellectuals in the Fight for Peace, p. 4.
[2] «Политикел афферс», февраль 1951 г.
[3] «Дэйли компас», 24 марта 1950 г.

американского народа до конца бороться против фашистского мракобесия.

Событиям в Пикскилле посвящена вышедшая в 1951 г. книга Фаста «Пикскилл, США», где с огромной силой воссоздана картина пикскиллских событий. Весь мир узнал из этой книги об омерзительных преступлениях американских фашистов и о героизме простых людей Америки, вставших на защиту передовой культуры и одного из ее лучших представителей — негритянского певца, отважного борца за мир — Поля Робсона.

С гордостью рассказывает Фаст о горстке людей, мужественно сдерживавших в течение долгих часов натиск озверелых фашистов, во много раз превосходивших ее численностью.

Пикскилл показал передовым людям Америки, как далеко зашла фашизация страны, превращенной в полицейское государство.

Непосредственным ответом на кровавое побоище в Пикскилле явилась организация второго концерта Поля Робсона.

Детальный план обороны, тщательно продуманное размещение около двух с половиной тысяч профсоюзных активистов, участвовавших в обороне,— все это Фаст рассматривает как яркий пример организованного антифашистского сопротивления, к которому готовы все честные люди Америки.

С первой до последней страницы эта небольшая, но исключительно сильная книга Фаста проникнута огромным, непоколебимым оптимизмом, верой в силы американского народа. Гневно разоблачая подлую сущность американского фашизма и воодушевляя простых людей Америки в их тяжкой, но благородной борьбе против черных полчищ реакции, она служит делу укрепления лагеря мира.

О все возрастающей решимости американского народа бороться за мир рассказывает и статья Говарда Фаста «Американский народ не хочет войны». Перечисляя новые зверства реакции, Фаст пишет: «Таков обширный план уничтожения американской демократии, унижения всего народа и подготовки преступной войны. Но этот план провалился. Голос американского народа не удалось заглушить. Этот голос звучит, и даже тугоухие маленькие люди, сидящие в Вашингтоне, его слышат... Правда, это еще не стройный, мощный, все покрывающий хор. Но звук его нарастает, а не убывает. И имеются серьезные признаки того, что он выльется в суровое и действенное предупреждение тем, кто хочет привести нас к гибели» [1].

---

[1] «Новое время», 8 марта 1950 г., стр. 8.

Все чаще и чаще раздается суровый голос американского народа, осуждающий действия трумэновской клики. Одновременно с указанной статьей Фаста в американской печати появилось заявление 33 американских писателей, в котором они резко осуждали решение государственного департамента отказать в разрешении на въезд в Соединенные Штаты делегации Всемирного Конгресса сторонников мира. Писатели самых различных политических убеждений заявляли о своей готовности бороться за дело мира. «Нас соединяет и сближает одно — искреннее и горячее стремление к миру... Наш долг перед американским народом — говорить правду, как мы ее видим, а правда такова, что есть у нас в Америке люди, которые не только не хотят мира, но и боятся его. Мы считаем, что эта боязнь мира является смертельной опасностью для человечества...» [1] Одним из первых писателей, поставивших свою подпись под этим важным документом, был Говард Фаст.

Гневный голос Фаста звучит на весь мир всякий раз, как американская реакция заносит свою грязную лапу над головами новых жертв, готовясь совершить очередной акт подлости и насилия.

В апреле 1950 г. верховный суд США вынес решение, вызвавшее возмущение прогрессивной общественности. Над такими писателями-борцами, как Джон Говард Лоусон и Дальтон Трамбо, и над другими прогрессивными деятелями американской культуры нависла прямая угроза тюремного заключения. Говард Фаст обратился тогда с открытым письмом к писателям Советского Союза. В этом письме, опубликованном 24 мая 1950 г. в «Литературной газете», Фаст излагал факты, говорящие о неслыханном издевательстве над смелыми и честными писателями, все «преступление» которых заключалось в том, что они в своих произведениях отстаивали подлинную демократию. Письмо Фаста — свидетельство того, что никакие зверства американской реакции не могут сломить решимости подлинных демократов Америки неуклонно продолжать отважную, благородную борьбу. В заключение Фаст обращался к писателям Советского Союза с призывом «поднять свой голос в защиту жертв неслыханного наступления компании Трумэна — Ачесона, наступления, целью которого является превращение цивилизованного мира в атомную пустыню».

Горячим гневом и тревогой за судьбы лучших сынов Америки проникнут ответ группы советских писателей Говарду Фасту. В нем выразилось глубокое чувство дружбы и уважения,

[1] «Дэйли уоркер», 14 марта 1950 г.

которое скрепляет лагерь борцов за мир во всем мире. «Для нас, советских людей,— говорится в ответе советских писателей Фасту,— Ваше письмо — голос подлинной Америки, гневно протестующей против открытого вторжения фашизма на американский континент. Мы верим и знаем, что народ США против войны. И каждый из нас всем сердцем с Вами, с Вашими гордыми и сильными друзьями, с Вашим народом. Пусть наша солидарность выразится не только в крепком братском рукопожатии,— ему не помешают разделяющие нас пространства. Наша солидарность — в том, что, как горящий факел, мы передаем вам, передовым американским писателям, бесценное идейное наследие великой русской литературы, увидевшей осуществление лучших идеалов человечества. Мы знаем, что прогрессивные литераторы США по-горьковски будут разить поджигателей новой войны»[1].

В июне 1950 г. Говард Фаст был брошен американскими властями в тюрьму вместе с десятью другими деятелями Комитета помощи испанским антифашистам. Этот новый акт произвола бесчинствующей клики американской реакции вызвал взрыв негодования во всем мире и в прогрессивных кругах Америки. Передовой литературный журнал «Массес энд Мейнстрим» посвятил специальный номер политическим узникам американского гестапо, предоставив слово каждому из них.

В статье, написанной за день до заключения в тюрьму, Говард Фаст вскрыл истинные намерения поджигателей войны, правящих Америкой, для которых сохранение мира кажется самой страшной угрозой. Отвечая на вопрос — «почему они нас преследуют?», он писал: «В настоящее время нас бросают в американские тюрьмы прежде всего для того, чтобы расчистить путь новой мировой войне и фашизму»[2].

Три месяца пробыл Фаст в тюрьме. За судьбой большого писателя, мужественного товарища по борьбе, с тревогой следили все люди доброй воли.

Показательно письмо, присланное в редакцию журнала «Новое время» в октябре 1950 г. группой пекинских студентов с просьбой переслать его Говарду Фасту. «Мы знаем Вас и гордимся Вашими произведениями,— говорится в этом письме молодежи нового, демократического Китая.— Мы возмущены тем, что американское правительство, вопреки закону, осудило Вас и держит Вас в тюрьме... Никакие тюремные стены не в состоянии воспрепятствовать единству наших сил в великой

[1] «Литературная газета», 24 мая 1950 г.
[2] «Литературная газета», 16 декабря 1950 г.

борьбе за мир... Мы с радостью встречаем каждое Ваше достижение, а Ваши страдания причиняют нам боль и горе» [1].

Волна митингов солидарности с брошенными в тюрьму борцами за правое дело прокатилась по Америке. Поток писем, петиций и требований хлынул в верховный суд США. Наконец, в первых числах сентября Фаст был выпущен на свободу. Тысячи людей пришли на митинг, посвященный освобождению Фаста, несмотря на то, что, по указанию властей, администрация отеля «Кэпитол», где должен был состояться митинг, накануне назначенного дня отказалась предоставить зал. Митинг пришлось перенести на одну из площадей Нью-Йорка и, невзирая на дождь, он собрал огромную аудиторию. «Сегодня нужно новое мужество,— сказал Говард Фаст,— и нужно не потому, что мы проигрываем битву. Мы выигрываем ее; битва трудна, но силы мира победят...» [2]

Фаст горячо откликнулся на дошедшую до него весть об освобождении из тюрьмы, под нажимом общественного возмущения, поэта Назыма Хикмета. Взволнованно звучат строки его стихотворного послания из тюрьмы далекому собрату по борьбе:

Как мне сказать, мой друг, товарищ, брат,
которого я никогда не видел,
но сердцем знаю;
чей прекрасный дар
я высоко ценю.
Как мне сказать,
что для меня все это означало.
В тот миг свободными мы были сами.

Когда осенью 1949 г. французские власти объявили о лишении гражданских прав крупнейшего писателя Франции, коммуниста Луи Арагона, Фаст послал ему письмо, в котором выразил гневный протест против гнусного произвола подобострастных прислужников американского империализма во Франции.

Как председатель секции писателей Национального совета работников науки, искусства и свободных профессий, Фаст деятельно участвует в организации массовых кампаний, выступает на митингах, мобилизует писательскую общественность на защиту жертв полицейского террора, установившегося в трумэновской Америке. Невозможно себе представить какое-либо массовое выступление прогрессивных кругов США по любому

[1] «Новое время», 1950 г., № 43.
[2] «Уоркер», 24 сентября 1950 г.

вопросу общественной и политической жизни без самого горячего участия в нем писателя-борца Говарда Фаста.

Его имя пользуется огромной популярностью в Советском Союзе. Фаста читают, знают, любят и в демократическом, свободном Китае, и в демократической Германии, и во всех странах народной демократии Восточной Европы. Вопреки стараниям американских издательств, наводняющих книжный рынок маршаллизованных стран «литературой», служащей целям империалистической реакции, книги Фаста издаются и читаются и во Франции, и в Италии, и во многих других странах.

Мужественно и стойко всей своей многосторонней деятельностью Говард Фаст отстаивает дело мира, продолжая благородные гражданские традиции демократической литературы США — литературы Уитмена и Драйзера. Честные люди всех стран, борющиеся за мир, с любовью и уважением прислушиваются к словам этого писателя-гражданина, ибо в них звучит истинный голос американского народа.

Р. Д. Орлова

ЖУРНАЛ «МАССЕС ЭНД МЕЙНСТРИМ»

1

Реакционная американская печать отравляет сознание миллионов американцев пропагандой войны. Кино и радио, журналы и издательства, находящиеся на службе поджигателей войны, всеми средствами раздувают военный психоз. «Правительство Трумэна теперь официально объявило, что самым большим преступлением на земле является мир» [1],— пишет прогрессивный американский журналист Альберт Кан.

Вопреки этому, все большее количество простых людей Америки начинает понимать, что война глубоко враждебна их жизненным интересам. Движение борьбы за мир в США возникло в недрах самого народа, в различных местах страны, среди различных слоев населения; женские, молодежные, религиозные организации борьбы за мир на первых порах существовали изолированно друг от друга и были тогда еще мало связаны с международным движением сторонников мира.

Создание для защиты мира самой широкой народной антифашистской коалиции стало центральной задачей борцов за мир в США.

В марте 1949 г. в Нью-Йорке состоялся Конгресс деятелей культуры и науки США в защиту мира. Американскому правительству не удалось сорвать конгресс, хотя оно всеми способами стремилось к этому.

В работе конгресса приняли участие более 8000 человек, среди которых были виднейшие деятели американской культуры. На митинге по окончании конгресса присутствовало 20 000 человек.

После Всемирного Конгресса сторонников мира, собравшегося в Париже в апреле 1949 г., в США в течение двух недель состоялось 60 митингов в 15 городах.

---

[1] А. Кан. Преступление против мира.— «Правда», 31 марта 1951 г.

Во многих городах и штатах Америки были созданы местные комитеты борьбы за мир. На Американском континентальном конгрессе в защиту мира в Мексико в сентябре 1949 г. присутствовала делегация США в количестве 236 человек. В составе делегации было мало представителей рабочего класса; одной из слабых сторон движения за мир в США являлось, особенно на первых порах, недостаточно активное участие рабочих. Тем большее значение имела Конференция борьбы за мир, проведенная в сентябре 1949 г. в Чикаго, на которой присутствовало 1230 делегатов от большинства крупных индустриальных центров (28 штатов).

Представители самых широких слоев населения пишут письма в местные газеты, администрации штатов, президенту, требуя разоружения, защиты мира, мирного урегулирования международных проблем.

В июне 1950 г. была проведена «Конференция в защиту мира в середине века», которая избрала постоянный Комитет мира и приняла обращение к американскому народу.

Кампания по сбору подписей под Стокгольмским Воззванием проводилась в Америке в условиях полицейского террора, тем не менее, удалось собрать около трех миллионов подписей. По словам священника Джона Дарра на Первой сессии Всемирного Совета Мира в Берлине, эта кампания «впервые пробудила у миллионов американцев сознание связи с миролюбивыми народами, живущими за пределами США, сознание своих обязанностей по отношению к ним» [1].

Движение сторонников мира в США значительно активизировалось в ответ на начало преступной войны американского империализма против народа Кореи.

2 августа 1950 г. на Юнион-сквере в Нью-Йорке состоялась десятитысячная демонстрация сторонников мира под лозунгом «Ни одного солдата для Кореи».

Военные поражения американских империалистов в Корее, возмущение, с каким народ встретил угрозу Трумэна применить атомную бомбу, вызвали дальнейшее усиление борьбы за мир в США. Матери и жены американских солдат требуют от правительства: «Верните наших сыновей и мужей». Многие американцы отказываются являться на призывные пункты. По результатам обследования, проведенного агентством Ассошиэйтед Пресс, около одной трети молодых людей призывного возраста уклоняются от призыва. Газета, издаваемая профсоюзом фермеров штата Айова, пишет: «Мы категорически отказываемся

[1] «Правда», 4 марта 1951 г.

распространять глупое утверждение, будто корейская авантюра ведет к миру» [1]. Все большее количество американцев требует немедленного отозвания американских войск из Кореи.

По словам секретаря коммунистической партии США Гэса Холла, в настоящее время «выкристаллизовывается мощный американский фронт мира. Базой этого фронта мира будет рабочий класс, негритянский народ, бедные и средние фермеры и, безусловно, известные слои класса капиталистов».

Движение борьбы за мир в США охватывает все новые группы народа. «Ломается старый образ мыслей. Сотни тысяч и даже миллионы людей готовы бороться за мир»,— говорит Холл [2].

В марте 1951 г. был проведен поход сторонников мира в Вашингтон. Летом 1951 г. в Чикаго состоялся Народный Конгресс мира, созванный по инициативе прогрессивной организации «Поход американцев за мир». «Сегодня голос мира здесь, в Америке, слышится все громче и громче»,— пишет Говард Фаст [3].

Большую роль в движении борьбы за мир в Америке, так же как и в других странах, играет прогрессивная интеллигенция, ставшая на защиту свободы и демократии против войны и фашизма.

В лагере сторонников мира — лучшие представители прогрессивной культуры США: лауреат международной премии мира Поль Робсон, председатель Информационного центра сторонников мира в США, историк, антрополог и писатель Дюбуа, известный деятель в области медицины Кингсбери, один из крупнейших физиков-атомников Филипп Моррисон, писатели Говард Фаст, Альберт Мальц, Александр Сакстон, Стефан Гейм, Дальтон Трамбо, Ширли Грэхем, драматурги Джон Говард Лоусон, Арно д'Юссо, критики и публицисты Альберт Кан, Ричард Бойер, Сэмюэль Силлен, художники Роквелл Кент, Уильям Гроппер и мн. др.

2

Трибуной деятелей прогрессивной американской культуры, трибуной борцов за мир стал прогрессивный журнал «Массес энд Мейнстрим».

Название этого журнала по-русски можно передать так: «Массы и главное направление».

---

[1] «Сторонники мира», 1950, № 16, стр. 60.
[2] «За прочный мир, за народную демократию», 19 января 1951 г.
[3] «Литературная газета», 17 февраля 1951 г.

Главное направление современной истории — это разгорающаяся борьба народов за мир, и по этому пути журнал стремится вести массы американского народа.

Журнал, ныне называющийся «Массес энд Мейнстрим», издается под разными наименованиями уже сорок лет [1]. На протяжении всего своего существования журнал отражает основные этапы борьбы американского народа против империализма.

История этого журнала теснейшим образом связана с историей прогрессивной американской культуры. Первый номер журнала «Массес» (декабрь 1911 г.) появился в период подъема рабочего движения, в период отмеченных В. И. Лениным успехов социалистической партии в Америке, кандидат которой Дебс собрал на президентских выборах 1912 г. около миллиона голосов.

Журнал «Массес» выступал против милитаризма, против трестов, против угрозы войны. Когда первая империалистическая война стала фактом, журнал «Массес» занял в обстановке шовинистического угара антивоенную, антиимпериалистическую позицию [2]. ««Массес» бросает все свои силы на борьбу против милитаризма и националистических предрассудков» [3],— так говорилось в июньском номере 1917 г. «Массес» поддержал Циммервальдскую конференцию, выступив по этому вопросу с резкой критикой английского журнала «Нью стэйтсмен энд Нейшн» за его оппортунистическое, фабианское отношение к войне [4].

Недаром в своей борьбе против поджигателей войны редакторы «Массес энд Мейнстрим» вспоминают сегодня опыт прошлого: ««Массес» символизировал решительную оппозицию войне...»,— говорится в передовой статье июльского номера за 1950 г., целиком посвященного лучшим людям Америки, самоотверженным борцам за мир, заключенным в тюрьму.

---

[1] С 1911 по 1917 г. журнал выходил под названием «Массес» («Массы»), с 1918 по 1924 г.— под названием «Либерейтор» («Освободитель»), с 1926 по 1947 г.— под названием «Нью массес» («Новые массы»), одновременно в 1947 г. выходил ежеквартально журнал «Мейнстрим» («Главный поток») и, наконец, с 1948 г.— под названием «Массес энд Мейнстрим» («Masses and Mainstream»).

[2] Следует отметить, что в «Массес» печаталось также много пацифистских статей, журнал не дал четкой программы борьбы против империалистической войны. Это объясняется относительной незрелостью социалистического движения в США на том этапе.

[3] «Массес», июнь 1917 г.

[4] Там же, август 1917 г.

Правительство Вильсона преследовало журнал и в 1917 г. закрыло «Массес». В 1918 г. журнал вновь начал выходить под названием «Либерейтор» [1], уже самым заголовком утверждая преемственность традиции освободительной борьбы в Америке.

Выражая чувства своего народа, журнал восторженно приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию. В ту пору это был единственный орган американской печати, с самого начала понявший ее всемирно-историческое значение. «Славно празднуя свою пятую годовщину, стоит русская республика — маяк надежды для всего человечества» [2],— писал видный деятель социалистического движения США Дебс.

Журнал «Либерейтор» вел активную борьбу против американской интервенции в Советскую Россию. В январе 1919 г. журнал опубликовал сокращенный перевод знаменитого письма Ленина к американским рабочим.

Идя навстречу интересам передовых американских читателей, журнал в первые же годы после Великой Октябрьской социалистической революции помещает многочисленные статьи о Советской России, отрывок из речи Ленина на VIII съезде РКП(б), воспоминания Горького о Ленине, статьи о советском искусстве. После организации Американской коммунистической партии (1919 г.) журнал становится ее органом.

В феврале 1923 г. «Либерейтор» опубликовал статью под заголовком «Вторая мировая война», где говорилось: «Обанкротившийся капитализм ищет спасения в кровопролитии; но 1917 год уже показал миру, что те, кто сеет войны, пожинают революции».

Журнал разоблачал преступные планы подготовки новой войны, выступал против фашизма в Италии. В 20-х годах, когда империалистическая реакция предприняла террористическое наступление на прогрессивные силы США, журнал твердо стоял на защите демократических прав народа.

Борьбу за мир продолжал журнал «Нью массес», выступая против угрозы второй мировой войны, призывая американский народ к сопротивлению фашизму. В противоположность либеральной публицистике, журнал «Нью массес» постоянно подчеркивал органическую связь фашизма с самыми основами империализма, активно боролся против подлой мюнхенской политики, которая под маской «умиротворения» развязывала фашистскую агрессию, был на передовой линии антифашистского

[1] Так называлась аболиционистская газета, издававшаяся с 1831 по 1865 г. Гаррисоном.

[2] «Либерейтор», ноябрь — декабрь 1922 г.

фронта. Один из редакторов журнала, Арнольд Рид, погиб в Испании; в рядах бригады имени Линкольна сражались многие сотрудники «Нью массес».

В годы второй мировой войны журнал неустанно разоблачал не только фашизм в Германии и Японии, но и американских фашистов. Центральной темой журнала в эти годы становится героическая борьба советского народа против фашизма.

Тщетно стараясь парализовать деятельность журнала, правители Америки пытались подкупить его сотрудников, применяя методы и прямого и косвенного подкупа. В журнал засылались провокаторы. Особенно напряженную борьбу журналу пришлось вести с троцкистами.

В боях с этими врагами американского народа журнал мужественно и упорно продолжал отстаивать дело народа как передовой борец за мир и демократию.

Путь, пройденный журналом, привел его в наши дни в авангард сторонников мира. Борьба за мир вытекала из основных демократических, антиимпериалистических принципов, которыми руководствовался журнал на протяжении всей своей истории.

«Я хотел бы заявить о своем большом долге перед людьми, которые делают этот журнал, и я хочу сказать, что без них, без многолетней борьбы людей доброй воли и доброй надежды, я не мог бы написать и строчки, которая бы что-либо для кого-либо значила» [1],— говорит Говард Фаст.

В статье, написанной за два дня до заключения в тюрьму, сценарист и драматург Джон Говард Лоусон писал: «Я много думал о «Массес энд Мейнстрим» и о том, как верно служит этот журнал американскому народу и делу мира» [2].

Ежемесячный выпуск этого журнала в охваченной военной истерией Америке — это подлинно гражданский подвиг. Американские правители преследуют его сотрудников, а некоторые из них — Фаст, Мальц, Лоусон, Трамбо — уже побывали в тюрьме. Но несмотря на это журнал отважно сражается на передовой линии борьбы против фашизма, за мир, за демократию.

3

«У борцов за мир в США — особая ответственность, ибо носителем угрозы войны является правящий класс Америки»,— говорится в передовой статье майского номера «Массес энд Мейнстрим» за 1950 г.

---

[1] «Нью массес», 6 февраля 1945 г.
[2] «Массес энд Мейнстрим», июль 1950 г.

Продолжая традиции демократической американской публицистики, журнал стал подлинно народной трибуной разоблачения захватнической политики заправил Уолл-стрита.

«Массес энд Мейнстрим» посвящен в основном вопросам культуры. Объем каждого номера — около 12 печатных листов. В журнале печатаются политические статьи, художественные произведения — рассказы, стихи, отрывки из романов, теоретические статьи по вопросам литературы и искусства, критика и библиография. Каждый номер иллюстрирован. Вот для примера содержание мартовского номера журнала за 1952 г. Номер открывается статьей Герберта Аптекера под заголовком «Суд над идеями». Статья посвящена редактору журнала «Политикал афферс» Джерому, которого реакция привлекла к суду за «подрывные» идеи. Статья доказывает, что идеи, проводимые в книгах и статьях Джерома, как и других прогрессивных деятелей США,— это идеи передовые, освободительные, близкие американскому народу, а потому ненавистные его угнетателям.

Рассказ Маргарет Хикс о девочке-негритянке связан с борьбой против расовой дискриминации в школе. Стихи Евы Мериам посвящены освободительному движению американских женщин.

Сэмюэль Силлен посвящает статью «Бест-селлер г-жи Стоу» столетию со дня издания «Хижины дяди Тома». Глубокий анализ романа Силлен связывает с современностью. «...Многие страницы этой книги вызывают горькое чувство — как много еще белые люди могут извлечь из книги, написанной 100 лет тому назад, во времена рабства». «Торговцы живым товаром стали апостолами геноцида»,— пишет он далее.

Статья Карла Марцани «Политический заключенный, США» опровергает лживое заявление Трумэна о том, будто в США «нет политических заключенных». Чарльз Гумбольдт печатает стихотворение «Поле разбоя» о преступной войне в Корее.

Постоянно знакомя читателей с достижениями литературы в странах народной демократии, журнал публикует перевод рассказа румынского писателя Галана.

В документально-сатирическом разделе «Истинное лицо» печатаются короткие, в две-три строчки сообщения американской буржуазной печати, отрывки из выступлений государственных деятелей США, красноречиво изобличающие маниакальное стремление к мировому господству, тупоумие, жадность американских империалистов.

«Французский народ сражается против Голливуда»,— так называется письмо из Франции. «...Американская военная клика

и ее прислужники не смогут подчинить себе французское кино, заставить его служить военной пропаганде и превращению людей в животных, превратить его в придаток Голливуда»,— пишет автор письма.

Раздел библиографии открывается обширной рецензией Уилкерсона на новый роман Фаста «Спартак». Рецензент отмечает стремление писателя восстановить величественную, эпическую картину классовой борьбы в древнем Риме, яркое изображение двух миров — разлагающейся римской знати, с одной стороны, армии Спартака,— с другой. Роман кончается предсказанием: «И до тех пор, пока люди будут трудиться, а другие люди присваивать плоды тех, кто трудится, имя Спартака будут помнить, его иногда будут произносить шопотом, а в иные времена — громко и торжественно». Фаст, по мнению рецензента, наполнил эти слова глубоким смыслом. Вместе с тем в рецензии отмечены и серьезные недостатки романа.

Рецензия на книгу проф. Роббинса об Элиоте раскрывает читателям подлинное лицо Элиота как представителя отравленной «культуры империализма».

Американский народ хочет мира — такова основная мысль книги Артура Кана «Выскажись! Америка хочет мира». Книгу Кана приветствует журнал. Номер заключается статьей о кинофильме «Мир победит во всем мире», посвященном Всемирному Конгрессу мира в Варшаве. С глубоким волнением рассказывает автор статьи о выступлении Пак Ден Ай на конгрессе. Она «заставляет каждого американца проникнуться решимостью положить конец позорным убийствам в Корее». Статья заканчивается словами: ««Мир победит во всем мире»,— это замечательный отчет об активной борьбе. Он помогает построить будущее, глубоко разъясняя прошлое. Отражая силу и широту всемирного движения борьбы за мир, фильм внушает веру в силы народа, если только народ един и полон решимости остановить поджигателей войны». Частью этого великого движения является и работа журнала «Массес энд Мейнстрим».

Богатые, разнообразные материалы, публикуемые в журнале, отличаются единой направленностью, целеустремленностью, они служат благородному делу борьбы за мир.

Преступная война в Корее, развязанная американскими империалистами, вызвала возмущение сторонников мира во всем мире. Она вызывает негодование и всех честных людей Америки. Вот некоторые факты: сенат штата Северная Дакота принял резолюцию, требующую отозвания американских войск из Кореи; 300 граждан штата Айова обратились к президенту с требованием отвести войска из Кореи и немедленно начать

мирные переговоры; президент электрокомпании в Кливлэнде написал в газете «Кливлэнд пресс»: «Давайте признаемся, что мы — агрессоры и уведем войска из Кореи!»

Редактор журнала «Крисчиен сайенс монитор» и другие видные деятели Бостона потребовали отвода войск из Кореи и допуска в ООН представителей республиканского Китая. Более тысячи женщин пикетировали здание ООН в Лэйк-Саксесе, требуя прекращения войны в Корее, допуска в ООН представителей Китая и запрещения атомной бомбы.

С самого начала американской интервенции в Корее журнал «Массес энд Мейнстрим» заявил: «Наш долг по отношению к американскому народу ясен: усилить призывы к миру, за прекращение разбоя в Азии» [1].

«Массес энд Мейнстрим» разоблачает разбойничью политику американских империалистов в Корее, разоблачает попытки реакционной печати выгородить, обелить поджигателей войны.

Герберт Аптекер, автор статьи «Правда о Корее», рассказывает о борьбе корейского народа за свою независимость. С глубоким уважением говорит он о древней высокой культуре этой страны, для которой продажная печать не жалела оскорбительных слов, пытаясь восстановить американский народ против корейского народа.

В статье правдиво освещается ход событий в Корее. Автор разоблачает кровавую историю подавления демократических свобод в Южной Корее, установление полицейского режима. В сентябре 1945 г., когда американские войска высадились в Корее, страной управляли народные комитеты. Уже тогда американский генерал Ходж заявил, что в американской зоне оккупации эти комитеты должны быть уничтожены, и использовал японских полицейских для «предотвращения хаоса» и «восстановления порядка».

Аптекер убедительно показывает реакционность созданного американцами в Южной Корее политического режима; разоблачая лживую буржуазную печать, он приводит многочисленные факты и документы, которые со всей очевидностью доказывают наличие империалистического заговора против Северной Кореи и подтверждают, что преступная война в Корее начата американскими агрессорами с целью грабежа и наживы.

С глубоким возмущением рассказывает Аптекер о зверствах американцев в Корее: «За каждого замученного корейского

---

[1] «Массес энд Мейнстрим», сентябрь 1950 г.

патриота, за каждую обесчещенную корейскую женщину, за каждого погибшего корейского ребенка полную ответственность несет американское правительство, правящий класс Америки» [1].

Автор справедливо пишет, что истинный патриотизм каждого честного американца — в борьбе против разбойничьей войны в Корее. Каждая строчка пламенных выступлений журнала в защиту Кореи посвящена этой борьбе.

Война в Корее была бы невозможной, если бы американским империалистам не удалось обмануть часть американского народа, заставив американских солдат воевать за прибыли Уолл-стрита. Этому обману помогли продажные профсоюзные лидеры и находящиеся на службе империалистов либералы. Медоточивыми речами они стремились и стремятся замазать истинный — империалистический, грабительский характер американской политики.

В статье «Корея и либерализм» [2] показано, что война в Корее еще раз разоблачила американских либералов, как верных слуг империализма. В статье цитируется отрывок из письма рядового солдата Глен Дюпей своей матери: «Нам приказано стрелять во всех корейцев, которых мы видим,— в мужчин, в женщин, в детей». С гневом приводят прогрессивные американские журналисты эти позорящие американский народ фашистские приказы, призывая к борьбе с преступной войной, противоречащей коренным интересам американского народа. Статья заканчивается словами: «Какая огромная сила таится в недрах американского народа и как боятся дня народного пробуждения обманщики масс!» Этому пробуждению способствует журнал своими разоблачительными статьями.

Реакционная пресса США скрыла от народа доклад комиссии Международной Демократической федерации женщин о зверствах, совершаемых в Корее американскими войсками.

Участница антифашистского женского движения Бетти Миллард пишет об этом докладе в ноябрьском номере журнала за 1951 г.

«Несправедливую войну,— пишет Миллард,— можно вести только варварскими средствами. Политика армии определяет ее технику. Конечно, американский солдат только подчиняется приказам. Но так же обстояло дело и с нацистскими солдатами». Эти глубоко верные слова особенно ярко подтверждаются преступной бактериологической войной, которую ведут американские империалисты против народов Кореи и Китая.

---

[1] «Массес энд Мейнстрим», август 1950 г.
[2] «Массес энд Мейнстрим», октябрь 1950 г.

В статье Аптекера ««Старые друзья» Китая» [1] вскрывается сущность американской политики по отношению к Китаю. Приводя яркие факты из истории и современной жизни, автор подтверждает слова китайского генерала У Сю-цюаня, который заявил в своем обращении к Совету Безопасности ООН, что американские империалисты — исконные враги китайского народа. Автор подробно останавливается на империалистическом характере политики «открытых дверей», которая в американской буржуазной печати лицемерно трактуется как «дружественная» в отношении Китая, рассказывает о стараниях империалистической Америки подчинить себе Китай, приводит громадные цифры капиталовложений американских монополистов в китайскую промышленность, рассказывает о поддержке деньгами и оружием реакционной клики Чан Кай-ши. «Но все было напрасно. Гигант проснулся и навеки отбросил вампиров прочь»,— заключает Аптекер, выражая глубокое сочувствие американского народа освобожденному Китаю.

Американские империалисты издавна стремились поставить себе на службу молодежь, особенно студенческую. Теперь университеты непосредственно включены в бешеную подготовку к мировой войне. Во главе крупнейших университетов США стоят не ученые, а генералы, матерые поджигатели войны. Никогда еще разгул реакции в университетах не был так силен, как теперь. В статье Силлена о фашизации высших учебных заведений [2] приводятся многочисленные факты увольнения известных профессоров по подозрению в «сочувствии коммунизму». Он пишет, что количество уволенных преподавателей достигло такой цифры, что можно организовать новый «университет в изгнании». В статье показано, кто направляет эту политику: американские университеты тесно связаны с крупным капиталом. Автор статьи подтверждает это цифрами: среди 734 членов попечительских советов (организации, финансирующие учебные заведения и определяющие направление и характер преподавания) 30-ти крупнейших университетов страны нет ни одного рабочего, ни одного негра, 1% фермеров и только 36 педагогов. Средний доход каждого «попечителя» — 102 000 долларов в год.

Силлен показывает, что наступление на университеты — это часть общей программы фашизации США, и призывает профессоров, преподавателей примкнуть к общему демократиче-

---

[1] «Массес энд Мейнстрим», январь 1951 г.
[2] «Массес энд Мейнстрим», март 1949 г.

скому движению. «Только обратившись к народу, смогут преподаватели действенно защищать свое право преподавать».

Все бóльшую роль в США, в связи с наступлением фашизма, начинает играть американская тайная полиция — Федеральное бюро расследований (ФБР).

Прогрессивный журналист Ричард Бойер посвящает ФБР специальную статью [1]. ФБР — оружие монополистического капитала в борьбе против американского народа — такова основная мысль этой статьи. Шеф американской охранки, Эдгар Гувер «действовал по закону или вопреки закону с неизменной, ясной целью — защищать прибыли, капиталовложения и власть тех, которые являются хозяевами государства».

Бойер рисует послевоенную обстановку в Америке — усиливающийся террор, запугивания, угрозы, постоянные донесения шпионов, искусственно раздуваемую панику и военную истерию.

Ни один американец, даже если он и не является активным сторонником прогрессивного движения, не может считать себя в безопасности. «По закону Маккарена, американца можно посадить в тюрьму не за его действительные убеждения, а за то, что конгресс считает его убеждениями».

Федеральное бюро расследований было создано в 1919 г. и с тех пор усердно служит американскому империализму. За последние годы «деятельность» ФБР все более активно способствует окончательному превращению Америки в полицейское государство, подготавливает тыл для новой мировой войны. «Если американец не является сторонником войны и сторонником нынешнего положения вещей, ему грозит потеря работы и свободы» [2].

Бойер подчеркивает неразрывную связь борьбы против ФБР с борьбой за мир.

Правдиво изображая власть ФБР над американцами, Бойер вместе с тем отнюдь не преувеличивает сил реакции и показывает, что это порожденное монополистическим капиталом чудовище может быть побеждено и будет побеждено. Журнал призывает американцев к борьбе против фашизма, за демократические права народа. «Когда американский народ усилит борьбу за мир во всем мире, прекратит бойню, когда народ усилит борьбу за демократию внутри страны, когда народ возьмет в свои руки свою судьбу и судьбу своей страны, тогда господин Гувер будет только неприятным воспоминанием».

---

[1] «Массес энд Мейнстрим», январь 1951 г.
[2] Там же.

Опровергая клевету реакционной печати, «Массес энд Мейнстрим» показывает народу США истинный облик американских политических заключенных — лучших людей Америки, первых жертв наступления фашистской реакции на права народных масс.

Между борьбой за мир и борьбой против американского фашизма внутри страны, как доказывает журнал, существует неразрывная связь.

В журнале опубликована статья Фаста, где подробно рассказывается история позорного «дела» об Антифашистском комитете помощи беженцам республиканской Испании, начатого еще в 1947 г. и кончившегося заключением в тюрьму руководителей комитета. «Когда холодная война созрела в достаточной степени, когда было выкопано достаточное количество «шпионов», и «атомных заговоров»,— пишет Фаст,— ...правительство Трумэна — Ачесона решило откинуть все демократические претензии и бросить нас вместе со многими другими в тюрьму» [1].

Сценарист и драматург Джон Говард Лоусон помещает в журнале статью о преследовании прогрессивных деятелей Голливуда.

Журнал показывает, что в тюрьмах томятся лучшие сыновья Америки, ее национальная гордость, те, кто, несмотря на преследования, поднимает свой голос против преступной политики американского империализма. В словах этих подлинных представителей народа звучит глубокая уверенность в правоте и в конечной победе великого дела, за которое они сражаются.

Разоблачение внешней политики американского империализма, как и разоблачение американского фашизма внутри страны, проводимое журналом, являются важной частью борьбы за мир.

4

Борьба за мир тесно переплетается с борьбой за социальный прогресс, за демократию, против фашизма.

Журнал стремится широко показать трудовую, враждебную империализму, борющуюся с империализмом Америку, во главе с ее коммунистическим авангардом.

Откликаясь на все важнейшие события общественной жизни США, журнал ярко осветил антифашистскую борьбу, развернувшуюся в Пикскилле. Ей посвящен очерк Фаста, впоследствии развившего эту тему в своей замечательной книге «Пикскилл, США» (1951 г.).

---

[1] «Массес энд Мейнстрим», июль 1950 г.

Организаторы фашистского погрома «думали обратить народ в бегство, но они просчитались; народ стоял как несокрушимая скала» [1].

Пикскилл послужил примером боевого выступления честных людей Америки против фашизма.

На концерте Поля Робсона Фаст, плечом к плечу с другими, сражался против фашистских погромщиков. Горячо и убедительно рассказав о событиях в Пикскилле, он сумел мобилизовать на борьбу своих читателей.

Главное в этом очерке — не изображение жертв фашистского погрома, инспирированного, как показывает автор, губернатором штата Нью-Йорк, махровым реакционером Т. Дьюи и его подручными, а воля к борьбе, сопротивление, глубокая вера в победу. Очерк заканчивается знаменательными словами: «Есть губернатор в Олбани, который приветствовал штурмовиков, помогал им, приложил дешевую печать одобрения к их работе, но есть народ нашего штата, который не хочет фашизма, который готов на все, чтобы не допустить его. И мы его не допустим» [2].

Журнал неустанно борется против расовой дискриминации в США, служащей целям поджигателей войны. Он возглавил народный протест против фашистской расправы с Вилли Макги, рабочим негром, участником второй мировой войны, которого линчевала американская реакция.

«Массес энд Мейнстрим» боролся за освобождение шести негров из Трентона, ложно обвиненных в убийстве белого лавочника. Журнал разоблачал организаторов «легального» линчевания, которые уничтожали опасных свидетелей по этому делу и запугивали прогрессивных адвокатов. В майском номере за 1951 г. опубликованы, под заголовком «Мы обвиняем в убийстве народа», извлечения из петиции о борьбе с массовым убийством негров, представленной в ООН Конгрессом в защиту гражданских прав.

Прогрессивные публицисты показывают, что борьба американских трудящихся против расовой дискриминации тесно связана с борьбой за мир.

Вот отрывок из письма простой негритянки, домашней работницы Вилли Мэ Филлипс, опубликованного в журнале: «Борьба за мир — это главное в Техасе, как и во всем мире... Мы отдадим все силы этому делу. Нашим матерям — участницам аболиционистского движения было труднее, чем нам... Мы

[1] «Массес энд Мейнстрим», октябрь 1949 г.
[2] Там же.

не потерпим никаких сговоров за нашей спиной. Это означало бы фашизм и войну и полный конец негритянского освободительного движения...» [1].

Журнал знакомит своих читателей со славными героями негритянского народа — Фредериком Дугласом, Гарриет Тубман и др.

В передовой статье февральского номера за 1951 г., в которой приводятся отрывки из статьи Горького «Террор капиталистов против негритянских рабочих в Америке», говорится: «Горький понимал, что борьба негритянского народа за свое освобождение и борьба всего рабочего класса за мир находятся в тесной взаимосвязи».

Журнал не только борется против отдельных вопиющих фактов расовой дискриминации. Он помогает американскому народу понять классовую основу этой дискриминации.

«Мы обвиняем в геноциде»,— так называется брошюра, изданная Конгрессом гражданских прав и горячо поддержанная журналом [2]. В этом документе правительство США, американские монополии от имени демократической Америки обвиняются в организации массового истребления целого народа. «Они создали варварское, узаконенное насилие против негритянского народа с целью получения 4 миллиардов долларов ежегодной сверхприбыли» [3],— пишет Джозеф Норт. Неопровержимые факты доказывают, что в США ежегодно умирает 30 000 негров только потому, что они — негры. Такова эта массовая «американская трагедия».

Журнал рисует целую галерею простых людей Америки, пока еще угнетенных, судимых, бросаемых в тюрьмы, но которые должны стать действительными хозяевами страны.

«Вильям Паттерсон — боевой руководитель» — так называется помещенный в этом же номере журнала очерк Майкла Голда о председателе Конгресса гражданских прав, который приговорен к тюремному заключению за «неуважение к конгрессу» США (как и другие честные американцы, он отказался от роли доносчика и не представил списков членов своей организации).

Паттерсон родился в 1891 г. «История его жизни похожа на рассказ, созданный американским Горьким»,— пишет Майкл Голд. Дед Вильяма был плантатором, бабка — рабыней. Отец,

[1] «Массес энд Мейнстрим», февраль 1951 г.

[2] «Массес энд Мейнстрим», январь 1952 г.

[3] Как указывается в документе, между средней годовой зарплатой негра и белого в США существует разница в 1100 долларов. 3 500 000 негров заняты в промышленности и в сельском хозяйстве США. Таким образом, корпорации получают только за счет этой разницы 4 миллиарда долларов сверхприбылей.

став ревностным церковником, бросил семью, отдал все свое имущество церкви. Маленький Вильям начал работать на кухне, в вагонах-ресторанах. Затем он перешел на работу в депо и одновременно, преодолевая огромные трудности, поступил в университет. Паттерсон примкнул к движению негритянских националистов. За активную деятельность в период первой мировой войны он был арестован. В дальнейшем он стал адвокатом, даже основал свою фирму, много зарабатывал, вступил в демократическую партию.

Первой зарницей в сознании Паттерсона, как и многих других американцев, было дело Сакко и Ванцетти. Паттерсон был единственным негром, участвовавшим в пикетировании здания сената в Бостоне. Голд вспоминает, как разъяренные буржуа обрушились прежде всего на Паттерсона. Вступив в коммунистическую партию, Паттерсон усиливает свою политическую деятельность, ведет активную работу в «Международной защите трудящихся», участвует в организации защиты юношей из Скотсборо.

«Я считаю, что реакция беснуется не только потому, что готовится к войне,— говорил Паттерсон,— но и потому, что она становится все слабее. Реакционеры в отчаянии, видя медленное, но непреклонное пробуждение американского народа. Будущее принадлежит не сенатору Маккарти и трестам по производству вооружений. Будущее принадлежит народу. Небо становится красным повсюду. Заря занимается над всем миром,— и над этими штатами тоже» [1].

В журнале освещается борьба рабочего класса США за улучшение своего положения.

С 6 февраля по 5 марта 1950 г. проходила всеобщая стачка горняков — вторая за полугодие и шестая за послевоенное пятилетие. В стачке приняло участие 400 000 человек. Используя фашистский закон Тафта — Хартли, правительство издало судебный приказ, требующий прекращения стачки на 10 дней. Однако впервые в истории США, вопреки судебному приказу, вопреки настойчивым призывам к компромиссу со стороны профсоюзного «босса» Джона Льюиса, горняки продолжали борьбу. Исход стачки показал внутреннюю силу рабочего класса США.

В апрельском номере за 1950 г. журнал публикует статью о стачке под выразительным заголовком «С поля боя». Автор статьи изображает участников стачки, страшные условия их жизни и работы, вспоминает боевые традиции борьбы американ-

[1] «Массес энд Мейнстрим», февраль 1951 г.

ских горняков. «Необходимость борьбы против угольных компаний глубоко осознана, стала пролетарской традицией,— пишет он.— Эта традиция объясняет то, что более всего неожиданно для человека со стороны — спокойную уверенность». Американские рабочие и фермеры проявили боевую солидарность по отношению к горнякам. Горняки «сражались и умирали за свой союз. Теперь они намерены жить для него»,— такими словами заканчивается статья.

Журнал изображает наиболее эксплуатируемые отряды американских трудящихся — сборщиков хлопка и фруктов на плантациях Калифорнии, их пробуждение к борьбе за свои права.

В очерке «Питтсбургский эксперимент» [1] рассказывается об участнице прогрессивного движения американке Тони, матери двух детей. По шпионскому доносу она попадает на скамью подсудимых. «Они не предусмотрели, что женщина с двумя детьми все же будет бороться»,— говорит она.

Автор очерка рисует охваченный военной истерией Питтсбург, травлю Тони и ее веру в правоту своего дела. Выходя из суда, Тони говорит, что люди, судившие ее, сами напуганы. У читателя остается уверенность в том, что Тони и такие, как она, не могут не победить.

В самых разнообразных формах отражает журнал коалицию простых людей Америки, поднимающихся на борьбу против капитализма. Во главе этой коалиции стоят коммунисты. Изображению коммунистов — передовых борцов за мир «Массес энд Мейнстрим» посвящает ряд статей и очерков. Один из лучших очерков посвящен Гэсу Холлу [2].

Автор очерка Филипп Боноски рассказывает о своем герое — сталеваре, коммунисте, руководителе, пламенном борце за мир. Жизнь Холла автор показывает в тесной связи с развитием классовой борьбы в США.

В американской буржуазной публицистике прочно утвердился жанр так называемых «саксесс стори» (success story) — «рассказов об успехе», распространяющих миф о том, что каждый рядовой человек в капиталистическом обществе может достичь успеха.

Рассказать о жизни сына шахтера, рабочего, коммуниста, руководствуясь этими буржуазными стандартами,— невозможно. История жизни Холла — история подлинного успеха с точки зрения новой, пролетарской морали, история трудной, благородной борьбы.

---

[1] «Массес энд Мейнстрим», август 1950 г.
[2] «Массес энд Мейнстрим», ноябрь 1948 г.

Гэс Холл родился и вырос в Америке, его воспитала американская семья, обстановка американской жизни. Разоблачая повседневную ложь буржуазной печати, Боноски на примере биографии Холла показывает, что коммунизм не «импортируется» в США, а рождается в борьбе труда и капитала.

Тяжелый труд, поиски работы во время кризиса, преследования со стороны полиции, служба в армии, голод — во всем этом Холл похож на сотни тысяч и миллионы ему подобных простых людей США и автор очерка подчеркивает это сходство.

В наследство Холлу досталась живая революционная традиция. Его отец — профсоюзный организатор, имя которого было внесено предпринимателями в черные списки на 30 лет. Гэс Холл — коммунист второго поколения; его родители были среди первых членов только организовавшейся коммунистической партии. Автор очерка показывает, что этот факт значил для Холла: «Ему помогал опыт отца, и, может быть, поэтому, будучи совсем молодым, он мог видеть гораздо дальше, чем люди втрое старше его...» Революционная традиция оказалась плодотворной.

Холл — коммунист, борец, для которого личное благо неотделимо от борьбы за счастье всего человечества.

Гэс Холл был одним из организаторов профессионального союза рабочих сталелитейной промышленности. Высокий профсоюзный пост означал деньги и славу — основное в буржуазном «успехе». Но автор показывает, что Гэс Холл строит свою жизнь не по канонам буржуазной морали. Он подает в отставку и переходит на низовую работу районного партийного организатора. «Я чувствовал,— говорил он,— что окажу самую большую услугу рабочим стальной промышленности, если помогу создать крепкий костяк коммунистов».

Очерк Боноски о Холле показывает силу коммунистической партии, благородный облик ее руководителей. Автор очерка дает отпор реакционной «антикоммунистической истерии», разжигаемой американскими реакционерами для прикрытия их наступления на права американского народа. Боноски пишет, что ему хотелось бы взять за руку кого-либо из людей, оболваненных лживой пропагандой, и повести с собой для беседы с Холлом. Очерк выполнил эту задачу, показав, что собой представляет в действительности Гэс Холл — один из видных деятелей коммунистической партии, один из руководителей движения борьбы за мир в США, ныне предательски выданный мексиканскими властями американской полиции и брошенный в тюрьму.

На страницах «Массес энд Мейнстрим» перед читателем предстают лучшие сыны и дочери американского народа, которые не хотят быть рабами монополий, жертвами атомной войны. Американскому народу не нужно «мировое господство». Как и другим народам, ему нужны мир, хлеб и свобода

С воодушевлением освещает журнал те живые силы американского народа, которые не покорились, которые сражаются, за которыми — будущее.

5

Неотъемлемой частью борьбы за мир является борьба за развитие прогрессивной, демократической культуры, борьба против империалистической псевдокультуры, находящейся на службе поджигателей войны. «Массес энд Мейнстрим» — значительная сила, способствующая развитию прогрессивной американской литературы.

В передовой статье первого номера «Мейнстрим» говорилось: ««Мейнстрим» продолжает прогрессивную литературную традицию нашей страны, развивает народную литературу, правдиво отражающую американскую жизнь» [1].

Журнал борется за мир и демократию каждым печатаемым в нем произведением. В «Мейнстрим» впервые был опубликован отрывок из романа Сакстона «Большая Среднезападная» — одного из наиболее значительных произведений послевоенной прогрессивной литературы в США. В журнале было напечатано несколько новелл Говарда Фаста и его лучшие публицистические произведения. Редакция журнала привлекла к своей работе ряд молодых писателей; в их рассказах ставятся острые вопросы действительности. Отдельной книгой издан первый роман негритянского писателя Ллойда Брауна «Город железа» — о коммунистах, и в тюрьме продолжающих бороться за права и свободу американского народа.

«Массес энд Мейнстрим» ведет настойчивую борьбу за реализм, за глубокое, марксистское понимание общественных конфликтов, за боевую, действенную литературу.

Журнал бережно относится к росткам прогрессивной литературы, внимательно отмечает то новое, что несет эта литература, сурово критикуя проявления чуждых, буржуазных влияний в произведениях передовых писателей.

Прогрессивная литературная критика, связанная с «Массес энд Мейнстрим», а также с газетой «Дейли уоркер», обратила внимание читателей на роман Митчела Уилсона «Жизнь среди молний», на «Вашингтонскую историю» Джея Дайса,

[1] «Мейнстрим», 1947, № 1.

«Мир полон чужаков» Дэвида Олмена и другие произведения, служащие разоблачению американской империалистической реакции и консолидации сил мира.

Высокую оценку получила в журнале книга молодых литераторов Мак-Генри и Майерса «Моряк на родине», рассказывающая о приходе в ряды коммунистической партии простого моряка Билли Фэррела. Журнал внимательно следит за деятельностью прогрессивного театра «Народная драма». Отрывки из пьесы «Джон Браун», поставленной этим театром, печатались в «Массес энд Мейнстрим», так же как и другие прогрессивные пьесы американских драматургов.

Журнал рецензировал лучшие произведения прогрессивной публицистики — книги Мальца, Кана, Мариона, Аллена, Перло; глубоко и серьезно разбирал литературоведческие и критические работы: «Литература и действительность» Фаста, «Утаенное наследие» Лоусона, «Социальные корни искусства» Харапа и мн. др. Эти рецензии призывают прогрессивных писателей США глубже вникать в действительность, подниматься над материалом, обобщать его, типизировать.

Критик Гумбольдт поднял в своих статьях «Насколько правдива беллетристика» [1] и «Коммунисты в литературе» [2] существенные вопросы современной литературы. В первой статье Гумбольдт подробно останавливается на проблемах реализма, подвергает резкой критике искусство буржуазного декаданса. Особенно занимает Гумбольдта проблема положительного героя, выдвигаемая самой жизнью. В работе «Коммунисты в литературе» Гумбольдт дает краткий исторический обзор произведений американской литературы, героями которых являются коммунисты. Критик показывает, что изображение передовых людей нашего времени предполагает развитие и обогащение реалистического метода, ибо речь идет о людях, сознательно переделывающих общественную действительность.

«Критический реализм прошлого мог правдиво изображать жизнь людей при существующем порядке,— пишет Гумбольдт,— новый реализм изображает личности, которые колеблют самые основы буржуазного общества. Поэтому до какого бы одичания ни доходило это общество, подавляющее свободу, эти личности не жертвы его, а его победители». Этот важный теоретический вывод глубоко мотивирован критиком.

Книга Фаста «Литература и действительность», отрывки из которой публиковались в журнале, ставит важнейшие вопросы

[1] «Массес энд Мейнстрим», январь 1949 г.
[2] «Массес энд Мейнстрим», июнь — июль 1949 г.

прогрессивной литературы и способствует ее дальнейшему развитию.

Еще в 1946 г., в конце дискуссии, развернувшейся в «Нью массес» вокруг проблем развития прогрессивной литературы США, с большой статьей «Элементы народной политики в области культуры» выступил председатель коммунистической партии США В. Фостер [1].

Исходя из интересов и стремлений народа, основываясь на ленинской теории партийности идеологии, Фостер глубоко обосновал тезис — «искусство — оружие», под знаком которого проходила дискуссия.

Национальная культура США может плодотворно развиваться, лишь служа народу. Фостер показывает, что за лицемерным маскарадом пресловутой «свободы» художника в буржуазной Америке скрывается подчинение культуры американскому монополистическому капиталу. Фостер призвал деятелей культуры теснее связать свое творчество с освободительной, антифашистской борьбой, развертывающейся в США.

«Массес энд Мейнстрим» активно выступает против разлагающейся культуры империализма, показывая народу ее подлинное лицо, ее опасность для дела мира и демократии. Всесторонняя уничтожающая критика книг таких зубров американо-английской реакции, как Элиот, Оден, Эзра Паунд, показывает и их политическое прислужничество реакции, и деградацию их как писателей. Прогрессивные критики обнажают реакционную, антинародную сущность их писаний, прикрытую формалистическими хитросплетениями. В статье «Философия для войны» [2] ясно показано, как различные формы субъективного идеализма непосредственно служат гнусному делу развращения народа, моральной подготовке к третьей мировой войне. Реакционный характер фрейдизма, служащего для маскировки расистской клеветы и антинародных измышлений, убедительно раскрыт в статье Ллойда Брауна [3].

«Массес энд Мейнстрим» постоянно обращается к прогрессивной традиции американского народа — традиции Пэйна, Торо, Уитьера, Дугласа, Линкольна, Дебса, вдохновляющей на борьбу прогрессивных литераторов современной Америки. Журнал стремится вовлечь всех честных деятелей культуры в борьбу за мир.

За последние годы журналу удалось сплотить вокруг себя

---

[1] «Нью массес», 23 апреля 1946 г.
[2] «Массес энд Мейнстрим», сентябрь 1950 г.
[3] «Массес энд Мейнстрим», октябрь 1951 г.

все лучшее, честное, здоровое, что есть в американской культуре Члены его редакционной коллегии и постоянные сотрудники относятся к тем лучшим людям Америки, которые отстаивают подлинные интересы американского народа, активно борются за мир. От имени демократической Америки журнал беспощадно разоблачает врагов американского народа, предателей, прислужников империализма.

Американский драматург Ирвин Шоу, в 30-х годах написавший антивоенную пьесу «Хороните мертвых», ныне, по примеру матерого ренегата Эптона Синклера, публично отказался от этой пьесы. С разящим сарказмом клеймит Силлен подлый поступок Ирвина Шоу в заметке под названием «Хороните живых!». Критик напоминает читателям содержание пьесы Шоу, разоблачающей людей, которые наживаются на войне.

Альберт Кан срывает маску «друга мира» с лица Рогге, платного агента клики Тито.

В острых критических памфлетах журнала главному — разоблачению реакционности псевдокультуры трумэновской Америки — подчинена и самая форма статьи, соответствующая боевому характеру содержания. Публицистика активно вторгается в область литературной критики.

С марта 1950 г. Силлен ведет специальный раздел «Наше время». Это — заметки о важнейших международных и внутренних событиях, о важнейших явлениях культуры. Тематика этого раздела чрезвычайно широка. Силлен с возмущением пишет об отстранении Жолио-Кюри от должности верховного комиссара по вопросам атомной энергии, как о новом преступлении против мира, разъясняет суть советской критики декаданса, рассказывает о культуре стран народной демократии, сражается против экспорта американской империалистической книжной макулатуры в Европу и Азию, с гордостью сообщает о том, как книги прогрессивных писателей США участвуют в борьбе за мир.

Обращение к литературе в этих заметках непосредственно связано с основными политическими задачами дня. В соответствии с ленинскими заветами, журнал стремится к тому, чтобы литературное дело все в большей степени становилось частью общепролетарского дела, частью общего дела борьбы за демократию.

Журнал играет большую роль в укреплении связей прогрессивной культуры США с прогрессивными культурами других стран. В Обращении к Организации Объединенных Наций, принятом Вторым Всемирным Конгрессом мира в Варшаве, говорится: «Считая, что нарушение культурных связей между

народами влечет за собой разобщение, утрату взаимопонимания, создает обстановку взаимного недоверия и благоприятствует военной пропаганде и что, с другой стороны, укрепление культурных связей между народами создает условия для взаимопонимания и доверия в общей борьбе за мир, мы обращаемся ко всем правительствам с призывом содействовать улучшению культурных связей между народами, взаимному изучению культурного достояния народов. Мы предлагаем способствовать организации международных конференций деятелей культуры, посещениям других стран, широкому изучению литературы других народов и ознакомлению с их искусством» [1].

«Массес энд Мейнстрим» ведет большую работу по ознакомлению американских читателей с прогрессивной литературой других стран. В издании журнала вышла книга Юлиуса Фучика «Репортаж с петлею на шее» и сборник поэм Пабло Неруды. В журнале опубликованы стихи и статьи Гильена, стихи Элюара, пролог к роману Луи Арагона «Коммунисты», статья Мартина Андерсена Нексе, отрывок из романа Анны Зегерс «Мертвые остаются молодыми», стихи Назыма Хикмета, стихи китайских, японских, греческих поэтов и многие другие произведения.

Важнейшие вопросы развития литературы в странах народной демократии, проблемы социалистического реализма поставлены в статье венгерского писателя Реваи «Народная демократия и литература» и в других статьях журнала о странах народной демократии. Эти статьи помогают прогрессивным писателям США глубже осознать себя частью исторического, всемирного, побеждающего движения.

После поездки на Международный кинофестиваль в Чехословакию редактор журнала Силлен писал: «Здесь, в Карловых Варах, на экране и в конференц-зале чувствовалась та мощная международная солидарность сторонников мира, которую не сломить никакими полицейскими дубинками. Здесь мы по-новому почувствовали гордость, гордость за свою принадлежность к тем руководимым коммунистической партией силам в Америке, которые борются, чтобы спасти наш народ от фашистской катастрофы и атомной войны» [2].

Особое значение имеет в этом отношении самая передовая культура мира — советская культура.

В период ожесточеннейшего антисоветского похода американской реакции, когда американская печать изливает на Совет-

[1] Приложение к журн. «Новое время», 29 ноября 1950 г. № 48.
[2] «Массес энд Мейнстрим», сентябрь 1950 г.

скую страну и ее культуру потоки лжи и клеветы, слово правды об СССР, которое журнал неизменно несет в массы, имеет огромное значение.

Анализируя международное положение, сообщая об успехах стран народной демократии в деле строительства социализма, освещая классовую борьбу в Америке,— журнал постоянно обращается к великому примеру Советского Союза.

Опубликованные в журнале лучшие работы, посвященные вопросам литературной теории и критики, показывают, насколько глубоко и серьезно изучают передовые американские писатели богатейшую сокровищницу советского опыта. В решении основного вопроса эстетики — вопроса об отношении искусства к действительности — они стоят на материалистической точке зрения.

На страницах «Массес энд Мейнстрим» находят свое отражение новейшие достижения советского искусства и научной мысли. В майском номере за 1951 г. журнал опубликовал развернутую статью Джозефа Кларка «Расцвет культуры в Советском Союзе».

В своих выступлениях «Массес энд Мейнстрим» раскрывает мировое значение советской литературы и ее роль в борьбе за мир. Журнал подчеркивает, что в СССР «народ участвует в развитии науки и культуры в масштабах, невиданных в истории»; что этими достижениями советские люди «указывают американскому народу, как разбить стены тюрьмы, замыкающие культурную жизнь Америки» [1].

Из года в год, от номера к номеру растет и крепнет журнал «Массес энд Мейнстрим». Требовательно, критически относясь к своей работе, все более глубоко и правильно освещая основные проблемы американской жизни, коллектив журнала теснее сплачивает прогрессивные слои американского народа в борьбе за дело мира.

Журнал «Массес энд Мэйнстрим» разоблачает американский империализм. Он видит в трудовой Америке носительницу лучших человеческих качеств, проявляющихся прежде всего в борьбе против поработителей.

«Массес энд Мейнстрим» — это орган американской прогрессивной культуры. «Вопреки усилиям реакции развратить, запугать, подчинить себе все области американской культуры, наши страницы — мобилизационный пункт для честных и мужественных художников, как Говард Фаст, Поль Робсон и Джон Говард Лоусон... которые олицетворяют надежды на мир и демокра-

[1] «Массес энд Мейнстрим», январь 1950 г.

тическую культуру» [1],— говорится в передовой статье журнала.

Борьба журнала «Массес энд Мейнстрим» за передовую демократическую литературу, разоблачение империалистической псевдокультуры служит делу прогресса, делу мира.

Писатели, критики, публицисты, делающие сегодня журнал,— мужественные борцы передовой линии фронта мира.

«Массес энд Мейнстрим» — подлинный голос трудовой Америки, все более активно выступающей на борьбу против американского империализма, за мир и демократию.

---

[1] «Массес энд Мейнстрим», январь 1950 г

Л. Д. Кислова

ПРОГРЕССИВНЫЕ ДЕЯТЕЛИ ГОЛЛИВУДА И АМЕРИКАНСКАЯ РЕАКЦИЯ

1

В октябре 1947 г. девятнадцать известных деятелей американской кинематографии — сценаристов и постановщиков — были вызваны в Вашингтон, чтобы предстать перед судом Комиссии палаты представителей США по расследованию антиамериканской деятельности.

Комиссия вела следствие для того, чтобы, как заявил ее председатель, член палаты представителей от штата Нью-Джерси Дж. Парнел Томас, «обнаружить подрывное коммунистическое и антиамериканское влияние в кинематографии».

В результате десятидневной процедуры «суда» большая группа виднейших деятелей американской кинематографии, в том числе Джон Говард Лоусон, Альберт Мальц, Дальтон Трамбо, Альва Бесси, Лестер Коул, Ринг Ларднер младший, Самуэль Орнитц и другие, были обвинены в «оскорблении конгресса».

24 ноября 1947 г. палата представителей большинством 346 голосов против 17 вынесла решение о привлечении к ответственности этих деятелей кинематографии за «неуважение к конгрессу».

Дела их были переданы в судебные инстанции, которые приговорили каждого из обвиняемых к одному году тюремного заключения и к штрафу в тысячу долларов.

В марте 1950 г. верховный суд США утвердил этот возмутительный приговор, в силу которого виднейшие американские писатели и сценаристы были посажены в тюрьму.

В зале заседаний старого здания палаты представителей в Вашингтоне, где с 18 по 28 октября 1947 г. происходил судебный процесс, лицом к лицу стояли две Америки.

Одну Америку представляла Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности. Что же такое эта Комиссия?

В 1934 г. была организована комиссия конгресса США, возглавляемая Маккормаком и Дикштейном для расследования

деятельности фашистских организаций и групп в Соединенных Штатах. Страна была взбудоражена тогда сведениями о готовящемся фашистском путче. Однако с самого начала стало ясно, что комиссия вовсе не собирается расследовать деятельность фашистов в США. Дело о фашистском заговоре было замято, никто не был привлечен к ответственности.

Когда в 1938 г. подобная комиссия, на сей раз под председательством Мартина Дайса, была снова утверждена конгрессом, она была названа Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности. Официально было объявлено, что комиссия создана с целью «собирать информацию о распространении в США подрывной и антиамериканской пропаганды, источником которой являются либо иностранные государства, либо местные круги, выступающие против гарантированных конституцией принципов государственного строя США».

Однако, как пишет известный американский журналист и общественный деятель Альберт Кан в своей книге «Измена родине», «комиссия с самого начала стала органом злостной антидемократической пропаганды и орудием ниспровержения основ американской конституции» [1].

Комиссия не сделала ничего, чтобы пресечь деятельность многочисленных фашистских организаций и групп, чтобы разоблачить агентов гитлеровской Германии.

Любопытно, что тот самый член конгресса Дикштейн, который в 1934 г. стоял во главе комиссии, в феврале 1941 г. заявил следующее: «Сто десять фашистских организаций, существующих в США, пользовались и пользуются негласным покровительством Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности» [2]. А еще раньше, 8 декабря 1939 г., фашистский шпион, председатель Германо-Американского союза, Фриц Кун выразил свою признательность комиссии, предложив продлить ее полномочия и ассигновать ей дополнительные средства [3].

Комиссия не сделала ничего, чтобы пресечь деятельность таких махрово-реакционных организаций, как «Америка прежде всего» и Ку-клукс-клан, считая, очевидно, что линчевание негров является сугубо лойяльной американской деятельностью. «Программа комиссии так похожа на программу Ку-клукс-клана, что никакой существенной разницы между ними нет» [4],— одоб-

---

[1] А. Кан. Измена родине. Издательство иностранной литературы, 1950, стр. 272.

[2] Там же, стр. 275.

[3] См. там же, стр. 276.

[4] Там же.

рительно заявил Джемс Коулскотт, главный «жрец» Ку-клукс-клана.

Делами комиссии заправляли такие ярые реакционеры и мракобесы, как Мартин Дайс, которого в 1943 г. газета американских кинопромышленников «Голливуд репортер» откровенно назвала «охотником за коммунистами», Джон Рэнкин, оголтелый расист и погромщик и, наконец, Дж. Парнелл Томас, типичный гестаповец и к тому же казнокрад, которого впоследствии пришлось все-таки судить за финансовые злоупотребления.

При президенте Франклине Рузвельте, который, как известно, квалифицировал Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности как «низкое, исключительно несправедливое и антиамериканское учреждение», эта комиссия еще находила нужным прикрываться кое-какими фиговыми листочками демагогических рассуждений.

В трумэновской Америке комиссия уже никак не прикрывает своих целей удушения прогрессивных, истинно демократических элементов в США.

Верой и правдой служа интересам американских империалистов и прежде всего монополистов Уолл-стрита, комиссия получила полное признание своих хозяев. Когда Трумэн опубликовал свой фашистский приказ о проверке лойяльности, он официально возложил на комиссию, наряду с другими «надежными» организациями, задачу «определять лойяльность государственных служащих».

Таково лицо Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности.

Таков облик той Америки, которая «обвиняла» на процессе прогрессивных деятелей Голливуда.

Для этой Америки распоясавшихся агрессоров, стремящихся одурачить и опутать ложью американский народ, большую опасность внутри страны представляют деятели передовой культуры, неустанно борющиеся против фашизма. Процесс против прогрессивных деятелей Голливуда был одним из этапов этого похода американской реакции против лучших представителей американской интеллигенции, ее виднейших писателей, художников, публицистов и сценаристов.

Кого же обвиняла эта Америка — Америка фашистов, гангстеров, гестаповцев?

На скамье подсудимых оказались передовые писатели Америки, выражавшие и защищавшие в своих произведениях интересы американского народа, простых людей Америки.

Неудивительно, что «преступником» и «опасным элементом» для американской реакции оказался Альберт Мальц, один из талантливейших современных писателей США. Произведения А. Мальца — его многочисленные рассказы, его романы «Глубинный источник» и «Крест и стрела», его публицистические статьи, его пьесы и сценарии для кинофильмов — глубоко прогрессивны, поставлены на службу народу.

Мальц горячо защищает права простого человека, его достоинство, страстно обличает темные реакционные силы империализма, стремящиеся поработить, развратить этого простого человека. В романе Мальца «Путешествие Мак-Кивера» (1949 г.) писатель дает трогательный образ старого инвалида, рабочего, мечтающего написать книгу «Путь простого человека», которая, по его замыслу, должна быть своего рода гимном человеку труда.

В более раннем романе «Глубинный источник» (1940 г.), являющемся одним из самых значительных произведений американской литературы последних лет, Мальц дал яркую картину борьбы рабочих за создание производственного профсоюза, создал запоминающийся образ молодого коммуниста Принси, стойкого и мужественного борца за правое дело. В этом романе Мальц поднял голос предостережения против уже тогда назревавшей в США угрозы фашизма, разоблачая его классовые корни. Вместе с тем он убедительно показал, что силы народа неистощимы, что никакие преследования не могут поставить народ на колени. Эта вера Мальца в народ, в неминуемую победу прогрессивных сил ярко выражена и в его публицистике.

В 1950 г. в нью-йоркском прогрессивном издательстве «Интернейшнел паблишерс» вышла книга Альберта Мальца «Писатель-гражданин» (с подзаголовком «В защиту американской культуры»). Это — сборник выступлений Мальца за период с 1943 по 1949 г. Они проникнуты боевым духом писателя-гражданина, который поставил свою жизнь и творчество на службу народу. Мальц гневно обличает тех, кто удалился в «башню из слоновой кости», чтобы заниматься «искусством ради искусства».

Особый интерес представляет помещенное в сборнике выступление Мальца 11 июля 1947 г. на конференции, организованной обществом «Прогрессивные граждане Америки».

Эту речь Мальц озаглавил «Писатель — совесть народа». Лучших писателей всех времен, говорит Мальц, «отличало не равнодушие и безучастность, а самая страстная приверженность интересам бедняков, всех страждущих и угнетенных; путь каж-

дого из них — это путь писателя-гражданина, писателя-воина, борющегося за справедливость и правду» [1].

Развивая этот тезис, Мальц напоминает о мужественном поведении Золя, обличавшего французскую реакцию во время дела Дрейфуса, Байрона, погибшего в борьбе за независимость Греции, Льва Толстого, выступавшего против произвола царизма, Максима Горького, осужденного царским правительством за революционную деятельность и изгнанного по приказу царя из Академии Наук, Чехова, ушедшего из этой Академии в знак протеста против исключения Горького.

Мальц вспоминает и американского поэта Уитмена, уволенного с поста редактора «Бруклин дейли игл» за радикальные убеждения и написавшего свое первое стихотворение «Окровавленные деньги», как гневный протест против принятия закона о выдаче беглых негров.

Мальц говорит о других демократических американских писателях прошлого — Торо, Уитьере, Брайенте и других, жизнь и творчество которых были неразрывно связаны с народом.

Обращаясь к сегодняшней Америке, писатель с возмущением говорит о преследовании американской реакцией Поля Робсона и Говарда Фаста.

«В наше время, да и в любые времена, гражданам приходится выбирать путь, по которому они пойдут... Мы, писатели, тоже должны, видимо, сделать свой выбор. В дни, когда Говарда Фаста объявляют преступником и присуждают к тюремному заключению,— тень Рэнкина ложится на стол каждого американского писателя. И она не исчезнет сама собой. Настало время, когда все честные писатели Америки должны быть наготове» [2].

Через три месяца после этого выступления трумэновские гестаповцы осудили Альберта Мальца, писателя-гражданина, за «антиамериканскую» деятельность.

Не случайно вторым писателем, попавшим вместе с Мальцем на скамью подсудимых, был Дальтон Трамбо — романист, драматург, поэт. Герои произведений Трамбо, так же как и Мальца,— это простые люди, в разных условиях, разными способами, с разной степенью сознательности борющиеся за свое право жить и мыслить свободно.

В романе «Джонни получил ружье», вышедшем в 1939 г., Трамбо рассказывает о юноше из простой американской семьи, мобилизованном в армию во время первой мировой войны и

---

[1] А. Мальц. Избранное. Гослитиздат, 1951, стр. 550.
[2] Там же, стр. 556.

посланном во Францию якобы для того, «чтобы спасти мир для демократии». В одном из первых сражений Джонни был тяжело ранен. Ему ампутируют обе руки и обе ноги. Он теряет слух и зрение. Он приходит к сознанию, что эта война — не его война: «Мы — простые люди, мы — люди мира, мы работаем, мы не хотим войны. Войны делают те, кому эти войны выгодны». И Джонни заключает: «Нам дают оружие, надо его крепко взять в руки и употребить на то, чтобы защищать право простых людей на мир, на их веру в будущее».

Эндрью Лонг, герой другого романа Трамбо — «Знаменитый Эндрью», изданного в 1941 г.,— тоже простой американский юноша, ничем не примечательный счетовод городского казначейства. Однако его честность и нежелание покрывать темные махинации городских заправил приводят его в тюрьму. Рисуя события, происходившие в маленьком американском городке, Трамбо разоблачает коррупцию современной Америки. Тени выдающихся деятелей истории США живым укором встают в романе перед нынешней Америкой. Устами генерала Джексона, (под началом которого служил прадед Эндрью), автор, обращаясь к Эндрью Лонгу, говорит: «Ты старался честно относиться к своему делу и беречь казенные деньги? Ты столкнулся с политиканами? Ты говорил правду? Ты защищал свои права? Естественно, что ты попал в тюрьму» [1].

Естественно, что в трумэновской Америке в тюрьму попал Дальтон Трамбо, всегда поднимавший свой голос в защиту прав простого человека, отдавший свое искусство на службу народу.

Нет ничего удивительного в том, что и писателю Самуэлю Орнитцу американские гестаповцы приготовили место в тюрьме.

Писатель старшего поколения, романист и сценарист Орнитц создал ряд реалистических произведений, из которых самое известное — роман «Господин Пузан», вышедший в США в 1923 г. Орнитц был близок к крупнейшему американскому писателю Теодору Драйзеру, а это сейчас также не малое преступление в глазах американской реакции.

Вместе с Драйзером Орнитц был участником поездки прогрессивных писателей в Харлан — угольный район штата Кентукки.

По отрывочным сведениям, попавшим в прогрессивную прессу в 1931 г., стало известно, что в Харлане царит произвол

[1] Dalton Trumbo. The Remarkable Andrew. New York, Philadelphia, 1941. p. 226—227.

угольных компаний, что стачки горняков, доведенных до отчаяния, подавляются самым безжалостным образом, что немногие смельчаки, попытавшиеся проникнуть в Харлан для получения сведений об истинном положении дел на харланских шахтах, подвергались жестоким преследованиям со стороны местных властей и представителей угольных компаний.

Потребовалось немало мужества, чтобы отправиться в эту своего рода запретную зону; на призыв Теодора Драйзера откликнулись далеко не все. Орнитц был в числе тех, кто вместе с Драйзером поехал в Харлан.

Несмотря на чинимые препятствия, несмотря на всяческие запугивания и угрозы, группе писателей удалось собрать большой фактический материал о положении горняков в Харлане.

В 1932 г. вышла книга «Говорят горняки Харлана», состоявшая главным образом из подлинных рассказов горняков и членов их семей, записанных участниками драйзеровской группы. Эта книга обрисовала страшную картину террора, царившего в Харлане, жесточайшей эксплуатации, которой подвергались горняки в условиях, где все было подчинено одному — выжать как можно больше прибылей для угольных компаний Харлана, в которых, кстати сказать, были заинтересованы и такие магнаты Уолл-стрита, как Морган и Рокфеллер.

Книга явилась ярким обвинительным актом, направленным против капиталистического общества. Она была встречена в штыки официальной Америкой. Группу обвинили в «преступном синдикализме», а Драйзер подвергся гнусным клеветническим нападкам.

В дни процесса прогрессивных голливудовцев Орнитц был признан Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности «опасным элементом».

«Опасным элементом» в трумэновской Америке оказался и Джон Говард Лоусон, талантливый писатель, публицист, сценарист, общественный деятель. Лоусон является одним из организаторов и постоянных сотрудников прогрессивного публицистического и литературного ежемесячника «Массес энд Мейнстрим», ведущего неустанную борьбу за свободу передовой мысли в США, выступающего за мир, против поджигателей войны.

В течение ряда лет Лоусон работает для американской кинематографии. В 1938 г. он написал сценарий фильма «Блокада» — о борьбе республиканской Испании против Франко и Гитлера. В 1943 г. по сценарию Лоусона был поставлен антифашистский фильм «Операции в Северной Атлантике». Позднее Лоусон написал сценарий для фильма «Сахара», одним из персонажей которого является смелый и находчивый воин-негр, а также

сценарий для фильма «Контратака», показывающего героизм советских партизан в Великой Отечественной войне. Партизаны в труднейших условиях наводят в тылу врага понтонный мост, чтобы помочь наступлению Советской Армии. Враг обнаруживает отважный отряд партизан и окружает его большими силами. Побеждают выдержка и мужество горстки советских людей. Советская Армия идет в наступление.

Имя Лоусона неизменно встречается там, где дело идет о борьбе прогрессивных сил Америки за мир, против мракобесия, против реакции. Лоусон был одним из инициаторов и активным участником Конгресса деятелей культуры США в защиту мира, организованного Национальным советом искусств, наук и свободных профессий в марте 1949 г., в работе которого, как известно, приняли участие и советские представители — А. Фадеев, Д. Шостакович, С. Герасимов, М. Чиаурели, А. Опарин, П. Павленко и др. В это время Лоусон ждал утверждения приговора суда, пославшего его на год в тюрьму.

На этом конгрессе, в комиссии кино, радио и прессы, Джон Говард Лоусон выступил с речью, озаглавленной «Холодная война и американская кинематография».

Лоусон говорил о кризисе американской кинематографии, о стремлении Уолл-стрита использовать кинематографию как средство пропаганды войны. Он говорил о преследованиях, которым подвергаются профсоюзные организации в кинематографии, о том, какое давление оказывается на киноработников: «Мы хорошо знаем, каково это давление. Мы хорошо знаем страх, который затемняет сознание и заставляет дрожать руки. Мы также знаем, что тот художник, который служит какому-либо другому делу, а не делу правды и любви к человеку, деградирует, изменяет своему искусству».

Лоусон подчеркнул свою уверенность в том, что битва за демократическую, прогрессивную кинематографию будет продолжаться. «Это — битва за сознание, за сердце американского народа».

Находясь под судом, Лоусон писал свою книгу «Утаенное наследие», которая вышла в США осенью 1950 г. В предисловии автор дает ей такую оценку: «Мой труд является своего рода исследованием в области истории культуры — культуры не в абстрактном и созерцательном понимании, но как отражения социальных сил и орудия социальных изменений... Это не история в общепринятом смысле. Это — рассмотрение многих сторон исторической причинности, взаимодействия культурных, социальных, политических и экономических факторов». Лоусон подчеркивает: «Мною руководит принцип, что народ сам создает

свою историю. Я пытался найти корни культуры в жизни народа, в его борьбе за существование, в его борьбе против эксплуатации и угнетения, но есть и еще одна сторона этого утаенного наследия: мы не могли бы понять исторической роли народа, если бы не разобрались в тех иллюзиях, которые искажают историю в интересах привилегированных классов. Культуру следует изучать как орудие в борьбе классов» [1].

Следуя этому принципу, Лоусон рассматривает и анализирует многие стороны истории культуры, начиная с эпохи феодализма в Европе и кончая образованием английских колоний в Северной Америке.

Вместе с тем, обращаясь к прошлому, Лоусон не забывает и о современной Америке. В подзаголовке его книги значится: «Исследование идей и сил, которые связывают мысль нашего времени с культурой прошлого».

Лоусон постоянно обращается к сегодняшнему дню Соединенных Штатов Америки. Например, в главе об инквизиции («Ересь») он говорит о поучительном сходстве средневековой инквизиции с методами, «применяемыми в наш „американский век" для ограничения прав на объединение и для объявления вне закона опасных мыслей». Говоря о корнях американской культуры, Лоусон развенчивает миф о так называемом «англо-саксонском превосходстве».

Народ, создатель демократической культуры, является героем последней книги Лоусона. Неудивительно, что Лоусон опасен для современных властителей Америки.

Вместе с Мальцем, Трамбо, Орнитцом, Лоусоном «обвинялась» и группа видных прогрессивных сценаристов, создавших сценарии десятков известных американских фильмов, в которых они рассказывали о жизни простых людей Америки, восставали против власти доллара, против расовой дискриминации. Все это ныне правительство Трумэна считает «антиамериканской» деятельностью.

Кто эти «обвиняемые»? Ринг Ларднер младший — известный киносценарист, сын видного американского прогрессивного писателя, сатирика и юмориста; Альва Бесси — драматург, публицист, сценарист, сражавшийся в Испании в 1938 г. в рядах Интернациональной бригады; Лестер Коул, работавший в Голливуде с 1930 г., и другие — сценаристы и постановщики, давшие американской кинематографии немало прогрессивных фильмов, ныне запрещенных в трумэновской Америке.

---

[1] J. H. Lawson. Hidden Heritage, 1950, pp. V, VI, VII.

В своем письме советским писателям, опубликованном в «Литературной газете» 27 января 1951 г., Говард Фаст писал по поводу процесса прогрессивных голливудовцев: «Я пишу вам об отважных и принципиальных американских писателях, которые все еще находятся в тюрьмах Гарри Трумэна. Я хорошо помню то странное чувство, которое я испытывал, покидая тюрьму. Меня преследовало сознание того, что я нахожусь на свободе, а Альберт Мальц все еще остается в заточении. У меня было такое ощущение, словно в тюрьме я оставил частицу самого себя. Порой тебя подавляет та безграничная несправедливость, которую проявляет трумэно-ачесоновский синдикат по истреблению человечества. Когда сегодня осматриваешься вокруг, тебя охватывает чувство горечи и боли при виде картины смерти и страданий, принесенных миру политикой, бомбами и пулями проконсулов Гарри Трумэна. На этом фоне иногда кажется мелочью, что восемь лучших, наиболее талантливых и отважных американских писателей все еще находятся в тюрьме, куда их посадили не за то, что они совершили какое-либо преступление, а за то, что они осмелились писать о мире и говорить о мире. Однако я думаю, что время, в которое мы живем, само по себе требует того, чтобы людям всего мира постоянно напоминали о том, что ужасы американского империализма неизбежно должны были привести к заточению писателей, которые способны пробудить сознание Америки».

В октябре 1947 г., в дни процесса прогрессивных деятелей Голливуда, в своем известном выступлении по радио писатель-антифашист Томас Манн заявил: «Основанное на невежественности и суеверии преследование сторонников политической и экономической доктрины, которая, по существу, является творением великих умов и великих мыслителей, не только свидетельствует о деградации самих преследователей, но и наносит большой ущерб репутации Америки как культурной страны. И, наконец, как американский гражданин немецкого происхождения, я заявляю с прискорбием, что мне мучительно знакомы подобные политические тенденции. Духовная нетерпимость, политические преследования, постепенное отмирание законности — и все это якобы во имя „чрезвычайного положения“,— именно так это началось в Германии. За этим последовал фашизм, а за фашизмом — война» [1].

---

[1] Цитаты из выступлений на процессе голливудовцев и по поводу процесса даются по кн.: Г. Кан. Прогрессивные деятели Голливуда перед судом. Издательство иностранной литературы, 1949.

2

Вернемся в зал заседаний палаты представителей в Вашингтоне, где 18 октября 1947 г. гестаповцы Трумэна и лучшие представители прогрессивной американской мысли встретились лицом к лицу.

Гордон Кан в книге «Прогрессивные деятели Голливуда перед судом» дает чрезвычайно выразительную картину этой, как он говорит, «законодательной клоунады».

«Сценарий» процесса был подготовлен весьма тщательно. Главный режиссер, он же главное действующее лицо — Дж. Парнелл Томас, его ассистенты, члены комиссии Макдауэлл, Вейл и Никсон и главный следователь Роберт Стриплинг, конечно, хорошо знали свои роли: надо было выбросить из кинематографии, осудить за «подрывную» работу прогрессивных деятелей Голливуда, уничтожить препятствие к его полной фашизации. Заранее были подготовлены основные вопросы, всего два: «являетесь ли вы членом гильдии сценаристов», «являетесь ли вы сейчас или были ли вы когда-либо членом коммунистической партии США?»

Действующие лица были поделены на две категории: «дружественные» свидетели, т. е. дружественные по отношению к комиссии, которые должны были «вскрыть» так называемую «подрывную» деятельность «красного подполья Голливуда», как выражалась комиссия, и «недружественные» свидетели — те, кого надо было осудить.

Была разработана и тактика: дать говорить сколько угодно «дружественным» свидетелям и не давать говорить «недружественным».

В назначенный день и час начался этот позорный спектакль. Однако далеко не все шло так, как это было предусмотрено. «Дружественные» свидетели, правда, получили полную возможность клеветать на «недружественных» свидетелей. Они разглагольствовали пять дней. Выступали руководители кинокомпаний, кинозвезды и родственники этих кинозвезд. Однако выступления их были, говоря мягко, маловразумительны.

Владельцы кинофирм Д. Уорнер (фирма «Братья Уорнер») и Л. Мейер («Метро Голдвин Мейер») каялись в том, что в прошлом из их студий вышли такие «коммунистические» фильмы, как «Миссия в Москву», «Песнь о России» и другие, объявленные комиссией «подрывными». Зато они всячески подчеркивали свои заслуги в выпуске антисоветских фильмов.

Оба эти «кинодеятеля» горели желанием показать, что они всегда стремились уберечь свои фильмы от «пропаганды», но

их выступления принесли мало славы комиссии. На вопрос Томаса — «много ли пропаганды включил Мальц в «Гордость морской пехоты», Уорнер мог ответить лишь следующее: «Клянусь богом, ему это не удалось, хотя он и пытался».

На вопрос комиссии, известны ли им какие-либо коммунисты в их студиях, и Уорнер и Мейер дали приблизительно один и тот же ответ: они слышали, что эти люди коммунисты, но не знают этого наверное, хотя они — Уорнер и Мейер — пламенно коммунистов ненавидят и выгоняют их из своих киностудий.

Не больше славы доставили комиссии и другие «дружественные» свидетели. Спектакль явно проваливался, хотя комиссия немало постаралась, чтобы сделать его сенсационным, вызвав в числе «дружественных» свидетелей таких кумиров буржуазной публики, как киноактеры Роберт Тэйлор и Гарри Купер.

Что же сказал «дружественный» свидетель Роберт Тэйлор? К удовольствию комиссии он заявил: «Я лично думаю, что коммунистическую партию нужно запретить...» Когда обрадованные члены комиссии попросили его сказать, кто же в Голливуде является коммунистом, Тэйлор назвал двух актеров и сценариста Лестера Коула, однако тут же испортил эффект своего заявления, прибавив: «Говорят, что они коммунисты, но я не знаю этого точно». Тэйлор заявил, что никогда не будет работать с коммунистом. Как тут же выяснилось, одним из авторов сценария фильма «Высокая стена», в котором только что снимался Тэйлор, был Лестер Коул.

Из других «дружественных» свидетелей комиссия также мало что могла извлечь, несмотря на самые энергичные усилия как комиссии, так и самих свидетелей.

Правда, почти под диктовку комиссии были названы многие имена «возможных коммунистов» и вылито немало грязи на все то, что было прогрессивного в Голливуде. Эти «показания» «дружественных» свидетелей были хорошо охарактеризованы Джоном Говардом Лоусоном в его заявлении, переданном комиссии: «Так называемые «показания» исходят от группы шпионов, неврастеников, падких на рекламу фигляров, агентов гестапо, платных осведомителей и нескольких невежественных и запуганных актеров Голливуда».

Сенсации так и не получилось, зато с каждым днем все яснее становился подлинный характер этого поистине «обезьяньего» процесса.

Беззаконность этого судилища, его гестаповские методы выявились особенно ярко, когда комиссия перешла к допросу «недружественных» свидетелей. Вызванным к допросу «недру-

жественным» свидетелям не было разрешено прочитать подготовленные ими заявления (исключение было сделано только для А. Мальца), им не давали говорить, их поминутно грубо прерывали, их адвокатам, в сущности, не было позволено вести защиту, вся процедура напоминала допросы в гестаповском застенке. Нехватало только пыток.

Комиссия подготовила длинные списки «преступлений» «недружественных» свидетелей. Так, например, Лоусона обвиняли в том, что он составил учебник по драматургии, что он выступал против линчевания, что он голосовал за Рузвельта.

Честные американские литераторы, однако, не позволили себя запугать. Они отказались отвечать на два стандартных вопроса. Они смело и недвусмысленно вскрывали истинную подоплеку этой пародии на суд.

По существу, это они обвиняли. Лоусон был совершенно прав, когда бросил в лицо Томасу: «Здесь судят не меня, г-н председатель. Это ваша комиссия стоит перед судом американского народа».

Представители демократической Америки, представители американского народа подняли свой голос в защиту народа от посягательств на его права, призывая его к борьбе за свободу. Они вскрыли подлинную, истинную сущность наступления на прогрессивных деятелей Голливуда, показали, что расправа с прогрессивными голливудовцами является одним из этапов фашизации США.

Джон Говард Лоусон подчеркнул, что пресловутая Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности является лишь орудием в руках американской реакции, а ее председатель Дж. Парнелл Томас — лишь мелкий политикан, служащий более могущественным силам.

«Эти силы,— заявил Лоусон,— стремятся установить фашистский режим в Соединенных Штатах. Они знают, что единственный способ заставить американский народ отказаться от своих прав и свобод состоит в том, чтобы изобрести воображаемую угрозу, дабы запугать людей и вынудить их принять репрессивные законы, якобы для их же защиты... Чего боятся Дж. Парнелл Томас и антиамериканские круги, которым он служит? Они боятся американского народа. Они хотят заткнуть рот не мне — они хотят заткнуть рот общественному мнению. Они хотят заглушить великий голос демократии, они хотят понизить уровень жизни американского народа, держать его в нищете, упразднить права трудящихся, преследовать негров, евреев и другие меньшинства и вовлечь нас в катастрофическую и бессмысленную войну».

Дальтон Трамбо бросил в лицо комиссии следующие слова: «Вы создали такую же атмосферу в Вашингтоне, какой была атмосфера в некоей другой столице накануне поджога рейхстага. Те, кто помнит события, происходившие в Германии осенью 1932 г., чувствуют запах дыма в этой комнате».

Трамбо говорил об атмосфере, пронизанной страхом перед репрессиями, об обстановке, в которой антисемитизм расцветает под прикрытием тайных проверок лойяльности, где ни один лидер профсоюза не может доверять своему телефону, где старые друзья не решаются узнавать друг друга в общественных местах, где люди, взгляды которых хотя бы слегка отклоняются от тех, которые им стараются навязать, могут спокойно разговаривать только во время поездки в автомобиле.

«Обвиняемые» горячо говорили о любви к своей родине, о своем намерении бороться до конца за права простого человека.

«Я черпаю свою философию у Томаса Пейна, Томаса Джефферсона, Авраама Линкольна, и мне не могут диктовать и меня не могут запугать люди, для которых Ку-клукс-клан, если судить по протоколам комиссии, является приемлемым американским институтом»,— сказал Альберт Мальц.

Альва Бесси с гордостью говорил о своей борьбе в рядах Интернациональной бригады за свободу испанского народа. «Комиссия на протяжении всего своего существования утверждала, что поддержка Испанской республики явилась и является подрывной антиамериканской деятельностью,— сказал он.— Я хочу, чтобы занесли в протокол, что я не только поддерживал Испанскую республику, но что я считаю, что удостоился величайшей чести сражаться добровольцем в рядах Интернациональной бригады в 1938 году. И я буду продолжать поддерживать Испанскую республику до тех пор, пока героический испанский народ не свергнет Франко и всех его приспешников и не восстановит у власти законное правительство, свергнутое Франко с помощью нацистских и итало-фашистских солдат».

Убеждения, которые привели его на сторону республиканской Испании, и опыт, полученный им в этой войне,— заявил Альва Бесси,— заставляют его утверждать, что Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности проводит именно такую работу, какую проводили комиссии по расследованию антииспанской, антигерманской и антиитальянской деятельности в Испании, Германии и Италии, оказавшихся, в конце концов, порабощенными фашизмом. Это — политика «запугивания и террора, которая является несомненным предвестником фашистского режима»,— подчеркнул Альва Бесси.

Большим мужеством звучали слова Орнитца: «Я считаю, что нахожусь здесь на первой линии обороны нашей конституции и свободы. Я не должен колебаться ни одного мгновенья перед угрозой быть обвиненным в неуважении к конгрессу, хотя это обвинение и звучит почти как синоним концентрационного лагеря».

Деятели культуры, представители прогрессивной мысли, которую американские мракобесы хотели бы посадить за решетку, с гордостью говорили о роли писателя, художника, артиста, о его ответственности перед народом.

«Неудивительно, что писатели и художники избраны в качестве объекта этого непристойного нападения»,— написано в заявлении Лоусона.— Писатели, художники, ученые, деятели просвещения всегда являются первыми жертвами нападок со стороны тех, кто ненавидит демократию. На писателе лежит особый долг — служить демократии, содействовать свободному обмену идеями. Я горжусь тем, что меня избрали в качестве объекта своих нападок люди, которые, по их собственному признанию, занесенному в протокол, открыто стремятся душить прогрессивные идеи и установить цензуру над областью идеологии».

Мужественные антифашистские деятели и сторонники мира, стоявшие перед судом позорного судилища, говорили о своей вере в силы американского народа, в его конечную победу над мрачными силами реакции: «Американский народ сумеет ответить на эти нападки. Он сплотится, как всегда сплачивался в защиту своих прав».

Вместе с тем они предупреждали американский народ об опасности, призывали его к борьбе и бдительности. Это особенно ярко выразил в своем заявлении Лоусон: «Я вынужден выступить здесь как представитель 140 миллионов американцев, потому что незаконное поведение этой комиссии связало мою судьбу с судьбой каждого гражданина США. Если можно уничтожить меня, то ни один американец не может чувствовать себя в безопасности. Вы можете послать повестку фермеру на его ферму, дровосеку в его лес, рабочему к его станку, врачу в его кабинет, вы можете лишить их средств к существованию, лишить их прав американских граждан.

Пусть никто не думает, что это — пустое и необоснованное заявление. Миллионы американцев, которые, может быть, еще не сознают, что уготовано для них, обнаружат, что предостережение, которое я делаю сегодня, осуществится в точности. Ни один американец не сможет чувствовать себя в безопасности, если незаконной деятельности этой комиссии не будет положен конец».

Нет ничего удивительного, что эти смелые заявления американских патриотов, борцов за свободу своего народа, были признаны «оскорблением» конгресса поджигателей войны. Реакция осудила этих честных людей «за неуважение к конгрессу».

Эту расправу с прогрессивными деятелями Голливуда, мужественными представителями американского народа, можно так же назвать судом, как можно назвать законом пресловутый фашистский «закон» Маккарена-Вуда. По существу это была попытка расправиться с передовой мыслью Америки.

Кинопромышленники капитулировали перед комиссией Томаса. Они уволили постановщиков и сценаристов, осужденных комиссией, занесли в «черный список» Джона Говарда Лоусона и Альберта Мальца, Альву Бесси, Самуэля Орнитца и Герберта Бибермана.

Газета «Нью-Йорк таймс» по этому поводу писала: «Необходимо понять, что это решение было продиктовано крупными нью-йоркскими дельцами, подлинными хозяевами кинопромышленности, а не промышленниками Голливуда, которые составляют лишь подчиненную им группу».

Газета «Дейли ньюс» выразилась еще откровеннее: «Уолл-стрит нажал пружину — вот и все».

Голливуд был полностью превращен в идеологическое орудие империалистической реакции. Американская кинематография, как искусство, перестала существовать.

В еженедельнике «Уоркер» было помещено открытое письмо, обращенное к отбывающим наказание в трумэновских застенках голливудовцам, в котором говорилось: «С тех пор как инквизиторы миллиардеров лишили вас возможности работать, американская кинематография пала неописуемо низко. Голливуд выпускает сейчас омерзительную дрянь — насквозь фальшивое изображение Америки и других стран, карикатуру на мужчин и женщин, сознательно потакает вкусам каннибалов и дегенератов. Голливудовская продукция взяла пальму первенства как орудие шовинизма Уолл-стрита...

Нынешние американские фильмы сеют вражду к русским, изображают корейцев, как дикарей, и воспевают сыщиков, предателей, агентов федерального бюро расследования, гангстеров, ренегатов и убийц, в мундирах и без мундиров, уничтожающих женщин и детей других стран» [1].

Такова отвратительная картина сегодняшнего Голливуда, продукция которого призвана пропагандировать и защищать империалистическую политику заправил нынешней Америки.

---

[1] «Уоркер», 19 ноября 1950.

Этого, конечно, и добивалась американская реакция, стараясь удалить из Голливуда прогрессивных кинематографистов, посадив их за решетку.

Но прогрессивная Америка не была ни сломлена, ни поставлена на колени, она продолжала борьбу. «Вы видите, друзья, как нуждается в вас американский народ»,— писала газета «Уоркер» в уже упомянутом письме. Суд над ведущими деятелями американской кинематографии показал американцам, где находится опасность. И в этом смысле действительными победителями были мужественные подсудимые, а не их судьи.

В 1947 г. в Голливуде был создан «Комитет по защите первой поправки к конституции» [1]. Этот комитет выпустил декларацию, в которой заявил: «Мы представляем собой группу из 500 независимых частных граждан, которые считают себя обязанными принять меры к тому, чтобы предупредить американский народ об опасности, угрожающей его свободам».

В комитет вошли известные кинематографические работники: Уильям Уайлер, Поль Хенрейд, Фредерик Марч, Чарлз Буайэ и др. Этот комитет разросся в «Комитет тысячи», потребовавший упразднения Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности.

К кампании протеста против осуждения деятелей Голливуда присоединились гильдия кинорежиссеров, гильдия сценаристов, совет «Лиги американских авторов», Национальный совет искусств, наук и свободных профессий и другие американские прогрессивные организации. По стране, от Нью-Йорка до Лос-Анжелоса, прокатилась волна митингов в защиту незаконно осужденных голливудовцев. Кампания протеста слилась с широким движением борьбы за гражданские свободы, за мир.

Находившиеся под следствием Д. Г. Лоусон, А. Мальц, Д. Трамбо, Ринг Ларднер и другие, мужественно продолжая борьбу за мир, за свободу, приняли живое участие в проведении Конгресса в защиту мира в Нью-Йорке весной 1949 г.

23 апреля 1950 г. совет работников искусств, наук и свободных профессий организовал в Лос-Анжелосе митинг, на котором выступил с речью Альберт Мальц. Речь его называлась «На пороге тюрьмы» [2]. Мальц заявил, что не берет назад ни одного слова из того, что им было сказано перед судом Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности два с половиной года назад. За эти годы произошло много такого, что заставило американцев открыть глаза. «Было бы слепотой,— воскликнул

[1] Первая поправка к конституции США имела целью защиту свободы слова, печати и собраний.

[2] «Массес энд Мейнстрим», июнь 1950 г.

Мальц,— приписывать все, что происходит, отдельным людям или отдельным реакционным комиссиям конгресса... Дело не в них. Пришло время признать, что дело во всей машине нашего правительства, в его политике». Мальц призвал американцев объединиться в борьбе за свои гражданские свободы. Он выразил уверенность в том, что американский народ не склонит голову перед конгрессами и судами, и закончил свое выступление призывом: «Друзья, мужайтесь!».

В июльском номере журнала «Массес энд Мейнстрим» за 1950 г. была опубликована статья Джона Говарда Лоусона, которую он написал за два дня до того, как за ним должны были захлопнуться двери тюрьмы.

В этой статье Лоусон разоблачал Трумэна и его советников, которые «так же глупы и преисполнены такой же острой ненависти к народу, как и приближенные королей из династии Стюартов». Поджигатели войны,— говорил Лоусон,— обезумели, потому что их планы разоблачаются. «Становится все более и более очевидным, что американский капитализм стремится к мировому господству и что единственной угрозой миру является сейчас политика, проводимая правительством Соединенных Штатов».

Лоусон предостерегал американский народ от опасности фашизма. «Наш процесс должен показать американскому народу, что фашизм уже не есть что-то такое, что может случиться в Соединенных Штатах. Фашизм уже существует. Фашизм планируется в Вашингтоне, и план этот проводится в жизнь».

Автор статьи обращался к деятелям культуры США. Он предостерегал тех, кто еще держится в стороне: «Мы можем понять сущность классовых интересов, которые двигают людьми из Вашингтона и Уолл-стрита». Труднее понять позицию тех ученых, писателей и художников, которые готовы мириться с «охотой на ведьм». «К счастью,— продолжал Лоусон,— интеллигенция начинает все более понимать, что тотальная дипломатия влечет за собой тотальное подчинение культуры требованиям холодной войны».

Лоусон призывал писателей помнить, что их долг — бороться за права и свободу американского народа. «Если сейчас некоторые голоса принуждены замолкнуть на время, то тем смелее и яснее должны звучать голоса других» [1],— сказал он.

На митинге в Нью-Йорке 19 июня 1950 г., организованном Национальным советом искусств, наук и свободных профессий, за десять дней до своего заключения в тюрьму выступил с

[1] «Массес энд Мейнстрим», июль 1950 г.

речью Ринг Ларднер младший. «Мы знаем,— сказал он,— что нас наказывают за наши взгляды и убеждения, которые правительство находит опасными для своих целей... Необходимость сделать из нас пример для устрашения других диктуется отчаянием. Не думаю, чтобы показалось столь важно запрятать нас за решетку, если бы доктрина Трумэна и план Маршалла и фашизация Европы шли, как по маслу».

На совещании прогрессивных деятелей киноискусства, которое состоялось в 1950 г. в Карловых Варах (Чехословакия) одновременно с Международным кинофестивалем, главный редактор журнала «Массес энд Мейнстрим» Сэмуэль Силлен огласил следующее послание находившихся в заключении голливудовцев.

«Мы приветствуем Пятый Международный кинофестиваль в Карловых Варах. Мы очень сожалеем о том, что наше правительство помешало нам принять участие в работе фестиваля. Мы хотели бы обсудить вместе с вами важные вопросы, вставшие перед киноработниками всех стран в связи с борьбой за мир. Мы верим в то, что киноискусство может стать рупором мира. Мы пытались использовать фильм в качестве орудия мира на нашей земле, однако нас лишили возможности работать. Нас вдохновляют успехи свободного киноискусства в демократических странах, представленных на вашем фестивале. Мы верим в силы мира во всем мире. Мы верим, что если американский народ узнает те действительные факты, которые упорно скрывают печать, радио и кино нашей страны, он отвергнет политику правящих кругов, отправивших нас в тюрьму. Мы надеемся, что всемирное общественное мнение поддержит нас и других политических заключенных и своими протестами поможет нам выйти из тюрьмы. Да здравствует мир!»

Этот голос мужественных сынов американского народа не заглушат истерические вопли американских банкиров, сенаторов и их подручных.

3

Реакция в США злобствует. Страна все больше и больше фашизируется. Вошел в силу фашистский закон Маккарена, который легализует полицейскую расправу с «подозрительными», т. е., по существу, со всеми прогрессивными элементами страны.

По примеру гитлеровцев, правительство Трумэна готовит в США концентрационные лагери для расправы с передовыми людьми народной, демократической Америки.

Литераторов, ученых, актеров, художников, врачей, педагогов, отказывающихся поддерживать преступную политику импе-

риалистической реакции, заносят в черные списки, лишают работы.

По словам известного радиокомментатора Иоганнеса Стила (который сам стал одной из первых жертв этой реакционной «чистки»), преследование представителей прогрессивной интеллигенции, выступающих против политики разжигания войны, очень сильно напоминает репрессии против деятелей культуры, сопровождавшие приход фашистов к власти в Германии.

В статье, опубликованной в газете «Дейли компас» в начале 1952 г., Стил указывает, что «приблизительно 500 тыс. американских писателей, ученых, художников, врачей, руководителей профсоюзов и рядовых людей, придерживающихся прогрессивных взглядов, находятся на грани экономической гибели в результате преследований за взгляды, которых они придерживаются. В ближайший год эта цифра, повидимому, удвоится» [1].

Реакция усиленно продолжает, в частности, террористическое преследование всего честного в американской кинематографии, начатое процессом против прогрессивных деятелей Голливуда. Монополисты, контролирующие прокат кинокартин, препятствуют демонстрации талантливых фильмов с участием Чарли Чаплина; картины, сделанные по сценариям прогрессивных деятелей Голливуда, конфискованы; одаренные актеры, как, например, Говард да Сильва или Эдвард Бромберг, изгоняются из киностудий.

««Свободный мир», в который я возвращен, встретил меня новым «расследованием в Голливуде»» [2],— пишет Джон Говард Лоусон. Выйдя из тюрьмы в апреле 1951 г., он сразу же столкнулся с тем, что Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, под председательством очередного гестаповца, конгрессмена Вуда, «судила» новую группу передовых режиссеров, актеров и сценаристов Голливуда.

Лица, подозреваемые в «подрывном» прогрессивном влиянии в Голливуде, снова вызывались как «недружественные» свидетели, а доносчики и провокаторы в качестве «дружественных». Обвинялись актеры Гейл Сондергаард и Говард да Сильва, сценаристы Уолдо Солт, Поль Джеррико и ряд других деятелей кинематографии. Провокационные вопросы, предлагаемые обвиняемым, включали на этот раз и такой: «на чью сторону встанете вы в случае войны между США и Советским Союзом?»

Замечателен тот факт, что в условиях разнузданной военной истерии и все усиливающегося террора вызванные комис-

[1] «Правда», 18 мая 1952 г.

[2] «Массес энд Мейнстрим», июнь 1951 г.

сией в качестве «недружественных свидетелей» представители киноискусства не дали себя запугать.

Как писал Джон Говард Лоусон, «заявления, сделанные Гейл Сондергаард, Говардом да Сильва, Полем Джеррико и многими другими, защищают не только их честь, но и честь американского искусства вообще. Эти заявления будут вспоминаться и цитироваться долго после того, как будут преданы забвению имена актеров, которые пресмыкались перед комиссией» [1].

В качестве такого «пресмыкающегося» выступил и кинорежиссер Эдвард Дмитрык, поставивший в свое время прогрессивный фильм «Перекрестный огонь» и привлеченный вместе с другими голливудовцами по процессу 1947 года. Продавшись фашистской клике, сейчас он кается, ползает на коленях перед гестаповцами Трумэна, отказывается от своих «опасных» мыслей и обещает впредь не только делать, но и думать только то, что́ ему прикажут. Жалкое и позорное зрелище!

Однако вербовкой того или иного предателя американская реакция не может помешать борьбе за свободу и мир, которую ведут лучшие представители американского народа.

Рядовые американцы, говорит Лоусон, начинают сознавать гибельность политики разжигания войны, которую ведет правительство США. Американцы видят растущие списки своих солдат, убитых в Корее, и с тревогой наблюдают, как генералы и политики спорят, что лучше: распространять войну в Европе или в Азии.

Лоусон еще раз призвал американских ученых, писателей, представителей искусства к выполнению их общественного долга. «Задача всех честных представителей интеллигенции — помочь американскому народу понять, что есть только один заговор, и это заговор Уолл-стрита и Вашингтона, что есть только одна угроза миру, и эта угроза исходит от жадных финансистов и воинствующих генералов, которые мечтают покорить земной шар с помощью атомных бомб. Мы, которые хотим жить,— будем говорить правду» [2].

Как бы ни бесновалась империалистическая реакция США, ей не задушить американский народ и не заставить замолчать выразителей его интересов, его чаяний, его воли к свободе, к миру.

Лучшие люди Америки будут защищать дело мира вместе со всем прогрессивным человечеством. И их правда победит!

---

[1] «Массес энд Мейнстрим», июнь 1951 г.

[2] Там же.

Т. Н. Моцеенко

НАЗЫМ ХИКМЕТ

Растет и ширится движение за мир. Все новые и новые миллионы людей всех стран и континентов становятся под его благородное знамя.

К усилиям других миролюбивых народов присоединяют свои усилия народы колониальных и зависимых стран, воодушевляемые победоносным примером великого 450-миллионного китайского народа, сбросившего навсегда иго империалистов. Самоотверженно отстаивают дело мира и свою национальную независимость народы Кореи, Вьетнама, Индонезии. В защиту мира громко прозвучал голос народов Индии. В Египте растет народное сопротивление империалистической агрессии. Народ Ирана требует освобождения от гнета англо-американских империалистов. Даже в Турции, несмотря на жесточайший фашистский террор, шаги сторонников мира становятся все увереннее.

Среди славной плеяды борцов за мир видное место занимает выдающийся поэт Турции Назым Хикмет. Всю свою сознательную жизнь поэт отдал служению родному народу, идеям демократии, свободы, мира.

Мужественное слово поэта, призывающее к борьбе за независимость народов, за братскую дружбу между ними, вызвало бешеную злобу реакционной правящей клики Турции. Поэта преследовали, запрещали его произведения, его арестовывали, пытались погубить за тюремными решетками.

Но волею всех честных людей поэт-борец вырван из каменной могилы. И с новой силой звучит его песня, призывая к борьбе за мир и справедливость.

Назым Хикмет родился в 1902 г. 14-летним юношей он вступил в литературу. Первые его стихи носят еще подражательный характер, на них сильно сказывается влияние традиционной восточной поэзии. Но стоило поэту столкнуться с реальной жизнью, как стихи его зазвучали по-новому. Замкнутый мир личных переживаний становится ему тесен. Он понимает,

что долг каждого честного человека и гражданина — быть вместе с народом в борьбе за свободу и общественную справедливость.

Назым Хикмет учился в морской школе, по окончании которой проходил учебную практику на военном корабле. За участие в революционном выступлении команды этого корабля его уволили из флота.

Англо-американские империалисты, оккупировавшие в конце первой мировой войны целые районы Турции, сделали попытку разделить страну и прекратить ее самостоятельное государственное существование. В ответ на это в Анатолии возникло национально-освободительное движение, мощной волной прокатившееся по всей стране.

В прекрасной поэме «Пленник сорока разбойников» Назым Хикмет призывает турецкий народ взяться за оружие и изгнать с родной земли чужеземных захватчиков. За опубликование этой поэмы и стихотворения «Две сестры» ему грозил арест. Он вынужден был бежать из оккупированного Стамбула в Анатолию.

Великая Социалистическая революция в России, весть о которой донеслась до трудящихся Турции, оказала огромное влияние на формирование политических и социальных взглядов поэта. Находясь в Анатолии среди народных масс, наблюдая тяжелое положение турецких крестьян, страдающих под игом двойной эксплуатации — собственных феодалов и иностранных оккупантов,— Назым Хикмет мечтает увидеть Страну Советов, которая не только провозгласила равноправие всех народов, но и навсегда уничтожила у себя все национальные ограничения, открыла всем населяющим ее народам широкий путь к свободе и счастью. Его манит страна, где (как он писал через несколько лет в стихотворении «1917»):

Вписали в историю
большевики
великое слово:
Свобода!
Смерть капиталу!
Мир народам! [1]

(Перевод И. Печенева)

В 1921 г., преодолевая всяческие трудности, Назым Хикмет приехал в Советскую Россию. Он поступил в Коммунистиче-

[1] «Восточный альманах». № 4, посвященный творчеству Назыма Хикмета, изд. Моск. Ин-та Востоковедения, 1951, стр. 25.

ский университет трудящихся Востока, изучал марксистско-ленинскую теорию — науку, которую он называет «счастьем народа, единственной наукой, ведущей народы к коммунизму, к прочному и длительному миру» [1].

В Москве Назым Хикмет, по его собственному выражению, «в те дни учился петь во весь голос». Он почувствовал, «как твердо может стоять на земле человек, знающий, что на свете есть Союз Советских Социалистических Республик» [2]. Эта страна стала для него первым учителем, первым товарищем.

Поэт часто вспоминает то время, когда в Москве, в Коммунистическом университете слушал лекции товарища Сталина. «Слова гениального вождя,— говорит Назым Хикмет,— глубоко, на всю жизнь запали мне в душу... В те дни особенно укрепилась моя вера в победу всех, кто борется за счастье простых людей» [3].

В 1922 г. он встретился с Маяковским, оказавшим большое влияние на его дальнейшее творческое развитие. Между двумя поэтами завязалась крепкая дружба. Великий советский поэт учил Назыма Хикмета смело вторгаться в жизнь, учил его пользоваться новыми средствами художественной выразительности.

В стихотворении «Новое искусство», написанном в 1922 г., Назым Хикмет высмеивает отгородившуюся от жизни поэзию, понятную только для «посвященных»:

Брось трехструнный твой сааз.
Три струны —
Тощих три соловья.
Этот звон не взволнует
Проснувшихся масс,
В бой не двинет их
Песня твоя!.. [4]

(Перевод П. Железнова)

К числу ранних произведений Назыма Хикмета относятся поэма «Песнь пьющих солнце», стихотворения «Поэт», «Зрачки голодных», «На смерть Ленина» и др. В 1924 г., покидая СССР, Назым Хикмет прощается со страной, которая раньше всех «выглянула в день грядущий из обветшалых стен эпохи»:

---

[1] «Литературная газета», 26 июня 1951 г.
[2] «Комсомольская правда», 6 июля 1951 г.
[3] Там же.
[4] Н. Хикмет. Стихи. Гослитиздат, 1950, стр. 20.

Как любит крестьянин землю,
Так мы любим тебя,
О, Россия,
Россия, рожденная в дни Октября!
. . . . . .
Родная страна Ильича!
Знаем мы, как могуча она, горяча,
До каких небывалых высот поднялась
Эта сила
Восстанием вздыбленных масс! [1]

(Перевод Л. Мартынова)

Поэт радуется растущей мощи Советского Союза, прославляет мирный, созидательный труд его сыновей и дочерей, он слышит музыку мира «в нефтяных фонтанах, летящих из вышек». И если орда «крестоносцев плечистых» осмелится напасть на мирный народ, он знает,— вся страна подымется и даст ей отпор.

В Турцию Назым Хикмет вернулся уже вполне сложившимся поэтом и борцом. Он нашел свой собственный поэтический язык, научился по-новому любить свою родину.

Поэт много и плодотворно работает. В короткий срок стихи его завоевали в Турции огромную популярность. Их язык лаконичен, ясен и прост. Они понятны широким массам. Их читают и переписывают, передают из уст в уста во всех городах и селах страны. Они печатаются в журналах, издаются отдельными сборниками.

Политическая страстность поэзии Назыма Хикмета сочетается с глубоким лиризмом. Поэт, связавший свою судьбу с народом, посвятивший ему все свое творчество, как никто другой в турецкой поэзии сумел выразить мысли и чувства своих современников в живых образах, поражающих богатством красок и тончайших оттенков. Громадный мир входит в его поэзию:

Я — поэт
Тех, кто жизнь творит
Из земли,
Огня,
Железа...
Я — солдат миллионов... [2]

Так определил Назым свое назначение поэта. И в самом деле, вся его жизнь являет яркий пример служения народу.

[1] Н. Хикмет. Стихи, стр. 35.
[2] «Литературная газета», 1 сентября 1948 г.

Известные слова Маяковского: «Я — народа водитель и одновременно — народный слуга», можно отнести и к Хикмету. Народ вдохновляет его музу, к народу обращено его пламенное слово. Поэт, описывая тяжелую жизнь трудящихся Турции, зовет их к борьбе против своих поработителей. Он учит народ не мириться с угнетением, а понять свою мощь и силу.

Борьба предстоит тяжелая; она потребует огромного напряжения сил, и поэт обращается ко всем истинным патриотам Турции, призывая их образовать единый национальный фронт против иностранного империализма и угодничающей перед ним внутренней реакции. В стихотворении «Наши песни» он пишет:

Стучитесь громче, песни!
Мы двери открываем,
Распахиваем окна:
Влетайте, в добрый час!
. . . . . .
Наши песни, как ветер меж сосен густых,
. . . . . .
Научат нас петь в один голос! [1]

(Перевод В. Луговского)

Та же мысль о необходимости единения народа звучит в стихотворении «Как Керем», написанном в 1930 г.:

Ведь если я гореть не буду,
И если ты гореть не будешь,
И если мы гореть не будем,—
Так кто ж тогда рассеет мрак? [2].

(Перевод Л. Мартынова)

За свои смелые патриотические стихи Назым Хикмет был обвинен в коммунистической пропаганде и приговорен к тюремному заключению. В течение своей жизни поэт неоднократно привлекался к судебной ответственности и в общей сложности находился в турецких тюрьмах 17 лет.

Турецкие янычары повели новое, развернутое наступление на демократические силы страны. Вслед за массовым арестом коммунистов начались преследования рабочих и интеллигенции,

[1] Назым Хикмет. Избранное. Издательство иностранной литературы. 1951, стр. 116.

[2] Н. Хикмет. Стихи, Гослитиздат, 1950, стр. 100. Керем — герой восточных народных легенд, сгоревший, по преданию, от любви.

осмелившихся поднять голос против реакции, торгующей национальной независимостью. В стихотворении «Ответ № 3» Хикмет писал:

Они своими домами, дворцами,
Шестнадцатистраничными газетами, типографиями,
Печатными станками — танками,
холуями и лакеями
начали наступление на нас [1].

Он клеймил презрением этих лакеев, предателей родины, которые рыщут по стране и чинят расправу над турецкими патриотами. «Входите в дом, где была чума, но не ступайте и шага в ворота, где есть провокатор. А если ваша рука случайно коснулась его, семь раз вымойте ее. А я порву свою единственную праздничную рубашку и дам вам ее вместо полотенца».

В стихотворении «Письмо к жене», написанном в 1933 г. в Бурсской тюрьме, он говорит:

Смерть, на веревке качаясь, опять
Идет по родному краю...

Хикмет сам в руках у врагов, его собственная жизнь в опасности. Он не хочет умирать такой смертью. Но даже если рука, «имеющая в этом деле сноровку», набросит ему веревку на шею, то

В глазах Назыма, как день голубых,
Никто не увидит страха! [2]

(Перевод В. Журавлева)

Со всей силой своего огромного таланта Назым Хикмет выступает на защиту дела мира. В поэме «Стены империализма» (1925 г.) он бичует империалистов, готовящих новую бойню. Зоркий глаз поэта уже тогда сумел разглядеть за спиной международных поджигателей войны направляющую руку американских банкиров:

У этой стены идет гнусная мобилизация.
Как тени бегут от солнца,
Так империалисты бегут на эту мобилизацию.

---

[1] Здесь и в дальнейшем, где не указана фамилия переводчика, дан подстрочный перевод.

[2] Н. Хикмет. Избранное, Издательство иностранной литературы, 1951, стр. 150.

Дипломат в белых перчатках, от которых пахнет порохом,
Генерал, торгующий человеческим мясом,
Философ, пишущий свои произведения за доллары,
Химик, торгующий лучами смерти,
Поэт, одурманивающий своими стихами народ,—
Все бегут, бегут на эту кровавую мобилизацию.

Поэт призывает народные массы подняться на борьбу, ибо они — единственная сила, которая может и должна предотвратить войну. Мир так прекрасен,— говорит он,— природа полна чудес; не надо бойни, не надо сражаться за торгашей («Накануне»):

Люди, люди! Тружеников других, братьев своих
Не убивайте зря!
Не умирайте зря! [1]

(Перевод И. Ибрагимова)

С волнением и надеждой следил поэт за пробуждением Востока. В 1929 г. он окончил поэму «Джиоконда и Си-Я-у», посвященную народно-освободительной войне в Китае. В стихотворении «Человек с Востока и СССР» (1925 г.) он рассказывает, с какой надеждой угнетенные народы Востока смотрят на Советский Союз, видя в нем своего бескорыстного друга, защитника и учителя.

Буржуазные литераторы, продающие свое перо, прикрывают темные дела своих хозяев умиленными повествованиями о тайнах Востока, об его извечной покорности, караванах верблюдов, фонтанах, мечетях, дворцах и прочей «экзотике». «Все это выдумка, ложь! — восклицает Назым Хикмет в стихотворении, разоблачающем французского романиста, декадента Пьера Лоти и ему подобных.— Такого Востока нет».

В глазах чужеземцев страны Востока — это гигантский амбар, наполненный до краев пшеницей. Но закрома полны только для заокеанских хозяев. А для народов Востока — голод и тьма!

Азия!
На мачтах американских дредноутов
Висят китайцы — твои сыновья!
В снегах Гималаев
джаз-банды стонут
Для утехи британского офицерья!
. . . . . .

[1] Н. Хикмет. Стихи, стр. 97.

Нужна английской фирме Армстронг
Для испытаний оружия —
база,
И вот Анатолия — полигон.
Вся.
Целиком.
Сразу [1].

(Перевод К. Замошкина)

Это стихотворение было написано в 1925 г. Сейчас уже не английская фирма Армстронг испытывает свое оружие на турецкой земле, сейчас Англия сдвинута на второй план, на роль младшего партнера новых хозяев, стремящихся обратить всю Западную Европу в огромный полигон. И турецкие правящие круги отдали свою страну под контроль Уолл-стрита, фактически превратившего ее в свою колонию. Американские империалисты грабят турецкий народ, душат национальную экономику. Они посылают турецкую молодежь на Тихий океан убивать своих братьев — корейцев. В Турции американские поджигатели войны усиленными темпами строят стратегические дороги, военные базы. Американские генералы составляют планы для турецкого генерального штаба. Ведется лихорадочная подготовка к войне против Советского Союза и стран народной демократии.

В погоне за высокими прибылями империалистические хищники обрекают и свои собственные народы на голод и нищету. С болью и гневом рассказывает Назым Хикмет в поэме, посвященной памяти Анри Барбюса («Письма к Таранта-Бабу»), что в фашистской Италии Муссолини станки могут выткать столько шелка, что его можно протянуть от земли до луны, а людям нечем прикрыть свою наготу. Горы пшеницы лежат в амбарах, а по окраинам городов бродят голодные люди. Кофе высыпается в море, а дети лишены молока. Людей кормят одной демагогией, а картофель отдают свиньям.

Поэт говорит о бесчинствах итальянских фашистов, напавших на абиссинский народ, убивавших, грабивших, разорявших мирное население.

Читая эти строки, невольно думаешь о еще больших зверствах, чинимых в настоящее время американцами и их приспешниками над гордым, свободолюбивым корейским народом. И участь солдат Муссолини должна послужить грозным предостережением для всех тех, кто дал себя одурачить и превратить в наемных убийц на службе у американских биржевиков.

[1] «Восточный альманах», № 4, стр. 33.

Образно описывает поэт возвращение к себе на родину израненных, безруких, безногих фашистских вояк. А сколько из них навсегда осталось лежать в чужой далекой земле. Убийц ведь тоже убивают.

В той же поэме Назым Хикмет срывает покрывало святости, человеколюбия и бескорыстия с римского папы, соучастника заговора реакции против народов:

Таранта-Бабу, я видел папу Пия.
Ему священный посох дан,—
на пастбищах у королей, банкиров
пасет он души христиан,
как на горах овец чабан,
и за пастьбу с них собирает лиры.
Дурачит папа
доверчивый народ [1].

(Перевод М. Зенкевича)

Новый узел войны завязывается на юге Европы. Нацистские «юнкерсы» бомбят Бильбао, гусеницы итало-фашистских танков оскверняют испанскую землю. Назым Хикмет посвящает защитникам Мадрида прекрасную поэму — «Ночью идет снег». Поэт видит далекого испанского бойца у ворот своей столицы. Перед ним армия захватчиков, та, что убивает все, что́ есть прекрасного: надежду, родину, свободу и детей. Ночь. Идет снег. Холодно. А он стоит недвижим на часах. И в глазах его сияет величие.

Назым Хикмет выступает и с публицистическими статьями. Он сотрудничает в прогрессивном ежемесячном иллюстрированном журнале «Ресимли Ай» («Иллюстрированный месяц»).

В 1936 г. он публикует статью «Германский фашизм и расовая теория». В том же году в статье «Советская демократия» он разъясняет турецкому народу основы Советской Конституции. Сила советской демократии, пишет он, особенно ярко отражается в факте всенародного обсуждения проекта Конституции.

В 1938 г. против Назыма Хикмета было вновь возбуждено судебное дело. Военный трибунал Турции приговорил его к 28 годам лишения свободы. Поэта обрекли на долголетнее тюремное заключение за то, что он (как сказано в приговоре)

[1] Н. Хикмет. Стихи, стр. 165.

говорил турецкой молодежи, что «самая большая опасность для национальной независимости турецкого народа — это империализм, фашизм и война».

Но и заточенный в тюрьму поэт не терял связи с внешним миром, не прекращал борьбы против поджигателей новых войн:

Руки людей,
могучие, тяжелые,
Поднимаются
грозные, неукротимые —
Нет, войны не разжечь доллару!
Мы
не хотим ее!

И как и прежде, когда он был на свободе, строки его стихов горят «надеждой людей и страстью людей, борьбой и гневом их».

Бой идет,
и в бою — мой стих! [1]

(Перевод Н. Разговорова)

Хикмет призывает народы всего мира не поддаваться одурманивающей пропаганде поджигателей войны. Он обращается к тем, которые создали все богатства на земле, но сами никогда не едят досыта,— к трудящимся капиталистической Европы и Америки, Азии и Африки. «Люди, мои люди, ложью кормят вас»,— восклицает он в стихотворении «О ваших руках и о лжи». Печать, кино, литература, музыка, церковь — все служит средством пропаганды для проповедников смерти и их лакеев:

Если антенны врут вам,
Если ротационные машины врут вам,
Если книги врут вам,
Если на стенах афиши, на столбах объявления врут вам,
Если на белых экранах оголенные ножки герлс врут вам,
Если молитвы врут вам,—

то для того, говорит поэт, «чтобы руки ваши стали покорны, чтобы руки ваши не восставали», чтобы не было конца царству торгашей.

Прогрессивная, демократическая Турция требовала освобождения поэта, незаконно осужденного на медленную

[1] «Литературная газета», 3 июля 1951 г.

гибель. Однако американские хозяева не разрешали своим турецким сатрапам вернуть свободу народному певцу. Это и понятно. Они и в своей стране преследуют, бросают в тюрьмы каждого, кто подымает голос за мир, за справедливость, за демократию.

«Петь не дают нам, брат мой!» — пишет Назым Хикмет из тюрьмы в стихотворении «Полю Робсону».

Они боятся утренней зари.
Они боятся нашего дыханья.
Дерзанья. Мысли. Чувства. Осязанья.
Они боятся мыслить. Вспоминать.
Боятся чувствовать, смотреть и осязать.
Они боятся почвы и посева.
Боятся всходов праведного гнева.
...они боятся наших песен! [1]

(Перевод А. Безыменского)

Измученный палачами, тяжело больной Хикмет сквозь стены тюрьмы видел «в синем сумраке ночи склоненных над ним братьев в Европе, Америке, Азии». Это наполняло его душу гордостью и благодарностью.

Поэт давно понял, что мир раскололся надвое. От Китая до Испании, от мыса Доброй Надежды до Аляски, на каждом километре у него есть друзья и враги. Враги, которые «жаждут его крови»,— это черные силы реакции, предатели родины, поджигатели новых войн.

Друзья его многочисленны, хотя он «никогда не видел их, не здоровался с ними, не ел с ними за одним столом». Но он готов с ними вместе «умирать за одно и то же желание, за одну и ту же свободу»,— писал он в стихотворении «Мир, друзья, враги, ты и земля». «Моя сила в этом большом мире в том, что я не один», а в рядах тех, кто борется за свободу и счастье человечества. Во главе этого великого движения стоит Советский Союз, он, «как маяк, освещает путь всем народам».

Советский Союз, Москва были для поэта средоточием всего самого лучшего, лучезарного, самого передового, что есть на свете.

«Чугунная решетка застилала мне солнце,— рассказывал Назым Хикмет,— а я думал, ежечасно думал о Москве, и мне становилось легче, во мне прибывало сил для дальнейшей борьбы: Москва окрыляет миллионы непреклонных борцов за мир, за демократию, за социализм» [2].

[1] Н. Хикмет. Избранное, стр. 193.
[2] «Комсомольская правда», 6 июля 1951 г.

В поэме «Симфония Москвы», созданной им в тюрьме, поэт говорит:

Там белый, желтый, красный и черный —
Все равны!
Там нет угнетения народа народом,
. . . . . .
Только там ценится труд.
Там солнце счастья стучится в окна.
Люди этой страны созидают жизнь.
Где еще человек так свободен?

Вести с фронтов Великой Отечественной войны проникали и за толстые стены турецкого каземата. Из мелких склеенных лоскутков бумаги Назым Хикмет составил самодельную карту Советского Союза. Он и его товарищи по тюрьме с волнением следили по ней за продвижением советских войск, за победоносным шествием армии-освободительницы.

В поэме «Зоя» он пишет:

Сейчас не 41-й,
а 45-й год,
и не у ворот Москвы,
а у ворот Берлина сражаются твои солдаты,
наши солдаты,
солдаты всех честных людей мира.

Ему, так горячо любящему свой народ и свою родину, близок и понятен патриотизм советских людей. В трогательных и сильных выражениях воспевает он подвиг Зои Космодемьянской. В своей одиночной камере он ведет беседу с портретом юной советской героини:

Таня,
Как ты любила свою страну,
Я так же люблю мою.
Ты была комсомолкой — молодой коммунисткой.
Мне — сорок два. Я — старый коммунист.
Ты — русская,
Я — турок;
Но оба мы коммунисты.
Тебя повесили за то, что ты любила свою родину,
Я брошен в тюрьму за то, что люблю свою родину.

Долгие годы заточения подорвали здоровье Хикмета. Он говорит доктору, советующему поэту беречь свое больное сердце:

Но здесь — половина его только, доктор,
другая — в Китае,
в армии той, что спускается к Желтой реке.
А кроме того, по утрам,
по утрам на рассвете чуть брезжущем, доктор,
в Греции сердце ведут на расстрел.

И не болезнь, а мысль о том, что он бессилен помочь родному народу, неотступно тревожила поэта:

Десять лет уже, доктор,
как пусты мои руки, и нечего дать мне народу,—
только яблоко это,
красное яблоко — сердце мое [1].

(Перевод О. Савича)

Но поэт не падает духом. Символом жизни и надежды ярко светят ему далекие рубиновые звезды Кремля.

«В самые тяжелые дни и часы моего пребывания в тюрьме,— рассказывает поэт,— меня не покидали смелость и уверенность в победе. Передо мной всегда был образ товарища Сталина. При мне была фотография товарища Сталина, которую я надежно хранил вместе с фотографией моей матери и жены» [2].

Свою бодрость и силу, свою жизнерадостность заключенный поэт стремится передать и тем, кто разделяет его судьбу. В стихотворении «Несколько наставлений тому, кто будет сидеть в тюрьме» он говорит, что преследуют и в тюрьму сажают тех, кто верит в мир, родину и человека. И как бы ни было тяжело, надо жить, ибо каждый прожитой день — это удар по врагу. В тюрьме надо читать, учиться, работать; надо уметь громко смеяться. И даже в одиночестве («как камень, брошенный в глубокий колодец») надо продолжать жить жизнью народа, так, что «если на расстоянии сорока дней ходьбы упадет лист,— ты почувствуешь это падение в тюрьме».

В холоде одиночной камеры поэта-борца согревали «великий пламень гнева и гордая надежда». Он верил, что вместе с друзьями еще будет улыбаться солнцу, вместе с ними будет

[1] Н. Хикмет. Ангина пекторис.— «Новый мир», 1950, № 4, стр. 153.

[2] «Литературная газета», 30 июня 1951 г.

сражаться. Свою судьбу он никогда не отделял от судьбы всей Турции. Глубоким убеждением, беспредельным чувством любви к родине звучат его слова:

Но знаю я: от тяжких дней к счастливым
страна моя придет [1].

(Перевод Н. Разговорова)

Поэт упорно работал даже в тюрьме. За 13 лет заключения он написал около 12 книг (стихи и драмы). Им задумана большая поэма о Великой Отечественной войне Советского Союза и значительная часть ее уже написана.

Поэт был в тюрьме, но стихи его вырывались на свободу и распространялись по всей Турции и далеко за пределами ее.

Стихотворение «Ангина пекторис» проникло даже в греческий лагерь смерти на Макронисосе. Это стихотворение, в котором есть строки, обращенные к греческим патриотам, глубоко тронуло узников. Томящийся в лагере греческий поэт Менелас Лудемис пишет в ответ Хикмету стихотворение «Послание из ада». Он говорит, что чувствует руку Назыма в своей закованной в кандалы руке. И стойкий греческий поэт-борец обещает своему непокоренному собрату в Турции, что когда они вновь будут на свободе, они будут вместе бороться за мир и справедливость на земле.

Передовые люди Европы, Азии, Америки, давно полюбившие пламенного певца мира и дружбы между народами, не забыли его в дни тяжелых испытаний. В защиту Назыма Хикмета громко зазвучали голоса защитников мира во Франции, Италии, Индии, Англии, в США. Освобождения поэта требовали народы Советского Союза, народно-демократических стран. В Турции был создан комитет «Защиты Назыма и распространения его произведений». К голосу этого комитета присоединились лучшие люди всех стран, всемирно известные поэты, писатели, ученые, художники. Прогрессивная турецкая молодежь издавала газету под заголовком «Назым Хикмет», выпускала воззвания под лозунгом «Борьба за освобождение Назыма — это борьба за мир, за демократию, за национальную независимость Турции».

Призыв к борьбе за освобождение Назыма Хикмета звучит в стихах многих советских поэтов.

С. Я. Маршак посвятил стихотворение матери поэта, турецкой женщине Джелиле, воспитавшей такого сына:

---

[1] «Огонек», 1950, № 16.

В острожной сырости, во тьме
Враги его не побороли.
Томится Турция в неволе,
Когда поэт ее в тюрьме!

«Поэту пленному — свободу!» — требовал советский поэт [1].

Протестуя против несправедливого приговора, возмущенный царящим в Турции режимом голода, нищеты и произвола, Назым Хикмет весной 1950 г. объявил голодовку. «Я не хочу кончить самоубийством, я хочу жить и служить своему народу,— писал он из тюрьмы.— Но у меня не осталось другой возможности заставить себя слушать».

Мужественное сердце поэта не знает страха смерти. Ему придает силы мысль о многочисленных друзьях, близость которых он чувствовал все 13 лет своего одиночного тюремного заключения. В стихотворении «На пятый день голодовки» он обращается ко всем своим соратникам в борьбе за мир, справедливость и демократию. Он не хочет умирать. Но если меня и убьют, говорит поэт,

Все равно не умру!
Буду жить среди вас.
Буду жить —
в Поля Робсона песне,
и в звонких стихах Арагона,
в белом голубе мира,
на ваших знаменах,
. . . . . .
буду жить на земле
меж людей
для людей!
В этом — сила моя.
В этом — гордость моя.
В этом — счастье мое, друзья [2].

(Перевод Н. Разговорова)

Мощное требование народов освободить Хикмета заставило турецкое правительство раскрыть перед ним двери каземата. В июле 1950 г. ему была возвращена свобода. Освобождение Назыма Хикмета было событием большого международного значения. Оно знаменовало еще одну победу, одержанную прогрессивным лагерем над лагерем реакции.

[1] «Литературная газета», 10 июня 1950 г.
[2] Н. Хикмет. Стихи, стр. 133.

Весть об освобождении поэта наполнила радостью сердца его многочисленных друзей. Говард Фаст, также находившийся в это время в тюрьме, откликнулся на это событие стихотворением, посвященным Назыму Хикмету.

Посланцы всех народов, собравшиеся на Второй Всемирный Конгресс мира, увенчали Назыма Хикмета званием лауреата Международной премии мира. Славный чилийский поэт Пабло Неруда, тогда же удостоенный Международной премии мира, принимая эту высокую награду, сказал о творчестве Назыма Хикмета: «Его поэзия могуча, как полноводная река, ее стальной поток мчится навстречу боям. Годы тюремного заключения привели лишь к тому, что поэтическое слово Хикмета достигло гигантских размеров. Его голос стал голосом вселенной. Я горжусь тем, что мои стихи стоят рядом с его стихами в этот решающий час борьбы за мир» [1].

Передовой французский композитор Серж Ниг посвятил Хикмету симфоническую поэму «Поэту-победителю». Это произведение исполнялось на Международном музыкальном фестивале в Праге весной 1951 г.

Глубоким лиризмом проникнуты стихотворения Хикмета, написанные по выходе из тюрьмы. Поэт уже несколько месяцев дома. Как странно просыпаться утром у себя, а не за тюремной решеткой! Возле него — мать, жена. Они мечтают о ребенке, который скоро должен родиться. Если это будет девочка — пусть будет красивой, с карими глазами. А если мальчик,— синеглазый, как отец. Как дорожит он тихими беседами с матерью, вечерними прогулками с женой по городу. Обычное, человеческое счастье, которого он так долго был лишен! Но поэт-гражданин не замыкается в этом счастье. Он не может быть спокоен, видя тяжкое положение своего народа. Негодование душит его при мысли о «четырех тысячах Ахметов», загнанных в Корею убивать своих братьев.

Он снова возвышает свой голос против тех, кто довел его родину до бедственного положения. Он выступает смело, открыто. Дома, на столе у него «наши храбрые книги стоят с открытым лицом, не желая ни трусить, ни лгать». Поэт на свободе. Но «пахнущий тюрьмой полицейский автомобиль, дождавшись темноты, уже выезжает из-за угла». Может быть за ним? Может быть, жандармы сейчас ворвутся в его дом и уведут его снова?

Его стихотворение «Час ночи» — призыв ко всем отцам и

[1] «Литературная газета», 28 декабря 1950 г.

матерям бороться против войны, чтобы сыновей их не убивали в двадцать лет, чтобы бомбы не рвались ночью над детьми и не погребали их в подвалах, чтобы от них не закрывали небо тюремными решетками только за то, что они — за мир, за правду, за свет.

Слова поэта дышат уверенностью в конечной победе сил мира. Наступит время, когда

...земной шар уже сможет
стать огромной колыбелью,
с шелковой постелью,
где будут наравне
баюкать всех детей,
всех цветов кожи! [1]

(Перевод К. Симонова)

Сбывается мечта поэта — он вновь может посетить «величайший Город Жизни, непобедимую Столицу Мира — Москву».

На его родине турецкие полицейские, по приказу своих американских хозяев, продолжают преследовать сторонников мира; их арестовывают, выносят им каторжные приговоры, запрещают издавать газеты и журналы. По указке из-за океана реакционные правители Турции лишили Назыма Хикмета турецкого гражданства. Но не смогут эти жалкие предатели родины оторвать от народа любимого его поэта, его родного сына, заслужившего право именоваться национальным поэтом Турции.

Назым Хикмет снова занял свое место в первой шеренге борцов за мир. Он принимает самое активное участие во Всемирном фестивале демократической молодежи в Берлине, входит в состав Международного жюри конкурса на лучшие литературные произведения. Вместе с молодежью, приехавшей из разных стран, радуется Хикмет великому празднику интернациональной солидарности. На Берлинском фестивале поэт обратился со словами привета к французскому военному моряку Анри Мартену, брошенному в тюрьму за то, что он не хотел, чтобы французы убивали патриотов Вьетнама.

Ты здесь, Анри Мартен.
С песнями и знаменами мы встречаем тебя
И с нами весь Берлин.
. . . . . .

[1] «Литературная газета», 24 июля 1951 г.

Мы знаем твой голос,
Как лицо самого близкого друга,
Мы знаем твой голос, Анри Мартен,
Твой голос говорил нам:
«Не давайте убивать наших братьев,
Вырывайте их из тюремных стен» [1].

(Перевод Л. Ошанина)

Прекрасный праздник молодежи вдохновляет поэта. О многом хочет он сказать, но прежде всего — о главном герое праздника, благодаря которому стали возможны встречи миллионов молодых друзей,— о простом русском солдате, спасшем человечество от неволи.

Храбрые, мужественные юноши и девушки, приехавшие в Берлин на фестиваль, представляются Назыму тысячами голубей. Вернувшись к себе на родину, они воодушевят народы, борющиеся против американской агрессии, против Атлантического пакта — пакта смерти, за мир, за заключение Пакта Мира между пятью великими державами.

Эти голуби мира полетят и в Китай, и во Францию, в Америку и Африку, в Корею, в страны народной демократии, в Страну Советов. Не всюду им будет оказан одинаковый прием, ведь американо-английские империалисты и их лакеи боятся этих голубей. Одно несомненно — «фронт мира и жизни победит». В статье, опубликованной под этим заголовком в «Правде», Назым Хикмет пишет:

«Фронт мира и жизни во всем мире развивается и крепнет: в одних странах — подобно зерну под землей, в других — подобно могучему зеленому лесу над землей.

Жизнь в конце концов победит смерть, мир победит войну. Корабль мира и жизни с каждым днем приближается к великому, светлому порту, иногда плывя по зеркальной синей глади морей, иногда по бурному океану. Он бросит якорь в этом порту, потому что тот капитан, который стоит у руля, является одним из величайших людей, созданных человечеством. Его зовут Сталин» [2].

---

[1] «Литературная газета», 21 августа 1951 г.
[2] «Правда», 27 июля 1951 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 3

И. И. Анисимов. В защиту мира. 5

А. И. Пузиков. Луи Арагон. 80

М. А. Яхонтова. Поль Элюар. 99

Е. М. Евнина. «Леттр франсэз». 113

З. М. Потапова. Прогрессивная литература Италии. 143

А. А. Елистратова. Прогрессивная литература Англии. 180

Н. И. Крымова. и *В. П. Неустроев.* Прогрессивные писатели Дании в борьбе за мир. 219

Ф. В. Кельин. Прогрессивная литература Латинской Америки. . . 241

В. Н. Кутейщикова. Пабло Неруда. 284

Е. С. Романова. Говард Фаст. 308

Р. Д. Орлова. Журнал «Массес энд Мейнстрим» 327

Л. Д. Кислова. Прогрессивные деятели Голливуда и американская реакция 352

Т. Н. Моисеенко. Назым Хикмет. 373

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *А. Т. Лифшиц*

Технический редактор *Е. Н. Симкина*

*

РИСО АН СССР № 4988. Издат. № 3436.
Тип. зак. № 256. Т-06576 Подп. к печ. 11/IX. 1952 г.
Печ. л. $24^1/_2$ Форм. бум. $60\times92^1/_{16}$.
Бум. л. $12^1/_4$. Уч.-изд. л. 24,9. Тираж 10 000.
Цена по прейскуранту 1952 г. 11 р. 50 к.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10.

Опечатки и исправления

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
56	19—20 сн.	декреты и инквизиции	декреты инквизиции
93	15 сн.	Кормейсль	Кормейль
207	7 сн.	Gwin	Gwyn
253	5—6 сн.	Мой капитан, *Наш капитан!* [2]	Мой капитан, Наш капитан! [2]
269	21 сн.	морилюбивых	миролюбивых
284	9 св.	поставит ьна	поставить на
287	3 сн.	об.	сб.
318	4 сн.	Monther	Mother
387	9 сн.	Разоворова	Разговорова
391	4 св.	Аргон	Арагон

Сб. „Прогрессивная литература стран капитализма в борьбе за мир“

ПРОГРЕССИВНАЯ ЛИТЕРАТУРА СТРАН КАПИТАЛИЗМА В БОРЬБЕ ЗА МИР